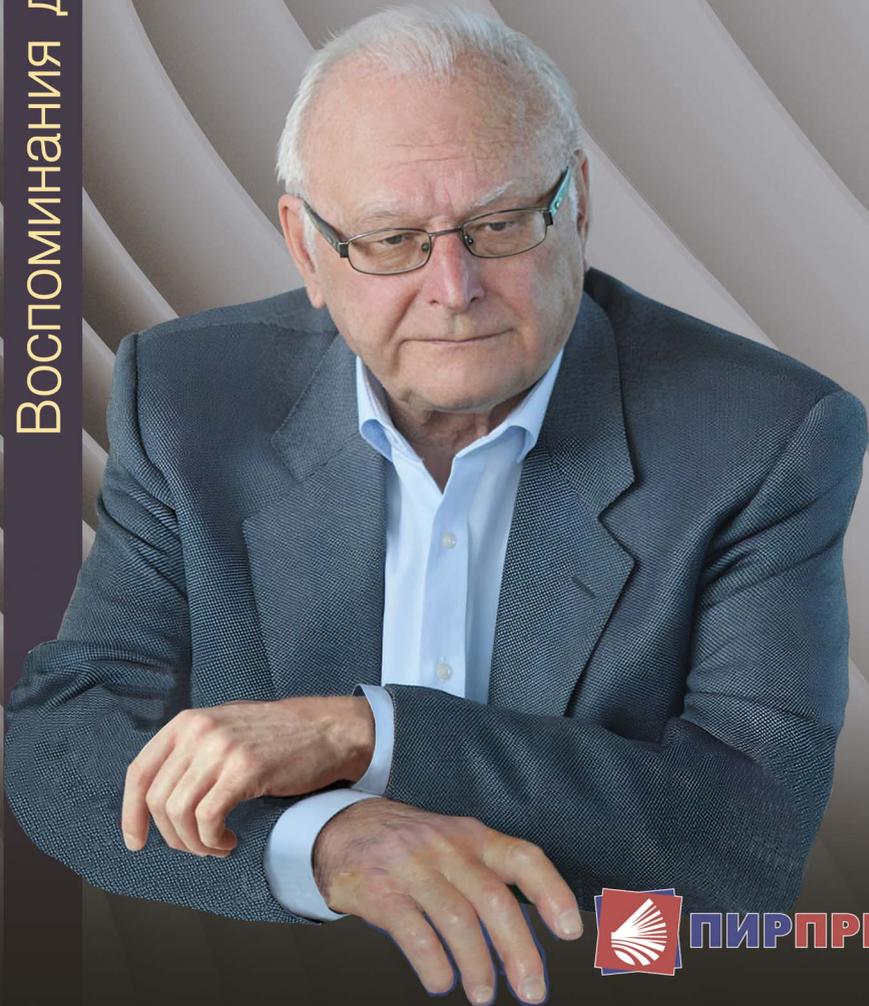

ПИР-БИБЛИОТЕКА

Ю.К. Назаркин

Воспоминания дипломата

ОБ СНВ ОБ АФРИКЕ О ЖИЗНИ

ПИРПРЕСС

ПІР-БІБЛІОТЕКА № 38

ПИР-БИБЛИОТЕКА

Ю.К. Назаркин

ОБ **СНВ.**
ОБ **АФРИКЕ.**
О **ЖИЗНИ.**

Воспоминания дипломата

Москва
ПИР-Пресс
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЬ МИР»
2024

УДК 327
ББК 66.4(Росс)
Н 19

Под общей редакцией В.А. Орлова

Ответственный редактор-координатор: Е.А. Карнаухова

Помощники ответственного редактора: К.А. Минеева, А.С. Шёкин

*Издается при поддержке Фонда президентских грантов
в рамках проекта ПИР-Центра «Глобальная безопасность:
взгляд из России – для молодежи по всему миру»*

Координатор проекта: Е.А. Карнаухова

Назаркин Ю.К.

Н19 Об СНВ. Об Африке. О жизни. Воспоминания дипломата / Предисловие В.А. Орлова. Научный центр международных исследований «ПИР» (ПИР-Центр). М.: Издательство «Весь Мир»; ПИР-Центр, 2024. Серия «ПИР-Библиотека» (№ 38). 364 с., ил.

ISBN 978-5-7777-0940-0 (Весь Мир)

ISBN 978-5-6051623-3-9 (ПИР-Центр)

В книге представлены наиболее яркие воспоминания – о жизни и дипломатической работе – Юрия Константиновича Назаркина, Чрезвычайного и Полномочного Посла (в отставке), бывшего заместителя секретаря Совета Безопасности России, члена Экспертного совета ПИР-Центра.

На страницах этой книги автор рассказывает о своем профессиональном становлении в качестве советского дипломата, о начале своего дипломатического пути, о работе на африканском континенте; рассуждает о многосторонней дипломатии и международных переговорах по вопросам разоружения; делится опытом участия в советско-американских переговорах по контролю над ядерными вооружениями, в том числе в качестве главы советской делегации в период выработки Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (Договора СНВ-I), подписанного в июле 1991 г. На страницах этой книги он также вспоминает о личном – об увлекательных приключениях и забавных случаях из детства и юношества, о незабываемых студенческих годах, о путешествиях, о внутренних переживаниях и выводах, к которым подтолкнула жизнь, полная как счастливых моментов, так и драматических событий.

Книга будет полезна для специалистов в области международных отношений и международной безопасности, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблематикой ядерного нераспространения и контроля над вооружениями, включая переговорный процесс в данных областях, дипломатической службой и отечественной дипломатией.

УДК 327
ББК 66.4(Росс)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0940-0 (Весь Мир)

ISBN 978-5-6051623-3-9 (ПИР-Центр)

© ПИР-Пресс, 2024

Юрий Константинович Назаркин
Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР и Российской Федерации.
Представитель СССР на Конференции по разоружению (1987–1989).
Глава делегации СССР на переговорах с США по ядерным
и космическим вооружениям (1989–1991).
Заместитель секретаря Совета Безопасности Российской Федерации
(1992–1995).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Владимир Орлов	10
От автора	14
Глава первая. Мой путь в профессию пролегал	
через Африку	17
Тайнственное начало	17
Первый выезд за границу. Мое открытие Африки. . . .	28
Мой первый дипломатический конфуз	36
Моя первая долгосрочная командировка	47
Первый раз под дулом автомата	66
Африканское послесловие	79
Если завтра война	82
Глава вторая. На тропе разоружения	84
Тысяча первая	84
Комитет по разоружению	97
Накануне перемен	110
Процесс пошел	114
Чернобыль	123
«Красный граф» Фердинанд Тун	128
На сцене кабаре «Парадиз Латэн»	130
Почему аборигены съели Кука	131
Глава третья. Долгая дорога к СНВ-I	134
Как начинались переговоры	134
Технология переговоров	141
Если сделана ошибка	152
Конфиденциальность и утечки	176
«Звездные войны» в космосе и на переговорах	194
Американские сенаторы и наши парламентарии	214
Внутренняя дипломатия	217

Диверсификация внешней политики при Трудо, или Случай за обедом.....	235
На финишной прямой.....	237
Смутное время.....	247
Путь к ратификации Договора СНВ-I.....	255
Договор вступает в силу.....	259
Глава четвертая. Разведчики, экстрасенсы, предатели и некоторые нюансы.....	268
«Золото партии» и экстрасенсы.....	268
Предатели.....	270
Несколько слов о Катаеве.....	275
То, за чем порой скрываются различные секреты.....	276
Глава пятая. Где мои шестнадцать лет?.....	278
Первое ощущение счастья в жизни.....	278
Ухтомка.....	279
Томилино.....	281
Война в моей жизни.....	285
Таганка.....	294
Московские коммуналки.....	297
Ташкент – город хлебный.....	299
Школьные годы.....	302
Немного о студенческих годах.....	307
Студенты-фронтовики.....	313
Ильф, Петров и Глеб Косов.....	316
История МГИМО в песенном творчестве.....	318
Итказать.....	321
Макопсе.....	324
Коктебель.....	327
Ода Пицунде.....	331
Покорители Колхиды.....	338
Глава шестая. «...И летопись окончена моя».....	342
Жизнь пенсионера.....	342
Генерал Лебедь.....	343
Незаметно старость подошла.....	348

Эпилог	350
Об авторе	351
О ПИР-Центре.....	352
Приложение.....	353
<i>Статьи, опубликованные Ю.К. Назаркиным в изданиях ПИР-Центра</i>	
Список сокращений.....	354
Именной указатель.....	358

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спрашиваю своих студентов в МГИМО: «Назовите единственный из *разоруженческих* договоров за всю историю двусторонних отношений между СССР/Россией и США, который был не только подписан и ратифицирован, но еще и полностью выполнен обеими сторонами». Студенты у меня грамотные (да еще и интернет им в помощь).

– СНВ-I, – отвечают.

– А кто был руководителем нашей делегации? Кто вывел на заключение этого крупнейшего и благотворного для наших интересов и нашей безопасности договора?

– Посол Назаркин.

Ответ на отлично.

Юрий Назаркин тоже когда-то был отличником-МГИМОВцем. Сегодня он корифей советской, российской дипломатии. Но он такая разносторонняя личность, что «дипломатом» тут перечень начинается, но никак не может ограничиться. Профессор дипломатии... теннисист... дуайен «корпуса МГИМО» на швейцарской земле... шахматист... филателист... а какой рассказчик!

Люблю слушать повести Назаркина. В какой бы час я к нему ни заглянул на огонек, новая повесть – она же новая *главка*, она же новая *байка* – разворачивается неспешно, под обязательное наполнение стаканов шотландским виски, без вариантов, только рядом его обаятельная супруга Светлана поставит нам по стакану воды. На десятом десятке память у Юрия Константиновича на зависть любому юноше: цепкая, свежая, воспроизводящая любое имя, любую дату, что из 1940-х, что из 1960-х, что из прошлогодних известий. Рассказывает Назаркин медленно, тщательно, с расстановкой. Чеканит, будто диктует или пишет. Но то и дело взглянет лукаво... И ты уже начинаешь теряться, что это – *байка* или *быль*? Может, и *байка*... но не *небылица*. Лукавство есть, но без подвоха, без обмана.

И вот Юрий Константинович сложил свои *повести* и *байки* воедино. Так что теперь вы можете пропутешествовать вместе с послом Назаркиным от Женевы до Дар-эс-Салама... От Москвы до Джексон-Хоула... От Сиднея до Пицунды... От Коктебеля до озера Тун... От Парижа до Санта-Фе... От Ташкента до Макопсе... но *автор-эпикурец* еще делится своим сожалением: «А жаль, что в моем перечне нет всех пятнадцати островов Кука». В этом весь Назаркин – с его удовольствием от своей дипломатической работы, с его постоянной жаждой нового.

Это очень эклектичная книга, но эклектичная с умыслом: если читатель вдруг почувствует, что *перегружен*, скажем, военнотехническими деталями переговоров по Договору о сокращении стратегических наступательных вооружениях (ставшему СНВ-I), то от высокого искусства дипломатии он может легко переключиться на забавные африканские зарисовки из тех времен, когда Танзания еще была Танганьикой... Жизнь дипломата здесь описана без глянца, но и без лишней скромности – она описана так, как она есть. Как ее помнит посол Назаркин. Высокое и приземленное в одном *флаконе*... или, как, наверное, должен был бы выразиться дипломат: *в одном неразрывном пакете*. Вот наш автор увлеченно играет в теннис с будущим вице-президентом США Альбертом Гором. А вот слегка подтрунивает на званом ужине над бывшим канадским премьером Пьером Трюдо.

Путешествуя с автором по странам и континентам, читатель совершит еще и путешествие в *машине времени*. Со страниц книги вам навстречу выйдут Андрей Громыко и Эдуард Шеварднадзе, Ефим Славский и Анастас Микоян, Роберт Рождественский и Алексей Аджубей, Елена Ханга (а точнее, ее занзибарский папа), маршал Ахромеев, генерал Лебедь... При этом автор не будет таить свое собственное «я», как и свою собственную оценку исторических личностей: вот он, рядом с ними; вот он, не пытающийся, играя в *дипломатию*, сгладить углы. Авторский голос очень даже *в кадре*, без «саморетуширования».

Когда я читал рукопись книги, то не мог не обратить внимание на то, что *на сцене* – то есть на ее страницах – появляются многие люди, с которыми и мне довелось быть знакомым: Е.И. Шапошников, Ф.М. Ладыгин, В.Ф. Петровский, Н.Н. Дегинев,

В.С. Колтунов, А.В. Грушко, А.Г. Арбатов, Л. Брукс, Р. Берт. Там, где автор дает им свои оценки, мне ни разу не пришлось воскликнуть: «Не согласен!». У автора острый язык, меткий глаз и доброе сердце.

Назаркин признается, что его то и дело тянуло из дипломатии в журналистику, в писательство. Как-то (но очень-очень давно) он чуть было не оказался штатным сотрудником в редакции памятной многим газеты «За рубежом». Писал (под псевдонимом) для «Вокруг света», даже, с его слов, детектив написал, где действие происходило в португальских колониях в Африке. «С его слов» – это значит, что точно написал: я уже знаю, что у Юрия Константиновича *все ходы записаны*; осталось забраться в подшивки «Вокруг света» полувековой давности. Легко владея пером – и отнюдь не только для телеграмм в Центр, – Назаркин предлагает нам легкочитаемые тексты или почти карандашные зарисовки «на тему».

Мы в редакции «ПИР-Библиотеки» не брали в руки ластик, чтобы затереть какие-то неполиткорректные пассажи. Мы хотели, чтобы вы слышали голос автора – такой, какой он есть. И увидели жизнь дипломата такой, какая она есть. В текстах Назаркина вы найдете мало здравниц, зато много критики. Не пенсионерского ворчания (ох и не похож задорно-ироничный Юрий Константинович на скучающего пенсионера!), но внятных – и часто резких – критических суждений.

Особенно это касается тех страниц воспоминаний, которые посвящены «закату». Закат Советского Союза, его распад, его нарастающая уступчивость в стратегических отношениях с США в конце 1980-х гг. – вижу, как все это до сих пор мучает автора; он слишком хорошо это знает и помнит, чтобы занять здесь позицию отстраненного нейтралитета. Страна разваливается на его глазах, а он ведет переговоры о сокращении ядерных вооружений, даже уже не до конца понимая, какая страна – или страны? – будет эти вооружения сокращать. Некоторые страницы просто кричат от боли и досады. С высоты своего возраста и своего опыта Назаркин может позволить сказать *непричесанно*.

Ну а если что-то в этой книге и *причесано*, так оно скорее и не *причесано*, а *отстрижено*: все-таки специфика работы автора и в МИДе, и на посту заместителя секретаря Совета Безопасности.

ти России заставляет все еще *отстригать* целые пласты, периоды и сюжеты. Хотя со времени большинства описываемых событий утекло уже четверть века, да больше – треть, а где-то и две трети века, то, что пока должно остаться *за кадром* (и неважно, где и когда оно происходило, на Смоленской набережной или на жевневской), останется в этой книге *за кадром*.

Мне повезло. Два десятилетия назад, когда я приехал в Жевневу *сменищиком* на ту же профессорскую должность, которую незадолго до этого занимал посол Назаркин, я тут же получил от него замечательный профессиональный *экскурс*, который мне очень помог впоследствии, равно как и добрый совет не пренебрегать привокзальными швейцарскими трактирами, – где как раз этот *экскурс* (ну, или, если хотите, инструктаж) и состоялся. И потом неоднократно Юрий Константинович делился своим профессиональным и житейским опытом. Мне – и ПИР-Центру – повезло, что Юрий Константинович любезно согласился войти в состав нашего Экспертного совета, где не менее щедро делится своим опытом и своими воспоминаниями с новыми поколениями. И вам повезло: сегодня он поделится этими воспоминаниями с вами.

Владимир Орлов
апрель 2024 г.

ОТ АВТОРА

С годами возникает, а потом усиливается ощущение уходящего времени. И если нельзя его остановить, то можно что-то вспомнить. Это доставляет некое печальное удовольствие.

Да, бывали дни... Дни бывали разные. И веселые и не очень. Причем с годами веселых становилось все меньше. Я думаю, это будет видно по моим рассказам.

Конечно, время накладывает свой отпечаток на то, что зафиксировала память. Дневника я, к сожалению, никогда не вел. Может быть, из-за привитой с молодых лет привычки к режиму секретности, а скорее всего, от лени. Правда, у меня сохранились отдельные статьи, очерки, зарисовки, которые делались вскоре после событий, о которых я вспоминаю.

В 2011 г. издательство МГИМО МИД России опубликовало мою книгу «О дипломатических буднях и другие истории»¹. Она была выпущена в серии «Воспоминания дипломатов» и ориентирована в основном на читателей, интересующихся историей международных отношений. Я получил много откликов на нее. Профессионалы в сфере дипломатии говорили мне, что им было очень интересно то, что относилось к дипломатической службе, а другие читатели сожалели о том, что мало рассказывалось о «других историях», т.е. о некоторых личных моментах.

Во второй своей книге под названием «Первый раз в жизни», изданной в 2019 г. и дополненной в 2021 г.², я решил рассказать именно о «других историях». В нее вошли вновь написанные мною *другие истории*, а также частично и то, что уже было опубликовано, впрочем, с некоторыми изменениями. При этом я по-

¹ О дипломатических буднях и другие истории / Ю.К. Назаркин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2011. 320 с.: 24 с. илл. (Сер. Воспоминания дипломата). – *Прим. ред.*

² Назаркин Ю.К. Первый раз в жизни. Воспоминания и размышления. М.: Книга-Мемуар, 2019. 331 с.; Назаркин Ю.К. Первый раз в жизни. Продолжение. М.: Книга-Мемуар, 2021. – *Прим. ред.*

старался максимально освободиться от «воспоминаний дипломата».

Все в жизни когда-то случается в первый раз. Рождение наше, конечно, – самый первый раз. Но мы этого не помним. Зато мы помним свои первые ощущения в этом мире. Первое ощущение счастья от того, что ты существуешь. Первый страх. Первое его преодоление. Первую несправедливость. Первое разочарование. Первую мысль о твоём месте в этом мире и о том, что такое этот мир. И наконец, осознание неизбежности смерти.

Помимо ощущений, запоминаются события. Я, например, не могу забыть переговоры по стратегическим ядерным вооружениям и их завершение. До сих пор помню, как я и посол Линтон Брукс, мой американский визави, пожимаем друг другу руки после обмена ручками, которыми мы поставили последние точки под Договором о сокращении стратегических наступательных вооружений, подписанном в 1991 г.

Помимо событий из профессиональной жизни, я вспоминаю о тех людях, которые были их действующими лицами. Многие из них уже ушли в мир иной. Они не могут мои воспоминания поправить, если я что-нибудь искажу. Это заставляет меня быть особенно точным и честным.

При подготовке этой книги ПИР-Центр предложил мне объединить оба подхода – профессиональный и личностный – издать мои новые и ранее опубликованные воспоминания³, которые удовлетворили бы и тех, кто интересуется международными отношениями, и тех, кто предпочитает *другие истории* о личном. Мне эта идея понравилась. В процессе работы в памяти возникали новые темы, и я их записывал. Эти зарисовки также вошли в новую рукопись.

Я постарался избежать строгой хронологической *заунывности*. Иногда я вовсе пишу в настоящем времени, хотя, конечно, имею в виду события из своего прошлого, которыми хотел бы поделиться с читателями.

³ В данной книге читатели могут найти новые воспоминания и мемуары Ю.К. Назаркина, которые ранее уже были опубликованы в следующих изданиях, но прошли через редактуру со стороны ПИР-Центра: *Назаркин Ю.К. О дипломатических буднях и другие истории* (2011); *Назаркин Ю.К. Первый раз в жизни. Воспоминания и размышления* (2019); *Назаркин Ю.К. Первый раз в жизни. Продолжение* (2021). – *Прим. ред.*

Эта книга – воспоминания дипломата и человека об интересных встречах и забавных историях. В первой главе вы узнаете о моих первых шагах в дипломатической профессии, большинство которых в основном были связаны с Африкой. Вторая и третья главы посвящены разоруженческой дипломатии. Сначала многосторонней, а потом двусторонней (где я подробно делюсь воспоминаниями о советско-американских переговорах по стратегическим ядерным вооружениям и всеми перипетиями вокруг них). В четвертой главе делюсь воспоминаниями о некоторых событиях, которые пришлось пережить на период распада СССР, о предателях, с которыми сталкивался в жизни, о некоторой специфике моей работы на дипломатическом поприще, оставшейся незамеченной на предшествующих страницах. В пятой и шестой главах я рассказываю о ярких моментах из личной жизни – начиная с раннего детства и заканчивая выходом на пенсию.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МОЙ ПУТЬ В ПРОФЕССИЮ ПРОЛЕГАЛ ЧЕРЕЗ АФРИКУ

Таинственное начало

20 августа 1956 г., Москва. По Тверскому бульвару вниз от Пушкинской площади шел молодой человек. Неумело завязанный галстук выдавал в нем вчерашнего студента, еще не привыкшего к униформе госслужащего, а загорелое лицо наводило на мысль о недавних каникулах.

Память прокручивает кинокадры, и смотришь на них как бы со стороны. Во всяком случае, сквозь полувековую призму, а это почти что со стороны.

Да, действительно, это я, вчерашний студент МГИМО, иду по Тверскому бульвару. Солнышко светит, птички поют. А в душе у меня играет оптимистическая музыка: дескать, вся жизнь впереди, надейся и жди (этой песни тогда, кажется, еще не было, но нечто похожее у меня в ушах звучало)¹. Одним словом, молодость и действительно вся жизнь впереди, и это прекрасно.

А направляюсь я к дому № 16 по Гоголевскому бульвару. Именно туда получил я назначение от распределительной комиссии. Что за учреждение находится в этом таинственном доме

¹ Речь идет о песне ВИА «Самоцветы». Автор слов – советский и российский поэт Роберт Иванович Рождественский (1932–1994). – *Прим. ред.*

без вывески и что я там буду делать, мне абсолютно неизвестно. Знаю я лишь то, что направляюсь на работу в «в/ч № 15618». Конечно, перед каникулами я уже был в доме № 16. Заполнил многостраничную анкету, сдал дюжину фотографий 9x12 и побеседовал с двумя кадровиками, один из которых, видимо, был начальником, так как держался более сановито. Более того, *посмотрело* меня и начальство этой в/ч, для чего меня провели в комнату, где сидело пятеро солидных товарищей, которые задавали какие-то малозначащие, по моему мнению, вопросы. Никакой ясности в отношении моей будущей деятельности это, однако, не добавило.

С трудом отворив массивную дверь старинного двухэтажного особняка, вхожу в помещение в/ч № 15618. Стоит вахтер в форме.

Скоро я узнаю, что за таинственным номером воинской части скрывается вполне мирное название – Комитет информации при МИД СССР (КИ), которое тем не менее было засекречено и фигурировало только в документах с грифом «секретно» и «сов. секретно». Почему? Этот вопрос должен естественно возникать у каждого нормального человека. Даже если в этом учреждении были какие-то страшные секреты, почему его название должно быть секретным? Наверное, тем, кто не жил в те времена в Советском Союзе, трудно это понять. Но если в то время сообщения ТАСС с изложением статей западных газет и журналов имели гриф «секретно» или «сов. секретно», то почему бы не засекретить и название той конторы, куда все эти и другие *грифованные* бумаги приходили?

В общем, оказался я в весьма любопытном заведении и пробыл там два года до его ликвидации. А краткая история его такова.

В 1947 г. все разведывательные службы Советского Союза были объединены в одну большую организацию – Комитет информации при Совете Министров СССР, возглавляемый В.М. Молотовым. Видимо, И.В. Сталин хотел поставить в послевоенное время на прочную основу анализ информации. Возможно, подтолкнуло его к этому и создание американцами большого ведомства – ЦРУ, которое должно было, помимо ведения политической разведки и осуществления спецопераций, координировать другие разведслужбы США. Как бы то ни было, в 1947 г. возник советский «Большой комитет».

Но что-то в этом *монстре* не заладилось, и просуществовал он в первоизданном виде недолго – до 1949 г., когда военная разведка вернулась в Генеральный штаб Вооруженных сил СССР (Генштаб). А в 1951 г. то же произошло и с политической разведкой, которая вновь стала частью Комитета государственной безопасности СССР (КГБ). Осталось информационно-аналитическое подразделение, которое под названием «Комитет информации при МИД СССР» оказалось в ведении МИДа.

КИ, или «Малый комитет», куда я попал, унаследовал от «Большого комитета» методологию и основательный подход к делу. Я еще застал подготовку серьезных аналитических записок, рассылавшихся высшему политическому руководству страны. Еще готовился еженедельный обзор важнейших международных событий. Он направлялся самому широкому кругу адресатов – членам и кандидатам в члены Политбюро и руководству ключевых министерств. Это называлось «по Большой разметке». После того как в подвале, где находилась множительная техника (гектографы), изготовлялось нужное количество копий, все они переносились, разумеется, с соблюдением всевозможных требований секретного делопроизводства, на второй этаж в «Главный кабинет», где на огромном столе для совещаний производилась раскладка многостраничного материала по экземплярам. Юные дарования – будущие аналитики – хором ходили вокруг стола, раскладывая гигантский пасьянс, а старшие товарищи потом проверяли, чтобы каждый экземпляр имел нужное количество страниц.

Этот огромный кабинет предназначался для высшего начальства и большую часть времени пустовал, так как начальство предпочитало вызывать менее высокое начальство КИ к себе на Смоленскую площадь. Наверное, в далекие дореволюционные времена, когда особняк использовался по своему прямому назначению, здесь была танцевальная зала. Высокий потолок, прекрасный паркет, хрустальные люстры... Воображение рисовало первый бал Наташи Ростово². В дальнейшем этот зал разгородили на несколько кабинетов, в одном из которых поместилась африканская группа, где я проработал несколько лет.

² Героиня романа «Война и мир» русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910). – *Прим. ред.*

Каждый новобранец КИ попадал прежде всего в так называемую учетную группу, где в течение двух-трех недель проходил стажировку. Дело это было нудное, но полезное, так как позволяло постичь механизм обработки и хранения поступающей информации.

Начальство расписывало приходившие по различным каналам документы «исполнителям», т.е. рядовым сотрудникам, ведавшим определенными направлениями. Последние должны были прочитывать эти документы и проставлять на них индексы в соответствии с утвержденным тематическим реестром. После того как эти материалы проходили всех исполнителей, занимавшихся соответствующими проблемами, они поступали в учетную группу, где ее штатные работники и временные стажеры заносили краткое содержание в учетные карточки, которые помещались в тематический каталог. Ключом к поиску нужных материалов служили упомянутые индексы. Уже после стажировки, во время работы в более творческом подразделении, я вполне оценил эти каталоги, так как с их помощью можно было довольно быстро набрать материалы, необходимые для подготовки какой-либо справки или иного опуса. Конечно, сопоставление данных из различных источников позволяло отсеивать ненадежную информацию и на основе достоверных фактов делать обобщения, заключения и рекомендации.

Впоследствии, когда я стал работать в оперативных подразделениях МИДа, я столкнулся с прямо противоположным подходом. Там основанием для рекомендаций была весьма узкая информация – обычно сообщения из посольств. Материалы из других ведомств становились известны только узкому кругу начальства. Поэтому, если инициатива исходила не сверху, а шла снизу, то под предложение подгонялись доступные аргументы. Правда, если это предложение получало ход, то оно подвергалось довольно тщательному согласованию сначала внутри министерства, а потом и с «заинтересованными ведомствами». В случае с военно-политическими вопросами это были Оборонный отдел ЦК, Военно-промышленная комиссия (ВПК) Президиума Совета министров (Совмина), Министерство обороны и КГБ.

Бесценные клады таились в библиотеке Комитета информации. Там были книги и журналы, которые в обычных библиотеках и из спецхрана нельзя было получить. Запомнились мне пуб-

ликовавшиеся в журнале «Лайф» очерки бывшего генерала НКВД А.М. Орлова, который представлял свое ведомство в Испании во время гражданской войны (1936–1939) и предпочел гибели в отечественной мясорубке 1937–1938 гг. бегство в США. Из книги другого разведчика-перебежчика В.М. Петрова, оставшегося в Австралии в начале 1950-х гг., я с интересом узнал, что некоторые из моих МГИМОВских наставников были в свое время его коллегами по КГБ. Любопытно то, что всю эту *страшную* по тем временам литературу можно было совершенно бесконтрольно читать, никак не оправдывая свой интерес «служебной необходимостью».

В составе Малого комитета МИДу досталась публика в погонах самых различных оттенков – *гэбэшных*, армейских, военно-морских и т.д. (форму, впрочем, никто не носил). Ее стали разбавлять выпускниками МГИМО и возвращавшимися из-за границы дипломатами. Сначала им присваивали воинские звания, а потом перестали (я попал в КИ, когда новобранцев принимали только в штатском качестве). Однако до ликвидации комитета в 1958 г. должности назывались не по-МИДовски: вместо атташе, секретарей и советников были референты, помощники начальников отделов, старшие помощники начальники отделов и т.д. Кажется, были и оперуполномоченные. Впрочем, я не успел пойти дальше референта.

Верховным главой КИ (председателем) был замминистра иностранных дел. До 1957 г. – А.А. Громыко, а после назначения его министром – замминистра В.А. Зорин.

Практически работой комитета руководил заместитель председателя КИ Иван Иванович Тугаринов. По младости лет мне не доводилось непосредственно общаться с ним в рабочем процессе. Но думаю, человек он был выдающийся уже потому, что сумел подобрать умнейших людей в руководство комитета и вместе с ними создать такую творческую обстановку, которая меня, привыкшего в институте к идеологическим клише и догмам, просто ошеломила.

Состав людей, работавших в КИ, был чрезвычайно разнообразным. К тому времени как я попал туда, там уже находилась довольно значительная группа выпускников МГИМО различных годов выпуска. Но были и экземпляры с гораздо более богатым прошлым. От нескольких человек мне сразу посоветовали дер-

жаться подальше: для них *провокааторство* и доносительство были образом жизни. Показали мне как-то бывшую любовницу Л.П. Берии. Это была пожилая, полная женщина, хотя лет пятнадцать тому назад она могла быть вполне ничего. Говорили, что Берия наградил ее прекрасной квартирой на улице Горького напротив Моссовета.

Работали в КИ несколько человек, окруженных легендарным ореолом работы *нелегалами*. Про одного моего тогдашнего коллегу рассказывали, что он, будучи в конце 1930-х гг. вызванным в Москву из зарубежной нелегальной командировки, быстро смекнул, чем дело пахнет, и скрылся в забайкальской тайге, где в Гражданскую войну (1917–1922) партизанил вместе с А.А. Фадеевым. Пересидев в глухих углах время, когда Н.И. Ежов, а потом Берия выкашивали бесценные кадры советской разведки, он с начала Великой Отечественной войны объявился в Москве и благополучно проработал все военные годы *по специальности* в немецком тылу.

В телефонном списке среди вполне советских фамилий значился Джим Элиот. Как выяснилось, это был Гай Бёрджесс³. Он находился на положении консультанта, но был явно не у дел. Импозантный, прекрасно одетый, он в то же время производил впечатление опустившегося человека. Этому впечатлению сильно способствовало то, что он постоянно находился под хмельком. В обеденное время он неизменно направлялся в закусочную при ресторане «Прага» (так называемый *стояк*, где выпивали и закусывали на скорую руку, стоя у высоких столиков), брал дозу коньяка и бокал шампанского на закуску. По-моему, в этом и состоял весь его «ланч». Был он каким-то отстраненным, видимо, глубоко переживая свое положение изгнанника⁴.

³ Гай Бёрджесс (1911–1963) – один из легендарной «кембриджской четверки», впоследствии оказавшейся «пятеркой». Это была группа выпускников Кембриджского университета в Великобритании в составе Кима Филби, Дональда Маклина, Гая Бёрджесса, Энтони Бланта и Джона Кернкросса, которые в 1930-е гг. стали агентами советской разведки и оказывали СССР поддержку и содействие сначала в борьбе с фашизмом, а после – с капиталистическим лагерем в эпоху холодной войны. – *Прим. ред.*

⁴ Очень интересные и точные воспоминания о Комитете информации, и в частности о Гае Бёрджессе, опубликовал советский дипломат Борис Иванович Ильичев (1929–2000) (в журнале «Международная жизнь». 1992. № 1. С. 119–123).

Великолепная «кембриджская пятерка» была в свое время завербована на своих прокоммунистических симпатиях. Наверное, они были идеологическими романтиками и стали работать на советскую разведку из высших побуждений. Честь и хвала советской разведке и ее замечательным агентам. Понимая все это, я тем не менее не мог отделаться от неприятной мысли, что Гай Бёрджесс-то в сущности – предатель своей родины. Пусть для него коммунистические идеалы превыше всего, но свою страну – Великобританию – он ведь предал. Наверное, такое двойственное чувство возникало не только у меня. Не исключаю, что эта же мысль посещала и самого Бёрджесса.

Окунувшись в совершенно новый для меня мир фактов и мыслей, за обсуждение которых совсем недавно можно было запросто вылететь и из комсомола, и из института, я впал в состояние эйфории. Казалось, передо мной открывались совершенно необозримые интеллектуальные горизонты. События и факты здесь оценивались сугубо прагматически, без помощи дающей на все ответы марксистско-ленинской теории. Молодые читатели, если на глаза им попадет эта книга, скорее всего, не поймут моего ошеломления. Но ведь в те времена нас в институте готовили к тому, чтобы в нашей будущей работе мы использовали единственно верный критерий – классовую борьбу, а все то, что происходит в мире, рассматривали как подтверждение единственно правильной теории, которая правильна, просто потому что верна. Конечно, марксизм-ленинизм – не такая уж глупая теория, как ее потом стали представлять разные ниспровергатели. Однако презрительно-снисходительное отношение ко всем другим теориям и подходам, особенно к *ползучему эмпиризму*, которым сопровождалось преподавание марксизма-ленинизма, наносило сильный вред развитию умственных способностей подрастающего поколения.

Думаю, что для всех нас, *бывших людей* КИ, опыт работы там был бесценным. Благодарен судьбе за то, что моими непосредственными начальниками и учителями стали Алексей Ефремович Нестеренко, Лев Исаакович Менделевич, Георгий Маркович Корниенко. При всей непохожести друг на друга их объединяли ум, широкий кругозор, мышление государственников, критическое отношение к анализируемому, потрясающая работоспособность. В дальнейшем они заняли видное положение в МИДе.

Но ни А.Е. Нестеренко, ни Л.И. Менделевич, хотя стали послами и занимали руководящие должности, не были востребованы в полной мере.

Больше всего мне довелось работать с А.Е. Нестеренко. Это было увлекательнейшее занятие. Давая какое-нибудь поручение, Ефремыч, как его за глаза называли подчиненные, сначала четко формулировал задание, а потом, после некоторых раздумий, начинал набрасывать мысли и ставить вопросы, всячески провоцируя при этом исполнителя на ответную реакцию. Происходило то, что американцы называют *brainstorming*. Получивший таким образом подзарядку исполнитель готовил бумагу и направлял ее Нестеренко, будучи в полной уверенности, что коль скоро столько замечательных мыслей было высказано при обсуждении задания и все они украсили бумагу, результат оказался блестящий. Вскоре получаешь ее обратно без всякой правки, но с огромным количеством вопросительных знаков на полях. Идешь к А.Е. Нестеренко и получаешь расшифровку каждого вопроса. Он умел подвергать сомнению, причем совершенно обоснованному, самые, казалось бы, железобетонные факты и оценки. После такого разбора начиналась уже настоящая работа над бумагой.

Однажды, это было в начале 1959 г., А.Е. Нестеренко вызвал меня и, порассуждав о месте африканской политики СССР в его глобальной политике, предложил мне подумать о возможности выступления с декларацией о колониализме, вернее о его ликвидации. В результате очень интересных дискуссий и написания нескольких вариантов бумаг на свет появилась записка на имя министра с обоснованием этой инициативы и тезисы предлагаемой декларации. Записка была одобрена заместителем министра В.А. Зориным, который тогда курировал наше подразделение, и направлена А.А. Громько. Тот по достоинству оценил замысел, но распорядился отложить выступление с декларацией до следующей сессии Генеральной Ассамблеи ООН – в 1960 г. Надо сказать, что в бытность Громько министром иностранных дел Советский Союз на каждой сессии ГА ООН выступал с *главной инициативой*. Отложил он декларацию о колониализме, видимо, потому, что на 1959 г. у него уже были виды на какую-то другую *главную инициативу*. На следующий год декларация была подготовлена, выдвинута и, по-моему, сыграла свою политическую роль.

Вскоре А.Е. Нестеренко уехал послом в Пакистан, а оттуда – в Нью-Йорк заместителем генерального секретаря ООН. Его карьера шла по восходящей. При всем при том он сохранял критичность и неординарность оценок, независимость взглядов. Говорят, что эта его независимость и отсутствие стремления *попасть в струю* с мнением министра и изменила в конце концов отношение к нему последнего. Вообще-то А.А. Громыко умел ценить умных и талантливых людей. Но в окружении министра были люди, которых не устраивали блестящие соперники. После Нью-Йорка А.Е. Нестеренко был задвинут на роли, явно не соответствовавшие его уму и кругозору.

В дальнейшем, пересекаясь на различных международных перекрестках, мы не раз общались к взаимному удовольствию. Последний раз я встретил Алексея Ефремовича в Москве незадолго до его смерти. Он уже был несколько лет в отставке, после возвращения из Ирландии, где он был послом и где сильно пострадал в автомобильной катастрофе. Как всегда элегантен и подтянут, он совсем не походил на пенсионера. На мой протокольный вопрос, как он поживает, Алексей Ефремович со своей обычной иронией и нетривиальностью ответил:

– Видите ли, Юра, трудно перейти от иллюзии о своей необходимости к мысли о том, что ты не нужен. Я уже прошел эту полосу и сейчас живу спокойно.

Конечно, со временем я тоже прошел эту полосу. Но до нее еще было много интересного.

Проработав какое-то время в КИ, я, однако, стал ощущать состояние некоей надломленности и неудовлетворенности моих старших коллег. Стали доходить до меня и слухи о грядущей реорганизации или ликвидации комитета. А все дело было в том, что его продукция становилась попросту не нужна. Новое руководство страны не нуждалось в ней, так как доверяло больше не информации, а своему собственному замечательному чутью. Наступали времена, которые впоследствии получили название эпохи волюнтаризма. Для волюнтаристских решений не нужна была тщательно выверенная и проанализированная информация. Поэтому закономерной стала ликвидация Комитета информации и создание на его обломках Управления внешнеполитической информации (УВИ) МИДа. Главной функцией этого управления стала подготовка не информации, а речей

для первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева (1953–1964), Л.И. Брежнева (он был тогда председателем Президиума Верховного Совета СССР) и других больших начальников.

Речей тогда произносилось и соответственно готовилось огромное количество. После упразднения КИ и создания УВИ я оказался в отделе Ближнего Востока и Африки этого управления и занимался подготовкой выступлений, связанных с этими регионами. Едет глава какого-нибудь государства к нам – пожалуйте, несколько проектов выступлений для наших руководителей. Отправляется в Африку или на Ближний Восток наша высокая правительственная делегация – то же самое.

Как известно, Хрущев очень любил украшать свои речи пословицами и поговорками. Поэтому требовалось найти для каждого опуса один-два фольклорных перла. Приходилось выискивать по разным источникам народную мудрость арабских и африканских народов. На арабском направлении работали квалифицированные арабисты (В.П. Поляков, Ю.С. Грядунов, которые стали потом послами, и другие), а я стал специализироваться на африканской тематике, благо африканистов тогда в УВИ не было.

Поиск подходящих пословиц занимал много времени, да и сами эти пословицы казались мне не очень выразительными. Я решил рационализировать процесс и заодно помочь угнетенным народам обогатить их фольклор. Иными словами, стал нагло сочинять пословицы, придавая им африканский *колор*. Несколько проектов выступлений с моими перлами прошли все начальственные кордоны и были представлены их потенциальным *озвучивателям*. До сих пор помню одно из моих изобретений. По какому-то очередному африканскому поводу Хрущеву предлагалось пригвоздить империализм-колониализм к позорному столбу, сказав примерно следующее: «Как говорят в Африке, в горсти песка не спрячешь слона. Так империалистам и колонизаторам не спрятать от народов мира правды...» и т.д. Размышляя сейчас над этой пословицей, я думаю, что лучше было бы или горсть песка заменить на пучок травы, или слона на верблюда. Тогда пословица лучше отразила бы географическую реальность. Но ничего, прошла и так. Поскольку Хрущев часто отходил от заготовленных текстов, не уверен, что все мои шедевры вошли в сокровищницу африканского фольклора. Тем не ме-

нее мои творческие изыски оживляли в общем-то нудный *спичрайтерский* процесс.

В то время стали появляться различные сборнички пословиц и поговорок слаборазвитых (впоследствии переименованных в развивающиеся) народов. Подозреваю, что их составители тоже не пренебрегали собственной фантазией. Пойди проверь. А недавно я прочитал где-то, что треть всех русских народных пословиц, содержащихся в словаре В.И. Даля, сочинены автором. Оказывается, не я первый открыл этот источник обогащения фольклора. Вскоре и название управления поправили: УВИ превратилось в УОМП – Управление общих международных проблем.

Те, кто не остался в МИДе, ушли, в основном в КГБ. Некоторые из них выросли в крупных разведчиков, как, например, мой однокурсник Володя Казаков. Немало из тех, кто остался в МИДе, тоже пошли сильно вверх. Помимо уже упомянутых А.Е. Нестеренко, Л.И. Менделевича и Г.М. Корниенко, вышел на большую государственную орбиту В.М. Фалин, служивший в 1971–1978 гг. послом СССР в ФРГ. В 1990–1991 гг. стал заместителем министра иностранных дел Виктор Павлович Карпов.

В КИ не ощущалось профессиональной кастовости (военные – *эбэшники* – дипломаты), но оказавшиеся там выпускники МГИМО и Института востоковедения, который в 1954 г. вошел в МГИМО в качестве восточного факультета (было нас там несколько десятков), в общем, держались в кучке. Все-таки мы были там самыми молодыми (с учетом того, что первый выпуск МГИМО состоялся в 1948 г., всем нам было в то время не более тридцати).

Первый выезд за границу. Мое открытие Африки

Занимаясь в УВИ африканской тематикой, я, естественно, завел контакты с коллегами в только что созданном в МИДе африканском отделе (до конца 1950-х гг. африканские страны входили в ведение ближневосточного отдела). Африканским отделом заведовал Алексей Алексеевич Шведов, очень интересный, умный и увлеченный своим делом человек. Однажды после очередного совместного труда он предложил мне перейти работать к нему. Мне к тому времени порядком поднадоело сочинять проекты выступлений и африканские пословицы к ним. К тому же А.Е. Нестеренко уже уехал в Пакистан, а с его преемником работать было далеко не так интересно. Я согласился на переход.

В африканском отделе я оказался вначале в «эфиопской референтуре», т.е. в группе, которая ведала нашими отношениями с Эфиопией. Эта страна была первым и долгие годы единственным африканским государством, с которым Россия установила задолго до 1917 г. дипломатические отношения и учредила там посольство. Еще в XIX веке Россия, по просьбе эфиопского императора, направила на его охрану крупное казачье соединение, которое оставалось там много лет. Утверждают, что в результате этого население Аддис-Абебы сильно посветлело кожей. Так это или не так, не знаю, я там не был, но несомненно то, что отношения между двумя странами были весьма теплыми. Отношения эти продолжались и в советские времена, и катились они по хорошо накатанным рельсам. А потому работа МИДа на эфиопском направлении была сугубо рутинной. В значительной мере она сводилась к *толкаческим* функциям. Это значит, что надо было *пробивать* через ведомства реакцию, желательно, конечно, положительную, на те запросы и предложения, которые, в основном по просьбе эфиопской стороны, выдвигало наше посольство в Аддис-Абебе.

Скажем, посольство предлагает направить в нашу больницу в Эфиопии партию медикаментов, а Министерство здравоохранения тянет с ответом. Или прорабатывается прием на учебу в наши вузы эфиопских студентов. Или нужно в Эфиопию в помощь братскому эфиопскому народу, давшему России А.С. Пушкина, специалистов-ветеринаров. И так далее и тому подобное. Все это надо было контролировать, а также требовалось своевременно докладывать начальству о прохождении заявок и принимаемых (или не принимаемых) ведомствами решениях, нужно было подталкивать их и т.д.

Надо сказать, что и другие страноведческие группы отдела в значительной степени занимались примерно тем же. Правда, их жизнь разнообразили время от времени скандальные ситуации, связанные отчасти со «злопыхательством» западной пропаганды, а отчасти с нашей собственной дуростью. То, скажем, на весь мир западные СМИ злорадно раструбят, что Советский Союз поставляет в Гвинею снегоочистители, а то с удовольствием расскажут, что Советский Союз построил железную дорогу в Гане, а термиты тут же сожрали деревянные шпалы, поскольку поставщики, не зная местных условий, не пропитали деревянные ядовитым составом. Со шпалами действительно был такой грех, а что касается снегоочистителей, то, построив аэродром «под ключ», поставщики включили в комплект оборудования и бульдозеры для расчистки поля, а в типовой инструкции было написано, что эти бульдозеры годятся и для снегоуборки. Конечно, это последнее обстоятельство было очень красочно, хотя и не очень добросовестно, обыграно западными гиенами пера.

Совсем громкий скандал произошел в Гвинее. А надо сказать, мы поначалу очень задружились с ее президентом Ахмедом Секу Туре. Гвинея стала первым государством в тропической Африке, получившим независимость. Произошло это в 1958 г., когда состоялся референдум, на котором гвинейский народ высказался за независимость. Франция, которой Гвинея раньше принадлежала в качестве колонии, настолько обиделась на нее, что даже перестала поставлять ей рисовую соломку, в которой из Гвинеи вывозились маленькие *бананчики*. В иной же упаковке это деликатесное чудо не переносило транспортировки. Лишившись лакомства, безутешные французские гурманы, наверное, начали готовить свержение правительства (французского

или гвинейского – неясно). Союзники Франции в порядке НАТОвской солидарности не спешили влезать в Гвинею, хотя там, помимо *бананчиков*, были (и есть) и другие интересные вещи, например бокситы. Ну, тут и мы подсуетились.

Наш советник посольства СССР в Каире П.И. Герасимов был срочно назначен послом в Гвинею и вместе с группой первопроходцев отправился в Конакри. Поскольку авиакомпания «Эр-Франс», следуя политике своего правительства, приостановила в порядке бойкота полеты в Конакри, авиационная связь с *первенцем* африканской тропической независимости была прервана. Поэтому свой путь «группа Герасимова» вынуждена была совершить наземным транспортом, в том числе на джипе через тропические леса. Отчет о своем путешествии, который Герасимов прислал в Москву, читался как захватывающий авантюрный роман. За объективными сложностями (поломка джипа, поиски бензина и т.д.) угадывались, конечно, происки западных колонизаторов.

Герасимов недолго пробыл в Гвинею. Из-за какой-то тропической болезни он вскоре отбыл в умеренные широты. Его заменил Д.С. Солод, а потом послом в Гвинею стал Д.Д. Дегтярь. При нем-то и разгорелся скандал.

К тому времени американцы спохватились, что их основной противник в холодной войне слишком уж распоясался в Гвинею, и стали крепко копать под него. В частности, им удалось записать разговоры, которые Дегтярь вел в посольстве со своими сотрудниками. А там в выражениях не стеснялись. Гвинейские товарищи и лично товарищ Секу Туре, несмотря на их намерение строить в стране социализм, получали очень неуважительные характеристики и эпитеты. Эти записи были переданы гвинейскому лидеру. Одновременно в западной печати появились сообщения, из которых было видно, в какой мере советские специалисты, работавшие в Гвинею *на стройках* социализма, не уважают Секу Туре и весь гвинейский народ. Приводился, в частности, факт, когда советский сварщик, за неимением под рукой куска медной проволоки, использовал вместо нее медную гвинейскую монетку, на которой был изображен великий вождь гвинейского народа.

Секу Туре был в полном бешенстве. Сгоряча хотел было разорвать отношения с Советским Союзом. В Конакри был послан великий специалист по улаживанию подобных скандалов

А.И. Микоян¹. Свидетели беседы Микояна с Дегтярем говорили, что Микоян в этой беседе практически не использовал не матерных слов, которые, будучи произнесенными с густым армянским акцентом, звучали особенно зловеще. В общем, до разрыва отношений дело не дошло, но Дегтярь был срочно выгнан из Гвинеи, МИДа, партии, т.е. отовсюду, откуда его можно было выгнать. После длительных мытарств он нашел себе пристанище в только что созданном в Москве Институте Африки² в качестве младшего научного сотрудника.

Вот какие интересные истории случались в странах, только что обретших независимость. На эфиопском же направлении и таких событий, хотя и прискорбных, но вносивших оживление в рутину, не было, и я сильно загрустил. Чтобы отвлечься от МИДовской рутины, начал пописывать в разные газеты и журналы, в том числе в только что созданный еженедельник «За рубежом». Главному редактору еженедельника Даниилу Федоровичу Краминову, видимо, приглянулись мои писания, и он предложил перейти к нему обозревателем по африканским странам. Зарплата более чем в два раза выше моей МИДовской, перспектива поездок спец- и собкором в африканские страны, а главное, творчество, творчество, творчество!

Но вот беда, А.А. Шведов категорически отказался дать согласие на перевод. Оставался выход – увольнение из МИДа по собственному желанию. Я был готов и на это. Но Шведов, как опытный дипломат, действовал не только кнутом, но и пряником.

– Не стройте иллюзий в отношении свободы творчества в журналистике, – говорил он мне (и был, конечно, прав). – Вы видели хоть проблеск свежей мысли в статьях, которые у нас публикуются? (Возразить против этого тоже было трудно). Что Вы найдете в журналистике? А в МИДе у Вас в ранце – посольский жезл. Если же Вы любите писать статьи, то кто Вам запрещает это делать, оставаясь в МИДе?

¹ Анастас Иванович Микоян (1895–1978) – первый заместитель председателя Совета Министров СССР в 1955–1964 г. В 1962 г. принимал активное участие в урегулировании Карибского кризиса и лично проводил переговоры с американским президентом Джоном Кеннеди и лидером Кубы Фиделем Кастро. – *Прим. ред.*

² Институт Африки существовал и ранее, но носил сутубо этнографический характер. В конце 1950-х гг. на его основе был создан политологический институт.

Но главное, чем он меня убедил, было его предложение перейти из эфиопской референтуры на новое направление, которое он намеревался создать, – *колонияльное*. На нем предстояло изучать обстановку в оставшихся колониях, готовить предложения о советской политике под углом зрения установления дипломатических отношений в будущем, когда эти колонии получат независимость. И никакой *толкаческой* работы, так как проталкивать было пока нечего.

В общем, я остался в МИДе. Не знаю, как сложилась бы моя журналистская судьба, но я не раз с большой благодарностью вспоминал Алексея Алексевича за то, что он удержал меня в МИДе. На своей МИДовской стезе мне пришлось в дальнейшем заниматься очень интересными делами.

Колонияльная референтура, в которой я первоначально оказался в единственном числе, ведала Танганьикой, Кенией, Угандой, Занзибаром, Северной Родезией, Южной Родезией, Ньясалендом, Мозамбиком и Анголой. Вскоре ко мне присоединился мой однокашник и друг Юрий Алексеевич Юкалов. Он только что вернулся из Судана, где сразу после окончания института проработал пять лет в посольстве. Африку, во всяком случае восточную ее часть, он знал прекрасно, причем не только по бумагам, как я, но видел ее своими глазами. В его функции, когда он работал в посольстве, входило поддержание связей с политическими деятелями колониальных стран. Те фигуры, которых я знал только по именам, для него были живыми людьми, каждый со своими достоинствами и слабостями.

Юрий на всю жизнь остался верен Африке. Впоследствии он работал в Кении, был послом в Танзании и Зимбабве. В промежутках между командировками заведовал африканским отделом, а потом и управлением, отвечая за отношения Советского Союза со всеми африканскими странами.

В то время мое знакомство с Африкой ограничивалось в основном знанием экзотических названий африканских колоний, оставшихся в памяти от детского коллекционирования марок. Ньясаленд, Родезия, Эритрея, Танганьика...

Кстати, Танганьика или Танганайка? Такой вопрос возник, когда мне было предложено подготовить материалы к поездке правительственной делегации на празднование независимости этой страны. В литературе на русском языке того времени встре-

чались оба варианта. Возникали и другие лингвистические вопросы: например, как перевести «кешью», одну из основных статей экспорта страны... Сейчас-то, конечно, ясно – это кешью. А тогда этих орешков и в глаза никто у нас не видел. Что это – местное название арахиса или что-либо иное? После консультаций с Институтом Африки было решено назвать страну Танганьикой, а орех – кешью. Написаны всевозможные справки, подготовлен проект записки в ЦК.

Остается сформировать правительственную делегацию. Проблема эта разрешается просто: первый замминистра иностранных дел В.В. Кузнецов подходит на одном из приемов к своему давнишнему другу Вячеславу Петровичу Елюгину – министру высшего и среднего специального образования – и предлагает ему съездить в неведомую Танганьику. Тот соглашается. А меня придают ему в качестве секретаря-переводчика.

Это моя первая командировка. Хотя мне уже 29 лет, до этого я не только не выезжал за границу, но и в пределах границ не имел возможности разговаривать на английском языке с иностранцами. Железный занавес...

Впрочем, чтобы быть точным, один опыт с англоговорящим иностранцем у меня был. В 1954 г. в Москве, в только что построенном здании МГУ, происходило заседание Международного совета студентов. Я, как и некоторые другие студенты МГИМО, был направлен туда в качестве дежурных помощников организаторов мероприятия. Функции были очень просты. Ночью мы спали в общежитии МГУ, а днем находились в помещениях, где происходили разные заседания, и если возникали какие-либо проблемы, должны были помогать в их решении. У меня остался в памяти один случай такой помощи. Во время завтрака за соседним столиком официантка никак не могла понять, что хочет от нее иностранный гость. Она попросила меня помочь. Оказалось, что гость хочет получить «two eggs boiled for seven minutes» (два яйца, сваренных за семь минут). Я эту фразу перевел официантке, и она удалилась. Не знаю, что в результате получил иностранный гость, но мне настолько запомнилось «two eggs boiled for seven minutes», что я и по сей день варю яйца в течение семи минут – ни минутой больше, ни минутой меньше. Действительно, получается очень вкусно.

Разумеется, эта *языковая практика* была явно недостаточной для уверенности в своей переводческой адекватности. Поэтому главным вопросом, который интересовал секретаря-переводчика высокого советского представителя В.П. Елютина, был: поймет ли секретарь-переводчик то, что будут говорить англоязычные иностранные граждане, и поймут ли они его английский, приобретенный в МГИМО от отечественных преподавателей, обучавших его языку, на котором много лет назад писали Чарльз Диккенс, Джон Голсуорси и Джером Клапка Джером.

Суров был декабрь 1961 г. в Москве. Хорошо помню это потому, что, готовясь к пребыванию на экваторе в температурном режиме между +30 и +40 градусами по Цельсию, все-таки вынужден был надеть теплое пальто и меховую шапку.

Вячеслав Петрович, человек, как я потом узнал, очень любознательный, избрал маршрут, связанный с ознакомительным посещением Праги и Рима, а на обратном пути – Лондона. Конечно, наиболее простой путь пролегал в то время через Лондон. Но Вячеслав Петрович пояснил, что туда через Лондон лететь никак нельзя, так как англичане, как огня боящиеся советского проникновения в их владения, наверняка нагадят правительственной делегации СССР. И Прага и Рим (а потом и Лондон, конечно) мне очень понравились. Но вот после непродолжительной остановки в Хартуме мы наконец совершаем посадку в аэропорту Дар-эс-Салама. Я шагаю из самолета на трап и чувствую себя входящим в парилку. Мой костюм добротного московского пошива становится на несколько килограммов тяжелее от влаги, уши заложены после посадки, а мне сейчас придется наконец узнать, насколько мой замороженный английский соответствует международным стандартам.

Вот к нам подходит маленький чернокожий человек, я узнаю его (видел фото), это министр Рашиди Кавава, он встречает высокую советскую делегацию, меня бьет нервная дрожь. Но тут подлетает мой спаситель. Он в малиновой феске, белой жилетке и босиком (как я потом узнал, такова была униформа официантов в тогдашней Танганьике), у него в руках поднос, уставленный напитками. Я делаю несколько крупных глотков виски и начинаю прекрасно понимать, и что говорит министр Кавава, и что ему отвечает Вячеслав Петрович, и что, оказывается, я способствую их диалогу. Конечно, содержание такого рода протокольных

бесед не требует от переводчика высокого класса, но важно переступить психологический барьер. С тех пор я уверовал в высокие целебные качества шотландского напитка.

Здесь же в аэропорту нам представили мистера Сибрука, англичанина, служившего в местной полиции. Он должен был опекал советскую делегацию, оказывая ей всевозможную помощь и содействие. В дальнейшем Сибрук дирижировал всеми нашими встречами, организовывал их, когда В.П. Елютин выражал пожелание, отклонившись от официальной программы, с кем-то увидеться, и, конечно, контролировал все наши контакты и перемещения. Поскольку никаких тайных дел у нас, разумеется, не предполагалось, его контроль не мешал. Напротив, помощь его была исключительно полезной и эффективной.

Ввиду обилия гостей и нехватки мест в отелях часть делегаций была размещена в резиденциях – домах, арендованных властями на время празднеств у «частного сектора», т.е. у англичан и богатых индусов, сохранявших тогда еще недвижимость. Наша делегация оказалась в уютном двухэтажном домике, разделенном на четыре просторные квартиры. Нам отводилась квартира на втором этаже. Прислуживал нам там симпатичный «бой»³ по имени Эдвард. Однажды он вручил мне заявление и просил передать *Его Превосходительству*. Эдвард просил предоставить ему стипендию в одном из вузов Советского Союза для приобретения специальности инженера. Хотя у Эдварда среднее образование было далеко не полным, Елютин обещал ему помочь и слово свое впоследствии сдержал. Как мне впоследствии говорил Вячеслав Петрович, Эдвард, закончив в Москве подготовительные курсы, успешно продолжал образование в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы⁴.

Рядом с нашей квартирой, на том же этаже, помещался вице-президент Либерии.

³ В переводе с английского – «мальчик».

⁴ Ныне Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. – *Прим. ред.*

Мой первый дипломатический конфуз

Программа наша была исключительно насыщенной. И без того плотная, она дополнялась инициативами Вячеслава Петровича, который хотел повстречаться с как можно более широким кругом людей, услышать и увидеть столько, сколько не всегда позволяли наши физические возможности и естественная продолжительность суток. И вот однажды, вернувшись с какой-то встречи, мы наскоро переоделись в темные вечерние костюмы и отправились на очередной парадный обед. Второпях я захлопнул дверь, забыв взять с собой ключ от нашей квартиры. Возвращаемся после обеда домой, я шарю по карманам, ключа нет. Вячеслав Петрович с неудовольствием, хотя и с некоторым интересом смотрит на меня: как, мол, я буду выходить из положения. Действительно, как выходить? Единственный путь проникнуть внутрь – через окно, если удастся его открыть. А достичь окна можно через балкон, если смогу на него забраться. Водосточная труба, как назло, проходит вдалеке от нашего балкона, со стороны балкона «либерийского». Там светится огонек. Другого выхода нет.

Я снимаю вечерний пиджак и галстук, прошу Вячеслава Петровича подержать мое *дипломатическое обмундирование* и под звон тропических цикад начинаю карабкаться по трубе. Мое появление на балконе вице-президента вызывает у него удивление, но не панику. Объясняю ему ситуацию, извиняюсь и перелезаю на наш балкон. Полдела сделано, но как открыть окно? По счастью и по той же причине спешки оказывается, что, забыв ключ, я также забыл запереть окно. Дальше – элементарно. Приглашаю Вячеслава Петровича подняться и, пока он в пути, быстро наливаю ему и себе виски. Одержана еще одна дипломатическая победа.

Вообще, надо сказать, Вячеслав Петрович относился к молодому дипломату, не освободившемуся еще от молодежного разгильдяйства, т.е. ко мне, очень по-доброму, иногда давая мне отеческие советы. Так, однажды он мне говорит:

– Вот Вы, Юрий Константинович, молодой человек, а я в два раза старше Вас. Но почему-то Вам не приходит в голову, когда мы садимся в машину, открыть мне дверь. Я, например, никогда не считаю зазорным открыть дверь Никите Сергеевичу Хрущеву, когда представляется такая возможность.

Действительно, эта мысль мне никогда не приходила в голову. Сказывалось, видимо, отсутствие опыта общения с начальством. Я смутился, пробормотав что-то вроде:

– Да Вы такой крепкий спортивный мужчина, что я как-то не подумал...

В следующий раз, при посадке в автомобиль, я ринулся открывать дверь нашего «Мерседеса» перед носом Вячеслава Петровича, но сделал это так неловко, что едва не завалил его.

– Да ладно, садитесь уж, я сам как-нибудь, – махнул он рукой.

Так набирался дипломатический опыт. Скоро, однако, и у Вячеслава Петровича случился неприятный прокол, от которого я его предостерегал, но не был услышан.

Как я уже упоминал, Вячеслав Петрович был чрезвычайно любознательным и старался увидеть и услышать как можно больше. Это очень хорошее качество побудило его предпринять поездку в глубь страны, посмотреть, как живет народ в *глубинке*. А надо сказать, что вечером того дня, на который была намечена поездка, в Дар-эс-Саламе министр образования Оскар Камбона давал обед в честь своего советского коллеги. Поездка была очень интересной, Вячеслав Петрович увлекся осмотром *глубинки* и, несмотря на наши с Сибруком напоминания о необходимости вернуться вовремя к обеду, требовал ехать дальше и дальше. Когда же стало очевидно и ему, что мы сильно опаздываем на обед, стал утешать себя тем, что, мол, Камбона хороший умный мужик, что же, он не поймет, что ли...

В результате на обед мы опоздали на полтора часа. Камбона и приглашенные им гости сидели кислые, хмуро потягивая *аперитивные дринки*. Оживленные рассказы Вячеслава Петровича о том, какую замечательную страну мы видели, как-то сгладили неловкость, и обед закончился, в общем, благополучно.

По заранее утвержденной программе на следующий день Елютин давал ответный обед Камбоне. Приглашенные собрались довольно быстро, а главного гостя не было. Не было через полчаса, не было через час. Несколько раз я бегал звонить в пра-

вительственную канцелярию и каждый раз получал ответ: «Господин министр выехал на обед к Его Превосходительству Елютину». Приехал Камбона ровно через столько же времени, на сколько опоздали мы накануне. Так нам был дан урок дипломатической вежливости.

Кстати, о нашей поездке *в глубинку*. О ней стоит рассказать особо.

Не зря, конечно, Хемингуэй¹ был в свое время очарован Восточной Африкой. «Зеленые холмы Африки», «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера», «Снега Килиманджаро» я отношу к его шедеврам, на которые его вдохновил этот волшебный край. Позже, когда я вернусь в Восточную Африку на более длительное время и смогу попутешествовать по ней, я в полной мере оценю ее красоту и очарование. Но и за однодневную вылазку из Дар-эс-Салама нам удалось тогда соприкоснуться с новым для нас миром. О красотах я расскажу позже, а сейчас – о забавной ситуации, в которой мы оказались в процессе *общения с народом*.

Вознамерившись поближе познакомиться со страной, Елютин условился с двумя чехословацкими представителями, симпатичными ребятами (имен их, к сожалению, не помню, а про себя я называл их «Зигмундом и Ганзелкой»²), совершить совместную поездку. Мы погрузились в две автомашины и в сопровождении мистера Сибрука отправились в путешествие («сафари»). Сначала ехали по асфальтированной дороге, узкой, но вполне приличной, потом свернули на проселочную латеритную (красный глинозем) и, наконец, достигли какой-то деревушки. Стоят хижины из хвороста, бегают куры и прочая сельская живность, сопливые ребятишки колупаются в грязи. В общем, *глубинка*. Мистер Сибрук привозит нас на какую-то площадку с навесом, просит подождать и уходит. Возвращается он с несколькими аборигенами, заматанными в грязные накидки, и говорит:

– Это местный вождь со старейшинами.

Начинается долгий разговор о жизни под игом колониализма, о светлом независимом будущем, о большой стране, которая на-

¹ Эрнест Хемингуэй (1899–1961) – американский писатель XX века, военный корреспондент, путешественник и охотник. – *Прим. ред.*

² Чехословацкие путешественники, совершившие в конце 1940-х гг. путешествие по Африке на автомашине «Татра» и опубликовавшие потом очень интересную книгу о своей поездке.

зывается Советский Союз. Я перевожу на английский, а мистер Сибрук толмачит на местный. Обратного перевода почти не приходится делать, так как вождь в основном молчит. Правда, взрыв его эмоций вызывают значки с изображением первого искусственного спутника Земли, которые Елютин преподносит вождю.

Постепенно вокруг собираются жители деревни и с интересом на нас смотрят. Вождь говорит, что сейчас, пока мы беседуем, женщины варят тапиоку с маниоккой, и он, вождь племени мумбо-юмбо, просит нас отведать их пищи. Санитарные условия африканской деревни не стимулируют аппетита у непривычного человека, даже если речь пошла бы о еде менее экзотической, чем кипящая в местных котлах. Ссылаясь на то, что нам пора ехать, так как в Дар-эс-Саламе нас ждет *большой вождь* Оскар Камбона, В.П. Елютин мягко отклоняет любезное приглашение.

Не похоже, что имя министра образования Танганьики знакомо вождю, но тем не менее он под нажимом Сибрука нехотя соглашается. В качестве компромисса он просит оказать честь жителям его деревни, которые хотели бы пожать руку посланцу великой страны.

И тут началось. Несколько сотен аборигенов, выстроившись в очередь, потянулись к нам с рукопожатиями, а некоторые пытались еще изобразить нечто вроде объятий. Сама по себе процедура столь массового физического контакта с незнакомыми людьми не очень-то приятна. Если же добавить к этому, что на лицах и слегка прикрытых рубищами телах многих были какие-то коросты, шрамы и язвы, вызывавшие мысль о проказе и прочих неприятных болезнях, распространенных в этих местах, то легко можно представить себе всю тяжесть испытания, выпавшего на долю посланцев великой страны и ее верного союзника. Мы пожали руки, а люди все шли и шли. Уклонившись в очередной раз от объятий с одноногим человеком с дыркой вместо носа, я понял, что, побратавшись с нами, люди вновь вставали в очередь и таким образом процесс становился бесконечным.

Положение спас Сибрук. Он наконец что-то сказал вождю, тот поднял руки и прекратил церемонию. На прощание обнял нас, вождь пригласил почаще приезжать в его деревню. Он сказал, что те священные амулеты, которые *Великий белый Бвана*³

³ В переводе с суахили – «господин».

подарил ему, будут теперь надежно охранять его и всех жителей деревни от злых духов.

Оказавшись в машине, Вячеслав Петрович первым делом достал фляжку со спиртом, которую он предусмотрительно припас в медицинских целях, и мы тщательно протерли руки, а также приняли профилактическую дозу внутрь. Никто не заболел.

Вспоминая сами празднества независимости, могу сказать, что англичане очень достойно уходили из своего владения⁴. Их уход не выглядел изгнанием ненавистных колонизаторов. Мудрые учителя, научившие черных ребятишек уму-разуму, наставляют их на самостоятельный путь, оставляя еще на некоторое время под своим присмотром. И принц-консорт Филипп Эдинбургский, представлявший королеву, и генерал-губернатор сэр Ричард Тернбулл, и другие высокие официальные лица Великобритании держались величественно и в то же время демократично, торжественно и одновременно раскованно. Прелесть! Настоящие джентльмены. Прозвучали нужные слова, прогремел салют, прошли парадным маршем отряды английских солдат и местных, теперь уже почти независимых аскари⁵, и Танганьика превратилась из подопечной территории в члена Британского Содружества Наций.

Премьер-министр Джулиус Ньерере, 39 лет, личность весьма примечательная и в известном смысле выдающаяся. Сын вождя одного из многочисленных танганьикских племен. Закончил Эдинбургский университет, учительствовал в родной деревне, пока не занялся политикой (возглавил партию ТАНУ – Национальный союз африканцев Танганьики). Умные и грустные глаза. В них нет торжества победителя, дорвавшегося до власти. Похоже, он понимает всю тяжесть того бремени, которое досталось на его долю. Потом, после провозглашения в 1962 г. Республики Танганьика, он станет ее президентом, а в 1964 г., после объединения Танганьики и Занзибара, – президентом Танзании⁶. Будет упорно строить *уджамаа* – африканский социализм,

⁴ Танганьика была подмандатной территорией Великобритании, полномочия на управление которой она получила по Версальскому договору 1919 г., лишившему Германию ее колоний, в том числе в Восточной Африке.

⁵ Так назывались солдаты танганьикских воинских подразделений («аскари» на суахили значит солдат).

⁶ Название Танзании – производное от Танганьики и Занзибара.

видимо, искренне желая сделать свой народ счастливым. Убедившись в тупиковости этого пути, публично об этом объявит, добровольно уйдет в отставку и уедет в родную деревушку, где проживет в тиши еще несколько лет, переживая в одиночестве свои ошибки и заблуждения. Не много найдется не только в Африке, но и во всем мире таких честных лидеров.

Кстати говоря, приехав в Дар-эс-Салам через девятнадцать лет, в 1980 г., я был поражен разрухой и запустением, постигшим этот симпатичный городок. Грязь, вечером полная темнота даже в центральной части, обшарпанные дома, не знавшие ремонта. Единственное «достижение» состояло в том, что отель «Нью-Африка», построенный еще немцами в XIX веке, был разрушен как символ колониализма, и на его месте с помощью израильян был построен отель «Ухуру»⁷. Старый отель был красивым двухэтажным зданием из белого камня, с толстенными стенами, которые не прогревались за день тропической жары. Рассказывали, что стены были настолько толсты, что их долго не могли разрушить. И только какие-то сверхмощные тротиловые заряды, доставленные из Израиля, покончили с «символом колониализма». Обращенное фасадом к океану здание благодаря разумно сделанной системе естественной вентиляции освежалось бризом и не нуждалось в кондиционировании воздуха. Новое же здание напоминало пластмассовую коробку, где гудели кондиционеры, создавая холод вблизи от себя и не охлаждая нагревавшийся от раскаленных стен воздух на некотором отдалении.

Разрушение символов прошлого... Слава богу, у нас в свое время не додумались разрушить Зимний дворец как символ паризма. Правда, других символов было порушено немало. «Весь мир насилия мы разрушим до основания...»⁸. Да, ломать не строить.

Нет, не зря Ньерере разочаровался в том пути, которым он вел страну.

А вот Оскар Камбона, 33 года. Это совсем другой человек. В глазах – задор азартного игрока. Пока он всего лишь министр образования, но скоро станет министром внутренних дел и гене-

⁷ В переводе с суахили – «независимость».

⁸ Слова из гимна «Интернационал», который был гимном СССР до 1943 г. – Прим. ред.

ральным секретарем ТАНУ, т.е. вторым лицом в государстве. Умный, властный, честолюбивый, он попытается свергнуть Ньерере. Но скромный маленький учитель, мвалиму⁹, как его называли танганьикцы, сумеет раскрыть этот заговор, и Камбоне придется бежать из страны.

С Камбоной мне еще придется встретиться лет через десять в Женеве, когда он уже был в изгнании. Приехав на очередную сессию Комитета по разоружению, я остановился в отеле «Монблан». Столкнулся с ним в гостиничном коридоре лоб в лоб. Я слышал о том, что он и в изгнании продолжает плести нити заговора против Ньерере. Хотя я и был уже далек от африканских дел, мне, официальному лицу, заговорщик был ни к чему. Я отвел глаза и прошел мимо. Не повел бровью и Камбона. Через несколько дней, выйдя из отеля, чтобы ехать на заседание, я наблюдал, как Камбона укладывал вещички в такси. Он сел в машину, подмигнул мне, сделал ручкой и уехал.

Вернемся, однако, к празднествам независимости.

Из внепрограммных встреч мне запомнилась встреча с Джо-мо Кеньяттой. Он был тогда председателем партии «Национальный союз африканцев Кении» (КАНУ) и потенциальным президентом будущей независимой Кении. В свое время его имя было связано с восстанием Мау-Мау¹⁰. Это была продолжавшаяся несколько лет партизанская война против англичан в Кении. Отсидев несколько лет в английской тюрьме и, видимо, пройдя там «перевоспитание», он был освобожден и возглавил КАНУ. Имя его было очень популярно в Африке.

Кеньятта вместе со своей свитой и охраной расположился в отеле «Аквариум». Расположенный ближе к африканским кварталам города, отель не отличался фешенебельностью (все отели для белых были на океанском берегу – «Нью-Африка», «Си Вью», «Палм Бич»). Лифта там не было, и, я помню, на третий этаж к Кеньятте мы пробирались по узкой лестнице, по обе

⁹ В переводе с суахили – «учитель».

¹⁰ Затяжной конфликт в Британской Кении, который проходил с 1952 по 1960 гг. и представлял собой восстание местных африканских народов против британской колониальной администрации, прежде всего вызванные практикой отъема земель. Мау-Мау представляло собой некое тайное общество, которое вело партизанскую войну против англичан и выступало за независимость. Автор пишет подробнее о Мау-Мау ниже. – *Прим. ред.*

стороны которой сидели черные люди в живописных лохмотьях. Как нам потом пояснил Кеньятта, это была его добровольная охрана, готовая закрыть своими телами от непрошенных гостей своего вождя и учителя.

В комнате, куда нас препроводили встретившие внизу адъютанты, помимо Кеньятты, был его соратник и заместитель по партии Огинга Одинга. В дальнейшем, когда Кеньятта станет президентом, у него развернется борьба за влияние с Томом Мбойя (считалось, что Огинга старался тянуть Кеньятту к Китаю и Советскому Союзу, а Мбойя был проводником американского влияния). Эта борьба закончится убийством Огинги при темных обстоятельствах. Впоследствии погиб и Том Мбойя.

Беседа проходила двое на двое (я выполнял роль переводчика). Но прежде чем она началась и даже до того, как мы приблизились к Кеньятте, чтобы поздороваться, Огинга Одинга выскочил вперед и стал махать на нас конским хвостом, привязанным к короткой деревянной рукоятке, бормоча что-то себе под нос. Помахав и отогнав таким образом злых духов, которых мы могли принести с собой, проводник марксистских взглядов отошел в сторону и допустил нас к вождю.

Беседа, состоявшая из набора банальностей, не очень запомнилась. Главное, что осталось в памяти, – сама личность Кеньятты. Это был несомненный лидер, от которого исходила магнетическая сила. Лидер волевой и, как сейчас говорят, харизматический. Огинга Одинга же со своими замашками сельского шамана производил впечатление человека сильно дремучего и чересчур экзотического.

Кеньятта во время встречи оставался невозмутимым и, я бы сказал, величественным. Запомнились два момента оживления с его стороны. Первый раз он оживился, вспоминая три месяца, проведенные в начале 1930-х гг. в Москве на курсах в школе Коминтерна. А второй раз – когда Елютин вручал ему дары (какие-то пропагандистские книжки и водку). Глаза вождя явно заблестели (видимо, он предвкушал чтение подаренной ему марксистской литературы).

Главной нашей миссией было установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Танганьикой. Напутствуя меня перед командировкой, А.А. Шведов особо подчеркнул: надо следить за тем, чтобы танганьикская сторона четко

и недвусмысленно дала свое согласие на установление дипломатических отношений. Это наше предложение было изложено в приветственном послании Хрущева, которое Елютин вручил Ньерере при первой встрече. Оставалось получить реакцию другой стороны.

Наш прощальный визит к Ньерере был назначен на день накануне нашего отъезда. Еще в Москве был заготовлен проект совместного коммюнике, в котором предлагалось сказать, что две страны устанавливают между собой дипломатические отношения и в этой связи выражают глубокое удовлетворение. Проект был передан Ньерере при первой встрече, вместе с посланием Хрущева.

И вот мы сидим в приемной Ньерере, чтобы сказать ему «Goodbye!»¹¹ и получить согласие на публикацию совместного коммюнике. В приемную выходит помощник Ньерере полковник Роджерс и передает нам письмо, подписанное Ньерере на имя советского правительства. Почему полковник? Не знаю, так все его называли. Это был высокий жилистый англосакс, с моноклем, одетый, как и все англичане, служившие в колониальной администрации, в белую рубашку с короткими рукавами и без галстука, длинные белые шорты и белые же гетры, подвернутые у колен. Таков был колониальный стиль. Для тропического климата очень практичный, надо сказать. Если генерал-губернатор Тернбулл официально представлял английскую королеву, пока Танганьика не вышла из Содружества, то Роджерс практически управлял правительством Танганьики, формально находясь у него на службе.

Читаем письмо, врученное нам Роджерсом. В нем много вежливых витиеватостей, изысканных английских оборотов с выражением признательности, вечной дружбы и т.д., но нигде прямо не говорится о согласии правительства Танганьики установить дипломатические отношения с Советским Союзом.

Дождавшись, когда мы закончим знакомиться с письмом, Роджерс говорит, что Ньерере просит передать советскому представителю его благодарность за приезд в Танганьику и желает счастливого пути. Дескать, аудиенция закончена. Ну, тут Вячеслав Петрович и показал, что он достойно представляет великую

¹¹ В переводе с английского – «До свидания!». – Прим. ред.

державу. Я думаю, Роджерсу и без моего перевода было бы понятно, что говорил советский представитель. Он сказал, что выяснит, не сможет ли премьер-министр уделить советскому министру несколько минут. Конечно, премьер-министр смог.

Джулиус Ньерере встретил нас в кабинете своей застенчивой улыбкой. После нескольких приветственно-протокольных слов Елютин взял быка за рога, прямо спросив премьера, согласен ли он на опубликование совместного коммюнике, проект которого ему был передан. Ньерере вопросительно посмотрел на Роджерса. Тот ответил в том смысле, что вы, мол, в своем письме на имя советского правительства соответствующим образом отреагировали на содержание советского проекта коммюнике, поэтому вопрос исчерпан и необходимости в опубликовании коммюнике не возникает. Покивав головой, Ньерере виновато посмотрел на нас: видите, мол, что говорят старшие, что я могу тут поделать?

Тогда Елютин достал заранее заготовленный проект выступления и зачитал его. В нем говорилось, что он будет рад доложить советскому руководству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву об установлении дипломатических отношений между нашими странами. Ньерере покивал головой и сказал, что он тоже удовлетворен установлением дипломатических отношений между Танганьикой и великим Советским Союзом и надеется на скорое прибытие советского посольства. Таким образом, дипломатические отношения были установлены, хотя это и не было зафиксировано на бумаге. В тот же день я оповестил об установлении отношений находившихся в Дар-эс-Саламе журналистов. Поскольку наших журналистов там не было, до их сведения этот факт был доведен во время нашей остановки в Лондоне.

В конце аудиенции я в соответствии с полученными от А.А. Шведова инструкциями попросил Ньерере поставить автограф на кляссере с серией почтовых марок, выпущенной в ознаменование независимости африканской страны, с гашением 9 декабря 1961 г. – в День ее провозглашения (на этот счет меня проинструктировал Шведов, страстный коллекционер). Заодно Ньерере расписался на своей фотографии, которую я припас для этой цели. Марки я преподнес Шведову, а фотографию оставил себе. Шведов, страстный филателист, был рад

маркам, но не доволен отсутствием письменной договоренности об установлении дипломатических отношений. Чтобы закрепить устную договоренность на практике, было срочно проведено решение Политбюро об открытии посольства в Танганьике и о направлении туда передовой группы в составе трех человек.

Моя первая долгосрочная командировка

Группа наша состояла из трех человек: советник Вячеслав Александрович Устинов; первый секретарь, он же секретарь нашей партиячейки Михаил Амирджанов и третий секретарь – автор этих строк. Устинов до прибытия посла должен был быть временным поверенным. Соответственно он возглавлял нашу группу. Визы были запрошены через наше посольство в Лондоне. В середине января мы получили английские визы и вылетели в Лондон, чтобы *пробивать* там танганьикские визы.

Пробивание продолжалось две недели и состояло в том, что Устинов посетил офис Верховного комиссара (так назывались посольства стран – членов Британского Содружества в Лондоне), представился в качестве временного поверенного в делах Советского Союза в Танганьике и запросил визы на нас троих. Все две недели мы гуляли по городу, посещали кинотеатры, музеи и рестораны, то есть жили в свое полное удовольствие. Считалось, что наша группа самим фактом своего пребывания в Лондоне должна была показать серьезность намерений советского правительства в отношении Танганьики и соответственно необходимость скорейшей выдачи нам виз на въезд туда. Не уверен, что этот факт как-то повлиял на выдачу виз, но то, что он доставил нам приятнейшую возможность познакомиться с чудеснейшим городом, это точно. И Лондон, и его жители очаровали меня. С тех пор я сохранил самые лучшие впечатления об англичанах. Я и до сих пор считаю их очень воспитанными, благожелательными и приятными для общения людьми. Хотя впоследствии, конечно, встречались и крупные исключения.

Раскроешь, например, карту, чтобы сориентироваться в незнакомом городе, тут же к тебе подойдет прохожий и осведомится, не может ли он помочь сэру. А если на переходе ступишь хотя бы одной ногой на «зебру», все водители останавливают свои машины и терпеливо ждут, когда ты соблаговолишь принять решение о направлении своего дальнейшего движения. Или вот исто-

рия с моей шляпой. Когда, получив танганьикские визы, мы отправлялись в аэропорт, чтобы лететь в Дар-эс-Салам, я решил избавиться от своей велюровой шляпы (ввиду ее полной неуместности в тропиках) и оставил ее в отеле. Я уже пристегнул ремни безопасности в авиалайнере компании ВОАС, когда главный стюард вручил мне аккуратно упакованную круглую коробку, пояснив, что ее просили передать мне из отеля, где я останавливался. Конечно, в коробке была моя шляпа. Опасаясь, что если я оставлю ее в самолете, она меня настигнет и в Дар-эс-Саламе, я вынес коробку со шляпой во время остановки в Хартуме и надежно поместил ее в урну для мусора. Представляю, как удивились местные уборщики, обнаружив диковинный головной убор.

В Дар-эс-Саламе наша маленькая группа остановилась в отеле «Твига». Он был недавно построен и был единственным в городе, где имелись кондиционеры. Надо сказать, англичане приспособивались к местному климату и не баловали себя такими вредными вещами, как искусственное охлаждение воздуха. Но сразу адаптироваться после московской зимы к тропическому климату (сорокаградусная жара при почти стопроцентной влажности) было трудно.

В первое же утро я был разбужен в шесть утра чернокожим *boy'ем*, который, шлепя босыми ногами по полу, вкатил в номер столик на колесиках с кофе, чаем, сливками и печеньем, а также свежим номером местной газеты «Танганьика Стандарт». Как я потом имел возможность убедиться, эта традиция – подавать тебе в постель крепкий кофе или чай, на выбор, была установлена англичанами во всех *белых* отелях Восточной Африки. Сначала традиция эта – пить и есть до умывания и зарядки – показалась мне дикой. Но потом, когда я по совету одного из моих английских знакомых отказался от кондиционера, то вполне оценил возможность прийти в себя с помощью крепчайшего кофе или не менее крепкого чая после тропической ночи, когда температура воздуха спадала лишь незначительно, а влажность оставалась по-прежнему под сто процентов.

Вообще, я получил довольно много полезных советов от местных англичан. Оказалось, что в тропиках для поддержания физической бодрости рекомендуется есть больше соленого, чтобы компенсировать выпаривание соли из организма. К сожалению,

в изобилии досаливая свою пищу, я настолько привык к соленому, что полностью избавиться от этой привычки не смог и до сих пор. Но конечно, самый ценный совет заключался в том, чтобы в целях дезинфекции утром натошак выпить грамм 30–50 неразбавленного виски (особенно если предстоит питаться в сомнительных местах). Благодаря этой *профилактике* ни одна зараза ко мне не пристала.

Главная задача нашей группы состояла в поиске подходящего здания для посольства. Еще во время празднования независимости к нам обратился глава посреднической фирмы «Ратанси и сын» с несколькими предложениями покупки или аренды зданий. Собственно, вся эта фирма состояла из пожилого индуса по имени Ратанси и его взрослого сына. Мы рассмотрели предложенные варианты и остановились на одном, по нашему мнению, единственно приемлемом. Подробная документация была доставлена в Москву, и выбранный мною под руководством Елютина вариант не был отвергнут. Однако передовой группе было предписано изучить и другие возможные варианты.

И хотя группа охватила все посреднические фирмы (самой крупной из них была «Ратанси и сын», остальные не насчитывали в своем составе более одного человека), вскоре выяснилось, что все маклеры оперируют одними и теми же вариантами. В конечном счете группа предложила Москве остановиться на том самом первом варианте, который был предложен еще делегацией, вернувшейся с праздника независимости. Поскольку владелец здания – богатый индус – с пессимизмом смотрел на перспективу своего дальнейшего пребывания в независимой Танганьике, он хотел продать свою недвижимость и запрашивал относительно небольшую сумму. Поэтому Москве было предложено это здание купить.

Москва, однако, рассудила иначе и дала согласие лишь на аренду. В результате за пять лет была выплачена вся та сумма, которая требовалась на приобретение здания в полную собственность. После этого аренда продолжалась еще лет десять, пока наконец здание не было куплено.

Шел я как-то по торговой улочке Дар-эс-Салама, мне навстречу – белый паренек. Здоровается со мной. Спрашивает, не может ли чем-нибудь помочь. Спасибо, говорю. Я уже, мол, здесь освоился.

- А Вы, наверное, посольство приехали открывать?
- Ну да.
- А помещение еще не нашли?
- Нет еще.
- Так я Вам помогу. Я же маклер.
- А офис у Вас где?
- Вот он мой офис, – и вытаскивает из кармана замусоленную записную книжку.

В общем, показал он нам несколько вилл. Они не подошли, но с Роем мы подружились.

Приехал Рой из Северной Ирландии год назад в надежде если не разбогатеть, так подзаработать денег и мир посмотреть. Он не был оригинален: так поступали многие молодые люди Великобритании, где по традиции наследство оставалось только старшему сыну. Младшие же обычно отправлялись «overseas» (за море) в поисках своих жизненных путей. Они становились земледельцами («белыми поселенцами»), профессиональными охотниками, открывали какой-нибудь бизнес и в любом случае не бедствовали. Но эти времена уже прошли. Рой сильно опоздал. Жил он с женой на окраине Дар-эс-Салама, где его жена выращивала кур на продажу, а он перебивался разного рода посредничеством. Помимо недвижимости, он предлагал свое посредничество в приобретении мебели, поставках продуктов прямо с ферм и т.д. У Роя дела шли не очень хорошо. Хотя по природе он был оптимистом, жалобы на местные порядки все чаще становились темой наших бесед. Надвигающаяся африканизация все меньше оставляла ему шансов на *выплывание*.

Однажды, когда я вернулся в посольство с какой-то служебной встречи, дежурный вручил мне записку от Роя: «Дорогой Юрий, заезжал в посольство, чтобы попрощаться с тобой, но, к сожалению, не застал. Уезжаю на юг, где пока еще земля не горит под ногами белого человека. Побуду в Южной Родезии, а там посмотрю. Может быть, встретимся с тобой на каком-нибудь перекрестке. Приезжай послом в Южную Африку».

В Южную Африку я не попал, а с Роем мне пришлось вновь столкнуться в Австралии. В январе 1986 г. я приехал туда, чтобы разъяснить заявление генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева (1985–1991) о ядерном разоружении. Помимо

встреч в МИДе и других учреждениях, было у меня выступление и по местному телевидению. После раздастся звонок в посольство:

– Юрий, здорово, старина, это Рой.

Встретиться, к сожалению, не удалось, ограничились телефонным разговором. Потрепала жизнь неунывающего ирландца. Из Южной Родезии перебрался он вскоре в ЮАР. Там ему вроде бы удалось зацепиться. Открыл авторемонтную мастерскую. Во время одной из демонстраций против апартеида ее сожгли. Пошел работать в фирму по продаже автомобилей. А там уже накатывала волна черного шовинизма. Со многими другими белыми южноафриканцами перебрался в Австралию и работает то тут, то там.

Рассказываю о Рое потому, что его история очень типична для многих белых жителей Африки. Но вернемся в Дар-эс-Салам.

Почему-то в Москве считалось, что ни в коем случае нельзя пользоваться банком для перевода денег в Дар-эс-Салам на нужды нашей группы первопроходцев. Поэтому нам была выдана наличность, частично в английских фунтах, частично в американских долларах. Сейчас уже не помню точную цифру, но это была очень крупная сумма. Она включала в себя нашу трехмесячную зарплату, стоимость проживания в отеле и в дальнейшем аренды более стабильного жилья, цену автомобиля, который предстояло приобрести, различные транспортные и протокольные расходы и т.д. и т.п. Ни в какие карманы выданные нам (а точнее, мне, как казначею) пухлые пачки банкнот, конечно, не помещались. Пока не было снято здание для посольства и не куплен сейф, оставлять деньги было негде. Поэтому первым моим приобретением в Дар-эс-Саламе была скромная папочка из кожзаменителя на ремешке, на манер нынешних мужских сумочек-барсеток, только побольше, в которую я поместил свои многочисленные тысячи и носил постоянно на руке. Ночью папочка хранилась у меня под подушкой.

В то время независимая жизнь еще не подорвала нравственные устои местного населения, воспитанного колонизаторами в уважении к частной и личной собственности. Поэтому покушений на мою папочку не наблюдалось. Да и кто мог предположить, что под ее скромной оболочкой хранятся несметные богатства, которые любой нормальный человек держит в надежном

банке? Это уж несколько позже, когда свобода в Танганьике начала восприниматься как осознанная необходимость, начались хулиганства, воровство и грабежи. Но к тому времени в посольстве уже был оборудован сейф. В те же ранние непуганые времена острая ситуация с нашей казной возникла только однажды, когда я, отправившись поплавать в Индийский океан, оставил папочку на попечение моих коллег, нежившихся на пляже. Начавшийся прилив заставил их срочно эвакуироваться повыше. Забрав свои бесценные шорты, они, не сроднившиеся с моей папочкой, не сразу вспомнили о том, что в ней хранилась и их будущая зарплата. В результате папочка немного подмокла, но, по счастью, все-таки не стала добычей прожорливых волн.

Группа наша находилась в Дар-эс-Саламе без связи с Центром¹. Использовать телефон не рекомендовалось («чтобы не подслушали»). Время от времени Устинов отправлялся в Аддис-Абебу, где находилось ближайшее советское посольство (несколько часов лету от Дар-эс-Салама), и оттуда сносился с Москвой, отсылая свои донесения и получая инструкции.

В отсутствие начальника его подчиненные, естественно, позволяли себе небольшие отступления от трудовой дисциплины, проводя время в основном на пляже. И вот однажды, когда мы с Михаилом уже собирались повесить на дверь гостиничного номера табличку с надписью «Office is closed», в дверном проеме появился чернокожий посетитель.

Михаил говорит мне:

– Вот еще нелегкая принесла этого дурака. Давай по скорому отошлем его и поедем на пляж.

Тогда пришелец говорит на хорошем русском языке:

– Товарищи, мы можем вести беседу по-русски. Я учился в Советском Союзе, а сейчас возглавляю партию Афро-Ширази на Занзибаре. Меня зовут Ханга².

Эта партия была основной партией африканского большинства острова Занзибар и соперничала с Националистической партией, которая представляла арабское меньшинство острова.

¹ Имеется в виду центральный аппарат МИД СССР. – *Прим. ред.*

² Живя в Советском Союзе, Ханга познакомился с дочерью американских иммигрантов, приехавших в Советский Союз до Второй мировой войны (1939–1945). Они поженились, и у них родилась Леночка. Но об этом я узнал, конечно, значительно позже.

После получения Занзибаром независимости в 1963 г. она станет правящей, а Ханга трагически погибнет в результате междоусобного переворота. А тогда, в 1962 г., Ханга прибыл в Дар-эс-Салам, чтобы договориться с советскими товарищами о помощи его партии, не зная, что товарищи торопятся на пляж. Неловкость, однако, вскоре была заглажена с помощью душевной беседы и угощения российскими деликатесами. Большим помочь мы, к сожалению, не могли из-за отсутствия регулярной связи с Москвой.

Между прочим, в Африке я отметил свое тридцатилетие. Оно хорошо запомнилось, наверное, благодаря необычности ситуации. Мы все еще жили тогда в отеле, причем Устинов в тот день был в Аддис-Абебе. Вернувшись с Михаилом с юбилейного ужина, я предложил ему продолжить празднование. Произнеся оригинальный тост («Ну, за все хорошее, и еще раз поздравляю»), он отправился спать, а я остался наедине со слегка початой бутылкой виски. Чтобы была хоть какая-то компания, я сел у себя в номере перед зеркалом, поставил бутылку, стакан и положил блокнот с ручкой, приготовившись не только выпивать, но и размышлять и, более того, фиксировать эти размышления на бумаге.

Дело происходило так. Я наливал виски, чокался со своим отражением в зеркале, прихлебывал напиток; в голову, конечно, тут же приходила какая-то удачнейшая мысль, и я ее записывал. Долго потом хранил я эти записи, пока они куда-то не исчезли, как все исчезает в этой жизни. Впрочем, не думаю, что человечество потеряло кладезь мудрости. Сначала текст шел вполне разборчивый, но постепенно, по мере опорожнения бутылки, строчки начинали разбегаться в разные стороны, а кириллица приобретала иероглифические очертания (видимо, самые мудрые мысли пришлись как раз на эту не поддающуюся расшифровке часть). Но хорошо помню почти физическое ощущение бега времени (не в смысле минут или часов, а в смысле утекания жизни вообще). Наверное, это ощущение посетило меня тогда впервые, потому и запомнилось.

В то время наши перемещения в пространстве осуществлялись с помощью арендованного нами автомобиля «Пежо-303» (между прочим, прекрасная была модель!). Вскоре, однако, наш автопарк увеличился за счет приобретенного нами «Опеля

Рекорда», который стал официальным средством транспорта временного поверенного. Для управления им был нанят местный водитель (не было секретом то, что основную свою зарплату он получал в местном МВД). Имя его было «Waziri», но поскольку его английское произношение четкостью не отличалось, оно было воспринято нами как Базиль. Он хорошо водил машину, выполнял роль посыльного, проводника (в поездках по стране) и переводчика (с английского на суахили и обратно).

Однажды, готовясь к встрече Устинова из очередной поездки в Аддис-Абебу, мы предложили Базилю приветствовать *русского бвану* на русском языке. Латинскими буквами написали ему текст, он его добросовестно выучил и несколько раз прорепетировал с нами. Базиль оказался неплохим лингвистом. Встретив Устинова в аэропорту, он, к нашему большому удовольствию, довольно разборчиво выговорил всю ту ненормативную лексику, из которой состоял текст.

В таких небольших развлечениях катилось время. И вот наступил большой день – приезд посла Андрея Михайловича Тимошенко. До этого назначения он был советником-посланником, т.е. заместителем посла, в Бонне. К его приезду уже было не только арендовано, но и приведено в божеский вид здание посольства. Вместе с послом прибыли шифровальщик, шофер Вася и его жена Маша, которая была оформлена уборщицей. Посольство приобрело вполне respectable очертания.

Вскоре из Москвы два диккурьера привезли таинственные брезентовые тюки, в которых находились шифры и прочие причуды для шифрованной связи. В то время система телеграфного общения с Центром была исключительно примитивной. После того как шифровальщик превратит очередную телеграмму в колонки цифр, шифровка вручалась Базилю, и он отвозил ее на телеграф. Когда же приходила каблограмма из Москвы, ее привозил с телеграфа в посольство босоногий гонец на велосипеде. Ему вручалась небольшая мзда за то, что он не потерял по дороге драгоценные московские инструкции, и шифровальщик переводил цифры в слова.

Естественно, шифровальную комнату полагалось охранять круглосуточно. В отсутствие специальной охраны эта функция во вне рабочее время осуществлялась средним и младшим дипломатическим составом посольства, т.е. Михаилом и мной. Один

дежурил по окончании рабочего дня до полуночи, а другой – с полуночи до начала следующего рабочего дня (мы чередовались). Шифровальные таблицы хранились в сейфе. Рядом стояла большая бутылка с бензином и лежал коробок спичек. Инструкция предписывала в случае опасности захвата посольства злоумышленниками распахнуть сейф, облить шифры бензином и поджечь. Сейф печатывался, но не запирался, чтобы во время опасности не тратить время на поиск ключа и на попадание трясущимися руками ключом в замочную скважину. Дежуря, я мысленно видел себя А.С. Грибоедовым, терзаемым толпой диких аборигенов, которых направляет коварная рука полковника Роджерса³.

На моей памяти ЧП возникло один раз, когда дежуривший ночью Михаил поднял по тревоге весь наличный состав посольства во главе с послом. Часа в два ночи он обнаружил во дворе посольства (его территория в то время не охранялась за неимением охранников) постороннюю автомашину. Позвонили в полицию. Заспанный полицейский, взглянув на номер, сказал, что оснований для беспокойства нет, так как машина принадлежит мистеру такому-то, который дискретно посещает жену мистера такого-то, который живет неподалеку, а в настоящее время находится в отъезде. Был дан отбой. Автомашина исчезла с первыми лучами солнца.

На следующее утро посол распорядился нанять охрану из местного населения. Проблемы с этим не было, так как целый день посольство осаждали страждущие безработные. Я снял на время плакат «Апана кази», что на суахили означало отсутствие рабочих мест, и подобрал для представления руководству кандидатуры. Один из двух нанятых охранников по имени Том оказался

³ Александр Сергеевич Грибоедов (1795–1829) – русский писатель, дипломат, лингвист, историк, востоковед XIX века. Принимал участие в выработке условий Туркманчайского мирного договора между Россией и Персией во время Русско-персидской войны (1826–1828). В 1828 г. был направлен с дипломатической миссией в Тегеран, куда был назначен послом. Погиб 30 января 1829 г. в результате резни в российском посольстве в Тегеране, когда группа религиозных фанатиков устроила жестокие массовые убийства русских дипломатов и укрывавшихся в посольстве армянских беженцев. Негативное отношение персов к русским подогрели британцы, которые хотели сохранить Персию в сфере своего влияния и не допустить продвижения Российской империи к Индии. – *Прим. ред.*

не очень удачным выбором, так как по ночам устраивал в своей сторожке что-то явно не соответствующее задаче охраны посольства. С ним пришлось вскоре расстаться. А другой, по имени Фред, прижился и, помимо охраны, стал выполнять функции дворника, садовника и прачки. У него была большая семья – две жены и двенадцать детей. Всех их надо было кормить. Фред был небольшой сумрачный мужичонка, лет сорока. Я никогда не видел, чтобы он улыбался. Он был весь какой-то придавленный жизнью. Каково же было мое удивление, когда однажды я застал его хохочущим. После большой стирки он развесил белье на веревке, протянутой через весь посольский двор, а веревка не выдержала, лопнула и свежeweыстиранное белье упало на пыльную землю. Глядя на этот еще один удар судьбы, Фред заливался гомерическим хохотом. Или чувство юмора у него было прекрасное, или нервы у бедняги не выдержали.

Между тем деятельность посольства набирала обороты. По внутреннему распределению обязанностей в мои функции входило изучение партий и неправительственных организаций Танганьики, отправка на обучение в Советский Союз студентов и поддержание связей с представителями национально-освободительных организаций колониальных стран, которые либо имели свои постоянные представительства в Дар-эс-Саламе, либо наезжали туда время от времени.

Партия была всего одна – ТАНУ; понятно, что это правящая партия, а из неправительственных организаций – лишь несколько небольших профсоюзов. Так что первая задача больших хлопот не доставляла. Подбор и отправка студентов были значительно более хлопотным делом.

В.П. Елютин, пообещав в декабре предоставить Танганьике несколько сот стипендий, свое слово сдержал. В Дар-эс-Салам прибыл его представитель для отбора студентов. К сожалению, его выездные документы оформлялись очень долго и он прибыл уже после того, как англичане и американцы отобрали наиболее подготовленных ребят. Конечно, в претендентах нехватки не было, но образовательный уровень у большинства, даже с чисто формальной точки зрения – по числу законченных классов, оставал желать много лучшего. Тем не менее несколько сот танганьикцев были отправлены в Москву, где временно пополнили африканское население Советского Союза.

Мои функции на ниве образования хотя и были чисто организационными, занимали много времени. Надо было поддерживать постоянные контакты с местным министерством образования, организовывать встречи абитуриентов с представителем Елютина, переводить ему, приобретать авиабилеты и т.д. и т.п.

Более интересной была работа с представителями партий и организаций колониальных территорий. Она заключалась в том, что я с ними встречался, разговаривал о том о сем, они жаловались на интриги конкурирующих организаций и просили советской помощи – в основном денег, оружия, приема на учебу своих функционеров. Моя роль заключалась в том, что я, сопоставляя разные, часто противоречивые показания моих собеседников, составлял аналитические справки о положении в той или иной колонии, о политических партиях, организациях и лидерах, их политических ориентациях и борьбе между собой. Сочинял рекомендации о наших шагах и отдавал все это послу. Бумаги мои накапливались в канцелярии в ожидании дипломатической почты, которая приходила крайне редко. Вернувшись в Москву, я находил свои сочинения в приходившей из Дар-эс-Салама почте.

Собственно, в мою бытность в посольстве дишкурьеры приезжали только один раз. Их приезд хорошо запомнился еще и потому, что в первую же ночь их обокрали. Хорошо расслабившись после полного опасностей пути, они крепко заснули в отведенной им в посольстве комнате, оставив открытым окно (здание еще не было оборудовано кондиционерами). Проснувшись под утро (вот что значит профессиональная бдительность!), один из *динов* увидел проскользнувшего через окно постороннего человека. Пока дишкурьер («курок аж палец свел») выпутывался из противомоскитной сетки, свисавшей пологом над его кроватью, ворюшка выскользнул обратно, прихватив с собой подвернувшиеся под руку брюки одного из дишкурьеров, и был таков. По счастью, в карманах брюк была лишь одна зажигалка, а табельное оружие находилось под подушкой. Полиция была информирована об инциденте, но никаких последствий это наше обращение к правоохранительным органам, естественно, не имело.

А что же наш сторож Том? Как он мог допустить? А он или был в сговоре, или действительно ничего не видел и не слышал, будучи сильно занят в своей сторожке с очередной подружкой.

Случай этот стал последней каплей, переполнившей чашу терпения и побудившей посольство расстаться с жизнелюбивым стражем.

Из встреч с подпольщиками мне особенно запомнилась одна – с кенийским партизаном из движения Мау-Мау. В этом движении принимали участие крестьяне самого крупного кенийского племени кикуйю⁴, которые убивали других кикуйю, сотрудничавших с «белыми поселенцами» и колониальной администрацией. Были жертвы и среди «белых поселенцев». Движение вспыхнуло в 1952 г. и к 1956 г. было в основном подавлено англичанами. Остатки партизан, спасаясь от карателей, ушли далеко в непроходимые тропические леса и там затаились. Мой очередной посетитель был как раз оттуда. Это был высокий стройный парень с потрепанным саквояжем в руке. Отдышавшись в приемной посольства после дороги (жители глубинных районов не приспособлены к очень влажному климату побережья), он рассказал, что нелегально прибыл из лесов Кении с намерением рассказать советским представителям о бедственном положении народа кикуйю, полагая, что, узнав об этом положении, они помогут этому народу, прежде всего оружием.

– Только посмотрите, чем нам приходится воевать, – сказал он и достал из своего саквояжа нечто состоящее из металлической трубки, прикрученной проволокой к деревянному ложу.

Мой официальный статус, конечно, никак не соответствовал просьбе об оказании помощи оружием партизанам Мау-Мау. В конце концов мне удалось распрощаться с партизаном.

Довольно много приходилось мне общаться и с представителями соперничавших между собой партий Занзибара – Афро-Ширази и Националистической партии. Я им пытался объяснять, что нужно жить в мире друг с другом, чтобы совместными усилиями скорее покончить с колониализмом. Но убедить их в этом было невозможно. Жизнь моих знакомых окончилась трагически: они перебили друг друга в междоусобной борьбе за власть.

Первое время сотрудники посольства получали зарплату на временной основе, размер которой требовалось со временем

⁴ Кикуйю составляли 1 млн чел., т.е. 20 процентов африканского населения Кении 1950-х гг.

уточнить и подвести под это логическое обоснование. С этой целью из Москвы была прислана соответствующая инструкция с так называемым *финансовым набором*. Руководствуясь этим набором, требовалось указать, сколько стоят в Дар-эс-Саламе одежда, продукты питания и услуги, необходимые для проживания там советского дипломата. Заняться этим делом посол поручил мне.

Изучив *финансовый набор*, я узнал, что он был утвержден в 1928 г. в качестве общей инструкции для всех посольств, без какого-либо учета особенностей стран пребывания (в то время посольств было совсем немного и располагались они в странах, особенности у которых, конечно, были, но по меркам того времени поддавались *финансовому усреднению*). Поэтому мне предстояло выяснить стоимость различных предметов, необходимых для жизнедеятельности, включая шубы с меховым воротником (одна на три года) и шапки-ушанки (одна на три года), демисезонное пальто (одно на два года), мытье в бане (раз в неделю) и т.д.

С шубой, шапкой и пальто вопрос решился просто. Я пошел в одеждуную лавку и объяснил хозяину-индусу, что, возможно, мне придется поехать в Москву в разгар московской зимы и потребуются теплые вещи. Описав эти вещи (сукно, ватин, барашковый воротник и т.д.), попросил выяснить, сколько все это будет стоить. Хозяин, который, конечно, ни малейшего понятия не имел, что такое шуба, тем не менее в предвкушении барыша с большим вниманием отнесся к моему вопросу («Да, да, понимаю. Сибирь, мороз, медведь, водка...») Он предложил выписать компоненты из Новой Зеландии («там самое лучшее качество») и создать нужные мне предметы здесь, в его пошивочной мастерской. Через несколько дней я получил все необходимые выкладки с подтверждающей их документацией. Шуба, пальто и меховая шапка составили больше половины всей стоимости жизни советского дипломата в тропическом городе Дар-эс-Саламе.

Сложнее дело было с баней. Мои попытки найти какую-нибудь завалящую сауну успехом не увенчались. Пришлось представить в Москву стоимость членства в частном клубе, где после игры в теннис можно было помыться в душе.

В *финансовом наборе* были и еще любопытные статьи, дававшие представление о советском дипломате конца 1920-х гг. Ока-

зывается, ему полагалось бриться в городской парикмахерской, но только три раза в неделю. Или у советского дипломата тогда волосы медленнее росли, или легкая небритость была частью имиджа рабоче-крестьянского представителя.

На основании полученной таким образом величины стоимости жизни валютно-финансовое управление МИДа приняло шкалу зарплаты для сотрудников посольства. Вскоре, однако, *финансовый набор*, по которому исчислялась зарплата для сотрудников советских посольств, был отменен. Думаю, что данные о стоимости шубы в тропиках, где температура даже ночью не бывает ниже +27 или +28 градусов по Цельсию, внесли свой вклад в осознание идиотизма существовавшей методологии. Как зарплата стала исчисляться потом, я не знаю. По-моему, все стало зависеть от *пробивной силы* посла. Впрочем, по каким бы критериям зарплата советских дипломатов ни исчислялась, она всегда была в несколько раз ниже зарплат их западных (и не только западных) коллег.

В Танганьике я провел не очень много времени – около года. Относительная краткость пребывания (обычный срок командировки – три-четыре года) не способствовала широкому ознакомлению со страной, но, я думаю, позволила сохранить свежесть восприятия увиденного.

Прежде всего, что такое Дар-эс-Салам? В 1962 г. это был городок с тремя четко различимыми частями: *белый* район, индийские торговые улочки и африканские кварталы.

Белый район – это прежде всего белокаменный дворец генерал-губернатора, другие административные здания, несколько отелей, офисы крупнейших компаний. Все это – на побережье, где из-за бриза дышится полегче. Наконец, это порт. Порт большой. И неудивительно. Через него проходит (во всяком случае, в 1962 г. проходила) почти вся внешняя торговля страны. Есть и пассажирский причал.

Изредка сюда заходят⁵ круизные лайнеры. К приходу такого лайнера к причалу собираются торговцы всякого рода сувенирами. Больше всего изделий из черного эбенового дерева. Огромное количество масок, сделанных под ритуальные. Они выглядят

⁵ Я пишу в настоящем времени, хотя имею в виду, разумеется, то время, когда я жил в Дар-эс-Саламе, – 1962 г.

очень экзотично, и невзыскательные туристы – а их, конечно, большинство, – набирают их в большом количестве. Есть изделия, сделанные более искусно, но, так сказать, по типовым проектам. Это старик с посохом, африканская женщина, несущая на голове кувшин, фигурки различных африканских животных и т.д. Все это, в общем, дешевка. Но среди этого туристического ширпотреба можно найти действительно великолепные вещи, хотя стоят они во много раз дороже. Для этого нужно искать маконде. Маконде – это племя, обитающее на юге Танзании и в северной части Мозамбика. Оно славится – и по праву – своим искусством резьбы по дереву. Я видел два типа их изделий.

Во-первых, это *уджамаа*. Перевести это слово можно как «большая семья». Резчик берет толстый ствол черного эбенового дерева и превращает его в огромное количество соединенных в единое целое фигурок – старцев, взрослых мужчин и женщин, детей. Они держат друг друга за руки, обнимаются, стоят друг у друга на плечах, лезут все выше и выше. Изготовление этих *уджамаа* требует, конечно, большого труда и искусства. Это, так сказать, реалистическое направление в творчестве маконде.

Но есть и направление, которое отражает не реальных людей, зверей и т.д., а скорее каких-то духов, какие-то видения, которые могут пригрезиться человеку с фантазией в темном тропическом лесу, особенно если он пожевал при этом каких-нибудь галлюциногенных *мухоморчиков*.

Мне говорили, что Л.М. Ильичев, в свою бытность заместителем министра иностранных дел, курировавшим африканские дела, в результате своего визита в Танзанию вывез уникальные произведения маконде. А известно, что он был большим ценителем абстрактного искусства, создавшим свою великолепную коллекцию картин и скульптур в то время, когда он в качестве секретаря ЦК КПСС по идеологии боролся с проявлениями абстракционизма в советском искусстве.

Очень дорогие сувениры – резные изделия из слоновой кости, особенно если они сделаны из цельного бивня. Если будете покупать, следите, чтобы изделия были снабжены регистрационными номерами, свидетельствующими, что они вырезаны не из браконьерской кости. Вам выдается бумага с соответствующим номером, и он же наносится краской на изделие. Без номера таможня может отобрать сувенир.

А вот живопись. Это так называемая школа пото-пото. Она была создана западными миссионерами в долине реки Конго. По сути дела, это африканский примитивизм. Картинки обычно рисуются на черном, красном или зеленом фоне и изображают силуэты танцующих фигур, пейзажи, охоту и т.д. Не берусь оценивать художественные достоинства, но как декоративная экзотика пото-пото вполне может украсить стены московской квартиры. Помимо пото-пото, можно найти интересные картинки, сделанные из крылышек тропических бабочек. Богатство цветов необыкновенно, но... бабочек жалко.

А вот кого уж совсем жалко, так это попугайчиков. К прибытию лайнера в порт на продажу привозят (во всяком случае, привозили) большое количество разноцветных птичек. Туристы их охотно раскупают, не зная, что перед продажей их покормили зерном, смешанным с толченым стеклом. Попугайчики на следующий деньдохнут, и, по замыслу ушлых продавцов, туристы должны купить новых птичек. Наверное, некоторые покупают. Так поддерживается спрос. Сведения об этом я почерпнул из местной английской газеты «Танганьика Стандарт».

Если от порта поехать по Оушн-роуд, т.е. вдоль берега океана, на север, вскоре слева увидишь «Палм Бич» отель, справа – «Си Вью» отель, немного дальше слева – российское посольство, а сразу же за поворотом попадаешь в район вилл. Уж не знаю, в каком они сейчас виде, а в начале 1960-х гг. это был райский уголок. Часть вилл куплена иностранными посольствами под резиденции послов. Чудесная вилла была у посла КНР – прямо на берегу океана. Хорошо ее помню по вечерам советско-китайской дружбы (дружба давала трещины, и их надо было как-то подштукатуривать). У многих других послов тоже неплохие резиденции. Была там вилла и советского посла (возможно, она сейчас служит российской дипломатии), но она более чем скромна (экономия валюты – советско-российский налогоплательщик может не беспокоиться).

Если от порта пройти на запад, сразу за памятником Аскарис⁶ попадаешь на улочки с сильным индийским колоритом. Лавочки такие, лавочки сякие. И густой запах восточных специй. Не знаю,

⁶ В переводе с суахили – «солдат». Памятник Аскарис – это памятник неизвестному солдату, поставленный англичанами в честь африканских солдат, кото-

как там сейчас, поскольку многие индийцы вынуждены были под давлением африканизации покинуть Танзанию, а в 1962 г. здесь можно было купить все, что нужно для жизни, путешествий и прочих развлечений в Африке. А то, что нельзя было купить, можно было заказать из Лондона или иного подходящего места.

За индийскими улочками начинался африканский район. Ничего интересного там не было: одноэтажные домишки, лишенные какого-либо колорита, убогие лавчонки и пивные. Мне приходилось там бывать, когда я посещал различные мероприятия, организованные партией ТАНУ, а также когда встречался с партийными и профсоюзными функционерами. В то время африканцы чувствовали себя стесненно в *белых* ресторанах (хотя официального запрета не было и до независимости) и предпочитали забегаловки в *своем* районе.

Километрах в шестидесяти к северу от Дар-эс-Салама находится Багамойо. Сразу и не определишь, что это – большая деревня или маленький городок. Стоят глинобитные хижины. Растут кокосовые пальмы. Дорогу с громким кудахтаньем перебегают куры. Наверное, это все-таки деревня. Но вот появляется белоснежный замок с зубчатыми башенками. Это – «бома» (крепость). Она была выстроена в конце XIX века, когда Багамойо был административным центром Германской Восточной Африки. В замке располагалась резиденция немецкого губернатора. Значит, это все-таки город.

Когда-то Багамойо был основным портом на побережье. Здесь оставили следы все завоеватели Восточной Африки. Первыми в Восточную Африку проникли португальцы (еще в XVI веке), а за ними арабы. В нескольких километрах от Багамойо сохранились развалины арабских мечетей. В пальмовой роще разбросаны сложенные из серого мрачного камня остатки стен, арок, усыпальниц. А в самом городе сохранился старый форт. От него начинается дорога на запад. По ней вглубь континента отправлялись караваны, груженные заморскими товарами – стеклянными бусами, наконечниками для стрел, ножами, топорами, «огненной водой». Обрато они возвращались

рые погибли в Первой мировой войне (1914–1918), сражаясь на их стороне против Германии.

со слоновой костью, черепаховыми панцирями, пальмовым маслом, рогом носорогов, высоко ценившимся на Востоке за свои качества афродизиака.

А был и еще *товар*, за которым снаряжались специальные, вооруженные до зубов экспедиции, – рабы. Возникновение и расцвет Багамои связаны прежде всего с работоторговлей. Через него арабы, а позже и португальцы вывозили черных рабов. В Багамои сохранилась крепость-тюрьма, где держали рабов перед отправкой за океан. Мрачное сооружение, ничего не скажешь. «Место, где прощаются с последней надеждой» – вот что в переводе с суахили означает Багамои.

В окрестностях Багамои сохранилась «хижина Ливингстона». Отсюда Давид Ливингстон⁷ отправился в 1873 г. в свое путешествие, ставшее последним. Это небольшой домик, в котором (по крайней мере так было в 1962 г., когда я там побывал) жило какое-то африканское семейство. Это не музей. Музей Ливингстона находится совсем в другом месте – в Уджиджи, на берегу озера Танганьика, там, где произошла историческая встреча Давида Ливингстона с Генри Мортонем Стэнли⁸ (там мне, к сожалению, в отличие от Ливингстона и Стэнли побывать не удалось).

Как известно, великий путешественник и исследователь Африки Ливингстон однажды, во время очередного своего путешествия в глубь континента, пропал. Иными словами, никто о нем ничего длительное время не слышал. Собственно говоря, ничего удивительного в этом, наверное, не было. Ведь там, где он путешествовал, ни телефонной, ни телеграфной связи не было. Тем не менее его длительное отсутствие дало основания американской газете «Нью-Йорк Геральд» отправить английского журналиста Стэнли в Африку с командировочным предписанием, в котором была всего одна фраза: «Найти Ливингстона».

В конце концов Стэнли нашел Ливингстона и произнес свою знаменитую фразу: «Doctor Livingstone, I presume?»⁹ Представ-

⁷ Давид Ливингстон (1813–1873) – шотландский миссионер, путешественник, исследователь Африки, географ. От африканцев получил прозвище «Великий лев». Член Лондонского королевского общества. – *Прим. ред.*

⁸ Сэр Генри Мортон Стэнли (1841–1904) – британский путешественник, исследователь Африки, журналист. Рыцарь Большого Креста орлена Бани. – *Прим. ред.*

⁹ В переводе с английского – «Доктор Ливингстон, я полагаю?».

ляете, где-то в самой глубине тропической Африки, где гарантированно не может быть другого белокожего, кроме Ливингстона, Стэнли видит белого человека. Но он не знаком с Ливингстоном. Как в этих условиях один английский джентльмен может обратиться к другому английскому джентльмену, которому он не представлен? Очевидно, только так: «Doctor Livingstone, I presume?». Эта фраза прочно вошла во все словари крылатых фраз и цитат на английском языке.

Первый раз под дулом автомата

Очень неприятное чувство испытываешь, когда на тебя наставляют автомат. Причем ты знаешь, что тот, у кого он в руках, не знаком с заповедью «Не убий». Это чувство мне пришлось впервые испытать году, наверное, в 1984 г., когда я посетил с краткосрочной миссией Верхнюю Вольту, Нигерию и Гану. Причем по какой-то странной закономерности в каждой из этих стран перед моим прибытием происходили военные перевороты.

В Верхней Вольте, которая, пока я до нее добирался, стала Буркина-Фасо, автоматов на меня не направляли. Еще до моего вылета там произошла попытка переворота. Он был подавлен. При этом старое колониальное название было заменено на древнее название государственного объединения, которое, видимо, существовало на той территории до прихода французов.

Столица – Уагадугу. На окраине или, можно даже сказать, вне города – прекрасный комфортабельный отель (там я и располагаюсь). В центре города несколько современных зданий, где размещаются правительственные учреждения. Все остальное – типичная африканская деревня с грязью и лужами на латеритовых улицах¹.

На улицах – баррикады из чем-то набитых мешков. За ними – вооруженные солдаты. Оказывается, несколько дней назад здесь была попытка переворота и власти опасаются рецидивов.

Мои коллеги из посольства предлагают мне прокатиться по окрестностям Уагадугу. Едем. Ну, это, конечно, не Восточная Африка. Ландшафты меня совсем не впечатляют. Выжженная солнцем равнина с чахлыми кустиками. Но главная цель впереди. Это аттракцион под названием «кормление крокодилов». Как я понял, это основная достопримечательность, которой потчуют заезжих гостей. Происходит он у какой-то заболоченной речки. На берегу лежит в ожидании туристов *верхневольтиец*

¹ Латерит – красная глина.

(или *буркинафасец?*), а рядом сооружен небольшой плетеный загончик с дюжиной полудохлых цыплят. Получив соответствующую мзду, обозначенный абориген берет цыпленка, привязывает к его ногам веревку длиной с полметра и заходит в воду. При этом он что-то кричит и размахивает цыпленком, а цыпленок верещит. Откуда ни возьмись, из воды показываются крокодилы морды. Они хотят цыпленка. Поболтав цыпленка перед каждой мордой, человек скармливает его наиболее шустрому крокодилу, а сам быстренько выбирается на сушу.

Возникает вопрос: почему крокодилы пренебрегают человеком? Понятно, конечно, что цыпленок вкуснее, но ясно же, что одного цыпленка на всех крокодилов не хватит?

Возникает и другой вопрос: если здесь цыплятами кормят крокодилов, то, значит, не так-то уж плохо дело обстоит с питанием местного населения? На этот вопрос я тут же получаю ответ от сопровождающего меня коллеги: на деньги, которые туристы платят за скармливание одного цыпленка, можно купить по крайней мере десяток других цыплят.

Наше посольство размещается в небольшом неказистом здании. Вечером еду туда пообщаться с соотечественниками. Штат очень небольшой – я насчитал человек десять-двенадцать. Все очень рады гостью из Москвы. Я уже знаю: чем меньше точка и чем дальше она от Москвы, тем сильнее там общее радушие и гостеприимство.

Сегодня в посольстве большой день: через час начнется кино. Кинозал организуется во дворике посольства: натягивается экран (по-моему, он был сшит из нескольких простыней) и расставляются скамьи. Совсем как в сельском клубе где-нибудь в деревне *Недотыкомовке*. В луче проектора вьетса огромное количество мошкары и прочей тропической нечисти. Фильм древний, что-то из жизни советских животноводов. Тоска полная. Каково-то проработать в таком посольстве года три-четыре? А тут еще антиалкогольная кампания.

Но это еще не все: завтра лечу в Гану.

Чтобы перелететь из бывшей французской колонии в бывшую английскую, нужно сначала полететь в Париж, оттуда в Лондон, а потом уже к месту конечного назначения. В этом случае летишь французскими и английскими авиакомпаниями. Но это долго и дорого. Поэтому МИДовские специалисты

по экономии государственных средств из валютно-финансового управления нашли мне маршрут африканскими авиалиниями с двумя пересадками – в Абиджане и Лагосе. Все бы ничего, да в Абиджане разрыв между рейсами всего тридцать минут. Успеют ли перегрузить багаж? А если в Абиджан прилечу с опозданием?

Готовлюсь к тому, что с чемоданом, который предстоит сдавать в багаж, мне придется расстаться. Несмотря на жару, надеваю на себя костюм, в котором буду наносить визит министру иностранных дел, а сумку – *ручную кладь* – набиваю всем жизненно необходимым. Перед посадкой в Уагадугу делаю отчаянную попытку пронести свой чемодан в салон, чтобы в Абиджане, не ожидая разгрузки, нестись с ним на стыковочный рейс. Куда там! «Не положено». Прощай, мой верный спутник, мой ярко-желтый кожаный чемодан болгарского производства. Когда-то я тебя увижу, да и увижу ли вообще?

Проходит в самолет эlegantный экипаж – весь в белом, красиво контрастирующем с черной кожей. Осторожно интересуюсь у провожающих меня коллег из посольства, как обстоят дела с подготовкой местных кадров для летных дел. Они меня успокаивают, говорят, что в составе каждого местного экипажа на должности второго пилота есть какой-нибудь неафишируемый европейский ас. Его основная задача – поднять самолет в воздух, а потом посадить его. Ну ладно.

В Абиджан мы опаздываем совсем немного – минут на пятнадцать, но этого вполне достаточно для того, чтобы мой чемодан не был перегружен на лагосский рейс. Поэтомунисколько не удивляюсь тому, что ни в Лагосе, ни в Аккре, конечном пункте моего полета, чемодана, конечно, нет. Тем, кого взволновала судьба моего чемодана, сообщаю: я все-таки с ним встретился. Но это произошло через два месяца в Москве, когда мне позвонили из аэропорта Шереметьево и пригласили приехать за чемоданом. Помогла бирка с моим адресом и телефонами, которой он был снабжен.

Любопытная деталь: выходишь из самолета на трап и видишь расположившиеся полукругом военные джипы с направленными на тебя крупнокалиберными пулеметами. Как мне потом объяснили, в Гане недавно произошел переворот и новые правители опасаются попыток реставрации старого режима.

После нервной поездки хорошо отдохнуть среди коллег в кондиционированном помещении посольства. Ну что там в Москве-то? Какие веяния сверху идут? Новый генсек как себя показывает? А в МИДе-то что нового? Вопросы сыплются со всех сторон.

Ну и меня, конечно, просвещают по местным делам. После недавнего переворота обстановка стабилизировалась. Недавно на главной площади Аккры повесили предыдущих вождей, демонстрировали казнь по телевидению. К нам отношение хорошее, особенно после начала *перестройки*. Недавно кто-то поджег автомобиль нашего сотрудника, припаркованный на улице. Преисполненное лучших чувств местное население нашло преступника, повесило ему на грудь плакат «Я сжег автомобиль советских друзей», облило бензином и сожгло перед посольством.

Гана, как, впрочем, до этого и Верхняя Вольта, произвела на меня унылое впечатление. Вообще, Западная Африка с ее скучными однообразными пейзажами и общим убожеством не идет ни в какое сравнение с Восточной Африкой. Но особенно гнетущее впечатление произвела на меня Нигерия. Там тоже незадолго до моего приезда произошел переворот (да что они, стоворились что ли, как только куда едешь, так перед этим надо свергнуть кого-то?).

Итак... Самолет наш прибыл в Лагос с опозданием, приземлились часа в два ночи. Еще проходя паспортный контроль, я обратил внимание на то, что встречающие нас люди были в военной форме и вооружены автоматами. Я знал, что в Нигерии недавно произошел военный переворот, и поэтому воспринял их присутствие с пониманием. Ну да, конечно, опасаются *переворотчики*, что их могут перевернуть обратно. Ну, думаю, ничего – сейчас меня встретят наши ребята из посольства и все будет нормально.

Пройдя паспортный контроль, я, однако, не увидел радующихся моему приезду соотечественников, а вместо них ко мне приблизился *гориллообразный тонтон-макут*² с направленным прямо на меня автоматом. Ничего не говоря, он следил за каждым моим

² Тонтон-макуты, или Добровольческая милиция национальной безопасности, – военизированные вооруженные формирования на Гаити, которые служили опорой режима Франсуа Дювалье (1957–1971). Осуществляли карательные операции против оппозиции и их сторонников. В тексте это понятие употребляется образно как символ силы, жесткости, борьбы с инакомыслием и опоры политического режима. – *Прим. ред.*

движением. То же самое было предпринято другими автоматчиками и в отношении других (немногочисленных) бледнолицых пассажиров. Чернолицые пассажиры тоже не оставались без внимания, но все-таки не в индивидуальном порядке.

Так под конвоем я преследовал за получением багажа и, получив свой *чемоданишко*, вышел в помещение, где рассчитывал наконец увидеть посольских коллег. Увы, тщетно я пытался различить в чернолицой толпе хоть одно белое лицо. Меня обступила толпа аборигенов. Часть из них пыталась отобрать у меня чемодан, часто произнося «Такси, такси», а другие просто протягивали руки за подаванием. На этой стадии автоматчик от меня отстал, но я даже пожалел об этом, поскольку он все-таки был какой-никакой, но представитель власти, а теперь я остался один на один с неведомым мне народонаселением. Примостившись на лавке, я решил отдаться на волю провидения. Через час-полтора все-таки появились два встречавших меня представителя посольства. Они объяснили, что ждали меня у какого-то другого выхода. Ну да ладно.

Как я потом узнал, предыдущим нигерийским министрам удалось сбежать в Лондон. А в Лагосе было объявлено чрезвычайное положение. Вечернее и ночное движение по городу запрещено, а днем через каждые несколько сот метров приходилось проезжать через контрольно-пропускные пункты, где либо проверялись документы, либо по каким-то внешним признакам проверялась твоя благонадежность. Но в любом случае на тебя были направлены дула автоматов. Должен сказать, что-то в этом есть неприятное, когда на тебя направлено огнестрельное оружие.

Благодаря такому режиму мне мало что удалось увидеть в Нигерии. Свободное время провел на берегу океана и в общении с коллегами внутри посольского комплекса. Поужинали, конечно. Помимо кое-каких местных овощей, все остальные продукты были советского происхождения, доставляемые в Лагос дважды в год нашим пароходом. Как мне сказали, рыбу достать трудно (это на берегу океана-то!), и она очень дорогая. Попотчевали меня советской говядиной, которая, несмотря на длительное хранение в замороженном состоянии, в общем, поддавалась *прожевыванию*.

И тут мне раскрыли секрет, который до сих пор занимает почетное место в моей кулинарной *кунсткамере*. Оказывается,

чтобы сделать жесткое мясо съедобным, его надо выдержать несколько часов завернутым в листья папайи. Так делают местные жители с мясом, скажем, гишпопотама или других малосъедобных животных. В дальнейшем я испробовал этот рецепт при приготовлении шашлыка, когда мясо не выглядело достаточно нежным. За неимением листьев папайи клал в маринад немного мякоти плода. Получалось отменно. Но тут важно не переборщить и с количеством папайи, и со временем маринования. Важно ни в коем случае не передержать: мясо станет хотя и очень мягким, но дряблым.

Другая моя африканская поездка происходила по маршруту Каир – Браззавиль – Луанда. Конечно, мне больше всего понравился Каир. Моя поездка к пирамидам окончательно убедила меня, что они были построены веземными пришельцами, обладавшими какой-то мощной техникой. Думаю, что и сейчас притащить черт знает откуда гигантские каменные глыбы, обтесать их и соорудить из них эти *грандиознейшие* мавзолеи было бы далеко не просто. А ведь строили их несколько тысячелетий назад, когда ни инструментов, ни механизмов – подъемных и транспортных, – никаких не было. Мой совет тем, кто сомневается в инопланетном происхождении египетских пирамид: поезжайте в Египет и своими глазами убедитесь, что люди их построить никак не могли.

А какие замечательные люди египтяне: улыбчивые, приветливые, доброжелательные. Обмануть, конечно, могут. Даже обязательно обманут. Но все это весело, легко, с улыбкой. Даже и не жалко, что обманули.

Самое интересное место в Каире – базар. Огромный, город в городе, очень восточный, как из сказок Шехерезады.

Главные туристические развлечения – катание на верблюдах между пирамидами и танец живота. Катание понравилось. Сидишь на верблюде, как на корабле («корабль пустыни», как-никак), а он плывет себе, покачиваясь с носа на корму. А вот танец живота я не прочувствовал. Крутят животом и прочими местами упитанные восточные тетki, ну и что?

После Каира Браззавиль – дремучая провинция, деревня. Вечером деваться абсолютно некуда. В Лагосе или Аккре хоть на берег океана можно выехать, морскими брызгами подышать, на закат поглядеть. Здесь, кроме как в родное посольство, никуда

не подашься. На спортивной площадке заканчивается игра в волейбол. После волейбола – пиво. Больше – ни-ни, антиалкогольная кампания. Только смотрю, попившие пиво граждане небольшими кучками (примерно по три человека), а то и в одиночку тянутся за воротами. За воротами – маленькие лавчонки. Вот одна компания втиснулась в лавочку и, смотрю, в окне вырос силуэт горниста. Из горла, стало быть, в целях гигиены. Очень было интересно, что именно сограждане употребляют, но из деликатности удалился. А то подумают, что гость из Москвы обеспечивает выполнение установки партии на трезвую жизнь.

В посольстве меня приветствует временный поверенный (посол в отпуске). Мы с ним в лицо друг друга знаем, но ближе не пересекались. Поэтому он как опытный дипломат начинает общение осторожно, с *прощупывания*. Дескать, то да се, главная задача – обеспечить выполнение решения пленума о борьбе с пьянством. Со своей стороны говорю, что были случаи перегибов, а они компрометируют мудрое решение. Собеседник с энтузиазмом подхватывает тему перегибов. Говорит, что у них в посольстве понимают их опасность и поэтому партбюро приняло решение, запрещающее подачу виски и водки на протокольных мероприятиях, но разрешающее подачу джина. Воздерживаюсь от комментариев, чтобы не бросить критической тени на решение партбюро, но не могу скрыть вопросительного выражения лица. Поверенный в делах поясняет, что в полученном из Центра разъяснении допускается подача на приемах, обедах и ланчах сухого вина как слабоалкогольного напитка, но поскольку в посольстве нет сухого вина, то его решили заменить джином, который, по интерпретации посольского партбюро, невозможно пить, не разбавляя тоником.

Вспоминаю, сколько этого *легкого* напитка без всякого тоника я выпил в свое время с корреспондентом ТАСС в Танганьике Соляковым («для дезинфекции»), а вслух говорю, что, по моему мнению бывшего африканиста, решение партбюро удачно отражает местную специфику. Таким образом, наш диалог, приобретаемая консенсусные очертания, логически подводит нас к практическим действиям. «Катя! – кричит поверенный в сторону кухни. – Давай!» Из двери появляется столик на колесах, уставленный бутылками, стаканами и легкими закусками. Аперитив проходит в теплой непринужденной обстановке. Она еще больше

усиливается, когда мы перебираемся за стол, прихватив с собой бутылку джина. Крохотная бутылочка тоника тоже стоит на столе, но скорее символически. Подаваемые блюда оставляют желать много лучшего во вкусовом отношении. Поверенный поясняет: «У нас повар с узкой специализацией». Оказывается, он прибыл по путевке комсомола, а дома работал в шашлычной в качестве резчика лука. «Режет лук он артистически, – продолжает поверенный. – Но при этом курит, не выпуская сигареты изо рта, и пепел сылется в лук, который получается как бы со специями».

Другая, более крупная проблема – категорическое нежелание жен находиться вместе со своими мужьями на передовой линии внешнеполитического фронта. Вкусив в течение нескольких месяцев все прелести африканской жизни, они под любым предлогом уезжают домой и возвращаться не желают. В других африканских посольствах я слышал то же самое.

Из Бразавиля перебираюсь в Анголу. Луанда, должно быть, раньше, до гражданской войны, была очень красивым городом. Когда я увидел ее с высоты сторожевого холма, где все еще стоят старинные пушки, я замер от восхищения. Красивейший ансамбль белоснежных ажурных зданий, буйная тропическая растительность, живописная набережная с полоской пляжа, омываемого прибоем. Казалось бы, живи – не тужи. Но когда, спустившись с холма, мы приблизились к этой красоте, она растаяла, как мимолетное видение. Вблизи вся эта красота выглядела ужасно. Выбитые стекла, кучи мусора, полное запустение. Электричество и вода подаются несколько часов в сутки и не во все районы города.

С антиалкогольной кампанией пришлось столкнуться и в Луанде. Недавно пришедший советский пароход, который вышел из Одессы до постановления о начале кампании, привез большое количество разных запасов, в том числе и алкогольных напитков. Сообщение из Москвы о постановлении пришло после того, как пароход был разгружен, но еще не ушел из Луанды. Все спиртные напитки были погружены обратно. Как мне говорили коллеги из посольства, дешевле было бы утопить ящики со спиртным, но тогда в Москве могли бы заподозрить, что утопление сымитировано, а напитки остались в посольстве. А антиалкогольная кампания проводилась с таким рвением, что секли и правых

и виноватых по одному подозрению. Несмотря на попытки осуществить *перестройку*, система не сдавалась и наибольшую стойкость проявляла в отстаивании права на идиотизм. Эксперты считают, что последний смертельный удар по советской экономике был нанесен именно антиалкогольными мерами, поскольку государственный бюджет лишился крупнейшей статьи доходов – от продажи алкоголя, причем эта потеря не была компенсирована какими-либо иными доходами.

Перед отлетом в Москву в посольстве меня предупреждают, что хотя у меня и зарезервировано место в первом классе, надо будет поехать в аэропорт пораньше, так как этим же рейсом полетят наши рыбаки, сменившиеся в Луанде. Это значит, что, во-первых, никакого первого класса не будет (для увеличения числа посадочных мест салон весь перекомпонован в эконом-класс), а во-вторых, мест вообще может не хватить, так как обычно в таких случаях в самолет набивается пассажиров больше, чем продано билетов.

Мы успеваем вовремя, а уже через минуту салон наполняется грохотом и шумом – это ворвались наши морские волки. На нумерацию мест никто внимания не обращает, и каждый занимает первое попавшееся кресло. Такое впечатление, что самолет взят на абордаж. Многие пассажиры уже под газом (вот тебе и антиалкогольная кампания!), но главное веселье еще впереди.

На ребят смотреть одно удовольствие: веселые, крепкие, с продубленными солнцем и всеми ветрами лицами. Заняв места, они, не ожидая милостей от «Аэрофлота», тут же достают бутылки, фляжки и прочие емкости и возобновляют прерванное посадкой празднование окончания плавания. Весь полет, а он продолжается часов десять, в салоне не смолкают песни.

Мои соседи не моряки. Он инженер, отработавший несколько лет на медных коях Замбии, она – его жена, преподаватель английского языка. Возвращаются в Москву после окончания контракта. Замбия им нравится, но в последнее время ухудшилось отношение к белым.

«Черный» расизм – явление, к сожалению, довольно распространенное в африканских странах, где есть белое население. А его больше всего в Южной Африке, Зимбабве, Замбии, Кении. Первоначально главным объектом вражды со стороны черного

населения были «белые поселенцы», но постепенно она распространилась вообще на всех белых.

«Белые поселенцы» – потомки тех поселенцев, которые начали переселяться в Африку еще с XVII века сначала из Голландии, а потом из Англии и некоторых других европейских стран. Конечно, они занимали наиболее благоприятные для сельского хозяйства земли. Процесс этот был насильственным и сопровождался, как правило, кровопролитием.

Юг Африки по своему географическому расположению в Южном полушарии и соответственно по климатическим характеристикам может сравниться со своим северным антиподом – Грецией³. Именно поэтому он первым привлек европейцев. Высадившиеся там в 1650-х гг. голландские поселенцы стали продвигаться к северу, захватывая землю у местных племен либо обманом (обычно земля выменивалась на абсолютные безделушки), либо силой. В начале XIX века к бурам⁴ (так называли себя голландские поселенцы) стали присоединяться англичане.

Наиболее упорное сопротивление оказали зулусы. Войны с ними велись постоянно и сопровождались большими жестокостями.

Позже – на рубеже XIX и XX веков – возник конфликт между бурами и англичанами. Местные африканские племена, выбирая из двух зол меньшее, выступили на стороне англичан: от буров им доставалось сильнее. Видимо, это можно объяснить тем, что англичане, чувствуя за своей спиной поддержку великой державы – «владычицы морей» Великобритании – имели возможность проявлять по отношению к африканцам большую гибкость. Буры же, утратившие связи с родиной, могли полагаться лишь на собственные силы и шли ва-банк. Даже когда не было открытых войн между ними и африканцами, буры держали отряды командос, которые терроризировали черное население, захватывали африканские земли, скот и приводили из своих набегов африканских детишек, которых превращали в рабов.

³ Может возникнуть вопрос, почему в Греции зародилась древняя цивилизация, в то время как юг Африки оставался диким. Видимо, дело было не только в климате, но и в географическом положении: Греция находилась в центре большого региона, соседствуя и взаимодействуя с другими развивающимися народами, а юг Африки долгое время был полностью оторван от такого общения.

⁴ В переводе с голландского – «фермер».

Тем не менее российская *прогрессивная общественность* проявляла, как известно, большие симпатии к бурам в их войнах с англичанами. Несколько романтиков, потерпевших поражение на любовном фронте или проигравшихся в карты, даже отравились сражаться на стороне буров. И долгое время тема свободолюбивых буров будоражила русские души. Я еще помню песню «Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне»⁵, а Питер Мариц, юный бур из Трансвааля⁶, был моим любимым героем в довоенном детстве.

Если, скажем, стремление помочь сербам можно было объяснить какими-то этническими и религиозными мотивами (братья-славяне, православные!), опять же извечной борьбой с турками за проливы, то симпатии к бурам ничем иным, кроме как исключительно романтическими мотивами, объяснить невозможно. Может быть, правда, сыграло свою роль и стремление насолить англичанам (ведь «англичанка гадит»!). Должен признаться, что когда во время моих африканских странствий мне приходилось знакомиться с южноафриканцем бурского происхождения, я всякий раз вспоминал: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя! Ты вся горишь в огне!».

В общем, на юге Африки происходило примерно то же самое, что происходило и в будущих Соединенных Штатах Америки, когда белые пионеры точно такими же методами *оттыпывали* у краснокожих земли. Но, в отличие от чернокожих южноафриканских аборигенов американские и канадские индейцы оказались менее стойкими в отношении привезенных из Европы болезней и алкоголя.

В конце концов, однако, *порядок* в Южной Африке был наведен, и назвали этот порядок апартеидом. Ушат гневной критики был вылит советской пропагандой на это безобразное явление, но вот что характерно: в основном обличались (кстати, часто справедливо) последствия апартеида, однако на том, что же такое сам апартеид, внимание не очень заострялось. Объясне-

⁵ Слова из старинной русской песни. В ее основе – стихотворение русской поэтессы и участницы российского либерально-демократического движения Галины Галиной (урожд. Глафира Николаевна Мамошина; 1870–1942) «Бур и его сыновья», которое было опубликовано в 1899 г. – *Прим. ред.*

⁶ «Питер Мариц – юный бур из Трансвааля» – повесть немецкого писателя XIX века Августа Нимана (1839–1919). – *Прим. ред.*

ние этому я нахожу в том, что южноафриканский апартеид при ближайшем рассмотрении очень сильно напоминал наши собственные порядки. Только в Южной Африке он был основан на расовой дискриминации, а у нас – на социальной. Ведь апартеид – это система, основанная на паспортизации с пропиской. Чтобы покинуть свою резервацию, черный африканец должен был получить разрешение администрации в виде пропуска (там он назывался не паспортом, а пропуском, но сути это не меняло). В районах проживания белого населения он мог оставаться только до тех пор, пока ему это разрешалось (обычно пока требовался его труд на каких-то черных работах). Точно так же советский колхозник не мог покинуть свою деревню, не получив на это разрешения в виде паспорта. Если ему удавалось это сделать, но в городе его не прописывали, наш *абориген* вынужден был возвращаться в свою резервацию, т.е. в родную деревню.

Любопытный факт: при апартеиде население Южной Африки выросло более чем в три раза: с 12,5 млн в 1951 г. до 38,9 млн в 1991 г. Рост происходил в основном за счет черного населения, относительная численность которого поднялась с 68 до 76 процентов⁷. Если учесть, что рост рождаемости обычно бывает связан с улучшением материальных условий жизни и здравоохранения, то, видимо, придется признать, что порядок, каким бы плохим он ни был, все-таки лучше, чем беспредел.

Более или менее компактный слой «белых поселенцев» сложился также в Восточной Африке, в основном в Кении. Здесь селились главным образом англичане. И здесь их отношения с коренными жителями были далеко не безоблачными. Именно в Кении возникло в 1952 г. и продолжалось до 1956 г. движение *Мау-Мау*. Племя кикуйю, доведенное до отчаяния притеснениями со стороны «белых поселенцев», создало партизанские отряды, которые убивали поселенцев и сотрудничавших с ними кикуйю, совершало поджоги, угоняло скот. «Белые поселенцы», видимо, так смогли организовать себя, что находились в относительной безопасности: за четыре года их погибло 32 человека, т.е. меньше, чем в автомобильных авариях за тот же период времени. Значительно больше пострадали сотрудничавшие с ними

⁷ Reader J. Africa: A Biography of the Continent. Penguin UK. 1999. 816 p.

африканцы: погибло около 2 тыс. лояльных англичанам кикуйю. Зато повстанцев было убито 11,5 тыс.⁸ Для подавления восстания англичане, в помощь местным полицейским силам численностью в 46 тыс., перебросили 11 батальонов и эскадрилью бомбардировщиков. Достаточно, чтобы залить страну кровью.

И все-таки нужно признать, что и в Южной, и в Восточной Африке «белые поселенцы» вложили много труда и капитала в освоение земель, сделали их плодородными. Именно они построили замечательные города – Кейптаун, Йоханнесбург, Найроби. А сами они стали частью коренного населения. И если для «белых поселенцев» английского происхождения Африка стала второй родиной, то для буров она, несомненно, родина единственная. Они и современный голландский язык-то почти не понимают. А говорят они сами на языке, который называется африкаанс. Он образовался на основе старинного голландского под влиянием южноафриканских языков – кафрского, зулу, банту, ну и конечно, английского.

Общаясь с «белыми поселенцами», я ловил себя на мысли, что они чем-то напоминают наших казаков. Оказавшись во враждебном окружении, один на один с дикой природой, они, хлебопашцы и воины, закалились в борьбе и с *немирными* туземцами, и с природными невзгодами и выковали передаваемые из поколения в поколение качества – выносливость, стойкость, силу духа. Но что касается «белых поселенцев», это уже перевернутая страница. Госпожа история не простила им их лихого дебюта и в эндшпиле ударила обратным концом – черным расизмом.

Вот такие мысли возникли у меня, когда 15 лет спустя я вспоминал рассказы моих случайных попутчиков по путешествию из Лусаки в Москву об их жизни в Замбии.

⁸ Reader J. Africa: A Biography of the Continent.

Африканское послесловие

Занимаясь африканскими делами, я как-то получил предложение от одного солидного издательства (кажется, оно называлось «Мир») написать внутреннюю рецензию на книгу одного южноафриканского автора под названием «Последние тайны старой Африки»¹. У издательства было намерение перевести эту книгу, но смущало то, что автор белый (а следовательно, наверное, расист). Ему требовалось заручиться мнением какого-нибудь официального лица, хотя бы и высказанным в приватном порядке, что, мол, издавать можно.

Книга мне понравилась. В ней были собраны различные занятные истории, связанные с Африкой. Например, рассказывалось о том, как с помощью звуковых (тамтамы) и визуальных (дым от костров различной степени интенсивности и окраски) сигналов в Африке передаются новости, причем гораздо быстрее, чем по обычному телеграфу. Приводились случаи группового гипноза, когда фокусник-гипнотизер подбрасывал вверх веревочную лестницу, она якобы повисала в воздухе, и он (тоже якобы) взбирался по ней. Много было интересного в этой книге, и я с легким сердцем дал ей путевку в жизнь. Ну а что касается мнимого расизма автора, я написал, что ни в чем дурном он вроде бы замечен не был, да и вообще книга к политике не имеет отношения, а африканцы предстают в ней мудрыми людьми, глубоко знающими и хорошо понимающими и человеческую психологию, и окружающую их природу.

По прошествии какого-то времени вновь звонит мой заказчик-редактор и говорит, что книга переведена, готовится к изданию, но у издательства возникла неожиданная проблема. Оно заказало предисловие одному ученому – эрудиту во многих

¹ Речь идет о книге «Последние тайны старой Африки» Лоуренса Грина (1900–1972), южноафриканского писателя, журналиста и путешественника XX века. – *Прим. ред.*

областях, но он представил такое предисловие, которое исключает опубликование книги. В нем утверждается, не много – не мало, что автор книги ниспровергает теорию Дарвина, заманивается на марксистскую философию и объективно льет воду на мельницу расистов, поскольку в одной из глав утверждается, что африканцы происходят не от одной общечеловеческой обезьяны, а от своей собственной африканской обезьяны, к которой европейцы отношения не имеют. Редактор просил меня, как автора сугубо положительной рецензии, либо попытаться написать совместное предисловие, сгладив углы, либо написать параллельное предисловие, в котором оспаривались бы жуткие обвинения эрудита-ортодокса. На мой вопрос, как мне встретиться с автором предисловия, редактор сказал: «А я сейчас передам ему трубку».

Из последовавшего разговора выяснилось, что никаких телефонов – ни домашнего, ни рабочего – у автора предисловия нет, но что он прямо сейчас готов договориться о времени и месте встречи. Тут же и договорились: встретимся на следующий день в шесть вечера у входа в метро «Библиотека имени Ленина», что с Калининского проспекта. На мой вопрос: «А как я Вас узнаю?» – мой собеседник ответил: «Очень просто. Я буду в темно-коричневом плаще, какие носили до войны»². Я, конечно, прекрасно помнил эти плащи. Они были жесткими, как будто сделанными из кровельного железа, и сильно пахли резиной. Узнать в таком плаще нужного человека в середине 1960-х гг. было действительно проще простого: ничего подобного тогда, конечно, уже не носили.

Человека в темно-коричневом плаще довоенного образца я увидел издали. Шел он с определенным трудом. В руках держал под стать плащу сильно потрепанный портфель. Был он весь как бы вышедший из далекого прошлого. А когда заговорил, обнаружилось, что зубов у него почти нет.

Познакомились. Если мне память не изменяет, звали его Алексей Иванович Решетников. Он мне передал текст своего злополучного предисловия. Условились, что попытаемся сделать его совместным, для чего я приготавливаю к следующей встрече необходимые дополнения и поправки. А встречу он предложил про-

² Имеется в виду Великая Отечественная война (1941–1945). – *Прим. ред.*

вести у него дома, пояснив, что по причине нездоровья предпочитает из дома лишний раз не выбираться.

В назначенное время я был на Аминьевском шоссе, в «хрущобе», где проживал мой потенциальный соавтор. Дверь открыла женщина, примерно моего возраста, т.е. лет тридцати с небольшим. Обстановка квартиры, прямо скажем, о достатке не свидетельствовала.

Как выяснилось при дальнейшем знакомстве, до войны Алексей Иванович занимался археологией. Участвовал в раскопках, писал научные труды. Круг его интересов был весьма широк: изучал историю цивилизаций, происхождение жизни на Земле. В 1937 г. был арестован. Работал на рудниках в Средней Азии, сначала как заключенный, потом как ссыльный. В 1956 г. был реабилитирован и вернулся в Москву. Из родных осталась лишь дочь (она и открыла мне дверь).

Часа за два мы согласовали совместное предисловие. Соавтор мой оказался не только эрудированным, но и умным, наша совместная работа доставила мне большое удовольствие. Мы довольно быстро поладили на том, что хотя в книге много спорных утверждений, в целом она будит мысль читателя. Эта нехитрая концепция и легла в основу совместного предисловия. При этом наши роли распределились таким образом: мой соавтор оспаривал то, с чем был не согласен в книге, а я объяснял, почему должна пробудиться мысль. На протяжении всей нашей работы я пытался найти объяснение крайней ортодоксальности его первоначальной версии предисловия. Что это – идеологическая зашоренность или запуганность? Наверное, было и то и другое, причем спаянное воедино.

Книга вскоре вышла, была быстро распродана, стала раритетом, и я не успел приобрести ни одного экземпляра. Поэтому пишу по памяти и даже имя моего соавтора, с которым я больше не встречался, воспроизвожу приблизительно. Но очень хорошо помню ощущение трагедии этого человека – искалеченная жизнь, подорванное здоровье, изломанная личность. За что? Ради чего? А таких были миллионы...

Если завтра война

В конце 1950-х гг. я, как молодой дипломат, был вовлечен, видимо за неимением других *общественных нагрузок*, в так называемую гражданскую оборону высотного здания на Смоленской площади, т.е. основного помещения МИДа и Министерства внешней торговли. *Нагрузка*, откровенно говоря, была не очень велика (в этом была ее несомненная прелесть). В общем она свелась к нескольким инструктажам на тему: что делать в случае тревоги об атомном нападении. После общих слов на поверхности нас повели под землю, т.е. в те подземные помещения под высотным зданием, которые должны были служить атомным убежищем.

Поскольку подписок о неразглашении с нас не требовали, я беру на себя смелость разгласить некоторую информацию, которая меня удивила и даже потрясла.

Оказалось, что убежище это – «третьей категории», т.е. оно годится для спасения только в том случае, если атомный взрыв произойдет довольно далеко (не помню, в скольких именно километрах). Это была *плохая новость*. А *хорошая новость* заключалась в том, что если здание повалится, то подземный ход позволит выбраться из-под обломков по другую сторону Москвы-реки, где-то в районе Киевского вокзала. Но выбираться следовало только в случае сигнала об отсутствии радиологической опасности. А до него надо будет жить в убежище, для чего там имелись (так, во всяком случае, заверил нас инструктор) запасы еды и питья. Кто-то из *гражданских оборонщиков* поинтересовался, на какое время рассчитаны эти запасы. Инструктор, хмурый отставной военный, с неодобрением взглянув на любопытного, ответил: «До сигнала об отсутствии радиологической опасности».

Первая задача нашего отряда гражданской обороны заключалась в том, чтобы при сигнале об атомном нападении занять входы в убежище и впускать тех, кому положено, и не впускать иных. Далее состоялся диалог, который меня и потряс.

– А кому положено и кому не положено?

– Вам будут сообщены номера и серии удостоверений тех, кто работает в этом здании, кому положено.

– А на скольких работающих в этом здании рассчитано бомбоубежище?

– На одну треть.

– А что будет с остальными двумя третями?

– Они будут спасаться в других убежищах.

– Ведь *неположенных* будет значительное большинство, как обеспечить проход *положенных*?

– В этом будет заключаться ваша главная задача.

Через три года после этого инструктажа я возвращался из своей африканской командировки. Путь мой пролегал через Париж. А было это в конце октября 1962 г., т.е. в самый пик Карибского кризиса. Вся западная пресса писала о грозящем миру «атомном Армагеддоне». Правда, Париж жил своей парижской жизнью. Никто не спешил прятаться в атомных бомбоубежищах. Ведь *атомные дубинки* были занесены не над Европой. Но Москва-то была под этой дубинкой. Абсолютно никакой тревоги в Москве не ощущалось. А я прибыл 25 октября! Объяснялось это просто: наши люди просто не знали ничего о драматичности момента. Их этим не беспокоили, потому что все равно спастись было негде. Ну конечно, потом было разъяснено: миновал, мол, самый опасный момент в холодной войне, а дальше все будет хорошо.

В конце 1990-х гг., работая в Женеве, я снял квартиру в доме, где рядом с подземным гаражом под домом было несколько десятков запечатанных отсеков, в каждом из которых был унитаз и какие-то железные ящики. А общая дверь в помещение с этими отсеками была толщиной сантиметров в тридцать и запиралась при помощи закручивающихся рычагов. Управдом нам объяснил, что это атомное бомбоубежище, где имеется все необходимое для жизнеобеспечения в течение трех лет. Может быть, конечно, он и загнул насчет трех лет-то. Но до сих пор в Швейцарии дома строят с атомными бомбоубежищами. Таков закон. Может быть, это перебор? Скорее всего, перебор, по крайней мере для текущего момента. Но ведь дома-то строятся не на какие-нибудь 20–30 лет. А что там дальше получится, нейтральные швейцарцы не знают, но на всякий случай...

ГЛАВА ВТОРАЯ

НА ТРОПЕ РАЗОРУЖЕНИЯ

Тысяча первая

В сентябре 1966 г. закончил я с африканскими делами и стал сотрудником Отдела международных организаций (ОМО) отечественного МИДа. Оказался в референтуре по разоружению, а помещалась она в комнате № 1001.

В небольшой комнате стояло восемь больших канцелярских столов и диван. Приписано же к комнате было двенадцать сотрудников. На диван приходилось, таким образом, четыре человека. Тесновато. Мне предложили временно занять стол коллеги, который в то время находился в краткосрочной командировке. Потом, когда он вернулся, я пересел за другой временно свободный стол. Так продолжалось до тех пор, пока один из обитателей комнаты не уехал в долгосрочную командировку. Тогда я стал обладателем собственного стола.

Вообще пребывание двенадцати человек в комнате, предназначенной максимум для восьми, было возможно только потому, что часть сотрудников всегда находилась в командировках. Сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Комитета по разоружению, Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), другие международные форумы требовали участия обитателей комнаты № 1001. Но в конце декабря, когда все переговоры и конференции прерывались, народ собирался. И тогда, конеч-

но, было не до работы. Возвращались из дальних странствий, естественно, с дарами. Обычно – виски. Впрочем, в рабочее время старались воздерживаться от возлияний, хотя это и не всегда получалось. Но обмен впечатлениями и мыслями в любом случае происходил *интенсивнейший*.

Конечно, и в обычное время, при меньшем скоплении народа, работать в комнате было трудно. Обычно здесь выполнялась рутинная работа (чтение информационных материалов и т.д.), а для творческих дерзаний удалялись в кабинет одного из замзавов, который, если он в это время не находился в командировке, освобождал временно помещение, перемещаясь в 1001-ю.

Руководил референтурой в то время Иван Чепров, умнейший человек и светлейшая личность¹. Я подружился с ним еще в Комитете информации и был очень рад вновь с ним воссоединиться.

Все мы, обитатели 1001-й комнаты, были примерно одного возраста (35–40 лет), многие хорошо друг друга знали еще с институтских времен и, если хотите, были объединены некоей романтической идеей – подсократить эти чертовы вооружения, которые требуют так много средств на свое совершенствование и производство. Дух товарищества и единомыслия, не говоря уже о корпоративности, очень был силен в лучшие годы «славной референтуры».

Благодаря этому духу скученность наша в одной комнате не была обременительной. Я бы сказал, она в значительной степени способствовала развитию творческой обстановки. Обмен свежими анекдотами вполне мог перейти, например, в обсуждение технических возможностей МАГАТЭ по контролю над ядерным оружием. Порой из того треша, который велся в комнате, возникали идеи, успешно реализовавшиеся впоследствии в политике. Пример – разработка Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Роланд Тимербаев, Марат Антясов, Володя Шустов, Олег Гриневский – столпы «славной референтуры» – немало своего интеллекта вложили в договор. Роланд Тимербаев в своей книге «Россия и ядерное нераспространение»² свидетельствовал о целом ряде идей, выдвинутых советской стороной

¹ К большому горю всех знавших его, он умер очень рано – было ему всего сорок лет.

² Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М.: Наука, 1999. 383 с.

на переговорах по ДНЯО. Однако жанр книги, представлявшей собой безупречное историческое исследование, не позволил ему рассказать о том, что многие из этих идей рождались и, во всяком случае, первоначально обсуждались в сугубо неформальной обстановке. А это было именно так.

В дальнейшем жизнь, естественно, разбросала нас. Но сталкиваясь на жизненных перекрестках, мы с большой теплотой вспоминали те замечательные годы, которые провели в 1001-й комнате.

Нередко в комнате возникали и разговоры на общеполитические темы, причем носили они весьма критический характер. Конечно, никто из нас не был диссидентом. Часто, бывая в западных странах и регулярно читая западную прессу и литературу, мы имели возможность видеть несоразмерность того пропагандистского шума, который поднимался на Западе вокруг советских диссидентов, и их подлинной, почти нулевой роли внутри страны. Критическому, неортодоксальному осмыслению подвергалась не только официальная советская политика, но и политика других стран. Конечно, все мы проводили официальную политику Советского Союза, иного и быть не могло. Но при этом не терялись ориентиры, которые позволяли избегать глупостей.

Конечно, я не думаю, что 1001-я комната была единственной в МИДе, где царил критический дух. Нечто подобное в той или иной форме наблюдалось и в других подразделениях МИДа. Доступ к источникам информации, которой было лишено подавляющее большинство советских людей, делал свое дело. Причем я лично не знаю случаев, когда *вольные разговоры* влекли за собой каких-либо репрессивных последствий.

Возглавляя ОМО в то время Кирилл Васильевич Новиков, человек государственного ума и широкого кругозора. Он предоставлял большую самостоятельность своим воспитанникам, и *птены гнезда Кириллова* не подводили его.

Про Кирилла Васильевича ходило много легенд. И про то, как в 1943 г. он сопровождал Уинстона Черчилля в Тегеран на конференцию, и как попал он в поле зрения И.В. Сталина, который ценил его советы (на знаменитой фотографии за круглым столом на Потсдамской конференции 1945 г. он сидит прямо за Сталиным), и про многое другое. Я про это слышал из вторых или третьих уст и поэтому не берусь пересказывать эти истории. Я же

застал Кирилла Васильевича уже в пожилом возрасте, поседевшего в дипломатических баталиях, но отнюдь не утратившего живой ум, цепкую память и способность моментально ухватить суть вопроса. Уважительное отношение к своим подчиненным, независимо от занимаемых ими должностей, и доверие к своим заместителям и помощникам подкрепляли его непререкаемый авторитет в отделе. Эта непререкаемость, однако, ни в коей мере не мешала нам высказывать и отстаивать свою точку зрения.

В 1973 г. К.В. Новикова, ушедшего на пенсию, сменил Виктор Леонович Исраэлян. Сначала он сильно возмутился тем, что в его отделе существует какая-то каста неприкасаемых *разоруженцев*, к тому же поклоняющаяся его предшественнику – Новикову. Он попытался доказать, что незаменимых специалистов не существует и поклялся разогнать 1001-ю комнату. Однако, как умный человек, он скоро понял, что в его же интересах этого не делать. Любой, самый верный и преданный тебе человек не станет специалистом в одночасье. А с другой стороны, никто из нас не рассматривал свою работу как служение кому бы то ни было персонально, будь то наш кумир К.В. Новиков или малознакомый пришелец В.Л. Исраэлян. Надо сказать, Виктор Леонович сам вскоре увлекся разоруженческой проблематикой и наши отношения полностью наладились.

В советском МИДе, я в этом неоднократно убеждался, работали высококлассные профессионалы (надеюсь, эта школа не утеряна и в российском МИДе). Подавляющее большинство – выпускники МГИМО. Конечно, чтобы стать специалистом по какому-то вопросу, нужно не один год проработать на соответствующем направлении. Но для тех, кто занимается военно-политическими вопросами, этот срок должен быть более длительным. Дело в том, что эти вопросы требуют сочетания знаний в различных областях. Помимо обычной гуманитарной подготовки, достаточной для многих других внешнеполитических направлений, здесь необходимы и чисто технические познания в делах, связанных с вооружениями. В то время приобрести их можно было только на практической работе. Не исключаю, что сейчас, когда стало возможным почерпнуть какую ни на есть информацию по военным делам из различных публикаций, приобрести военно-политическую квалификацию легче. Но тогда, вплоть до 1990-х гг., царила полная секретность.

Управление кадров, следуя своей концепции ротации, неоднократно провозглашало *крестовый поход* против окопавшихся в треугольнике Москва–Женева–Нью-Йорк *разоруженцев*, пытаясь отправить их послужить в посольствах в странах Африки и Азии, а на их место посадить специалистов *по слаборазвитому развитию*. И никто вроде бы не возражал против концепции ротации. Однако каждый раз, когда кого-либо из нас вызывали в кадры и предлагали в порядке расширения профессионального кругозора поехать в какую-либо экзотическую страну (разумеется, с повышением в должности), разыгрывался следующий сценарий. Вызванный благодарил за лестное предложение и обещал подумать. Потом он шел к своему начальству и вопрошал, чем же он прогневал его и за что же его списывают с корабля. Начальство приходило в ярость из-за того, что «кадры опять партизанят» и без согласования с ним дергают людей. После этого свое начальство звонило кадровому начальству и изливало эту ярость, а заодно сообщало, что сотрудник, о котором идет речь, – высококлассный специалист в области ядерных, обычных и всех прочих вооружений и их сокращения и о его уходе из отдела может пойти речь только при условии адекватной замены. Адекватная же замена может прийти только из наших представительств в Нью-Йорке (при ООН) или Вене (при МАГАТЭ), а также из посольства в Вашингтоне. Кадровое начальство огрызалось, конечно, но при этом понимало, что в случае дальнейшего развития конфликта для его разрешения может быть введена тяжелая артиллерия – министр, а он-то не даст в обиду *разоруженческую мафию*.

Действительно, А.А. Громыко лелеял разоруженческое направление (оберегал и поощрял он также американистов, которые, впрочем, в значительной степени тоже занимались разоруженческой проблематикой). Интересное свидетельство отношения Громыко к этому направлению советской внешней политики можно найти в воспоминаниях его сына Анатолия, который воспроизводит следующие слова отца: «На фоне гонки вооружений с обеих сторон договор 1968 г. (о нераспространении) был особенно важен. Он показал, что с США и Англией, двумя столпами НАТО, мы можем решить важную проблему. После подписания в Сан-Франциско Устава ООН это была моя вторая по значению подпись под историческим документом.

Очень рад был достижению этого соглашения Брежнев³, да и все советское руководство»⁴.

На Западе Громыко, руководивший советской внешней политикой почти три десятилетия, прочно вошел в сознание людей как «Мистер нет». Это понятно, но, безусловно, несправедливо. Понятно, потому что Громыко всячески подчеркивал свою жесткость по отношению к Западу, непримиримость в отстаивании социалистических ценностей. Таковы были правила игры в высшем советском руководстве того времени. Конечно, Громыко был действительно тверд. Но в то же время он умел идти на компромиссы, хотя всегда подавал их как *очередную победу Советского Союза*.

Участие Советского Союза в переговорах по сокращению и ограничению вооружений и другим вопросам международной безопасности положительно сказывалось не только на оздоровлении политического климата в мире, но и на внутренних порядках, способствуя развитию правовых основ, большей открытости, вовлечению гражданских экспертов в рассмотрение военно-политических вопросов.

Вспомним хотя бы процесс многолетнего формирования Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Участие Советского Союза в этом процессе, несомненно, подготовило почву для реформ, которые начались в середине 1980-х гг. Уверен, что и А.А. Громыко, и руководитель советской делегации на переговорах по подготовке хельсинкских документов заместитель министра А.Г. Ковалев прекрасно понимали значение хельсинкского процесса для демократизации внутренней жизни советского общества. Через достигнутые международные договоренности Советский Союз принял на себя обязательства в отношении цивилизованных норм в области прав человека, свободы слова и передвижения и т.д. Это повлекло за собой и вполне практические действия: например, советское руководство вынуждено было пойти на некоторые послабления в режиме выезда за границу.

³ Леонид Ильич Брежнев (1906–1982) – в те годы генеральный секретарь ЦК КПСС (1964–1982). – *Прим. ред.*

⁴ *Громыко А.* Андрей Громыко. В лабиринтах кремля: воспоминания и размышления сына. М.: Автор, 1997. С. 49. Цит. по: *Тиммербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968.

Свидетельствует участник переговоров Ю.Б. Кашлев: «После того как Л.И. Брежнев вместе с 34 лидерами других стран подписал в Хельсинки Заключительный акт СБСЕ⁵, ряд членов нашей делегации были награждены орденами, А.Г. Ковалева же М.А. Суслов занес в черный список за то, что он «пропустил» обязательства по свободе передвижений, правам человека и т.д., звучавшие тогда для Москвы как фантастика»⁶. В результате А.Г. Ковалев так и не стал членом ЦК КПСС. В 1977 г. 10 принципов взаимоотношений между государствами из хельсинкского Заключительного акта целиком вошли в новую Конституцию СССР. По свидетельству Кашлева, инициатива этого включения исходила от А.Г. Ковалева.

Вернусь, однако, к тому, чем я занимался в МИДе на протяжении двадцати пяти лет, после того как ушел с африканского направления, – к разоружению.

Этот термин – разоружение – не нужно, конечно, понимать слишком буквально. В контексте деятельности МИДа это не более чем профессионально-жаргонное обозначение широкого круга военно-политических вопросов и связанных с ними проблем мирного использования атомной энергии и космоса. Именно этими вопросами занимался Отдел международных организаций⁷, когда я пришел туда в 1966 г. В конце 1980-х гг. они перешли во вновь созданные Управление по ограничению вооружений и разоружению (УПОВР) и Отдел по мирному использованию ядерной энергии и космоса (ОЯЭК).

Итак, что же означало это *разоруженческое* направление советской внешней политики для политики внутренней?

Как видно из приведенной выше цитаты из книги Анатолия Громько, советское руководство высоко оценило Договор о нераспространении ядерного оружия. Его заключение показало, что Советский Союз может решать важные международные вопросы со *столпами НАТО* – США и Великобританией. Договор

⁵ До 1 января 1995 г. ОБСЕ носила название Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) и представляла собой не международную организацию, а международный форум. – *Прим. ред.*

⁶ Кашлев Ю.Б. Человек разрядки (А.Г. Ковалеву – 75 лет) // Дипломатический вестник МИД РФ. 1998. Июль. № 7. С. 61.

⁷ ОМО занимался также и другими политическими вопросами деятельности ООН и других международных организаций.

закрыл вопрос о допуске ФРГ к ядерному оружию, будь то создание многосторонних ядерных сил (МЯС) НАТО или какая-либо иная форма.

Однако выполнять этот договор должны были не только неядерные государства, но и ядерные, в том числе, разумеется, и Советский Союз. Для наблюдения за его выполнением была создана Межведомственная комиссия, в которую вошли МИД, Минсредмаш⁸, Минобороны, КГБ и некоторые другие ведомства. Международное право договоров предусматривает, что каждый участник международного соглашения обязан привести свое внутреннее законодательство в соответствии с принятыми международными обязательствами. Очень скоро, однако, выяснилось, что в Советском Союзе законодательства в ядерной области практически нет. Вместо него существовал набор сверхсекретных инструкций, которые хранились в сейфах Минсредмаша.

Для разработки «атомного» законодательства была создана специальная межведомственная рабочая группа. Ее возглавил заместитель министра иностранных дел Г.М. Корниенко (потом он стал первым заместителем министра). В нее входили сотрудники МИДа (и я в том числе), Минсредмаша, некоторых других ведомств, а также несколько юристов из Института государства и права Академии наук СССР. Из последних мне запомнился своей юридической грамотностью, осведомленностью в сфере ядерной деятельности и умением находить точные формулировки Б.А. Йорыш.

Главная трудность, с которой столкнулась рабочая группа, была связана с нежеланием руководства Минсредмаша превращать свои сверхсекретные внутриведомственные инструкции в общесоюзное законодательство. Конечно, гораздо удобнее жить, когда издаешь сам для себя правила жизни: ты их подгоняешь под свои удобства, не слишком заботясь о неудобствах для других, и можешь, когда захочешь, их изменить. Если, скажем, тебе удобно просто закапывать ядовитые радиоактивные

⁸ Министерство среднего машиностроения было создано в 1953 г. в качестве преемника Первого главного управления при Совнаркоме СССР для осуществления «атомного проекта». Оно ведало развитием не только ядерного оружия, но и вопросами мирного использования ядерной энергии.

отходы без их изоляции от внешней среды, то пишешь себе подходящую инструкцию и загаживаешь землю и ее недра на сотни лет вперед. Земли у нас много. А то, что эти ядерные могильники могут помешать провести через их территорию дорогу или построить там что-нибудь, это уж не твоя забота.

Захоронение радиоактивных отходов – это, разумеется, лишь один пример. Секретность, которая с самого начала сопутствовала всему «атомному», предотвращала утечку военных секретов, но, будучи в ряде случаев чрезмерной и неразумной, сильно вредила в мирной жизни.

В конечном счете законодательство, регламентирующее деятельность в ядерной области, было разработано. Я не берусь судить, в какой мере оно было эффективно. Но во всяком случае это законодательство положило конец вредной и опасной монополии одного ведомства, создавшего, по сути дела, государство в государстве. А инициировало это законодательство заключение Договора о нераспространении ядерного оружия.

Вообще говоря, переговоры по разоружению способствовали вовлечению в процесс подготовки решений по военно-политическим вопросам довольно широкого круга специалистов, в том числе из невоенных областей. Это создавало основу для принятия более взвешенных решений. Эти переговоры постепенно размывали *закрытость* советского общества, помогая преодолевать иррациональную манию *секретить* все и вся, не делая различий между тем, что представляет собой действительно секрет, а что можно и нужно предать *гласности*, чтобы не навредить государству и обществу.

К сожалению, *гласность*, официально провозглашенная в конце 1980 – начале 1990-х гг., дошла в конечном счете до абсурда. Думаю, немало ценнейших сведений в различных областях утекло из нашей страны в результате вакханалии выбалтывания и распродажи информации, которую каждое нормальное государство держит за семью печатями. И тем не менее разумная открытость – это необходимое условие существования любого нормального общества.

Конечно, понимание значения тех дел, которыми мне предстояло заниматься на новом для меня направлении, приходило не вдруг. Да и сама политика в области разоружения сильно меняла свой характер.

Начиная с создания ООН обсуждение вопросов разоружения прочно вплелось в ткань международных отношений. Долгое время, однако, это обсуждение использовалось всеми сторонами в чисто пропагандистских целях. Помню, что, изучая в институте историю международных отношений, в которую, разумеется, входили и *великие миролюбивые инициативы* Советского Союза по разоружению, я не мог отделаться от недоумения: ну как же можно рассчитывать на принятие предложений об уничтожении того, чего у нас нет, а у них есть? Именно такими были советские предложения о полном уничтожении атомного оружия, выдвигавшиеся в ООН с самого начала создания этой организации. И хотя преподаватели объясняли нам, что, даже не будучи принятыми, эти предложения несут в себе огромную пользу, так как сам факт их отклонения западными державами вскрывает звериную сущность империализма, эти предложения не воспринимались как нечто серьезное.

Конечно, при той высокой степени идеологизации международных отношений, которая длительное время существовала в мире, практически любой вопрос становился предметом острой пропагандистской борьбы. Но по-моему, предложения по разоружению даже на том фоне выделялись своим оголтело пропагандистским характером.

Весьма, конечно, схематично дискуссии по разоружению в 1945–1949 гг., т.е. до создания Советским Союзом ядерного оружия, можно изобразить в виде следующего диалога между США и СССР.

США: Хотя у нас есть атомное оружие, мы готовы поставить его под международный контроль. А заодно под этот контроль давайте поставим и любые работы по его созданию, а также все сырье, из которого оно может быть создано.

СССР: Ишь чего придумали! При механическом большинстве в ООН, полностью подчиняющемся США, международный контроль означает американский контроль. А вот давайте лучше вообще уничтожим атомное оружие.

США: Как бы не так, уничтожим... У вас-то нет его, а у нас есть. Уничтожим наше атомное оружие, а у вас останется огромная армия, вооруженная до зубов обычными вооружениями, да к тому же занявшая пол-Европы. Давайте тогда обсуждать сокращение и обычных вооружений.

СССР: Сокращение? Чего там мелочиться? Давайте все оружие уничтожим – и обычное, и атомное. И вот вам наш проект договора о всеобщем и полном разоружении.

США: Ну, знаете... Это уж слишком. А впрочем, вот вам наши встречные предложения по всеобщему и полному разоружению. Мы считаем, что оно должно осуществляться так, чтобы ни на одном этапе, ни у одной из сторон не было военных преимуществ. Мы готовы к обсуждению.

Это обсуждение вполне могло занять не одно десятилетие, причем конечный результат был бы заведомо нулевым. Но некоторые события и обстоятельства изменили умонастроения сторон. Во-первых, в результате случившегося осенью 1962 г. Карибского кризиса едва не произошла ядерная катастрофа. Во-вторых, появилось осознание того, что целый ряд стран, помимо уже обзаведшихся ядерным оружием постоянных членов Совета Безопасности ООН, приобрел технический потенциал для создания такого оружия.

Карибский кризис сыграл роль шоковой терапии: его основные участники, а с ними и все человечество, заглянув в *ядерную бездну*, обратились к поиску путей, ведущих в сторону от нее. Известно, что кризис достиг апогея 27 октября, когда американский президент Джон Кеннеди (1961–1963) одобрил план воздушного удара по пусковым ракетным установкам, аэродромам и установкам противовоздушной обороны (ПВО), расположенным на Кубе. План должен был быть приведен в исполнение 29 октября. Роберт Макнамара, в то время министр обороны США, много лет спустя вспоминал: «Действия, которые мы предприняли в субботу⁹, были действиями, которые могли бы повести и, вероятно, повели бы к военному ответу с советской стороны... Я помню, как я уходил из Белого дома в тот вечер, шел через сад к автомобилю, чтобы вернуться в Пентагон, и задавал себе вопрос, увижу ли я еще субботний вечер»¹⁰. Отнюдь не впечатлительность, а доскональное знание реальной обстановки и ее трезвая оценка стояли за этими мыслями министра. Уже в тех посланиях, которыми обменялись Н.С. Хрущев и Дж. Кеннеди 27 и 28 октября и в которых речь шла, естественно, в первую оче-

⁹ То есть 27 октября.

¹⁰ Цит. по: International Herald Tribune, October 28, 1982.

редь об условиях урегулирования кризиса, оба руководителя согласились с необходимостью срочного осуществления мер разоружения.

Карибский кризис породил здравую мысль и у американского, и у советского руководства о том, что не худо бы им научиться договариваться друг с другом. В июне 1963 г. СССР и США подписали соглашение о «линии горячей связи», которой руководители обеих стран могли бы воспользоваться в кризисных ситуациях. В августе того же года был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, известный также как Московский договор.

Наконец, в середине 1960-х гг. в Комитете восемнадцати государств по разоружению и между его сопредседателями – СССР и США – завязались практические переговоры по подготовке будущего договора о нераспространении ядерного оружия (эта проблема обсуждалась и ранее, но из-за существенных расхождений в позициях сторон переговоров как таковых не велось). Кроме того, с 1964 г. американская сторона инициировала контакты с советской стороной, зондирующие возможность двусторонних переговоров в отношении стратегических вооружений.

Это может показаться парадоксальным, но Карибский кризис, стимулировав стремление сторон к переговорам о разоружении, в то же время дал сильный толчок гонке вооружений. Инициатором гонки выступило советское военное руководство. Считая, что Советский Союз, согласившись вывезти ракеты с Кубы, оказался униженным, оно видело причину этого унижения в том, что в то время у Советского Союза было в 17 раз меньше ядерного оружия, чем у США. Военные требовали новых и новых вооружений, военная промышленность поддерживала эти требования; Хрущев, чьи внутренние позиции сильно пострадали в результате Карибского кризиса, шел им навстречу, и новые военные программы росли как грибы после дождя. Американский военно-промышленный комплекс тоже не сидел сложа руки, и США отвечали своими новыми программами вооружений. Уже накопленного ядерного оружия было достаточно, чтобы несколько раз уничтожить весь земной шар, а безумная гонка продолжалась.

Конечно, фехтование на пропагандистских шпагах не прекратилось. По-прежнему каждая сторона стремилась к тому, чтобы заработать политические очки. Но та безудержная демагогия, которая сопровождала обсуждение всеобщего и полного разоружения, поутихла. Правда, этот вопрос продолжал фигурировать в повестке дня Комитета восемнадцати в качестве важнейшего. При этом ни советская сторона, ни американская формально не снимали своих предложений о заключении договора о всеобщем и полном разоружении. Но все-таки завязавшиеся переговоры о нераспространении сильно изменили обстановку и переориентировали внимание от пропаганды к практическим и реальным делам.

Комитет по разоружению

Я впервые прибыл в Женеву в составе советской делегации для работы в Комитете восемнадцати государств по разоружению в феврале 1967 г., когда в Комитете как раз и начиналась новая эпоха. Нашей делегацией в то время руководил посол А.А. Рошин, только что назначенный на этот пост вместо уехавшего послом в Бонн С.К. Царапкина.

Служебным помещением для делегации служила вилла на территории советского представительства при Женевском отделении ООН. В то время территория представляла собой довольно неухоженный, но симпатичный парк. Начиналась женевская весна. Почки, листочки, чирикание птичек и т.д. Идиллия.

Заседания Комитета происходили во Дворце Наций, в зале, где некогда заседал Совет Лиги Наций. Много, очень много времени пришлось мне провести в этом помещении, стены и потолок которого украшены впечатляющей живописью испанского художника Хосе Марии Серта. Рушащиеся стены и колонны, какие-то огромные зубчатые колеса, разбегающиеся в панике люди... Фантастические сцены эти привлекали особое внимание во время какого-нибудь особенно занудного выступления.

Начал я как *заднескамеечник* в феврале 1967 г., а покинул многостороннюю дипломатию в апреле 1987 г. из *первого*, т.е. посольского, кресла. Вместе со мной рос и Комитет восемнадцати государств по разоружению. Постепенно увеличивался его состав, менялось название. Сначала он превратился в Конференцию Комитета по разоружению. «Конференция Комитета» – сочетание странное, не поддающееся логическому объяснению, но такое был компромиссный результат сложных переговоров. Потом логика восторжествовала, и он стал просто Конференцией по разоружению. Помимо заседаний Комитета, пришлось мне много времени провести и на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, и на заседаниях различных органов МАГАТЭ

в Вене, и на многих и многих международных конференциях. Все это было многосторонней дипломатией.

Что же это такое – многосторонняя дипломатия?

Не думаю, что нужно давать какое-либо определение многосторонней дипломатии. По-моему, это и так ясно. Да и пишу я не теоретический труд. А вот на некоторых особенностях этой дипломатии остановиться стоит.

Как и в двусторонней дипломатии, здесь присутствует как стремление достичь каких-то реальных договоренностей, так и *игра на публику*, т.е. ставка на пропагандистский эффект. Причем в многосторонней дипломатии этого последнего значительно больше, чем в двусторонней. В самом деле, если двое о чем-то договариваются и хотят сохранить свою договоренность в тайне от других, им это сделать значительно проще, чем трем, четырем и т.д. сторонам. При разглашении двусторонней договоренности ясно, кто это сделал. В случае с многосторонней договоренностью доказать, кто ее разгласил, практически невозможно. Можно подозревать, предполагать, догадываться, но виновник разглашения всегда может отпереться от обвинений ссылкой на других предполагаемых разгласителей. Поэтому, когда порядок проведения какого-либо мероприятия объявляется закрытым, это лишь означает, что журналисты в зал заседания не допускаются. Но любая делегация может найти подходящий способ передачи в средства массовой информации любых сведений о состоявшемся заседании. Естественно, в максимально выгодном свете, характеризующем ее позицию.

Вот эта открытость многосторонней дипломатии сильно осложняет достижение конкретных результатов в ходе многосторонних переговоров. Каждая сторона заботится в первую очередь о том, как будут восприняты ее слова и действия на переговорах общественным мнением ее страны, как это скажется на политических позициях правящей партии и т.д. А если учесть, что в переговорах могут принимать участие несколько десятков стран (как, например, в Комитете по разоружению), то легко можно представить себе те сложности, которые возникают на многосторонних переговорах.

На двусторонних переговорах, выслушав какое-то предложение противоположной стороны, принять которое не позволяют имеющиеся у тебя инструкции, ты можешь прямо сказать

об этом. Конечно, твои партнеры могут обвинить тебя в несговорчивости и в саботировании договоренности, но если переговоры ведутся конфиденциально, они сделают это за столом переговоров как бы в порядке предупреждения, что в дальнейшем они могут предать тебя анафеме и публично. На многосторонних переговорах дело обстоит несколько сложнее. Ведь ты и там не можешь действовать вопреки своим инструкциям. Но, высказывая отрицательную реакцию на неприемлемые предложения других сторон, приходится больше думать о том, чтобы на завтра в прессе не появилось обвинений в адрес твоей страны в том, что она лицемерно ведет переговоры, на самом деле пытаясь сорвать их.

Сделать это можно разными способами. Прежде всего, конечно, нужно выдвинуть убедительные аргументы, которые покажут другим участникам переговоров порочность предложений, которые тебе пытаются навязать. Очень хорошо, если при этом ты еще сумеешь доказать вредность этих предложений для участвующих в переговорах третьих стран. Можно задать вопросы авторам предложений, уточняющие их суть. Твои вопросы покажут, что ты всерьез относишься к предложениям, хочешь их изучить, но они еще не доработаны, туманны, а вот, мол, когда они станут более ясными и зрелыми, тогда можно будет и поговорить о них.

Существуют и другие приемы и тактические уловки, применяемые на многосторонних переговорах. Часто используются чисто *процедурные трюки*: перенос заседания, снятие вопроса с рассмотрения и т.д. и т.п. Все это зависит от конкретной ситуации и от тех правил процедуры, которые действуют на данной конференции. Обо всем этом можно было бы рассказать, но это был бы совершенно другой жанр. Это был бы учебник по переговорам. Я же пишу сейчас отнюдь не учебник.

Здесь я ограничусь еще несколькими замечаниями, характеризующими многосторонние переговоры. Сам переговорный процесс, т.е. разного рода заседания, в сопоставлении с конечным результатом занимает значительно больше времени, чем на двусторонних переговорах. Ведь каждая сторона – а их много – должна изложить свою позицию, аргументировать ее и т.д. Особенно много времени занимает первоначальная стадия, когда каждая делегация представляет свою позицию. Обычно это зачи-

тывание заранее заготовленных текстов, т.е. процедура довольно долгая и утомительная, если не сказать нудная. Но наконец, на многосторонних переговорах наступает стадия живой дискуссии, когда требуется быстрая реакция на происходящее: бывает важно вовремя взять слово и повернуть дискуссию в более выгодном для тебя направлении, какой-нибудь репликой *срезать* зарвавшегося оппонента и т.д. Конечно, эта часть переговоров наиболее интересна, она порой напоминает азартную игру.

Впервые я почувствовал по-настоящему вкус к многосторонним переговорам, когда оказался в *первом кресле*. Это произошло задолго до того, как я был назначен послом и главой делегации. В *первом кресле* может оказаться любой сотрудник делегации, которому поручается выступать от ее имени.

В 1975 г. по решению Генеральной Ассамблеи ООН в Женеве собралась группа экспертов по безъядерным зонам, и я был там советским экспертом. Конечно, за моей спиной сидели два-три помощника. И они, разумеется, помогали. Подсказывали аргументы, искали в документах прецеденты и ссылки, *шушукались* с экспертами других стран. Но все-таки все решения на заседании – по тактике, процедуре и т.д. – должен был принимать тот, кто сидел в первом кресле, т.е. я. И должен сказать, что это было совсем не просто.

Официальной целью группы было обобщить опыт, который уже имелся, для стимулирования создания безъядерных зон в различных регионах мира. К тому времени имелась одна такая зона – в Латинской Америке¹. Договор² о такой зоне был заключен в 1967 г. по инициативе Мексики и некоторых других латиноамериканских стран, чтобы помешать Бразилии и Аргентине обзавестись собственным ядерным оружием. Дело в том, что каждая из этих двух латиноамериканских стран начала осуществлять свою собственную программу по созданию ядерных взрывных устройств.

Не хочется утомлять читателя чрезмерными деталями, но без по крайней мере общей характеристики договора о безъядерной

¹ Здесь речь идет только о безъядерных зонах в населенных частях земного шара. Антарктида, дно морей и океанов и космос тоже в соответствии с международным правом имеют безъядерный статус.

² Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне, или Договор Тлателолко 1967 г. – *Прим. ред.*

зоне в Латинской Америке не обойтись. Кстати, обычно для краткости этот договор называется Договором Тлателолко – по тому району столицы Мексики Мехико, где он разрабатывался.

Итак, Договор Тлателолко запретил государствам-участникам испытание, применение, производство, приобретение, хранение, развертывание ядерного оружия или обладание им в какой-либо форме. С другой стороны, ядерные государства должны были принять обязательства уважать статус безъядерной зоны в Латинской Америке (т.е. не мешать участникам зоны соблюдать свои обязательства), не угрожать ядерным оружием и не применять его против государств – участников зоны. Обязательства участников излагались в тексте самого договора, а встречные обязательства ядерных государств – в специальном протоколе к нему (Протокол II³).

В 1975 г. Советский Союз был единственным ядерным государством, не подписавшим Протокол II. Одним из существенных мотивов, по которым была создана группа экспертов по безъядерным зонам, было стремление оказать на нас соответствующее политическое давление. Моя задача в качестве советского представителя в группе экспертов по безъядерным зонам заключалась в том, чтобы всячески демонстрировать положительное отношение Советского Союза к безъядерным зонам вообще, т.е. к тем зонам, которых не было, и обосновывать отрицательное отношение к единственной существовавшей в то время латиноамериканской зоне. Но одно дело иметь такую общую установку, а совсем другое – осуществлять ее на практике перед лицом трех десятков экспертов, которые очень грамотно и логично доказывают тебе, что латиноамериканская безъядерная зона – это существенный вклад в дело уменьшения ядерной опасности.

Было несколько официальных причин, по которым Советский Союз отвергал Договор Тлателолко. Но была и причина, о которой вслух не говорилось, хотя именно она блокировала все попытки изменить отрицательное отношение Советского Союза к этому договору. Она заключалась в категорическом отказе Кубы стать участником латиноамериканской безъядерной зоны.

³ Протокол I относился к тем государствам, которые имели колониальные владения в Латинской Америке, т.е. к США, Великобритании, Франции и Нидерландам, и предусматривал распространение на эти владения безъядерного статуса.

Кубинцы проявляли большой интерес к ядерным делам: готовили с нашей помощью специалистов по мирному использованию ядерной энергии, построили, опять же с нашей помощью, небольшой ядерный реактор. Но даже если в самом начале кто-то на Кубе и лелеял мечту обзавестись собственным ядерным оружием, вскоре им стало ясно, что собственных ресурсов для этого нет, а советские товарищи в этом деле ни в коем случае не помогут. Тем не менее до середины 1990-х гг. Куба отвергала договор, выдвигая в качестве предварительного условия своего участия в нем ликвидацию на Кубе американской базы Гуантанамо⁴. Как бы ни было нереально это требование, оно тем не менее отражало то, что кубинцы рассматривали принятие на себя безъядерного статуса в контексте своих отношений с США. Видимо, с учетом того конфуза, который получился в результате неудачной попытки разместить советское ядерное оружие на Кубе, советское руководство проявляло определенную деликатность, солидаризируясь с кубинцами в отношении латиноамериканской безъядерной зоны.

В качестве официальных причин отказа от Протокола II Советский Союз ссылался на недостатки Договора Тлателолко. Во-первых, договор, запрещая ядерное оружие на территории зоны и определяя его как любое взрывное ядерное устройство, в то же время допускал осуществление участниками договора мирных ядерных взрывов. Это было безусловное противоречие, на которое участники договора пошли, чтобы не закрывать дверь для участия в договоре Аргентины и Бразилии, которые в то время имели ядерные программы, объявленные как мирные. Во-вторых, действие договора предполагалось распространить на обширные пространства Мирового океана – далеко за пределы территориальных вод латиноамериканских стран, что ограничивало бы свободу морского судоходства (в практическом плане – свободу плавания подлодок с ядерным оружием). И наконец, в-третьих, запрещая испытания, применение, производство и приобретение ядерного оружия участниками зоны, договор ничего не говорил о запрете его транспортировки в пределах зоны или транзита через нее (запрет или разрешение на транзит оставался на усмотрение каждого государства,

⁴ Куба подписала Договор Тлателолко в 1995 г. и ратифицировала в 2002 г.

через чью территорию он предполагался). Эта дырка оставляла, в частности, возможность для США провозить ядерное оружие через Панамский канал. В общем, эти советские претензии были далеко не беспочвенны, хотя, конечно, дипломатия, она на то и дипломатия, чтобы находить пути обхода, казалось бы, непреодолимых препятствий.

Главным *мотором* в продвижении Договора Тлателолко на международной арене был Альфонсо Гарсиа Роблес. Личность, безусловно, выдающаяся. Крупнейший мексиканский юрист и дипломат, он играл лидирующую роль в разработке договора, был много лет представителем Мексики в Комитете по разоружению, одно время занимал пост министра иностранных дел Мексики. Его последовательность, настойчивость и самоотверженность в отстаивании идей мира и разоружения снискали ему широкую международную известность. Совершенно заслуженно он стал впоследствии лауреатом Нобелевской премии мира 1982 г.

Надо сказать, Роблес не был ни хорошим оратором, ни приятным собеседником. Он закатывал длиннейшие выступления с большим количеством утомительных цитат, занудно произнося их своим медлительным скрипучим голосом с назидательными интонациями. Причем не имело значения, зачитывал ли он свои выступления по бумаге или импровизировал. Для импровизированных выступлений у него всегда был под рукой толстенный портфель с заранее заготовленными на все случаи цитатами. Вне заседаний – на приемах, обедах и прочих *протокольных мероприятиях* он мог говорить только о деле, превращая свою частную беседу в продолжение заседания.

В то же время ребята из мексиканской делегации, признавая занудные качества Роблеса, отзывались о нем тем не менее, только в превосходной степени – о его уме, образованности, высокой порядочности и – это меня первоначально особенно удивляло – о его душевной теплоте. Поближе познакомившись с Роблесом, я во многом согласился с этими оценками.

О том, как он *пробивал* Договор Тлателолко, расскажу следующую историю. Как-то в Женеве во время сессии Комитета по разоружению зимой 1978 г. на одном из ланчей я оказался соседом Роблеса (в то время я был заместителем главы делегации). Посетовав на то, что Советский Союз остается единственной ядерной

державой, не подписавшей Протокол II Договора Тлателолко, он тем не менее признал, что советские возражения против договора являются вполне обоснованными. А затем, как бы размышляя вслух, стал рассуждать, как Советский Союз мог бы подписать и ратифицировать Протокол II без ущерба для своей позиции, сделав различные заявления и оговорки.

«Конечно, любое ядерное взрывное устройство легко может быть превращено в оружие», – рассуждал Роблес. Но ведь Советский Союз может заявить, что он будет рассматривать использование ядерных взрывных устройств в мирных целях участника-ми договора как его нарушение. Именно так уже сделали США, Англия и Франция. Распространение зоны на пространства Мирового океана? «Помилуйте, – говорил Роблес, – когда это еще будет, да и будет ли вообще?» Ведь это распространение оговорено столькими условиями, что цель становится весьма проблематичной. Да в конце концов, если Советский Союз заявит о непризнании широкой зоны действия Договора Тлателолко, никто не сможет заставить его соблюдать это заявление, если и когда она станет реальностью. В отношении транспортировки сами латиноамериканские страны дали уже толкование в том смысле, что договор хотя и не упоминает транспортировку, запрещает ее. Советский Союз может поддержать это толкование. Ну а что касается транзита, опять-таки Советский Союз может заявить, что будет рассматривать его как нарушение безъядерного статуса и что если это нарушение случится, он выйдет из Протокола II. Здесь рассуждения Роблеса даны, разумеется, в очень кратком, суммированном виде. Вся наша беседа продолжалась часа два.

Идея подписания Советским Союзом Протокола II показала мне очень привлекательной, а юридические хитрости, подсказанные Роблесом, давали возможность пойти на подписание без ущерба для позиции Советского Союза. Должен здесь пояснить, что приближалась первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, посвященная разоружению⁵. Она готовилась как очень важное событие, которое, по замыслу ее инициато-

⁵ Речь идет о 10-й специальной сессии ГА ООН, посвященной всеобщему и полному разоружению, которая проходила с 23 мая по 30 июня 1978 г. В соответствии с Уставом ООН специальные сессии созываются генеральным секретарем по требованию Совета Безопасности или большинства членов данной организации. – *Прим. ред.*

ров – группы неприсоединившихся стран, – должно было заставить ядерные державы, прежде всего США и Советский Союз, остановиться в своем *ядерном безумии*. Понятно поэтому, что любая мирная инициатива Советского Союза, особенно в ядерной области, показывала бы, какие мы хорошие в отличие от американских империалистов.

Записав беседу с Роблесом, я пошел с ней к главе делегации В.И. Лихачеву. Он был назначен на этот пост недавно и не очень разбирался в разоруженческих тонкостях. Но поскольку он раньше занимался латиноамериканскими делами (был послом в Венесуэле), а еще раньше был помощником А.А. Громыко, Лихачев твердо знал, что ни в коем случае нельзя обижать кубинцев, наш министр этого не потерпит. И он мне об этом прямо сказал, наотрез отказавшись направить в Москву телеграмму с предложением подписать Протокол II (на тех условиях, которые я обсуждал с Роблесом).

Вернувшись после сессии Комитета в Москву, я изобразил идеи Роблеса в виде докладной для министра. А чтобы учесть кубинский аспект, в проект советского заявления было добавлено, что любой акт агрессии, совершенный государством – участником договора при поддержке государства, обладающего ядерным оружием, будет рассматриваться Советским Союзом как несовместимый с безъядерным статусом зоны и может повлечь за собой выход СССР из Протокола II.

Руководство ОМО идею изменения отношения к Договору Тлателолко одобрило, но вымарало из записки ссылки на Роблеса («Министр его терпеть не может, любое упоминание Роблеса может загубить хорошую идею»). Вскоре записка вернулась с согласием А.А. Громыко и его указанием подготовить материалы для Политбюро. Машина завертелась, и 18 мая 1978 г. Советский Союз подписал Протокол II, сделав все те заявления и оговорки, о которых говорилось выше.

Этот шаг был очень хорошо воспринят «третьим миром», особенно латиноамериканскими странами, и вместе с другими советскими *конфетками* (отказ от применения первым ядерного оружия, гарантии безопасности неядерным странам и т.д.) помог нам выдержать экзамен на миролюбие. Впрочем, уже через полтора года, с вводом советских войск в Афганистан, все пошло насмарку. Но это уже другая история.

Оглядываясь на *многосторонний* период моей профессиональной жизни, могу сказать, что был он чрезвычайно интересным. Люди, с которыми приходилось общаться, представляли различные страны, принадлежали к различным цивилизациям. Это раскрывало глаза на мир. И при всех своих индивидуальных особенностях это были в основном приличные и интересные люди. Общаясь с ними, я узнавал много нового. Вот, например, кое-что о моих тогдашних встречах.

Одно время заместителем главы американской делегации был Алекс Акаловский. Потомок русских эмигрантов первой волны, т.е. покинувших Россию после Гражданской войны (1917–1922), он настолько хорошо сохранил русский язык, что несколько лет работал переводчиком на высшем уровне (по его выражению, был американским «почти Суходревом»⁶). Он иногда вспоминал случаи из своего переводческого прошлого. Вот один из его рассказов.

Во время первого визита Н.С. Хрущева в США в 1959 г. Акаловский сопровождал его во время поездки по стране. И вот, прибывают они в какой-то небольшой провинциальный городок, где мэром был еврей – выходец из России – южной ее части. Естественно, встреча с хлебом-солью, застолье с водкой и малосоленными огурцами и прочие российские атрибуты. Во время обеда мэр вспоминал свою жизнь в «черте оседлости».

Другим источником интересных историй был переводчик американской делегации по фамилии Родзянко. Он был правнуком председателя Государственной Думы, лидера октябристов Д.В. Родзянко. Сомнений в их родстве не могло возникнуть хотя бы по причине внешнего сходства – правнук был такой же крупной комплекции, как и его прадед, который сам себя называл

⁶ Более четверти века переводчик Виктор Михайлович Суходрев работал с Н.С. Хрущевым, Л.И. Брежневым и А.А. Громыко, восхищая англоязычных собеседников и журналистов не только блестящими переводами, но и тем, что англичанам он переводил на изысканном «British English», а американцам – на «American English», передавая все специфические особенности американского наречия. Со своей стороны я, как читатель записей бесед высокопоставленных персон, которые делал Виктор, всегда воздавал должное его умению передать суть беседы, что требовало, помимо совершенного знания языка, прекрасного владения предметом беседы. Поясняю, на многих конфиденциальных беседах, помимо высоких собеседников и переводчика, вообще никто не присутствовал.

«самым крупным человеком в России», а его заклятый враг Григорий Распутин иначе как *толстопузым* не именовал.

Так вот, Д.В. Родзянко в 1917 г. сыграл важную роль в отречении Николая II (пытаясь спасти монархию, он настаивал на отречении царя в пользу малолетнего Алексея под регентством брата Николая – Михаила Романова). А после Гражданской войны он оказался в эмиграции в Югославии. Будучи до революции крупным землевладельцем, Родзянко потерял все и в эмиграции жил на пособие, за которым ездил в Белград. Однажды в 1924 г., возвращаясь оттуда, он столкнулся в поезде с группой российских эмигрантов-офицеров. Узнав бывшего председателя Думы, считавшегося, несмотря на свой монархизм, одним из главных виновников краха монархии, те его избили и выбросили из поезда на полном ходу.

Так закончилась жизнь одного из столпов Российской империи. Это был один из трагических случаев, когда наиболее умные и дальновидные сторонники сохранения монархии в России становились жертвами тупой фанатической злобы тех, кто хотел сохранения в России своих привилегий, не считаясь с происходившими изменениями. В результате они не только потеряли все, но и ввергли Россию в катастрофу. Впоследствии, познакомившись с потомком русских эмигрантов, родившимся и выросшим во Франции, а потом попытавшегося жить в Советском Союзе, я услышал от него интересное наблюдение: самые глупые аристократии в мире – это российская и французская, потерявшие из-за своей тупости свою основу – монархию. Думаю, что российская аристократия все-таки оказалась намного глупее французской. Черт с ней, с монархией, но из-за тупости российской аристократии Россия понесла огромный материальный и культурный урон, не говоря уж о колоссальных человеческих жертвах.

Подобные воспоминания о людях и событиях, связанных с моей работой на Конференции по разоружению, можно было бы продолжать и далее. Много забавного было и внутри нашей собственной делегации с чисто бытовой точки зрения.

В те славные времена, когда я еще не занимал руководящих постов и, следовательно, мой рабочий график не требовал максимально быстрого перемещения во времени и пространстве, я мог себе позволить ездить в Женеву и обратно на поезде

и даже – иногда (три раза!) – на машине. Прямого железнодорожного сообщения между Москвой и Женевой не было, поэтому использовались два маршрута с пересадками: Москва–Вена–Цюрих–Женева и Москва–Париж–Женева. В результате можно было целый день провести либо в Вене, либо в Париже. Венский маршрут стоил подешевле, поэтому валютно-финансовые органы настаивали именно на нем. Но, несмотря на прелести Вены, Париж манил сильнее. Поэтому была изобретена необходимость доставки в Женеву и обратно диппочты, которую везли не профессиональные *дипты*, а сотрудники делегации. Естественно, для диппочты должен быть обеспечен максимальный режим безопасности, требовавший минимума пересадок, когда врагу легче всего похитить почту. Поэтому диппочта, а с нею два сотрудника делегации следовали через Париж.

Делегационная диппочта состояла из нескольких пишущих машинок (их почему-то регулярно возили туда и обратно), двух-трех ящиков с *представительскими* продуктами (водка, коньяк, икра, крабы) и какого-то набора макулатуры, которая если сразу и не выкидывалась, то уж точно никем не читалась. Все это засовывалось в зеленые брезентовые мешки – «вализы», на которых болтались внушительные сургучные печати. При этом выдавалась бумага («лесе пасе»), удостоверявшая дипломатическую неприкосновенность груза. По правилам транспортировки диппочты полагались *макаровы*, но от них удавалось уклоняться. Благодаря этому мне удалось, многожды посетив Париж, ознакомиться с его основными культурными и гастрономическими достопримечательностями.

Разумеется, пары дишкурьеров подбирались на основе принципа психологической совместимости. Примерно после Кунцево начиналась подготовка стола. Понятно, что главные деликатесы каждого путешественника – это вареная курица и крутые яйца. Если к ним еще есть огурцы (свежие или соленые – в зависимости от времени года), то это уже нечто. Бутылка раскупоривается в самый последний момент – когда все уже разложено, порезано и посолено, т.е. готово к употреблению. И под мерный перестук колес потекла неторопливая беседа. А там, глядишь, и Смоленск уже проехали.

И вот однажды в Женеве, когда уже приближался конец командировки, выяснилось, что мой напарник вынужден срочно,

по каким-то личным причинам отбыть в Москву самолетом. И вот подходит ко мне представлявший в нашей делегации Украину Иван Грищенко и говорит: ни разу не был в Париже, а так хочется. Возьми меня, говорит, с собой в пару. Отчего же не взять? Парень компанейский. К тому же в шахматы хорошо играет, в поезде время хорошо скоротаем, да, глядишь, и подучусь у него дебютам-эндшпилям.

Прибываем мы с ним в Париж, встречают нас на Лионском вокзале посольские молодцы и везут на «рю де Гренель». По дороге строим планы, что посетим сегодня, а что завтра (поезд на Москву отходит завтра вечером). Поселяют нас в помещение, предназначенное для *дипов*, мы переодеваемся, готовясь к встрече «праздника, который всегда с тобой»⁷. В это время в квартиру (она многокомнатная) вваливается еще пара *дипов*, настоящих, следующих куда-то в Африку. Знакомимся. Ну, со знакомством, сами понимаете, *по маленькой*. Сначала одна сторона угощает, потом другая отвечает. А на столе стоят две шахматные доски и шахматные часы – забота о досуге дипкурьеров.

Садимся играть двое надвое. Ивану попался крепкий орешек. Мой послабее, примерно на моем уровне. Игра идет с переменным успехом, счет меняется то в ту, то в другую сторону. А шахматные блицы-пятиминутки, если кто не знает, это азартнее любой карточной игры. На дворе спускаются сумерки. Помня о гастрономических достопримечательностях Парижа, я робко предлагаю: «Может, выйдем перекусим?» «Да что время терять, – говорит один из *дипов*, – у нас еще московская закуска осталась».

Спать легли, когда над Парижем поднимался рассвет. Просыпаясь, думаю со страхом: «Неужели опять сейчас играть?» Но нет. *Дипы* улетели по своему африканскому маршруту, будить нас не стали. Ивану предстоит встреча со своими киевскими коллегами. Договариваемся увидеться на вокзале.

Время для кофе с круассанами давно прошло.

Ну а с Иваном мы всю дорогу до Москвы играли в шахматы. Шахматная бацилла нас не отпускала.

⁷ «Праздник, который всегда с тобой» – такое название дал своей книге воспоминаний о жизни в Париже американский писатель Эрнест Хемингуэй (1899–1961). – *Прим. ред.*

Накануне перемен

Советскую делегацию на первой спецсессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению возглавил А.А. Громыко. Он выступил в общих прениях, повстречался в двустороннем порядке с главами многих делегаций, собравшихся на спецсессию (в основном с премьерами и министрами иностранных дел) и уехал в Москву. Руководить делегацией остался заместитель министра Анатолий Гаврилович Ковалев. Поскольку ОМО не входил в сферу, которую *курировал* Ковалев, мне ранее не приходилось с ним работать. Но слышал я о нем немало. Здесь, в Нью-Йорке, мне пришлось наблюдать его в тесном рабочем контакте.

Мое первое впечатление было не в пользу Ковалева. Сбивчивая, маловразумительная речь, какие-то нервные жесты, слабое рукопожатие потной ладонью – все это как-то не располагало к нему. Первое же его распоряжение, с которым я столкнулся, попросту поставило меня в тупик. Он распорядился не знакомить с директивами тех сотрудников делегации, которые непосредственно вели переговоры. Вместо этого мы получали от него инструкции на каждый предстоящий день – на что соглашаться, а что отметить. Понятно, что идея Ковалева заключалась в том, чтобы исключить разглашение *развязок* (запасных позиций), предусмотренных директивами, и выложить их под занавес, предварительно выторговав у оппонентов как можно больше уступок. Но дело-то в том, что переговорщиками были как раз те, кто писал эти директивы и сочинял *развязки*, т.е. запасные позиции. И мы прекрасно знали, что ушедшие из МИДа в Политбюро предложения о нашей позиции на спецсессии были утверждены без изменений.

Познакомившись с Ковалевым в дальнейшем поближе, я понял, что это был умный, хитрый и осторожный человек, прекрасно владевший искусством внутренней дипломатии. Конечно, он понимал, что мы хорошо знаем директивы. Скорее всего, его за-

прет на ознакомление с директивами был демонстрацией его жесткости перед высокопоставленными членами делегации, представлявшими другие ведомства, прежде всего КГБ. По-видимому, у него еще не зажили раны, полученные им от битья за хельсинкские договоренности по правам человека (об этом ранее я уже упоминал).

Интересной особенностью Ковалева были так называемые *бормотухи*. Давая сотруднику поручение что-нибудь написать (телеграмму, выступление и т.д.), он, непрестанно куря, прикуривая следующую сигарету от предыдущей и при этом литрами поглощая черный кофе, бормотал нечто неразборчивое и бессвязное. Когда я впервые попал на такую его *бормотуху*, моей первой реакцией было возмущение тем, как можно так неряшливо и бессвязно давать указания. Потом сквозь шелуху междометий и уходов в какие-то непонятные стороны я стал улавливать блестящие идеи. И в общем должен сказать, несмотря на странную форму, его *бормотухи* всегда содержали мысли с нюансами и подтекстами. Осознавая труднодоступность своих *бормотух* для новичка, он всегда спрашивал в конце: «Все ли поняли?» И если получал ответ: «Нет, не все», терпеливо, хотя столь же путано, объяснял непонятое.

Выступать Ковалев не умел и всячески избегал публичных выступлений. В крайнем случае, когда избежать этого было нельзя, зачитывал текст по бумажке. Но писать бумаги был великий виртуоз.

Да, я еще не рассказал, что Ковалев писал лирические стихи, причем вполне профессионально. Он их публиковал, а на некоторые из них нашими эстрадными звездами исполнялись шлягеры. По-моему, своей поэтической деятельности он придавал не меньшее значение, чем внешнеполитической. Как-то во время Чернобыльской катастрофы в мае 1986 г. я пытался прорваться к Ковалеву с каким-то очень срочным вопросом. Ковалев же, видимо, был занят еще более срочным делом. Оберегавший врата его кабинета помощник, преградив мне путь, воскликнул: «Да что вы, что вы! Анатолий Гаврилович велел никого не пускать к нему. Он разрешил соединять его по телефону только с членами Политбюро и Аллой Борисовной!» Видимо, в то время Алла Борисовна (Пугачева, конечно) готовила к исполнению очередное поэтическое произведение Анатолия Гавриловича.

В 1978 г. на совещании заместителей министров иностранных дел социалистических стран в Берлине (перед спецсессией ГА ООН по разоружению) нашу делегацию разместили в уютном особнячке в правительственном квартале города. После заседания и ланча Анатолий Гаврилович удалился передохнуть в свои апартаменты, а его помощник поставил на стоявший в холле проигрыватель какую-то пластинку и включил звук чуть ли не на полную мощность. Кресла в холле были удобные, покидать помещение не хотелось, но и оставаться при бьющих по ушам децибелах было тяжело. «Не помешает ли отдыху шефа столь громкий звук?» – намекнул я на желательность более низкого уровня воспроизведения грамзаписи. Помощник посмотрел на меня как на полного *несмышленища*. «Да это же песня на слова Анатолия Гавриловича! Для него лучший отдых услышать свои песни». Не помню, как назывался этот шлягер, но хорошо запомнил, что женский голос все время повторял страстный призыв: «Дай губы мне!» У меня на языке вертелось сказать: не лучше ли проигрыватель перенести в комнату Анатолия Гавриловича? Однако я вовремя сообразил, что для автора, видимо, важно не только услышать свои песни, но и знать, что их любит народ, в данном случае сотрудники делегации.

Американцы не привезли на спецсессию ГА ООН каких-либо выигрышных идей и предложений, но зато включили в состав своей делегации популярного киноактера Пола Ньюмена и *мамонта* американской дипломатии Аверелла Гарримана. Ньюмен демонстрировал ослепительные улыбки и раздавал автографы, а Гарриман, видимо, своим присутствием должен был олицетворять интеллектуальную мощь и респектабельность американской дипломатии. Но уже тогда, хотя в президентском кресле еще сидел Джимми Картер (1977–1981), с американской стороны потянуло холодным ветром: Пентагон закладывал новые программы вооружений, и потребовалось соответствующее пропагандистское обеспечение.

Переговоры замерли. Договариваться стало не о чем. В Комитете по разоружению и на других сохранившихся международных форумах советские и американские делегации оттачивали свое полемическое мастерство. Первая половина 1980-х гг. оста-

лась у меня в памяти как мрачная и крайне неприятная полоса. Работа международных форумов не только не вела к каким-либо полезным договоренностям и соглашениям, но часто превращалась в перепалки между западными и социалистическими странами.

Процесс пошел

К 1985 г. с обеих сторон стало наступать отрезвление. 12 марта 1985 г. начались советско-американские переговоры по ядерным и космическим вооружениям. А тут подоспела и советская *перестройка*. В советской внешней политике стали выдвигаться новые подходы, освобождавшие ее от идеологических пут. Это именовалось «новым политическим мышлением». И хотя *перестройка* и «новое политическое мышление» пропагандировались с той же назойливостью, с какой незадолго до этого вдалбливались основы марксизма-ленинизма и доказывался общий кризис империализма, безусловно, повеяло свежим ветром.

Правда, вначале на Западе к этому процессу отнеслись с большим подозрением, как к очередной большевистской хитрости. Но британский премьер-министр Маргарет Тэтчер (1979–1990) и другие умные люди Запада скоро поняли, что грядут перемены.

Вскоре после избрания в 1985 г. М.С. Горбачева генеральным секретарем ЦК КПСС по МИДу поползли слухи о предстоящей смене министра. Называлось несколько имен – и из системы МИДа, и извне. Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе среди них не было до самого последнего момента. Для большинства МИДовцев его назначение министром иностранных дел было полной неожиданностью. И первое время отношение к нему в министерстве было очень настороженное.

Прямо скажу, меня многое возмущало в политике Шеварднадзе как президента Грузии¹. Но я пишу о Шеварднадзе как о министре иностранных дел Советского Союза и хочу быть объективным. И должен признать, что он, будучи абсолютным новичком во внешнеполитических делах, довольно скоро завоевал себе авторитет в министерстве (в данном случае я пишу о лично-

¹ Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе (1928–2014) занимал пост президента Грузии с 1995 по 2003 г. (с 1992 по 1995 г. именовался как глава Грузии). – *Прим. ред.*

стном восприятии Шеварднадзе и не собираюсь анализировать его внешнеполитическую деятельность²).

Первое, чем Шеварднадзе произвел благоприятное впечатление на МИД, было то, что он не привел с собой *варягов*. С ним в МИД пришел только один его помощник и спичрайтер Теймураз Степанов.

Правда, Шеварднадзе убрал из своего близкого окружения (из секретариата министра и коллегии) *людей Громыко*, причем, как правило, это были высококлассные профессионалы (у Громыко был хороший нюх на людей). Думаю, что наибольшей потерей для МИДа был уход первого заместителя министра Г.М. Корниенко. Мне кажется, Шеварднадзе не хотел иметь под боком столь крупную и неудобную для себя фигуру, каким был Корниенко.

Но главное, за счет чего Шеварднадзе сумел приобрести авторитет в министерстве, заключалось в его способности довольно быстро освоиться в непростых и совершенно новых для себя вопросах. Вызывая к себе специалистов по различным международным проблемам, он буквально часами въедливо допрашивал их, делал какие-то пометки, задавал уточняющие вопросы. Руководя делегациями на переговорах сначала по запрещению химического оружия, а потом по сокращению стратегических вооружений, мне неоднократно приходилось докладывать Шеварднадзе очень сложные вопросы, имеющие долгую предысторию и тяжелую техническую фактуру, и каждый раз я находил в нем исключительно внимательного сначала слушателя, а потом и собеседника, который стремился постичь и в конечном счете постигал эти вопросы и принимал по ним решения.

² Эта деятельность основательно и весьма критично проанализирована рядом исследователей. Думаю, наиболее крупной ошибкой Шеварднадзе было его согласие на вывод наших войск из Германии в абсолютно нереальные сроки. Западные военные, с которыми мне в свое время приходилось беседовать на эту тему в личном порядке, выражали свое удивление позицией Шеварднадзе. В результате огромный воинский контингент оказался на новых местах дислокации на советской территории в совершенно неподготовленных для жизни условиях. Восстановив против себя Советскую Армию, Шеварднадзе впоследствии, уже на посту президента Грузии, столкнулся с соответствующим отношением и российского генералитета.

Очень важным этапом в изменении советской внешней политики стало сделанное 15 января 1986 г. М.С. Горбачевым заявление по вопросам разоружения, которое стало манифестом «нового политического мышления». Мне кажется, этот документ – несомненно, очень противоречивый – недостаточно проанализирован в нашей литературе. Попробую внести свой вклад.

В то время я работал заместителем заведующего Отдела международных организаций, в ведение которого входили и вопросы разоружения. В связи с тем, что 31 декабря 1985 г. истек срок объявленного Советским Союзом одностороннего моратория на ядерные взрывы, было решено подготовить предложение о его продлении и о том, чтобы М.С. Горбачев сделал публичное заявление на этот счет.

В.Ф. Петровский, который был тогда заведующим Отделом международных организаций, поручил мне возглавить небольшую группу для подготовки проекта заявления. Главная установка заключалась в том, чтобы придать документу «высокое политическое звучание». Нами изготавливались все новые и новые варианты заявления, но все они, как видно, звучали недостаточно высоко.

И вот однажды прибывает В.Ф. Петровский в очередной раз из *высших сфер* и привозит указание подготовить программное заявление, которое включало бы в себя не только ядерные испытания, но и другие основные вопросы разоружения. Для выполнения этого задания была создана специальная бригада во главе с В.Ф. Петровским, и работа закипела. На мою долю, помимо ядерных взрывов, достался также раздел по химическому оружию.

Подготовка заявления давала хороший шанс привлечь внимание высшей политической власти страны – а тогда она воплощалась в лице генсека ЦК КПСС – к тем проблемам, которые МИД безуспешно пытался решить путем межведомственного согласования. Мощнейшим оружием в руках Министерства обороны и ВПК была секретность. Для разговоров с представителями этих ведомств нам часто приходилось оперировать информацией о наших вооруженных силах и военном потенциале, публиковавшейся на Западе (за неимением у нас иной информации). Как я узнал впоследствии, когда завеса секретности стала не столь плотной, многие данные, появлявшиеся в западной пе-

чати, были довольно близки к истине. Однако иногда публиковались и сильно завышенные цифры, что давало основания военным и военно-промышленным оппонентам МИДа объявлять все западные данные о наших секретах провокационными. Кстати, начиная с конца 1990-х гг. некоторые *рассекреченные* бывшие сотрудники ЦРУ в своих публичных выступлениях признавали заведомую фальсификацию данных ЦРУ о советских вооружениях, которые сознательно завышались в целях увеличения американских военных ассигнований. Однако оценки независимых аналитических центров США, как правило, были близки к действительности.

И подготовка заявления М.С. Горбачева, и потом выполнение содержащихся в нем предложений показали, что внешнеполитическая линия Горбачева–Шеварднадзе сталкивается с упорным сопротивлением военного и военно-промышленного руководства. Но в то время еще действовала сила партийной дисциплины. Еще никто не мог открыто выступить против генсека. Правда, в отличие от прежних времен уже делались попытки переубедить его. Но если это не удавалось, внешне подчинялись, а потом «топили» новое мышление в бюрократической трясине.

По мере подготовки заявления в нем все меньше оставалось конкретных предложений, реально нацеленных на свертывание гонки вооружений и освобождение страны от ее бремени, и все более усиливалась пропагандистская сторона. Поэтому, несмотря на некоторые вполне конкретные и весьма важные шаги, о которых было объявлено Горбачевым (например, продление моратория на ядерные взрывы), заявление было воспринято на Западе довольно сдержанно. Привыкшая к широким и утопичным программам разоружения – вплоть до «всеобщего и полного», – выдвижением которых всегда злоупотреблял Советский Союз, западная публика не спешила снимать шляпу перед «новым политическим мышлением». Да и само заявление, несмотря на призывы к «новым, смелым подходам», несло на себе печать старых штампов.

Основным пропагандистским грузом в заявлении была программа ядерного разоружения к 2000 г. Конечно, идея освобождения человечества от ужасного разрушительного оружия благородна и красива. Но можно ли было всерьез рассчитывать на ее

реализацию в то время, когда в основе военной доктрины США и НАТО лежала (и до сих пор лежит) концепция ядерного сдерживания? Именно ядерное оружие – тактическое и стратегическое – должно было в первую очередь противостоять советской военной армаде. Исходя из этой концепции, США, несмотря на проигрыш политических очков, не поддавались нашему нажиму и не шли на отказ от применения первыми ядерного оружия. Они заявляли, что применят его для отражения агрессии, независимо от того, какое оружие будет применено агрессором – ядерное или обычное.

С интересом узнал я из книги воспоминаний С.Ф. Ахромеева и Г.М. Корниенко о том, насколько глубоко и тщательно прорабатывалась программа ядерного разоружения в советском Генштабе³. В частности, С.Ф. Ахромеев свидетельствует, что программа разрабатывалась в Генеральном штабе в течение 1984–1985 гг. с привлечением широкого круга специалистов. И изложена она была достаточно конкретно – в форме четкого расписания: конечно, в ней было три этапа (святое число) и, конечно, в качестве срока ее полного осуществления назывался год двухтысячный (круглая дата, да к тому же начало нового тысячелетия!).

По-видимому, главным результатом проработки Генштабом идеи ядерного разоружения был вывод о том, что безопасность Советского Союза не пострадает в безъядерном мире. При многочисленных и мощных вооруженных силах, которыми в то время располагал СССР, обычных вооружений, наверное, было достаточно. В этом смысле выдвижение нами предложения о полном ядерном разоружении не было блефом.

Но было одно «но»: как известно из бессмертной формулы Ильфа и Петрова⁴, согласие есть продукт непротивления сторон. А другая – американская – сторона исключала полностью такое *непротивление*. США заведомо не могли обсуждать наше предложение, поскольку полное уничтожение ядерного оружия в принципе противоречило их основной концепции. Поэтому

³ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М.: Международные отношения, 1992. 320 с.

⁴ Речь о произведении «Двенадцать стульев» советских писателей-сатириков XX века. И.А. Ильфа (1897–1937) и Е.П. Петрова (1902–1942). – *Прим. ред.*

как бы тщательно наша программа ни прорабатывалась, она от этого не становилась более приемлемой для другой стороны, а следовательно, более реалистичной и менее пропагандистской.

Очевидно, в Генштабе не могли не знать позицию США и, соответственно не понимать, что серьезного разговора на эту тему не получится. Видимо, рассудили так: прижмем американцев, пусть покрутятся. Следовательно, исходили с самого начала из того, чтобы заработать политические очки. Кстати, сам С.Ф. Ахромеев признавал: «...Мы надеялись, что если и не удастся за предлагаемый срок полностью ликвидировать ядерное оружие на Земле, то можно будет значительно сократить его количество и уменьшить опасность ядерного противостояния, что тоже имеет значение»⁵. Как видно из этой цитаты, начальник Генерального штаба все-таки имел сомнения по поводу реалистичности своего предложения, по крайней мере в отношении сроков его выполнения. Как показал в дальнейшем опыт выполнения обязательств по Договору о сокращении стратегических наступательных вооружений 1991 г., для уничтожения всего одной трети только стратегических носителей ядерных вооружений (договор не предусматривал уничтожения ядерных боезарядов) потребовалось семь лет. Да и то американцы помогли. А ведь по советскому предложению 1986 г. предстояло уничтожать не только все стратегическое, но и еще и тактическое ядерное оружие. Причем не только средства доставки, но и боезаряды.

И тем не менее это заявление стало первой попыткой М.С. Горбачева повернуть довольно резко руль внешней политики, чтобы изменить в благоприятную сторону отношение Запада к происходившим в Советском Союзе процессам. Однако чтобы оно не превратилось полностью в пропагандистскую хлопушку, необходимо было реализовать те конструктивные идеи, которые, хотя и в затушеванном виде, остались в заявлении.

В МИДе была создана специальная *межотдельская* группа по наблюдению за осуществлением предложений от 15 января 1986 г. Ее основная задача заключалась в том, чтобы докладывать Э.А. Шеварднадзе, недавно назначенному министром иностран-

⁵ Там же. С. 88.

ных дел, о заторах и о возможных путях их преодоления в повороте к позициям здравого смысла в деле разоружения. Я не знаю, по чьей инициативе была создана эта группа, но если бы ее не было, заявление от 15 января осталось бы очередной пропагандистской хлопушкой. Однако оно стало рычагом, с помощью которого осуществлялся важный и нужный поворот в советской политике.

В эту группу – от отдела международных организаций – был включен и я. Впервые я увидел Э.А. Шеварднадзе на совещании этой группы. Не скрывая своей неосведомленности в обсуждавшихся вопросах, он дотошно и заинтересованно расспрашивал выступавших, стремясь схватить суть. Что-то записывал в блокнот. Участники совещания не скрывали от министра, что заявление, которое замышлялось как документ эпохального значения, воспринимается западной аудиторией неадекватным его замыслу. Да было видно, что и сам он знал об этом из тех материалов, которые ему докладывались помощниками. Знал и пытался доискаться до причин.

А причин было две: заведомая невыполнимость одних идей, прежде всего полного ядерного разоружения, и наши собственные действия, шедшие вразрез с выдвинутыми нами реальными и конкретными предложениями. И если первую причину можно было списать на то, что нужны какие-то долгосрочные цели, путеводные звезды, то вторую причину ничем нельзя было объяснить, кроме как нашими чисто внутренними нестыковками между словом и делом.

Ну как, например, объяснить, почему мы, выступая на высшем уровне за скорейшее заключение конвенции о запрещении химического оружия, говоря о необходимости *свежего взгляда на вещи*, на переговорах сохраняем старые, не поддающиеся объяснению позиции? Ведь до марта 1987 г. у советской делегации на Конференции по разоружению, где разрабатывалась конвенция о запрещении химического оружия, не было разрешения признать очевидное – что у Советского Союза есть химическое оружие, и имелось предписание отводить предложения о международных проверках на местах. Такая ситуация сохранялась более года и после того, как М.С. Горбачев сделал свое заявление, в котором, в частности, говорилось: «Мы готовы обеспечить своевременное объявление местоположений предприятий по произ-

водству химического оружия и прекращение его производства, начать выработку процедур по уничтожению соответствующей производственной базы, а также приступить, в скором времени после вступления конвенции в силу, к ликвидации запасов химического оружия. Причем все это осуществлялось бы под строгим контролем, включая международные проверки на местах»⁶. Складывалось совершенно нелепое положение, когда делегация в силу своих устаревших инструкций, по сути дела, должна была вести себя прямо противоположно тому, что говорил высший руководитель государства. Только в марте 1987 г. делегация получила разрешение признать наличие в Советском Союзе химического оружия. Чтобы такое запоздалое признание не выглядело слишком одиозным, это было сделано как бы между прочим: в очередном выступлении главы советской делегации было сказано, что, ну, мол, конечно, Советский Союз уничтожит свое химическое оружие – о чем, дескать, речь. Примерно тогда же была поправлена позиция и в отношении международных инспекций, мы дали на них согласие.

Эти и другие соображения я изложил в своем выступлении на совещании у Э.А. Шеварднадзе. Примеры того, как наши переговорные позиции расходились, а порой и противоречили тому, что декларировалось 15 января 1986 г., видимо, привлекли внимание Э.А. Шеварднадзе. Во всяком случае, я отчетливо ощущал его интерес.

На том же совещании высказал я и идею о том, чтобы снять в качестве предварительного условия заключения договора по стратегическим наступательным вооружениям требование о юридически оформленном отказе США (и СССР) от своего формального права на выход из Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г. (Договор по ПРО), что означало бы их отказ от «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). Главный аргумент заключался в том, что само заключение договора по СНВ будет расшатывать основу, на которой строили свою позицию сторонники СОИ. Видимо, эта идея совпадала с ходом мыслей Э.А. Шеварднадзе, хотя в то время он ее

⁶ Выпуск газеты «Правда» от 16 января 1986 г. Это заявление было сделано М.С. Горбачевым по телевидению 15 января 1986 г., а на следующий день опубликовано в центральной печати.

прямо и не поддержал. Однако в дальнейшем, когда я был назначен руководителем делегации на переговорах по ядерным и космическим вооружениям (1989 г.), эта идея стала частью нашей позиции, реализованной на встрече министров иностранных дел СССР и США в Вайоминге в сентябре 1989 г.

Что бы сейчас ни говорили и ни писали о М.С. Горбачеве, в конце 1980-х гг. он породил большие надежды в стране, уставшей от застоя, переходившего в маразм. Не берусь судить обо всем народе, но в среде интеллигенции Горбачев был очень популярен в то время. Даже вину за антиалкогольную кампанию, нанесшую сильнейший удар по и без того дышавшей на ладан экономике страны, многие склонны были списать на дурные советы *плохих бояр хорошему царю*. Да, вскоре отношение к нему сильно изменится. Отсутствие четкой линии в реформировании страны, ошибки, нерешительность, многословие начнут беспокоить и раздражать многих его сторонников. Но в 1986 г. его звезда была в зените. И в это самое время происходит страшнейшая трагедия, последствия которой сказываются до сих пор, – авария на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС).

Чернобыль

Взрыв на Чернобыльской АЭС, помимо тяжелейших и многочисленных внутренних проблем, вызвал и большие международные сложности для Советского Союза. В европейских странах справедливо опасались радиоактивных последствий. А во всем мире зрел вопрос: «А способны ли вообще эти «варвары» (то есть мы) иметь дело с атомной энергией?» Естественно, что в улаживании возникших международных проблем ведущую роль играл МИД. В то время я руководил отделом по мирному использованию ядерной энергии и космоса и в силу этого своего служебного положения оказался, как говорится, в эпицентре событий.

При Политбюро была создана межведомственная комиссия, которая занималась всеми аспектами Чернобыльской катастрофы. МИД был представлен в ней первым заместителем министра А.Г. Ковалевым. А в самом МИДе сформировалась *межотдельская* рабочая группа, занимавшаяся собиранием по всему миру и обобщением откликов на наши невеселые дела. Я был координатором этой группы. В этом качестве мне приходилось в то время регулярно, по нескольку раз в день общаться с Ковалевым, докладывая ему результаты работы группы. Сначала ежедневно, потом раз в три дня группа составляла сводки с обзором откликов и с предложениями, как на них реагировать, и Ковалев рассылал эти сводки всем членам Политбюро.

Главное, что беспокоило мир, – почти полное отсутствие информации о том, что же произошло в Чернобыле, каковы подлинные размеры катастрофы и что предпринимается в Советском Союзе по ее ликвидации и предотвращению или по ограничению опасных последствий. Да и то, что публиковалось, встречалось с сомнением и подозрением в обмане. И надо заметить, для этих сомнений и подозрений были веские основания. Достаточно сказать, что о самом факте взрыва было объявлено с задержкой в несколько дней после того, как в некоторых

западных странах уже было зафиксировано сильное повышение радиоактивности.

Волну возмущения и у нас и на Западе вызвало выступление на пресс-конференции вскоре после чернобыльского взрыва председателя Госкомитета СССР по атомной энергии А.М. Петросянца. Он довольно долго уходил от неприятных вопросов, что же произошло в Чернобыле, а потом имел неосторожность заявить: «Ну что же вы хотите? Наука требует жертв». Эта короткая фраза, воспроизведенная многими западными средствами массовой информации в качестве примера цинизма и безответственности советского руководства, стоила ему поста. Он был уволен через несколько дней.

А.М. Петросянец был калач тертый. И эта фраза выскочила у него, скорее всего, потому что она отражала настроения руководства Минсредмаша¹ в тот период. В этом я убедился вскоре во время визита к министру среднего машиностроения Ефиму Павловичу Славскому. Об этом визите стоит рассказать особо.

Вообще Славский был фигурой легендарной. Соратник Буденного по Первой конной армии², он без малого тридцать лет руководил Минсредмашем и был осыпан градом наград и почестей за секретные свершения в выковывании атомного щита Родины. Одних звезд Героя соцтруда у него было не счесть. В 1986 г. ему было уже под девяносто, но, как я лично убедился, он был неизмеримо энергичен и темпераментен. В то время ввиду возраста Славского пытались оградить от текущих дел. Но, как мне говорили знакомые *минсредмашевцы*, это было очень трудно сделать, так как он продолжал во все встречать и руководить.

Нужно было получить его подпись под запиской в Политбюро, которую МИД подготовил совместно с Минсредмашем в свя-

¹ Министерство среднего машиностроения занималось всеми вопросами использования ядерной энергии, в первую очередь ядерными вооружениями. Госкомитет по атомной энергии был создан как филиал сверхсекретного Минсредмаша для общения с внешним миром по вопросам мирного использования атомной энергии. Его председатель был одновременно заместителем министра среднего машиностроения.

² Первая конная армия – временная конная армия РККА Вооруженных сил Советской России, которая была создана во время Гражданской войны в России (1917–1922) и возглавлялась советским военачальником Семеном Михайловичем Буденным (1883–1973). – *Прим. ред.*

зи с ситуацией вокруг ЧАЭС. Эту миссию должны были выполнить заместитель министра иностранных дел В.Ф. Петровский и заведующий Отделом по мирному использованию атомной энергии и космоса Ю.К. Назаркин.

Навстречу нам из-за письменного стола поднялся крепкий седовласый человек. Видно было, что он в возрасте, тем более что недавно я сам читал в газетах о его очередном награждении, но язык не поворачивается назвать его стариком. Глаза были живые, а от всей его фигуры исходили энергия и динамизм.

Усадив нас в кресла и распорядившись насчет чая, он, узнав, с чем мы пришли, сказал: «Конечно, Чернобыль – это беда, но это же пустяк по сравнению с тем, что произошло в Кыштыме, вот там это был полный...». Эту фразу он произнес значительно образнее, чем она воспроизведена здесь, используя ненормативную лексику, которую, кстати, широко применял и в ходе дальнейшей беседы. Начало разговора меня ошеломило, но не формой, хотя она была довольно острой для официальной встречи с незнакомыми людьми, а содержанием. Дело в том, что я абсолютно ничего не знал, что же произошло в Кыштыме. Если о достижениях в ядерной области мы узнавали из скурых официальных сообщений, то любые неполадки, а тем более аварии были великой тайной за семью печатями.

Овладев таким образом вниманием собеседников, Ефим Павлович повел свой рассказ. А в Кыштыме произошло вот что. В 1957 г. в районе секретного городка Челябинск-65 взорвался резервуар-хранилище высокорadioактивных отходов. Радиоактивному заражению подвергся огромный район.

Рассказ о Кыштыме изобиловал интереснейшими подробностями, связанными с ликвидацией последствий взрыва. Рассказывая, Ефим Павлович явно любовался героической самоотверженностью, иногда доходившей до безрассудства, людей, боровшихся с аварией. В нем так и проглядывал лихой буденновец с шашкой в руке, еще не остывший от пыла сабельной рубки. Откровенно говоря, я, умом понимая с высот совершенно другого исторического измерения различие между саблей и ядерным оружием, любовался рассказчиком, хотя и ужасался при мысли о том, что могло бы произойти, если бы с ядерным оружием обходились так же просто, как с саблями. Шашки наголо и марш-марш на врага... Да, верно сказал советский поэт

Н.С. Тихонов: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей»³.

Часа полтора просидели мы у Славского. Конечно, его рассказов хватило бы и на большее. Но надо было возвращаться в МИД. В.Ф. Петровский, воспользовавшись каким-то удобным поворотом в ходе мысли Ефима Павловича, дипломатично свернул дело к нашей записке. Тот ее подписал и с сожалением (так мне показалось) распрошарлся с внимательными слушателями. Провожавший нас до выхода ответственный сотрудник по режиму, проявив интерес к длительности нашей беседы, с улыбкой делал легкие намеки на то, что, мол, старик умом поехал и может часами рассказывать разные небылицы. Нет, ребята. Умом Ефим Павлович никуда не ехал. Просто ему хотелось поделиться хотя бы крохами того изобилия информации, которая теснилась в его голове, с окружавшим Минсредмаш миром.

Обогащенный сведениями, полученными от Е.П. Славского, я вернулся к текущим вопросам. А они, как это понятно, все замыкались на Чернобыль. Основной смысл рекомендаций, которые включались в сводки, рассылавшиеся членам Политбюро, сводился к тому, чтобы побудить советское руководство давать больше информации, какой бы горькой она ни была, о том, что произошло в Чернобыле и что происходит в связи с этой катастрофой. Беспокойство других стран по поводу нашей закрытости – это не попытки выведать наши секреты, а естественное желание знать правду, чтобы обезопасить себя от последствий катастрофы. Если мы хотим быть цивилизованными соседями в «общеевропейском доме», не следует скрывать, что у нас в квартире начался пожар. И не нужно гнушаться помощи других соседей, даже если ими движет не симпатия к нам, а стремление обезопасить себя. Соккрытие же правды лишь создает большие дополнительные осложнения для Советского Союза.

Вода камень точит, и в общем постепенно жалкий информационный ручеек стал приобретать более удовлетворительные размеры. Особенно полезную роль сыграло наше согласие на сотрудничество с МАГАТЭ в анализе причин катастрофы и подготовке рекомендаций по предотвращению подобных ава-

³ Слова из стихотворения «Баллада о гвоздях» советского поэта Николая Семеновича Тихонова (1896–1979). – *Прим. ред.*

рий в будущем. И хотя в докладе о Чернобыльской катастрофе, подготовленном нашими специалистами, и содержались некоторые белые пятна, все же он послужил началом полезного для всех сторон сотрудничества.

И тут я не могу не упомянуть имя Валерия Алексеевича Легасова. Академик, первый заместитель директора Курчатовского института, он был основным составителем доклада и представлял его в Вене в МАГАТЭ. Мы были знакомы и до Вены, а там познакомились ближе. Необыкновенно симпатичный, честный и очень умный человек. Был. С потрясением узнал я впоследствии о его самоубийстве. Версии, которые выдвигались о причинах самоубийства, в основном сводились к причастности Валерия Легасова к разработке проекта реактора для Чернобыльской АЭС. Знаю, что сочетание нескольких причин вызвало катастрофу. Недостатки проекта были отнюдь не решающими. Да и был ли Валерий ответствен за них? Не берусь об этом судить. Но видимо, другие причастные к катастрофе лица в стремлении обелить себя перегрузили В.А. Легасова.

«Красный граф» Фердинанд Тун

Интересной фигурой среди моих коллег на Конференции по разоружению был представитель ГДР посол Фердинанд Тун. Высокий белокурый человек, хорошо говорил по-русски. Некоторые его подчиненные, члены делегации ГДР, в неофициальных контактах не раз пытались мне намекать, а то и просто доносить о его *антисоветских* настроениях. Разумеется, я об этих намеках и доносах никуда не сообщал, а просто решил поближе познакомиться. Его историю я и хочу сообщить вам сейчас.

В Швейцарии есть городок Тун. И как-то я спросил шутливо Фердинанда, имеет ли он какое-либо отношение к этому городу. «Скорее нет, чем да, поскольку Туны, построившие замок, вокруг которого впоследствии возник швейцарский городок, откололись от нашей фамилии еще в XIII веке. А наш фамильный замок находится в Судетах. Он существует до сих пор, я его недавно посетил, там сейчас дом отдыха Министерства обороны Чехословакии». История эта поразила меня своей необычностью. И я продолжал свои неофициальные беседы с Фердинандом.

Действительно, он происходил из древнего графского рода. Он был младшим офицером вермахта и во время Второй мировой войны (1939–1945), сражаясь на Восточном фронте, попал в плен, где провел несколько лет. Работал на разных стройках и на лесоповале. В плену он научился хорошо говорить по-русски, проникся симпатией и интересом к России (как он говорил, к его изумлению, русские относились к немецким военнопленным лучше, чем друг к другу) и стал коммунистом. Конечно, среди немецких военнопленных велась соответствующая воспитательная работа. «Но, – говорил Фердинанд, – не слова на меня действовали, а то поразительно доброе, сострадательное отношение, которое я видел со стороны русских. Ведь я же сам участвовал в операциях, которые причиняли большое зло русским людям. А русские женщины нам, пленным, совали короч-

ки хлеба. Но мы-то видели, что питаемся не хуже их. И я стал коммунистом». После освобождения из плена Фердинанд Тун остался работать в ГДР, хотя все его родственники жили в ФРГ и отреклись от него. Чувствовалось и по отношению к нему других гэдээровцев, да и по его недомолвкам, что своим в ГДР он не стал.

В ГДР благодаря своему хорошему общему образованию и знанию иностранных языков стал работать в МИДе и в качестве посла был направлен в Тегеран, где тогда правил шах. А Иран всегда был для Германии ключевой страной на Ближнем Востоке. По всей видимости, власти ГДР использовали аристократическое происхождение Фердинанда Туна для установления более близких контактов с шахом и его окружением. Это был мудрый шаг со стороны руководства ГДР, поскольку Тун благодаря своему высокому происхождению стал вхож не только в близкое окружение шаха, но и к самому шаху. Важность этих контактов была в том, что после свержения премьер-министра Мосаддыка в 1953 г. у Советского Союза практически оборвались связи с Ираном. А ведь Иран был и геополитически, и экономически очень важным звеном в «большой игре» между Востоком и Западом в мире. Так что Фердинанду выпала задача наводить мосты. Он это успешно выполнял.

А потом он оказался в Женеве в качестве представителя ГДР в Комитете по разоружению. Во время своих наездов в Берлин я бывал дома у Фердинанда. Он жил в очень скромной квартирке, значительную часть которой заполняли книги. На полках было очень много русской литературы. Не только он сам ее любил, но его жена преподавала русскую литературу в Берлинском университете. Очень интересовалась советской литературой и с большой дотошностью меня о ней допрашивала.

А когда Горбачев подло (не боюсь этого слова) предал в Архызе в 1990 г. ГДР и всех тех, кто помогал Советскому Союзу, я стал избегать контактов со своими гэдээровскими друзьями, так как мне было очень стыдно за это предательство. В это время Фердинанд был уже в отставке, и о дальнейшей его судьбе мне ничего неизвестно.

На сцене кабаре «Парадиз Латэн»

То, что я хочу рассказать, относится к стопроцентным былям. Прошу не сомневаться.

Во время одной из моих поездок по служебным надобностям в Париж один из моих хороших друзей в советском посольстве организовал для меня посещение кабаре «Парадиз Латэн». Для оплаты подобного рода недешевых увеселений обычно использовалась одна из советских коммерческих организаций. В этом случае мой приятель привлек к *спонсорской помощи* представительство советского пароходства.

Как бы то ни было, мы с женой и моим хорошим другом оказались в кабаре за столиком, где стояло шампанское. На сцене началось представление. Шел развеселый канкан. Весьма привлекательные плясуньи с визгом перекувыркивались через головы. Когда они вдоволь *накувыркались*, одна из актрис выскочила в зал и, схватив меня (а я сидел в своем ряду на крайнем месте, у прохода), потащила на сцену. Меня поставили в центр среди *плясуний*, и канкан продолжался, но без *перекувырканий*. Девушки под ту же канканную музыку высоко взмахивали своими длинными ногами, и я старался делать то же. Конечно, так высоко у меня не получалось, но я пытался взбрыкивать повыше (помогало гимнастическое прошлое).

После того как зал разразился бурными аплодисментами, которые я отнес, разумеется, на свой счет, меня торжественно проводили на место и канкан продолжался уже с многократными переворачиваниями и демонстрацией всего, что положено.

А мне тут же принесли бутылку шампанского, и мы ее с удовольствием распили.

Такова нелегкая, но порой не лишенная некоторых развлечений жизнь дипломата.

Почему аборигены съели Кука

Зимой 1986 г. я был направлен в Австралию в качестве *эмиссара советского правительства* для того, чтобы разъяснить суть заявления Горбачева о ядерном разоружении от 15 января 1986 г. «...Бить не нужно, а не вникнут – разъяснить!»¹. Это был как раз мой случай.

На мое *эмиссарство* была отпущена крупная сумма. Поэтому в Австралию я отправился первым классом. Обеспечивала мою поездку компания «Бритиш Эйрвейз» с учетом всех моих пожеланий.

По дороге остановились в Сингапуре. Город поразил меня своей чистотой. Казалось, он был даже чище, чем Женева.

Пока летел, вспоминались мне песни Владимира Высоцкого. Например, «Загранкомандировка». Или слова из его песенного стихотворения про Джеймса Кука, британского мореплавателя и путешественника. Как и он когда-то, все-таки я двигался в том же направлении.

Как, в кружок усевшись под азалии,
Поедом – с восхода до зари –
Ели в этой солнечной Австралии
Друга дружку злые дикари².

Там, в Австралии, мне действительно довелось посидеть под азалией. Но не с дикарями, а с нашим послом в Австралии Женей Самотейкиным. *Симпатичнейший* человек. Тогда мы пили

¹ Слова из произведения «Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме» советского поэта, барда и писателя Владимира Семеновича Высоцкого (1938–1980). – *Прим. ред.*

² Отрывок из произведения «Одна научная загадка, или Почему аборигены съели Кука» советского поэта, барда и писателя Владимира Семеновича Высоцкого (1938–1980). – *Прим. ред.*

джин с тоником и закусывали росшими тут же фрью де ля пасьон³. Женя уверял, что это лучшая закуска под джин. Он оказался прав.

Наше посольство в Австралии открылось совсем недавно (после разрыва отношений в 1983 г. из-за скандала с советским перебежчиком В.М. Петровым). Было оно маленькое, но очень уютное. На территории посольства располагался бассейн. В нем были какие-то странные сооружения вроде лестниц. В то время в Австралии очень расплодился коала. Мне они всегда напоминали Чебурашку из нашего мультфильма, снятого по мотивам детской повести Эдуарда Успенского «Крокодил Гена и его друзья». В таких бассейнах они могли утонуть, и эти лестницы размещали, чтобы маленькие существа были в состоянии самостоятельно спастись.

Трудно отделаться от соблазна сфотографироваться у бассейна в купальнике и меховой шапке на голове. А как хотелось познакомиться с кенгуру! И вот мы едем в какой-то парк недалеко от Мельбурна. Там действительно есть кенгуру. Я знал, что кенгуру (а также страусы) могут двигаться только вперед, а заднего хода у них нет. Наверное, поэтому при высадке союзных войск в Нормандии в июне 1944 г. австралийцы (вместе с канадцами) шли первыми. Англичане, прикрываясь ими как щитом, двигались за ними. На опыте убеждаюсь, что все именно так – не может кенгуру назад отступать. Австралийцы очень этим свойством гордятся.

Очень хотелось побывать в Сиднее. С радостью узнал, что там генеральным консулом служил мой однокурсник Володька Царградский.

И вот я уже Сиднее. Едем с ним в прибрежный ресторанчик лакомиться лобстерами. На нас надевают целлофановые накидки, раскладывают на нашем столе массу каких-то приборов: щипчики, ножички, крючочки и какие-то другие таинственные инструменты. Как для хирургической операции. Потом подают больших *океанских раков*. Мы беремся разделять их, а они брызжут на наши фартуки. Очень уж они вкусные!

³ фрью де ля пасьон от французского «fruit de la passion», или «passion fruit». Иными словами, маракуйя.

Запиваем чем-то желтым, напиток напоминает виски. Предлагаю Володе искупаться. Раздеваюсь и тут же *плюхаюсь* в океан. Это первое мое купание в Южном полушарии. Тем более в океане. Такая удача выпадает не часто. А сколько их всего у меня уже было? Тихий – Сидней и Калифорния. Атлантический – Нью-Йорк, Нигерия и Португалия. Индийский – Восточная Африка.

Однако пора домой в Москву. Очень жалею, что не догадался включить в свое командировочное предписание *разъяснение* заявления Горбачева где-нибудь в Новой Зеландии и на всех пятнадцати островах Кука. А ведь мог бы! На внешний пиар в те годы денег не жалели.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СНВ-1

Как начинались переговоры

Переговоры, на которых я оказался, имели свою историю и предысторию. Первые контакты по вопросу о стратегических вооружениях между советскими и американскими представителями произошли вскоре после Карибского кризиса и под его воздействием. Впервые идеи, направленные на понижение военно-стратегического противостояния США и СССР, были высказаны директором Агентства США по контролю над вооружениями и разоружению Уильямом Фостером в беседе с советским послом в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным 16 января 1964 г. Летом того же года эти идеи были повторены Фостером в беседе с тогдашним представителем СССР в Комитете восемнадцати государств по разоружению С.К. Царапкиным. Выступая как доверенное лицо министра обороны Роберта Макнамары, Фостер изложил их в *сверхдоверительном* порядке. Идеи эти сводились к тому, чтобы договориться о взаимном отказе от строительства систем противоракетной обороны (ПРО). Как свидетельствует А.Ф. Добрынин, «время от времени в течение 1966 г. Фостер вновь поднимал этот вопрос в частных разговорах со мной [с А.Ф. Добрыниным. – Прим. ред.]»¹. Естественно, все

¹ Добрынин А.Ф. Сугобо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М.: Автор, 1996. 688 с.: ил.

эти американские заходы докладывались в Москву, но Москва реагировать не спешила.

Как раз в то время в США приобрела большую остроту борьба вокруг системы ПРО «Найк-Икс». Противники создания системы, основным идеологом которых был тогдашний министр обороны Роберт Макнамара, считали, что ее развертывание могло бы лишь дестабилизировать военно-стратегический баланс, не обеспечив сколько-нибудь реальной защиты США. Они справедливо исходили из того, что строительство ПРО в США заставило бы Советский Союз принять контрмеры. Причем средства противодействия американской ПРО стоили бы Советскому Союзу, по американским оценкам, дешевле и могли бы быть созданы быстрее, чем американская система ПРО вступила бы в действие. Противники системы ПРО указывали, что ее главным уязвимым местом были радиолокаторы, которые могли бы быть выведены из строя и *ослеплены* надатмосферными ядерными взрывами.

В конце 1966 г. между сторонниками и противниками ПРО в США была достигнута компромиссная договоренность, в соответствии с которой выделялись средства на отдельные боевые компоненты системы «Найк-Икс», но их расходование откладывалось до выяснения возможности договориться с Советским Союзом об ограничении систем ПРО.

В 1966 г. американская сторона вполне определенно поставила перед советской стороной вопрос о достижении договоренности в отношении взаимного, совместного с Советским Союзом отказа от широкого развертывания систем ПРО. На этот раз советская сторона ответила, хотя довольно осторожно. Да, мол, дело хорошее, но, конечно, одновременно надо и сокращением наступательных стратегических вооружений заняться и уж, само собой, в контексте всеобщего и полного разоружения. В переводе с дипломатического языка это означало проявление сдержанного интереса к возможности рассмотрения оборонительных и наступательных систем в их взаимосвязи, однако увязка со всеобщим и полным разоружением переводила этот интерес из практической плоскости в умозрительную. В общем – спасибо за предложение, можно подумать, но пока не время.

В ходе обмена мнениями по этому вопросу в первой половине 1967 г. советская сторона смягчила свою позицию, сняв увязку

со всеобщим и полным разоружением. Не отвергая возможности ограничения систем ПРО, она продолжала настаивать на том, чтобы эта проблема рассматривалась во взаимосвязи с сокращением наступательных стратегических вооружений. Американская сторона согласилась, чтобы на переговорах рассматривались как оборонительные, так и наступательные виды стратегических вооружений, но в отношении последних предпочитала говорить об их выравнивании, а не о сокращении.

Интересное место в предыстории переговоров по стратегическим вооружениям занимает встреча президента Линдона Джонсона (1963–1969) и председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина в городке Гласборо штата Нью-Джерси. В июне 1967 г. в Нью-Йорке состоялась специальная сессия по Ближнему Востоку. Советскую делегацию возглавлял Косыгин. Американцы предложили использовать его пребывание на американской территории для организации встречи с ним президента Джонсона. Но Косыгин не хотел ехать в Вашингтон, чтобы не демонстрировать заинтересованности во встрече с Джонсоном. Аналогично Джонсон не хотел ехать в Нью-Йорк. Тогда кто-то из американцев догадался предложить организовать встречу в маленьком городке Гласборо, который находится ровно на полпути между Вашингтоном и Нью-Йорком. Официальная повестка дня встречи состояла из вопросов, не имевших отношения к стратегическим системам. Однако на ланче, который Джонсон дал советской делегации, Макнамара, очевидно по согласованию с Джонсоном, завел большой и обстоятельный разговор, где постарался убедить советского премьера в тяготах и опасностях соревнования в области противоракетной обороны и в необходимости договориться о взаимном отказе от этих систем. Мои попытки разыскать в архивах запись этой беседы, к сожалению, оказались безуспешными: в МИДе ее не оказалось, а в архивы ЦК (мои поиски происходили в 1989–1990 гг.) пробиться не удалось.

Американские источники, в том числе руководитель американской делегации на переговорах по ограничению стратегических вооружений (ОСВ) в 1969–1972 гг. Джерард Смит, считают, что аргументы Макнамары заставили Косыгина пересмотреть свое отрицательное отношение к идее отказа от оборонительных систем, и в результате Советский Союз согласился на проведение

переговоров. Советский посол А.Ф. Добрынин, который участвовал во встрече, пишет в своих воспоминаниях, что Макнамара не смог донести до Косыгина убедительность своей концепции и Косыгин как был, так и остался противником отказа от оборонительных систем. Хотя Добрынин и признает, что «дискуссия в Гласборо была первым толчком, который помог начать переговоры по ограничению стратегических вооружений, что в конечном счете привело к заключению Договора об ограничении систем противоракетной обороны в 1972 г.»². Виктор Суходрев, который принимал участие во встрече в качестве переводчика, в своих интереснейших воспоминаниях³ свидетельствует, что Макнамара, сидевший рядом с Косыгиным, использовал этот шанс для того, чтобы переубедить советского премьера, а тот по возвращении в Москву доложил содержание беседы Политбюро. Думаю, что эта беседа сыграла если не решающую, то довольно существенную роль в изменении советской позиции.

Как бы то ни было, к лету 1968 г. в подходах сторон к предмету переговоров осталось лишь одно расхождение: советская сторона настаивала на том, чтобы речь шла лишь о системах обороны против баллистических ракет, а американская добивалась включения и систем ПВО. Как свидетельствует участник переговоров Пол Нитце, президент Джонсон, следуя совету Макнамары и Раска, согласился принять советскую формулировку, чтобы переговоры смогли начаться до окончания его президентства⁴.

Хорошо помню день 1 июля 1968 г. Как один из участников переговоров по выработке договора о нераспространении ядерного оружия, я присутствовал на церемонии подписания ДНЯО. В Доме приемов на Ленинских горах, где происходило подписание, было торжественно, парадно. А.Н. Косыгин произнес небольшую речь, в которой отметил важность этого договора и объявил о договоренности относительно советско-американских переговоров по ограничению стратегических вооружений: «Между правительствами СССР и США достигнута договорен-

² Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986).

³ Язык мой – друг мой: От Хрущева до Горбачева... / В.М. Суходрев. М.: АСТ, 1999. 477, [1] с., [8] л. портр.; 20 см. (Мемуары).

⁴ Nitze P. From Hiroshima to glasnost: at the center of decision: a memoir. New York, 1989. P. 290.

ность вступить в ближайшее время в переговоры относительно комплексного ограничения и сокращения как систем доставки наступательного стратегического оружия, так и систем обороны против баллистических ракет».

Церемония завершилась под звон бокалов с шампанским. А между тем приближалось 20 августа 1968 г. Советское вторжение в Чехословакию помешало США сесть за стол переговоров во время президентства Джонсона. Они начались только в ноябре 1969 г. Напомню основные этапы этого советско-американского переговорного процесса.

В 1972 г. были заключены бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических вооружений, или Договор ОСВ-I (сроком на пять лет).

На продолжившихся вскоре переговорах был разработан Договор ОСВ-II, который должен был заменить Временное соглашение. Он был подписан в 1979 г., но в силу не вступил из-за отказа Конгресса США его ратифицировать. Международный небосклон все более затягивался темными тучами конфронтации. Ввод наших войск в Афганистан в 1979 г. дал прекрасный повод американцам отказаться от этого договора.

В 1981 г. под лозунгом борьбы с СССР как «империей зла» к власти в США пришел республиканец Рональд Рейган (1981–1989). Тем не менее переговорный процесс набрал столь большие обороты, что даже в те тяжелые для диалога времена прервался не сразу: в октябре 1980 г. начались советско-американские переговоры по ограничению ядерных вооружений в Европе, а в 1982 г. – по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Однако в конце 1983 г. и те и другие переговоры были прерваны, не приведя к каким-либо положительным результатам. Этот исход был предreshен нежеланием каждой стороны сделать первый шаг навстречу другой стороне.

В 1980-е гг. холодная война достигла своего пика, почти сравнимого с Карибским кризисом 1962 г., когда мир оказался на грани ядерной войны. В самый разгар международной напряженности, 11 августа 1984 г., Рейган, проверяя микрофон перед традиционным радиообращением к народу и не зная, что он уже включен, сказал: «Мои соотечественники-американцы, я рад сообщить вам сегодня, что подписал указ об объявлении России

вне закона на вечные времена. Бомбардировка начнется через пять минут».

Эта шутка Рейгана, из-за которой вполне могла бы начаться третья мировая война, вызвала огромный резонанс в мире, и в первую очередь в СССР. «ТАСС уполномочен заявить, что в Советском Союзе с осуждением относятся к беспрецедентно враждебному выпадку президента США, – говорилось в официальном заявлении главного советского информационного агентства. – Подобное поведение несовместимо с высокой ответственностью, которую несут руководители государств, обладающих ядерным оружием, за судьбы собственных народов, за судьбы человечества».

Идеологическая конфронтация в начале 1980-х гг. распространилась даже на сферы, казалось бы, далекие от политики. США бойкотировали Олимпийские игры 1980 г. в Москве, а СССР – Олимпийские игры в Лос-Анджелесе 1984 г. Советских школьников стали предупреждать, что нельзя общаться на улице с иностранцами, потому что они могут подарить отравленные конфеты, съев которые тут же умрешь.

К 1985 г. отношения между СССР и США были практически на нуле. С момента встречи Л.И. Брежнева и американского президента Джими Картера в Вене в июне 1979 г. контакты на высшем уровне отсутствовали. Мировые СМИ повторяли, как мантру, высказывание президента США Рейгана: «Советский Союз – империя зла». Однако к концу своего первого президентства Рейган стал осознавать необходимость достижения компромиссов с Советским Союзом.

Соображения безопасности подталкивали каждую из сторон к возобновлению переговоров. После смерти Ю.В. Андропова (1982–1984) генеральным секретарем ЦК КПСС стал практически недееспособный по состоянию здоровья К.У. Черненко (1984–1985). Думаю, что в это время А.А. Громыко оказывал безраздельное влияние на определение внешней политики Советского Союза. А он, по-моему, всегда считал, что с США надо жить в мире.

Пришедший к власти в 1985 г. М.С. Горбачев не хотел продолжения советско-американской конфронтации. Не преуспевший во внутренней политике, он сделал ставку на успехи в международной сфере. Переизбранный ранее и намеренный подправить

свой имидж Рейган тоже получил большую свободу рук для корректировки внешнеполитического курса.

Еще в конце ноября 1984 г. СССР и США договорились вступить в новые переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных и космических вооружений. На встрече министров иностранных дел СССР и США в Женеве в январе 1985 г. стороны условились провести такие переговоры по трем направлениям: по ракетам средней дальности, стратегическим наступательным вооружениям и по обороне и космосу. Ввиду естественной взаимосвязи этих трех направлений переговоры должны были вестись единой делегацией с каждой стороны, но в трех подгруппах. Эти переговоры начались в Женеве 12 марта 1985 г.

В конце 1987 г. переговоры по ракетам средней дальности завершились подписанием советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), а переговоры по двум другим направлениям продолжались. Вот эту двуединую делегацию я и возглавил в апреле 1989 г.

Технология переговоров

В сущности, переговоры – это основа всей дипломатии. Ведь одна из главных задач дипломата, будь то собственно переговоры или работа в посольстве, – договариваться о каких-то взаимоприемлемых вещах со своими иностранными партнерами. В этом принципиальное отличие профессии дипломата от профессии военного. Военный, в руках которого оружие, добивается выполнения поставленной задачи силой, а дипломат – нахождением компромисса. Конечно, каждая профессия накладывает свой отпечаток на менталитет. Это было очень заметно в тех делегациях, в которые включались военные эксперты. У военных – жесткость и четкость, у дипломатов – гибкость и склонность к более расплывчатым формулировкам. Взаимодействие того и другого подходов часто приводило к весьма плодотворным результатам. А если такое взаимодействие продолжалось достаточно длительное время, то оно оказывало благотворное воздействие на менталитет обеих сторон.

Особенно хорошо я прочувствовал этот процесс на переговорах по стратегическим вооружениям, где более половины делегации состояла из военных. Так случилось, что большая часть моей дипломатической карьеры была связана с переговорами – как многосторонними, так и двусторонними. Сначала на третьих, вторых ролях, а потом во главе делегации. Конечно, переговорная практика по-настоящему начинается только тогда, когда оказываешься в *первом кресле*, т.е. когда ты в качестве *первого номера* представляешь свою сторону, будь то пленарное заседание, рабочая группа или подгруппа. Твои советники и эксперты могут давать тебе дельные и толковые советы. Но только ты определяешь, каким советом воспользоваться, как вести себя в той или иной ситуации, как прореагировать на выступление представителя другой стороны. Реакция должна быть мгновенной. Она иногда может заключаться и в том, чтобы промолчать.

Но и такой образ действий должен быть осознанным, а не вызванным тем, что не нашелся что сказать.

Очень важным качеством переговорщика является умение понять позицию партнера по переговорам (*оказаться в его ботинках*, как говорят американцы), определить, что в его позиции совместимо с твоей позицией, и как совместить то, что несовместимо. А уж если найден какой-то компромисс, то его обязательно надо зафиксировать, хотя бы самым неофициальным образом, но на бумаге.

В институтах – и у нас, и на Западе – разрабатываются теории переговорного процесса, читаются курсы лекций о том, как надо вести переговоры. Но когда я вступал на переговорное поприще, то еще не слышал о таких теориях. А когда узнал, что они существуют, то уже был достаточно уверенным в себе практиком.

Впоследствии мне даже пришлось прочитать курс лекций в российской Дипломатической академии, в которых я пытался поделиться со слушателями своим переговорным опытом. В заключение же я им сказал, что не представляю себе, как можно научиться вести переговоры, не посидев в *первом кресле* хотя бы в какой-нибудь рабочей группе, разрабатывающей не учебный, а самый настоящий, пусть не *судьбоносный* документ, например, проект резолюции.

Разумеется, каждые переговоры имеют свою специфику, связанную прежде всего с их предметом.

К тому времени когда я был назначен главой делегации, советско-американские переговоры по стратегическим вооружениям продолжались уже 20 лет. За это время были отработаны формы и методы, которые, базируясь на международной практике, учитывали и специфику данных переговоров.

Специфика состояла прежде всего в громоздкости готовившихся документов и в изобилии военно-технических деталей. Текст самого договора был относительно невелик – страниц пятьдесят. Но различного рода приложения и приложения к приложениям, договоренности, оформлявшиеся путем обмена письмами, заявлениями, и другие документы составляли в общей сложности более восьмисот страниц. Причем отдельные части этой машины разрабатывались параллельно в различных рабочих группах.

Такой порядок работы требовал тщательной координации действий переговорщиков в различных рабочих группах. Кроме того, необходимо было тщательно следить за тем, чтобы разрабатываемые документы *стыковались* друг с другом (изменения в тексте одного документа могли вызывать необходимость корректировки и других документов). Эта задача осуществлялась на регулярно проводимых совещаниях делегации.

Механика подготовки договора и связанных с ним документов выглядела следующим образом. Каждая из сторон представляла свой текст. Они как бы накладывались один на другой. То, что совпадало, становилось согласованным текстом. То, что не совпадало, помещалось в квадратные скобки с пояснениями, из которых становилось понятно, чья позиция отражена в скобках (в русском тексте наша позиция отмечалась значком ¹), а позиция США – значком ²); в английском тексте значки соответственно менялись).

В тех случаях, когда несовпадение было чисто словесным, находились формулировки, которые отражали согласованную позицию. Если же расхождения касались существа, то согласование, естественно, становилось более сложным. Поиск преодоления расхождений и составлял суть переговоров.

Каждый раунд начинался и завершался пленарными заседаниями, на которые делегации собирались в полном составе. На них зачитывались заранее подготовленные заявления довольно общего характера. На заседании при открытии раунда стороны декларировали свои намерения, выражали надежды и т.д. На заключительном заседании подводились итоги и выражались надежды на сближение позиций на следующем раунде.

После первого пленарного заседания началась работа двух основных групп – по наступательным вооружениям (советскую часть группы возглавлял посол Л.А. Мастерков) и по обороне и космосу¹ (нашими основными представителями здесь были посол Ю.И. Кузнецов и генерал-лейтенант Н.Н. Дединов).

¹ Название этой группы было компромиссным и совершенно противоречивым: американцы настаивали на обсуждении Договора по ПРО 1972 г., на том, чтобы согласовать его расширенное толкование; мы же, категорически возражая против этого, предлагали обсуждать запрет на использование космоса в военных целях, что было неприемлемо для американцев, поскольку они планировали, в частности, размещать в космосе элементы своей ПРО.

При этом американцы каждый раз подчеркивали, что они участвуют в работе группы по обороне и космосу в качестве самостоятельной делегации, не связанной с их делегацией в группе по стратегическим наступательным вооружениям. Администрации Рейгана, а затем и Буша-старшего (1989–1993) в то время были озабочены получением от Конгресса средств на СОИ. Они пытались доказать, что заключение договора по СНВ не должно снизить ассигнований на ПРО. Это-то обстоятельство и побуждало делегацию США делать такие ритуальные заклинания. Мы, со своей стороны, исходя из неразрывной связи наступательных и оборонительных вооружений, подчеркивали, что делегация у нас одна и что наш представитель в группе по обороне и космосу полностью подчинен руководителю всей делегации, как и представитель в группе по стратегическим наступательным вооружениям.

Группы делились на подгруппы, каждая из которых занималась разработкой текста отдельного документа. Первоначально группа по обороне и космосу образовывала свои символические подгруппы. Но постепенно мы сократили свою делегацию в ней до трех человек и практически отказались от подгрупп. Американцы, число которых в этой группе превышало 20 человек, пытались протестовать, но в конце концов приняли ситуацию как она есть.

Группа по СНВ делилась на подгруппы, каждая из которых разрабатывала и согласовывала текст порученного ей документа – самого договора, протокола об инспекциях, протокола о переоборудовании или ликвидации СНВ, протокола об уведомлениях о сокращении и ограничении СНВ, протокола о забрасываемом весе, протокола о телеметрической информации, протокола о Совместной комиссии по соблюдению и инспекциям, Меморандума о договоренности об установлении исходных данных. По мере необходимости создавались и какие-то еще более мелкие подгруппы для подготовки решения конкретных узловых вопросов. Конечно, очень важную роль играли всегда встречи глав делегаций.

Общая схема механизма переговоров была рациональна. К моему назначению на переговоры существовал уже солидный задел в виде текстов основных документов. Правда, значительная их часть находилась «в скобках», т.е. была не согласована.

Перед делегацией была поставлена задача находить выходы и представлять свои предложения в Центр.

По своему предыдущему опыту на Конференции по разоружению, где я участвовал в различных переговорах, в том числе по запрещению химического оружия, я знал, что без неофициального зондажа трудно найти варианты, которые вели бы к договоренностям. Достижение договоренностей на переговорах по сложным и деликатным вопросам невозможно без неофициальных контактов, в ходе которых стороны пытаются достичь договоренности *ad referendum*, т.е. на свой страх и риск для доклада в свои столицы. За столом переговоров это сделать невозможно, так как каждое слово фиксируется. Формально никакого протокола не ведется. Но каждая сторона делает для себя подробные записи, на которые она в случае чего может сослаться. И даже если кто-то за столом переговоров предупреждает: «Я хочу сейчас сказать кое-что неофициально, не для протокола», всем, в том числе и говорящему, ясно, что все его слова будут зафиксированы, даже если все участники положат свои ручки и отодвинут блокноты.

Другое дело неофициальные встречи на нейтральной почве – в кафе, ресторане и т.д. Конечно, и там можно организовать запись разговора. Современные технические средства позволяют записать разговор даже во время прогулки в лесу, хотя там это сделать гораздо сложнее, чем в помещении. Но это уже сфера спецслужб. Во всяком случае, контакты вне официального переговорного стола дают больше свободы для отказа от достигнутых предварительных договоренностей, если они не будут одобрены соответствующими правительствами.

Примерно раз в неделю главы делегаций вместе с их заместителями встречались за ланчем в каком-нибудь ресторанчике, где подводили итоги прошедшей недели, уславливались об основных направлениях работы на следующую неделю, обсуждали какие-либо конкретные вопросы, прощупывали возможные подходы к их решению, готовили так называемые компромиссные «пакеты». На этой форме «пакетных» договоренностей следует остановиться подробнее.

Конечно, классическим компромиссом является договоренность по какому-то конкретному вопросу, для достижения которой каждая сторона уступает в равной мере. Это, однако,

не всегда оказывается возможным в силу характера того или иного вопроса, когда он может быть решен на основе «или-или»: либо предложение принимается, либо снимается. Бывает и так, что по отдельным элементам «пакета» компромисс может быть найден, но не посередине, а ближе в ту или иную сторону. В таких случаях составляется набор вопросов и договоренность достигается путем «размена озабоченностями» – «в пакете»: по некоторым стороны уступают друг другу в разной степени, а в целом получается примерный баланс уступок. При этом действует принцип: пока не согласовано все, не согласовано ничего. Иными словами, условием любого «пакета» является то, что если не принимается хотя бы одно его условие, весь «пакет» считается несогласованным («рассыпается»).

Можно, конечно, привести конкретные примеры таких «пакетов», но объяснение их смысла со всеми нюансами было бы столь узкотехническим, что, боюсь, любой читатель, за исключением разве что нескольких специалистов, на этом закрыл бы эту книгу. А вообще схема таких «пакетов» примерно такова: я тебе частично уступаю по вопросу А (скажем, 30:70), ты мне – по вопросу Б (70:30), а вопросы В и Г, по которым компромисс невозможен, «размениваются», т.е. снимаются вообще.

Для того чтобы выторговать у другой стороны побольше уступок в рамках «пакета», переговорщики иной раз придерживают полученное из Центра разрешение дать на что-то согласие, а потом это согласие включить в очередной «пакет». Иногда это бывает связано с риском.

В течение длительного времени американцы настаивали на включение в договор положения, разрешающего строительство и передислокацию стационарных пусковых установок (ПУ) межконтинентальных баллистических ракет (МБР) в пределах устанавливаемых договором суммарных количеств на стратегические носители. И вот в конце 1989 г. делегация получила разрешение дать на это согласие. Это изменение нашей позиции, видимо, продиктовано было намерением иметь возможность перевести наши железнодорожные мобильные пусковые установки современных ракет SS-24² на шахтное базирование. Естественно, возникло желание выторговать эту *уступку*

² Обозначение советских ракет РС-22, принятое в НАТО.

за встречную уступку со стороны США. Но случая все не представлялось.

Как-то приходит с очередной встречи со своим американским коллегой один наш переговорщик и докладывает мне, что американец завел с ним разговор о том, что американская сторона могла бы, мол, отказаться от своего предложения о возможности передислокации шахтных пусковых установок (ШПУ), если бы советская сторона в чем-то пошла навстречу американцам. Иными словами, в Вашингтоне происходил тот же процесс, что и в Москве, только в обратном направлении. Очевидно, у США отпала необходимость в строительстве новых ШПУ, а с другой стороны, они могли узнать или вычислить то, что мы захотим наши железнодорожно-мобильные SS-24 или часть их спрятать под землю.

Пришлось срочно заготавливать официальное согласие на принятие американского предложения о возможности передислокации ШПУ, естественно, без *выторговывания* уступок, теперь уж было не до них. Американские коллеги были очень этим раздосадованы, так как, по всей видимости, им пришло указание из Вашингтона снять предложение о возможности передислокации ШПУ и они решили за это что-нибудь выторговать у нас.

Очень полезной формой неофициальных контактов были ежедневные утренние встречи с главой американской делегации Ричардом Бертом (кроме субботы и воскресенья) на *нейтральной территории* – за чашкой кофе в кафе, расположенном недалеко и от американской, и от советской миссий. Обычно встречались двое на двое, вместе со своими заместителями. На таких встречах согласовывались планы обеих делегаций на день, устранялись всяческие сложности, шероховатости, возникавшие в отдельных рабочих группах, обсуждались различные проблемы (если эти проблемы носили технический характер, приглашали на такое обсуждение соответствующих экспертов).

Порой осложнения в группах возникали на чисто личностной основе. Тогда приходилось выступать посредниками, чтобы помирить повздоривших между собой советского и американского переговорщиков. Иногда приходилось услаиваться о перестановке в группах, чтобы устранить психологическую несовместимость переговорщиков с той или другой стороны.

В одной из рабочих групп американскую делегацию представляла весьма корректная дама, а с нашей стороны ей противостоял человек, которого никак нельзя было причислить к категории джентльменов. Природная резкость сочеталась в нем с отсутствием элементарной воспитанности, хотя, надо сказать, предмет, по которому велись переговоры в этой группе, он знал хорошо. На одной из встреч за чашкой кофе Берт мне говорит:

– Наша мадам пришла ко мне в слезах и говорит, что она долго терпела грубость своего советского визави, но терпению ее пришел конец, когда он во время последнего заседания группы вместо того, чтобы просто сказать «нет», сунул ей в физиономию кукиш. Я прошу тебя что-то предпринять.

– Согласен, – говорю я, – что кукиш – это не средство дипломатического общения. И я знаю, что манеры у нашего представителя не очень изысканные. Но не думаю, что я смогу его перевоспитать, в его пятьдесят с лишним лет. Можно, конечно, развести твою деликатную мадам и моего грубияна по разным группам, но тогда потребуется время для вхождения новых людей в детали незнакомых для них вопросов. Можем ли мы на это пойти?

В результате уславливаемся, что каждый из нас проведет со своим представителем беседу на предмет повышения сдержанности одной высокой договаривающейся стороны и понижения уровня обидчивости другой. Не знаю, что говорил Берт обидчивой мадам. Я же, объяснив своему грубияну неуместность использования жестов в переговорной практике, посоветовал каким-то образом загладить свой *дипломатический промах*. Сам ли наш переговорщик догадался или ему кто-нибудь посоветовал, но на следующем заседании (оно приходилось на 8 марта) он преподнес мадам букет цветов. Как свидетельствовали очевидцы, мадам чуть не упала со стула от потрясения. Так они и работали вместе до конца переговоров.

Еще одной формой неофициальных контактов с Бертом стали пешие прогулки в горы по воскресеньям.

В то время большой популярностью пользовался американский фильм «Прогулка в лесу». В начале 1980-х гг. руководители американской и советской делегаций на переговорах по ракетам средней дальности Пол Нитце и Юлий Квицинский совершили в окрестностях Женевы несколько прогулок, в ходе которых они попытались нащупать компромиссную договоренность, которая

не была предусмотрена официальными позициями как той, так и другой стороны. Между собой они нашли решение, но ни американский президент, ни советское руководство не приняли его. Впоследствии прогулка была подробно описана П. Нитце в его мемуарах и вошла в историю как пример мужества двух дипломатов, рискнувших личным положением ради достижения договоренности на благо своих стран. По этому мотиву и был впоследствии поставлен фильм.

Этот фильм, который, впрочем, не имел ничего общего с подлинными событиями, а лишь использовал тему личного риска ради общего блага, сильно преувеличивал риск, которому подвергались оба дипломата. Во всяком случае, несмотря на неудачу своей попытки, ни тот ни другой не только не пострадали, но успешно продолжали свои карьеры (Юлий Квицинский был назначен послом в Бонн, а затем стал первым заместителем министра иностранных дел СССР, а Пол Нитце продолжал занимать положение советника номер один по вопросам разоружения при президенте США). Как бы то ни было, тема *прогулки в лесу* была весьма популярной среди женевских дипломатов конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Таких прогулок мы совершили пять-шесть. Нас сопровождали заместители и помощники. Выезжали по воскресеньям на машинах в Швейцарскую Юру, километров за двадцать от Женевы, и карабкались вверх, к уютному кафе «Les Vareillettes». Там перекусывали, отдыхали, записывали некоторые формулировки, которые удавалось обговорить по дороге, и спускались обратно к машинам. Два с половиной – три часа – туда, час – отдых, час – обратно.

Во время этих *прогулок в горах* было, в частности, подготовлено заявление Буша-старшего и Горбачева о будущих переговорах по стратегическим вооружениям³, которые должны были последовать за подписанием Договора СНВ-I. Идея заявления возникла еще в Вайоминге, в сентябре 1989 г., где проходила встреча министров иностранных дел США и СССР. Смысл такого заявления,

³ Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и по дальнейшему укреплению стратегической стабильности было подписано руководителями СССР и США 1 июня 1990 г. – Прим. ред.

по моему мнению, должен был состоять в том, чтобы, во-первых, обеспечить непрерывность процесса, а во-вторых, получить возможность отводить обвинения относительно того, что какие-то вопросы были не решены или решены не так в договоре. Заявление должно было показать, что если в договоре что-то не так, то все это будет исправлено в ходе последующих переговоров. Этими соображениями я поделился с Бертом, гуляя с ним по живописным тропинкам вокруг Тетон-Лодж (гостинично-туристический комплекс в штате Вайоминг), где проходила министерская встреча. Условились вернуться к этой теме в Женеве.

В Женеве, куда мы съехались после непродолжительного перерыва после вайомингской встречи, оказалось, что ни ему, ни мне не удалось получить официальных инструкций о разработке заявления. Мои московские начальники сказали, что официальные инструкции (в то время они должны были проходить утверждение в Политбюро) могут быть мне даны только после того, как я представлю возможный текст такого заявления. В аналогичной ситуации оказался и Берт. Поэтому условились вести подготовку проекта заявления в ходе прогулок.

Между тем необходимость совместного заявления о будущих переговорах возрастала из-за того, что летом 1990 г. предстояла встреча в Вашингтоне на высшем уровне. Первоначально была надежда, что на ней можно будет подписать договор. Но с каждым днем эта надежда таяла, и скоро стало ясно, что договор не будет готов. И тогда было решено подготовить к washingtonской встрече два совместных заявления – о достигнутом прогрессе в деле подготовки договора и относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Таким образом, заявление о будущих переговорах должно было сослужить роль оптимистического наполнителя встречи.

Сложность подготовки этого совместного заявления состояла в том, что позиции сторон расходились по трем основным вопросам: по взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (США настаивали на продолжении переговоров по ПРО и космосу с целью пересмотра Договора по ПРО); по уменьшению концентрации боезарядов на межконтинентальных баллистических ракетах с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН)

и по дальнейшему сокращению тяжелых МБР, а также по вовлечению в дальнейшие переговоры других ядерных держав (США должны были проявлять здесь аккуратность из-за своих союзнических отношений с Великобританией и Францией, которые не хотели сокращать свои ядерные вооружения).

Совместное заявление о будущих переговорах (во всяком случае, его концептуальный подход) в дальнейшем сыграло свою роль при подготовке Договора СНВ-II, хотя бурные события, начавшиеся 19 августа 1991 г. в СССР, привели к таким последствиям, которые поломали все те осторожные компромиссные конструкции, с таким трудом разработанные для будущих переговоров. Достаточно вспомнить хотя бы следующую формулу из совместного заявления: «В частности, стороны будут вести поиск мер, которые уменьшат концентрацию боезарядов на стратегических носителях в целом, включая меры, относящиеся к вопросам тяжелых МБР и МБР с РГЧ ИН». По Договору СНВ-II российские переговорщики ради политической поддержки Б.Н. Ельцина со стороны США согласились полностью ликвидировать тяжелые МБР и все МБР с РГЧ ИН, в том числе современные десятизарядные ракеты SS-24, составлявшие основу стратегической триады России. Иными словами, США получили все то, о чем могли лишь мечтать во время разработки совместного заявления 1990 г.

Если сделана ошибка

Ходы назад брать нельзя. Это шахматное правило вполне приложимо к переговорам. Может выручить лишь заранее оговоренный «пакетный» подход, когда стороны идут на уступки друг другу по нескольким вопросам, составляющим «пакет», и улаживаются, что «пока не согласовано все, не согласовано ничего». Но и эта палочка-выручалочка срабатывает не без труда. Поучительна в этом отношении история согласования вопросов, связанных с тяжелыми бомбардировщиками (ТБ).

Вообще решение этих вопросов заняло на переговорах больше всего времени. Другие проблемы как-то решались или на какое-то время *подвешивались*, а вопросы ТБ, по сути дела, обсуждались на протяжении всех переговоров. Как только удавалось достичь принципиальной договоренности по какой-то части проблемы ТБ, тут же всплывали новые детали, требовавшие согласования. Это была какая-то гидра, с которой никак не удавалось окончательно справиться.

Причина этого, видимо, заключалась в том, что американцы, имевшие крупное преимущество по этому виду стратегических вооружений, стремились не допустить его ослабления, а мы с такой же настойчивостью добивались хотя бы некоторой нивелировки. Проблема ТБ была связана с огромным количеством чисто технических деталей и нюансов. Поэтому неудивительно, что военные специалисты различных рангов – от полковников до маршала – не только принимали участие в переговорах, как это было по всем вопросам СНВ, но и часто занимали «первое кресло» в рабочих группах, занимавшихся теми или иными элементами проблемы.

С самого начала на переговорах возник вопрос: как засчитывать вооружения ТБ в устанавливаемые договором уровни 1600 носителей и 6000 боезарядов? С баллистическими ракетами такого вопроса не возникало, а в отношении ТБ приходилось учитывать, что они вооружены и ядерными вооружениями,

и неядерными, и крылатыми ракетами большой дальности, и ракетами ближнего действия, и бомбами свободного падения. Разумеется, нельзя отрицать, что степень эффективности этих вооружений различна. Для пуска ядерной крылатой ракеты воздушного базирования (КРВБ) большой дальности не требуется, чтобы несущий ее самолет, приближаясь к цели, преодолевал ПВО противника. Будучи в состоянии преодолевать расстояние до 2,5 тыс. км, КРВБ может быть пущена с самолета по дальней цели из безопасной зоны. Причем благодаря низкой траектории полета и небольшой отражающей поверхности она с трудом поддается обнаружению радарными. Бомба же свободного падения должна быть сброшена непосредственно над целью, что делает несущий ее самолет весьма уязвимым для средств ПВО.

Вообще по вопросу о том, распространяется ли договор на неядерные вооружения (стратегического назначения, разумеется) или нет, спор шел все время, постепенно усиливаясь. Чем дальше, тем более упорно США настаивали на том, что договор распространяется только на ядерные СНВ.

В отношении баллистических ракет американцы согласились засчитывать боеголовки вообще, не уточняя, что засчитываются только ядерные боезаряды. В то время и МБР, и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) существовали у обеих сторон только в ядерном снаряжении. Хотя впоследствии по мере возрастания точности таких ракет появился практический смысл в их оснащении и неядерными зарядами¹.

Сложнее дело обстояло с тяжелыми бомбардировщиками, так как любой ТБ, оснащенный для неядерных вооружений, поддается переоснащению для ядерных. Но самые большие трудности возникли при урегулировании вопросов, связанных с КРВБ: что такое КРВБ большой дальности и как отличить ядерные КРВБ от неядерных.

Основа для решения вопроса о засчете была заложена еще в 1986 г. в Рейкьявике – на встрече М.С. Горбачева и Р. Рейгана. Было условлено, что ядерные вооружения, не являющиеся ядерными КРВБ большой дальности, будут засчитываться за каждым

¹ Эта проблема возникла со всей остротой на переговорах в 2009–2010 гг., когда разрабатывался «новый Договор СНВ», заменивший Договор СНВ-I 1991 г., действие которого истекло в 2009 г.

ТБ, оснащенным для таких вооружений, как один боезаряд, сколько бы их ни было на ТБ. Что же касается правил засчета ядерных КРВБ большой дальности, то было признано, что они должны быть другими, а какими именно – это предстояло определить в ходе последующих переговоров.

Договоренность о правиле засчета ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности, конечно, была очень крупной нашей уступкой США, может быть, самой крупной за все время переговоров. В результате США, у которых значительно больше ТБ, чем у нас², получали большое преимущество по фактическому количеству ядерных боезарядов, выходящему за пределы согласованного для обеих сторон потолка в 6000 боезарядов. Разумеется, и СССР, пользуясь тем же правилом засчета, получил право выйти по фактическому количеству ядерных боезарядов из шеститысячного лимита. Однако, обладая парком ТБ, превышающим парк СССР в 3,5 раза, США при таком засчете получали преимущество более чем на тысячу боезарядов.

Была ли эта уступка ошибкой?

Для объективного ответа на этот вопрос нужно учитывать по крайней мере, два обстоятельства.

Обстоятельство первое. В Рейкьявике, договариваясь о правиле засчета, советская сторона (в рабочей группе по ограничению вооружений ее представлял маршал С.Ф. Ахромеев, бывший в то время начальником Генерального штаба) одновременно ставила вопрос и об определении «большой дальности» для КРВБ. Согласие с американским правилом засчета увязывалось советскими представителями с установлением для КРВБ рубежа в 600 км, свыше которого дальность действия считалась бы «большой» и соответственно КРВБ относилась бы к категории «большой дальности».

По результатам рейкьявикской встречи не принималось каких-либо согласованных документов. Каждая сторона фиксировала их сама для себя. После этой встречи, когда на переговорах

² По состоянию на 1 сентября 1990 г. у СССР было развернуто 162 ТБ, в том числе 63 ТБ, оснащенных для ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности, а у США – 574, в том числе 385 ТБ, оснащенных для ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности.

стали излагать договорным языком рейкьявикские договоренности, американская сторона стала отрицать, что дала согласие на 600 км. Поскольку я не принимал участия в рейкьявикской встрече, не берусь судить, что было допущено – ошибка с нашей стороны или вероломство с американской.

Рубеж дальности в 600 км несколько уравнивал нашу уступку по засчету, так как сужал категорию ракет ближней дальности с учетом возможностей нашей ПВО. И тем не менее вопрос оставался: стоит ли это объективное различие в военной эффективности той разницы в засчете, которая была согласована?

Второе обстоятельство может помочь ответить на этот вопрос. В 1986 г., когда проходила рейкьявикская встреча, маховик конфронтации, набравший большие обороты в первой половине 1980-х гг., продолжал вращаться. Заявление М.С. Горбачева от 15 января 1986 г., несмотря на объявленный односторонний мораторий на ядерные испытания, все-таки воспринималось на Западе как пропаганда. Для преодоления инерции конфронтации и гонки вооружений нужны были реальные шаги, а не пропагандистские утопии типа «программы полной ликвидации ядерного оружия во всем мире к 2000 г.», которая была основой этого заявления.

В повороте к налаживанию отношений с остальным миром, к сокращению расходов на вооружения, очевидно, были больше заинтересованы М.С. Горбачев с его еще не размежевавшимися соратниками, только что провозгласившие *перестройку*, чем Р. Рейган, далеко не сразу воспринявший новые веяния из Москвы. Естественно, поэтому инициатива исходила от советской стороны. Приняв американское предложение о порядке засчета ядерных вооружений на ТБ, она сделала реальный шаг, показавший серьезность ее намерения заключить договор по СНВ.

Да, США в этом случае получили возможность иметь большее количество ядерных боезарядов, чем Советский Союз. Но ядерные вооружения подчиняются иным законам, чем обычные, неядерные. Формула ядерного паритета значительно сложнее, чем соотношение 1:1. Во время Карибского кризиса в 1962 г. соотношение по боезарядам было 1:17 в пользу США. Однако и тех ядерных средств, которые имелись у Советского Союза, оказалось достаточно для сдерживания США. Кризис не перерос в войну. Видимо, американская сторона сочла, причем весьма

справедливо, что и те ядерные заряды, которыми Советский Союз мог бы поразить территорию США, причинили бы им «неприемлемый ущерб». Неясно, на каких весах взвешивался этот возможный неприемлемый ущерб. Наверное, все-таки не по «формуле Макнамары»: одна пятая – одна четвертая часть населения и от половины до двух третей промышленного потенциала. Уверен, что в то время Советский Союз не мог нанести такого удара. Но и значительно меньший ущерб оказался неприемлем для США. И слава богу.

Вместе с тем в ходе разработки Договора СНВ-I обе стороны исходили из иного подхода к сохранению паритета. Основу договора составили равные для каждой стороны уровни и по носителям, и по боезарядам. Таким образом, Договор должен был не только понизить существующие уровни, но и закрепить соотношение 1:1. По носителям это соотношение было выдержано, а по боезарядам сделаны отступления, в основном за счет вооружений воздушного базирования. По сути дела, договор снизил количественные уровни боезарядов у обеих сторон, сохранив их соотношение (1,3:1 в пользу США).

Очевидно, С.Ф. Ахромеев, который был в 1986 г. начальником Генерального штаба, давая в Рейкьявике согласие на правило засчета, исходил из того, что безопасность государства не пострадает, если за США сохранится преимущество по боезарядам. Уверен, что он был прав. Ошибка была допущена, с моей точки зрения, лишь в том, что не была каким-либо образом – скажем, в неофициальном документе – зафиксирована увязка правила засчета ядерных вооружений на ТБ с установлением рубежа дальности в 600 км для КРВБ большой дальности. Но это была переговорная ошибка, которая в дальнейшем – правда, ценою немалых усилий – была устранена. Это произошло в мае 1990 г. во время встречи в Москве американского государственного секретаря Дж. Бейкера и советского министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе. Но это было позже. А пока решался вопрос о том, как же все-таки засчитывать ядерные КРВБ большой дальности.

В совместном советско-американском заявлении на высшем уровне от 10 декабря 1987 г. эта задача ставилась в качестве одной из первоочередных. «Делегации определяют конкретные правила в этой области», – говорилось в документе. В совместном заявле-

нии по визиту Р. Рейгана в Москву в мае 1988 г. вскользь упоминалось, что в ходе встречи «удалось значительно расширить области согласия, в частности, по вопросу о КРВБ». Некоторое расширение областей согласия действительно произошло, но оно касалось лишь второстепенных деталей (наиболее важная договоренность предусматривала, что все существующие КРВБ будут считаться ядерными, а будущие КРВБ в обычном оснащении должны быть отличимы от ядерных). По главному же вопросу – о правилах засчета – в документе «Области согласия по вопросу о КРВБ» от 1 июня 1988 г. лишь подтверждалось то, что эти правила необходимо согласовать: «Тяжелый бомбардировщик, оснащенный для крылатых ракет «воздух–земля» большой дальности в ядерном оснащении, будет засчитываться как одно средство доставки в предельный уровень в 1600 единиц и как согласованное количество боезарядов в предельный уровень в 6000 единиц».

После полугодичного перерыва делегации съехались в июне 1989 г. в Женеву, имея в своих портфелях по засчету КРВБ следующие позиции: мы настаивали на засчете КРВБ по реальной максимальной оснащенности каждого типа ТБ, с ограничением и контролем развернутых и неразвернутых КРВБ и с установлением подуровня в 1100 единиц для вооружений ТБ (в рамках уровня в 6000 единиц для боезарядов); американцы добивались засчета 10 КРВБ за каждым ТБ, независимо от его типа, и отвергали ограничения на КРВБ и ТБ³.

Конечно, обе позиции были «запросные». Вряд ли американцы рассчитывали на принятие нами их позиции. Нам тоже было

³ По данным, приведенным в Меморандуме о договоренности об исходных данных на 1 сентября 1990 г., у США имелось 574 ТБ, а у СССР – 162 ТБ. Таким образом, по носителям у США был перевес в 3,5 раза. При этом у США из указанного числа 189 ТБ были оснащены крылатыми ракетами большой дальности (96 единиц В-52G и 93 единиц В-52Н). У нас имелось всего 99 ТБ в аналогичном оснащении (57 единиц – ТУ-95 МС 16, 27 единиц – ТУ МС 6 и 15 единиц – ТУ 160). Самолеты типа В-52G оснащены для 12 КРВБ (на внешних узлах крепления). Самолеты типа В-52Н, помимо 12 внешних подвесок, имеют во внутренних отсеках узлы крепления еще для 8 КРВБ. Таким образом, максимальное количество КРВБ, которое могли поднять американские ТБ в 1990 г., составляло 3012 единиц. Наши самолеты ТУ-95 МС 16 могли нести 16 КРВБ (10 на внешних подвесках и 6 во внутренних отсеках), ТУ-95 МС 6 – 6 (только во внутренних отсеках) и ТУ-160 – 12 (только во внутренних отсеках). Таким образом, максимальное количество КРВБ на наших ТБ составляло 1254 единицы.

понятно, что американцы не согласятся на *зжатие* своего воздушного компонента в результате принятия нашей позиции. Но каждая сторона отстаивала свою «запросную» позицию, стремясь в конечном счете побольше выторговать. Человеческая психология проявляется одинаково – что на международных переговорах, что в базарном торге.

Разумеется, ни одна ни другая сторона в реальной жизни не могла использовать свои ТБ с максимальной загрузкой их крылатыми ракетами, так как такая загрузка существенно снижала бы радиус действия. И если у США еще была какая-то возможность использовать свои стратегические базы за пределами своей территории, то у СССР такой возможности не было.

Надо учесть и то, что США придавали большое значение своему воздушному компоненту в планах на будущее, строя новые самолеты В-1В и В-2. Одной из причин этого было, очевидно, намерение США противопоставить свои ТБ наращивавшимся нами мобильным МБР (конечно, авиасредства более эффективны против движущихся целей, чем баллистические ракеты). Мы же традиционно делали упор на развитие наземных МБР прежде всего ввиду отсутствия у нас зарубежных баз⁴.

Понятно поэтому, что наши предложения о засчете КРВБ по максимуму и особенно о подуровне в 1100 единиц для боезарядов на ТБ заставили бы США более чем в три раза сократить флот своих ТБ и почти не подвергли бы ограничениям наш воздушный компонент. Должен сказать, что на той стадии переговоров, на которой я начал в них участвовать, практически никто всерьез не воспринимал подуровень в 1100 единиц и для ТБ. И американцы и мы были уверены, что это предложение будет нами снято, настолько он было «запросно». Да и предложение о засчете КРВБ по максимуму тоже не выглядело убедительным. Жесткая «запросность» нашей позиции по ТБ и КРВБ определялась стремлением военного руководства страны отыгаться за рейкьявикскую уступку по засчету ядерных боезарядов, не являющихся КРВБ большой дальности. Но стремление это было совершенно нереалистичным.

⁴ США в то время уже отказались от своего проекта развертывания мобильных МБР.

Со стороны МИДа была предпринята попытка поправить эту позицию к встрече министров иностранных дел СССР и США в Вайоминге в сентябре 1989 г. Сделать этого, к сожалению, не удалось. В результате делегация повезла в Тетон-Лодж старую позицию по засчету КРВБ и, разумеется, по рубежу их дальности (600 км). А чтобы наша позиция по авиационному компоненту не выглядела как саботажная, была сделана следующая уступка: мы соглашались не засчитывать ТБ несовременных типов, переоборудованные под обычные вооружения, в уровень стратегических носителей 1600 единиц при условии установления на них отдельного подуровня в 100 единиц при соответствующем контроле (США предлагали 115 единиц).

Этот сдвиг, не имевший непосредственного отношения к КРВБ, в сочетании с некоторыми словесными манипуляциями в отношении засчета КРВБ, дал возможность включить в совместное заявление министров фразу: «По вопросу о КРВБ советская сторона выдвинула новую идею, касающуюся ее подхода к тому, как решать проблему КРВБ и тяжелых бомбардировщиков»⁵.

По-настоящему сдвинуть проблему КРВБ и ТБ с мертвой точки удалось лишь в ходе московской встречи министров 7–9 февраля 1990 г. Но сдвиг этот был очень странным, что, в свою очередь, создало новые проблемы. Эта история, по-моему, любопытна и заслуживает более подробного рассказа.

Прибыв 4 февраля из Женевы в Москву, я с разочарованием узнал, что ни по одному вопросу наши позиции к переговорам министров готовы не были и что предстоит еще серия межведомственных совещаний для согласования предложений, которые могли бы быть выдвинуты нами. Совещания на различных уровнях – от экспертного до *зайковского*⁶ – заполнили все три дня – 5–7 февраля. Проходили они мучительно и закончились практически безрезультатно. Военно-промышленный комплекс грудью закрывал путь к заключению договора. Было ясно, что ни одно серьезное предложение, приближающееся к этой цели, не прой-

⁵ Выпуск газеты «Правда» от 25 сентября 1989 г.

⁶ В то время секретарь ЦК КПСС и член Политбюро ЦК КПСС Л.Н. Зайков возглавлял Межведомственную комиссию по разоружению Политбюро (так называемую «Большую пятерку»).

дет сквозь многослойный фильтр межведомственного чиновничьего согласования. Требовались решения высшего политического руководства страны. А оно, прежде всего М.С. Горбачев, было занято внутренними проблемами. Острой была обстановка в Азербайджане, Литве. Приближался пленум ЦК КПСС. Так что забот у М.С. Горбачева хватало. Но нужно было решать и проблемы крылатых ракет.

Переговоры начались встречей министров один на один вечером 7 февраля. Уже на этой встрече Дж. Бейкер передал Э.А. Шеварднадзе детальные предложения США по КРВБ, с тем чтобы у советских экспертов было время их изучить. Ко мне они попали часов в девять вечера с поручением к восьми утра следующего дня доложить результаты изучения Э.А. Шеварднадзе.

Американские предложения предусматривали засчет за каждым Б-52 и каждым Б-1, оснащенными для КРВБ, по 10 боезарядов. За каждым ТУ-95 и каждым ТУ-160, оснащенными для КРВБ, засчитывалось бы по 8 боезарядов. За будущими ТБ – и американскими и советскими – засчитывалось бы по 10 боезарядов. Вместе с тем предлагалось установить предел на оснащение ТБ для КРВБ – не более чем в два раза по сравнению с засчитываемым числом КРВБ. Таким образом, максимальное число для американских бомбардировщиков составило бы 20, а для советских – 16 единиц. Тем самым американцы в некоторой степени учли то обстоятельство, что советские бомбардировщики по объективным причинам не могут взять такой же груз, как американские. Ведь американские самолеты могут совершать посадку для дозаправки на американских базах вблизи советской территории, а ракетный груз советских бомбардировщиков определяется тем, что они должны приблизиться к американской территории, а затем без посадки вернуться назад.

Чем было вызвано такое *усредненное* правило засчета, допускавшее оставление вне предела в 6000 боезарядов определенного количества КРВБ, и было ли оно оправданно? Американцы аргументировали его тем, что хотя теоретически на ТБ можно нацелить и двадцать, и даже более КРВБ, но на практике этого не произойдет, так как каждая лишняя КР *съедает* примерно 700 км дальности ТБ. В реальной жизни на американских ТБ может быть как минимум 8 КРВБ (в роторной установке, которая, находясь в фюзеляже, не сказывается на аэродинамических качествах

самолета), а на внешних подвесках – еще 4 КРВБ. Увеличение их числа при загруженности самолета другими видами вооружений – ракетами малой дальности, ядерными бомбами – практически невозможно. То же самое, как считали американцы, справедливо и по отношению к советским ТБ с поправкой в меньшую сторону – с учетом географического фактора.

В качестве критерия дальности для определения КРВБ большой дальности американцы впервые официально назвали 1000 км вместо прежних 1500 км. Они принимали наше предложение о контроле, который позволял бы отличать неядерные КРВБ от ядерных. Он должен был осуществляться не только с помощью национальных технических средств, но и путем инспекций на месте. Для этого требовалось, чтобы неядерные ракеты содержали внешние отличия, которые могли бы увидеть инспектора.

США подтверждали неприемлемость для них наших предложений о подуровне в 1100 единиц для вооружений ТБ и ограничениях для неразвернутых КРВБ, ракет малой дальности и бомб.

Этот последний *негатив* был воспринят нашими военными как должное. В ходе ночной проработки американских предложений они высказались за то, что этот наш «запрос» можно было бы снять, если бы рубеж дальности был 600 км («ведь мы уже договорились об этом в Рейкьявике») и если бы удалось договориться об удовлетворительном засчете КРВБ. А по произведенным подсчетам получилось, что США, несмотря на некоторый сдвиг в нашу сторону, получали бы вне засчетного числа значительно больше КРВБ, чем мы.

На следующее утро Э.А. Шеварднадзе было доложено, что, несмотря на некоторые положительные изменения в американской позиции, расхождения слишком велики, чтобы при нашей нынешней позиции можно было бы рассчитывать на договоренность.

В 10 часов утра в особняке МИДа на улице Алексея Толстого (ныне Спиридоновка) собрались обе делегации во главе со своими министрами. После обычного в таких случаях позирования перед теле-, кино- и фотокамерами, как только за последним журналистом закрылась дверь Белого зала, где проходили переговоры, началась работа.

Дж. Бейкер – уже на этот раз официально, для протокола, изложил американские предложения, переданные им накануне Э.А. Шеварднадзе. После этого он перешел к другим вопросам – о телеметрической информации, о неразвернутых баллистических ракетах, об этапах сокращения СНВ и т.д. Нельзя сказать, что в изложенных Дж. Бейкером позициях по этим вопросам были какие-то «прорывы». Так, легкая косметика. Но подавалось все это таким образом, чтобы создать впечатление грандиозных усилий американской стороны с целью ускорения заключения договора.

Что ж, демагогия применяется и на закрытых переговорах. Тем более что потом журналистам можно говорить, что, мол, нами были выдвинуты конструктивные предложения по более чем дюжине важных вопросов. Мы, к сожалению, даже такого демагогического *вала* не смогли наскрести: портфель наш был пуст.

Вечером, покидая особняк, Р. Берт сказал мне, что удручен результатами, что, видимо, советское руководство целиком занято внутренними делами, что оно теряет интерес к договору и т.д. Я ответил, что разделяю его пессимизм, но не могу никак согласиться с тем, что советское руководство теряет интерес к договору. Те легкие косметические штрихи, которыми американская сторона подкрасила свою позицию, никак не означают движение вперед по существу. «А что же ты хочешь, – возразил Берт, – чтобы мы согласились на 600 км⁷? Может быть, еще и Аляску вам вернуть в придачу?» «Насчет Аляски я лично не знаю, – сказал я, – а то, что без вашего согласия на 600 км у нас ничего не получится, это я знаю точно». На том и расстались.

На следующий день М.С. Горбачев принимал Дж. Бейкера. В ожидании результатов этой встречи делегации занялись третьестепенными вопросами, которые носили в основном технический характер.

Около 14:00 решили прерваться на обед и вновь встретиться в 15:00. А вскоре нам была передана команда Э.А. Шеварднадзе провести встречу по КРВБ в узком составе с участием С.Ф. Ахромеева (к тому времени маршал С.Ф. Ахромеев уже оставил пост

⁷ Имеется в виду 600 км как минимальный критерий дальности для определения КРВБ большой дальности.

начальника Генерального штаба и состоял военным советником при М.С. Горбачеве), которому М.С. Горбачев поручил совместно с Э.А. Шеварднадзе, Л.Н. Зайковым и Д.Т. Язовым⁸ с учетом нового предложения Дж. Бейкера «найти какое-то решение⁹, которое устроило бы обе стороны»¹⁰.

Положение, в котором оказался С.Ф. Ахромеев, было, конечно, сверхсложным. За считанные часы ему предстояло выполнить то, что не смогли осуществить в течение месяца несколько министерств и ведомств. Очевидно, такой спешкой и объясняются те ошибки и несуразности, которые оказались в подготовленных предложениях.

Как свидетельствовал С.Ф. Ахромеев в своих воспоминаниях, он занялся выполнением полученного поручения совместно с Л.Н. Зайковым и его аппаратом. Ни военные эксперты, ни МИДовцы не принимали участия в этой работе. Несомненно, маршал прекрасно владел военной стороной вопроса. Думаю, однако, что, привлеки он к подготовке предложений кого-либо из экспертов, участвовавших в переговорах, можно было бы избежать тех осложнений, которые возникли впоследствии.

Как бы то ни было, около 16:30 в особняке появился С.Ф. Ахромеев и без промедления прошел в заранее приготовленную для переговоров комнату. По одну сторону стола сели С.Ф. Ахромеев, заместитель министра иностранных дел В.П. Карпов и я, а по другую – заместитель госсекретаря США Р. Бартоломью, Р. Берт и кто-то из американских военных.

Я знал лишь то, что предстояло обсуждать проблему КРВБ, но не имел ни малейшего представления о том, что привез с собой Ахромеев. В таком же неведении был и Карпов (я спросил его, не удалось ли ему хотя бы накоротке переговорить с Ахромеевым до начала переговоров; оказалось, нет, не удалось).

Ахромеев начал с того, что согласился с американским предложением засчитывать за каждым ТБ, оснащенным для КРВБ, по 10 единиц для США и по восемь единиц для СССР. Согласился он и с тем, чтобы американские ТБ оснащались не более чем для 20 КРВБ. Для советских же ТБ он предложил установить

⁸ Министр обороны СССР в 1987–1990 гг. – *Прим. ред.*

⁹ Речь идет о решении вопроса по КРВБ.

¹⁰ Цит. по: *Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.* Глазами маршала и дипломата. С. 268.

предел не в 16 КРВБ, как это предлагалось американской стороной, а в 12.

Американцы были явно озадачены, поскольку более высокий потолок в 16 единиц, ни к чему нас не обязывая, сохранял бы для нас такую же свободу рук в отношении повышенной загрузки бомбардировщиков крылатыми ракетами, как и для США (и для них и для нас максимальный потолок был бы ровно в два раза выше засчитываемого количества КРВБ). Возможно, они заподозрили какую-то хитрость.

Ахромеев между тем продолжал:

– Однако в порядке компенсации за потерю в максимальном количестве КРВБ на одном ТБ Советский Союз должен быть вправе иметь на 40 процентов больше ТБ, оснащенных для КРВБ.

Повторив как заклинание, что критерий дальности должен составлять 600 км, он закончил изложение своих предложений.

Посоветовавшись между собой, американцы задали несколько вопросов. Их интересовало, не собирается ли Советский Союз *прирастить* эти 40 процентов к уже согласованному уровню в 1600 носителей. Ахромеев подтвердил, что нет, не собирается – эти 40 процентов будут действовать внутри этого уровня. Далее американцы спросили, от какого уровня исчислялись бы эти 40 процентов, ведь, как уже было согласовано, отдельных ограничений для численности ТБ не должно было вводиться, их могло быть сколько угодно в пределах 1600 носителей. В ответ Ахромеев стал развивать идею установления для американских ТБ «плавающих уровней», от которых и исчислялись бы 40 процентов.

Сама по себе концепция, основанная на нашем праве иметь на 40 процентов больше ТБ, выглядела логичной только для тех, кто не знал уже согласованных положений. А в соответствии с ними каждая сторона получала право иметь столько ТБ, сколько она захотела бы – в пределах, разумеется, общего уровня в 1600 носителей. Да и невозможно себе представить, чтобы мы, имея в три с половиной раза меньше тяжелых бомбардировщиков, чем США, смогли бы вдруг превзойти их уровень почти в полтора раза. На какие средства? И зачем? В силу особенностей географического положения главным нашим стратегическим компонентом были наземные ракеты.

Идея «плавающих уровней» была совсем странной. Прежде всего было непонятно, что произойдет с нашими ТБ, построенными в счет дополнительных 40 процентов, если американский уровень *поплывет* в сторону сокращения. Должны ли мы будем ломать наши оказавшиеся вне лимита ТБ, следуя *плаванию* американского уровня? У меня было впечатление, что Ахромеев импровизирует, причем неудачно.

Наверняка такие же мысли возникли и у американцев. Однако они не стали задавать больше вопросов, видимо, чтобы не спугнуть плывущую им в руки удачу. Вместо этого они попросили сделать перерыв и побежали к Бейкеру. Вернулись они значительно быстрее, чем обычно требуется для согласования с высоким начальством сложных вопросов, и с порога заявили, что принимают предложение Ахромеева и что сейчас Бейкер предлагает Шеварднадзе немедленно созвать пленарное заседание на министерском уровне для формализации договоренности.

Что и было сделано.

С.Ф. Ахромеев зачитал *для протокола* свои предложения, подчеркнув, что речь идет о «пакете» (с включением в него критерия дальности 600 км). В связи с положением о праве советской стороны иметь сорокапроцентное преимущество по числу тяжелых бомбардировщиков Бейкер заявил, что США могут с этим согласиться, но не принимают какого-либо подуровня для ТБ. На что Ахромеев, подчеркнув, что высказывает свое личное мнение, изложил идею «плавающих потолков». Получив подтверждение, что эта *плавучесть* никак не связывала бы руки США, сколько бы ТБ они ни захотели иметь, Бейкер предложил согласовать последний элемент «пакета» – критерий дальности. Если бы это удалось, весь «пакет» был бы согласован.

Бейкер начал с того, что категорически заявил о неприемлемости 600 км в качестве критерия. Он ссылаясь на то, что позиция США уже сдвинулась с 1500 до 1000 км, а советская позиция застыла на 600 км, что в Вашингтоне его «не поймут», если он пойдет еще дальше, что советская система ПВО гораздо лучше американской и т.д. и т.п.

Со своей стороны Шеварднадзе клялся, что по критерию дальности у него нет в запасе ни одного километра, что в Рейкьявике мы приняли американское предложение по засчету на ТБ боезарядов, не являющихся ядерными КРВБ, что дало им более

100 лишних боезарядов, а сейчас пошли им навстречу по зачету КРВБ, что добавило к их преимуществу еще 1100 боезарядов и т.д.

Все это было святой правдой. Действительно, рубеж в 600 км был исключительно важен для нас, так как вся система ПВО СССР была построена на этой основе (этот рубеж был согласован еще в 1973 г. для Договора ОСВ-II). Предельный радиус действия самолетов-перехватчиков составлял 600–660 км, а дальность действия зенитно-ракетных комплексов не превышала 400 км. Причем эти средства эффективны только против бомбардировщиков, но не против крылатых ракет, которые летят низко над землей (в 50–100 м от поверхности) и из-за небольшой отражающей поверхности почти невидимы для радиолокационных средств. Верно было и то, что в результате согласованных правил зачета боезарядов США получали преимущество более чем в 2100 единиц.

Вообще дискуссия была эмоциональной и сумбурной. Наконец, Бейкер пошел с последнего козыря, заявив, что «был бы готов попробовать договориться на основе дальности в 800 км».

Наступила пауза. Все – и американцы и мы – понимали, что этот ход ставит нас в сложное положение: на переговорах невозможно все время говорить нет, особенно если другая сторона своими практическими шагами демонстрирует свое стремление к договоренности. Однако затем Ахромеев вновь заявил, что рубеж дальности в 600 км был согласован еще в Рейкьявике. Строго говоря, ответ должен был бы исходить от Шеварднадзе как от лица номер один за столом переговоров. Но он, видимо, решил избежать неприятной миссии и переложил ее на маршала. Призванные Бейкером в свидетели сотрудники американской делегации, участвовавшие в рейкьявических переговорах, в один голос заявили, что не помнят такой договоренности. Согласовав совместное сообщение о результатах переговоров, делегации разъехались. В отношении КРВБ в заявлении говорилось: «Что касается крылатых ракет воздушного базирования, стороны достигли значительного прогресса, договорившись на основе пакетного подхода по всем оставшимся вопросам, за исключением вопроса о рубеже дальности».

Следующим важным этапом должна была стать Вашингтонская встреча министров (она состоялась 4–6 апреля 1990 г.).

До этой встречи за столом официальных переговоров в Женеве вопрос о КРВБ не поднимался, но во время неофициальных встреч Берт время от времени возвращался к нему, подбрасывая мне аргументы в пользу изменения рубежа дальности в 600 км. Каждый раз я ему отвечал, нисколько не греша против истины, что не вижу никакой возможности изменения этой нашей позиции. Речь шла о рассмотрении этих вопросов на заседании так называемой «комиссии Зайкова»¹¹ с последующим утверждением Политбюро директив для поездки Э.А. Шеварднадзе в Вашингтон.

Заседание сначала должно было состояться в субботу 31 марта, но потом его перенесли на 30 марта, о чем я узнал в середине дня 29-го. В результате пришлось добираться с пересадками на каких-то случайных рейсах, и в Москву я прибыл в семь часов утра 30-го. Как бы то ни было, около 10:00 я был в *предбаннике* у Л.Н. Зайкова на Старой площади.

Там постепенно накапливались члены комиссии и приглашенные – председатель КГБ В.А. Крючков, министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, секретарь ЦК по оборонной промышленности О.Д. Бакланов, зампред Совмина и председатель ВПК¹² И.С. Белоусов, начальник Генштаба М.А. Моисеев, военный советник президента¹³ маршал С.Ф. Ахромеев, заведующий международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин, секретарь ЦК КПСС по идеологии А.Н. Яковлев, эксперты из министерств и ведомств.

Начали с обсуждения записки по КРВБ (она, как наиболее противоречивая и сложная, шла отдельно от директив по другим вопросам). Как я узнал до заседания, МИД подготовил проект записки, в котором предлагалось утвердить результаты московской встречи министров и добиваться принятия американцами рубежа дальности в 600 км под угрозой «рассыпать весь пакет»,

¹¹ Имеется в виду ранее уже упомянутый автором секретарь ЦК КПСС и член Политбюро ЦК КПСС Лев Николаевич Зайков (1923–2002), который возглавлял Межведомственную комиссию по разоружению Политбюро. – *Прим. ред.*

¹² Название этого органа несколько раз менялось, но в то время он, кажется, назывался «Государственная комиссия по военно-промышленным вопросам».

¹³ Имеется в виду президент СССР – данный пост был введен 14 марта 1990 г. на III внеочередном Съезде народных депутатов СССР. Первым и единственным президентом СССР был Михаил Сергеевич Горбачев (1990–1991). – *Прим. ред.*

т.е. то, что было согласовано в феврале. Однако этот вариант еще до заседания был отвергнут и подготовлен (без участия МИДа) другой, по сути дела, дезавуировавший московскую договоренность и, следовательно, Э.А. Шеварднадзе и С.Ф. Ахромеева. В нем предлагался тот же порядок засчета КРВБ, с которым приехали в феврале в Москву американцы (для США – 10 и как максимальный предел – 20, а для нас – 8 и как максимальный предел – 16), но который был ими снят, после того как Ахромеев, ко всеобщему удивлению, предложил, чтобы наш максимальный предел составлял 12 единиц. Кроме того, за будущими типами ТБ обе стороны засчитывали бы максимальное реальное количество КРВБ, для которых они оснащены (это также расходилось с московской договоренностью, которая предусматривала для обеих сторон засчет по 10 единиц). И наконец, вопреки достигнутой еще в Вайоминге (сентябрь 1989 г.) договоренности неядерные ТБ предлагалось вновь включить в 1600 стратегических носителей, поскольку, мол, американская сторона не приняла предложенное нами в Вайоминге пакетное решение вопроса ТБ и КРВБ (рубеж дальности – 600 км, правило засчета по реальному оснащению ТБ для КРВБ, незасчет согласованного количества ТБ – до 100 единиц – несовременных типов, переоборудованных под обычные вооружения, в уровень 1600 единиц при соответствующем контроле).

Обсуждение этой записки, посвященной одному конкретному вопросу, вылилось, по существу, в дискуссию гораздо более широкого характера. Нужен ли нам договор по СНВ – таково было основное направление спора. А за такой постановкой вопроса и за различными взглядами на него явственно были видны разногласия среди высшего руководства страны из-за общей направленности внешней политики и оборонного строительства, да и всего политического курса. Расстановка сил в высших эшелонах власти прорисовывалась довольно четко.

После общих вводных слов Л.Н. Зайкова взял слово М.А. Моисеев, зачитавший возражения Генштаба против правила засчета КРВБ, которое предлагалось в записке МИДа как дающее США возможность увеличить свое преимущество по боезарядам. Он оспаривал данное нами еще в Рейкьявике на встрече на высшем уровне (1986 г.) согласие на то, чтобы каждый ТБ с ядерными вооружениями, помимо КРВБ большой дальности,

засчитывался как единица в оба «потолка» – 1600 носителей и 6000 боезарядов.

Затем выступил маршал С.Ф. Ахромеев, который был предшественником Моисеева на посту начальника Генштаба. Он изложил свое видение ситуации, показав ошибочность ряда подсчетов, содержащихся в выступлении Моисеева. При этом он подчеркнул недопустимость отхода от уже достигнутых договоренностей, тем более принятых на высшем уровне.

Очень резко прозвучало выступление О.Д. Бакланова. По сути дела, не касаясь содержания обсуждаемой записки, он заявил свое *особое мнение* по договору в целом (это его мнение было изложено в приложении к записке). Оно сводилось к тому, что в результате заключения договора по СНВ соотношение СССР и США по числу боезарядов стало бы 1:1,93 в пользу США (вместо 1:1,4 на март 1990 г.), а с учетом ядерных арсеналов Англии и Франции – 1:2,1. Политический вывод не формулировался, но угадывался довольно легко: заключение договора по СНВ, а следовательно, и договоренности на этот счет, достигнутые М.С. Горбачевым с Р. Рейганом, а затем Дж. Бушем-старшим, в том числе на мальтийской встрече, – роковая ошибка, наносящая ущерб безопасности Советского Союза.

А.Н. Яковлев, по сути дела, ушел от спора по существу вопроса, ограничившись постановкой вопросов: обезоружим ли мы себя в результате заключения договора, не потеряем ли способность для нанесения неприемлемого ущерба США и т.д.

Столь же уклончиво и витиевато высказался В.М. Фалин: с одной стороны, гонка вооружений обременяет нас, но, с другой стороны, в какой мере то ядерное оружие, которое у нас есть, решает задачу нанесения неприемлемого ущерба вероятному противнику. И т.д. и т.п.

Вполне определено за заключение договора выступил В.А. Крючков. Его логика заключалась в том, что без договора гонка вооружений будет продолжена, мы в ней американцев все равно не догоним, а лишь еще больше измощаем свою экономику, а потому у нас нет другого пути, кроме как заключение договора.

С этих же позиций выступил и Шеварднадзе. Говоря по теме записки, он заявил, что не поедет в Вашингтон с инструкциями, которые дезавуируют московскую договоренность по КРВБ. «Почему я не должен был верить маршалу Советского Союза,

советнику президента по военным вопросам?» – спрашивал он, имея в виду выдвинутый Ахромеевым в феврале вариант *развязки*. Маршал Советского Союза при этих словах чувствовал себя явно не лучшим образом.

С неожиданных для меня позиций выступил И.С. Белоусов. Сама аббревиатура Госкомиссии по военно-промышленным вопросам – ВПК – могла расшифровываться как «военно-промышленный комплекс». Представители этой организации всегда на моей памяти отстаивали линию, которую не назовешь иначе, как направленную на взвинчивание гонки вооружений и вытягивание средств на военные цели. Однако И.С. Белоусов в весьма сильных и определенных выражениях заявил, что договор по СНВ нужен нам как хлеб, как воздух. Экономика наша напряжена до предела, говорил он, и мы просто не в состоянии вернуться к гонке вооружений. Единственная возможность сделать это, считал он, – через возврат к тоталитаризму, через крах *перестройки*, а это опять экономический тупик. Обороноспособность же наша обеспечивается благодаря сдерживающему характеру ядерного оружия не только при соотношении 1:2, но и при более выигрышном для Запада соотношении. Выступление Белоусова меня сильно подбодрило: раз уж руководитель ВПК за договор, значит, он нам действительно позарез нужен.

С.Ф. Ахромееву пришлось трудно. Конечно, он, как лично ответственный за московскую договоренность по КРВБ, вынужден был защищать ее. Однако потом, когда началось обсуждение других вопросов, в частности крылатых ракет морского базирования (КРМБ), маршал попытался отомолить этот свой грех, завинчивая гайки до полного предела.

Л.Н. Зайков старался примирить непримиримые позиции участников совещания. «Нужно двигаться вперед, но с оглядкой», – сделал он заключительный вывод.

После четырех часов безрезультатной дискуссии Шеварднадзе уехал на встречу с министром иностранных дел Франции (в это время проходил его визит в Москву), и директивы по КРВБ были отложены. Другие вопросы, в том числе и КРМБ, решили довольно быстро, так как то, что было подготовлено, не давало никакого выхода на договоренности. Ухудшать было уже некуда, а улучшать невозможно. Для того чтобы все-таки принять

какое-то решение по КРВБ, назначили на следующий день новое совещание в том же составе.

Видимо, этот тайм-аут был активно использован Л.Н. Зайковым для нахождения компромиссного варианта решения. В результате субботнее заседание продолжалось не более получаса. Л.Н. Зайков объявил, что к варианту засчета КРВБ «8-16» добавляется как альтернативный вариант С.Ф. Ахромеева «8-12», а что касается 115 бывших ТБ, то если американцы согласятся на минимальный рубеж для КРВБ большой дальности в 600 км, то делегация даст из Вашингтона телеграмму и весь «пакет», включая и вопрос о бывших ТБ, будет вынесен на решение президента.

Это последнее добавление насчет возможности решения вопроса о неядерных ТБ сверх уровня в 1600 носителей в директиве включено не было. Слова Зайкова насчет вынесения его на президентское решение, очевидно, были предназначены для того, чтобы хоть немного смягчить впечатление от очень жестких директив, не только не приближавших, но затруднявших договоренность.

Суть этих директив была следующей:

1. Отстаивать рубеж дальности КРВБ в 600 км.
2. Подтвердив правило засчета КРВБ, согласованное в Москве (при максимальном оснащении наших ТБ в 12 КРВБ), попытаться вернуть американцев к их предложению о максимальном засчете для нас в 16 КРВБ.

Конечно, на такой основе результативного разговора получиться не могло. Отказ от собственных предложений, даже если они входят в несогласованные «пакеты», – дело скандальное. А тут мы отказывались сразу от трех предложений! Введение ограничений на «плавающий» уровень, не оговоренных в Москве при выдвижении предложения о таком уровне, означало отход и от этого предложения.

С этой позицией наша делегация и отбыла в Вашингтон на встречу Шеварднадзе с Бейкером.

Утром 5 апреля на встрече министров в узком составе Дж. Бейкер в резкой форме охарактеризовал наши предложения как движение вспять, ставящее под угрозу июньскую встречу президентов. Завершая встречу во второй половине дня, министры решили поручить Р. Бартоломью и Р. Бертю, С.Ф. Ахромееву и мне поискать в течение ночи возможные решения.

Ну какие решения можно найти, когда на руках висят пудовые оковы в виде железобетонных инструкций, а за спиной, в Москве, уже наточили ножи, чтобы разделаться с переговорщиками, если они хоть на йоту отойдут от этих инструкций! Но коль скоро получен приказ «поискать решения», значит, надо искать.

Думаю, что Р. Бартоломью и Р. Берт, как и мы, хорошо понимали бессмысленность нашего ночного бдения. Но тем не менее они в течение всей ночи честно вели с нами игру под названием «поиск решения», обозначая добросовестное выполнение министерского приказа.

Быстро договорились о правилах игры («провести обзор всех несогласованных вопросов и посмотреть, где можно сблизить позиции») и приступили к *ночному марафону*. Заседали в комнате для совещаний, примыкавшей к кабинету Бартоломью, постоянно взбадривая себя кофе из огромных термосов. Помимо КРВБ, в нашу задачу входило рассмотрение и проблемы КРМБ. И там положение было столь же тупиковое.

Разумеется, никакого продвижения ни по одному из вопросов найдено не было. С.Ф. Ахромеев, обжегшийся в Москве на попытке найти решение по КРВБ, вел себя предельно жестко и ни на какие отклонения от официальных позиций не шел. Конечно, осуждать его за это ни в коем случае нельзя. По сути дела, он стал жертвой той тактики, с помощью которой М.С. Горбачев боролся со своими политическими противниками, пробивая лбами соратников и советников бреши в завалах *старого мышления*. Полученные синяки болели и получать новые не хотелось.

Где-то часа в три устроили перерыв, чтобы передохнуть. Немного размялись, поговорили на отвлеченные темы. Не помню, с чего начался разговор, но хорошо запомнил, как Ахромеев вдруг сказал Бартоломью:

– Вы знаете, я убежденный коммунист. Я абсолютно уверен, что будущее за коммунизмом, и я делаю и буду делать все, что в моих силах, чтобы оно наступило скорее. Да и могу ли я думать иначе? Я, крестьянский сын, которому советская власть дала все – знания, высокое положение, почет.

Впоследствии, когда осенью 1991 г. я узнал о самоубийстве Сергея Федоровича, у меня, ошеломленного, в памяти мгновенно возникла эта сцена – ночь, Вашингтон, Государственный де-

партамент США. Вспомнилась абсолютная искренность, с которой он, утомленный ночной работой, поделился сокровенным с симпатичным ему собеседником. Думаю, что, будучи натурой цельной и искренней, он не мог пережить трагедии крушения того, во что свято верил. И как ни относишься к убеждениям другого человека, если эти убеждения столь тверды и глубоки, человек этот заслуживает величайшего уважения.

После Вашингтонской встречи, в конце апреля – начале мая 1990 г., между Дж. Бейкером и Э.А. Шеварднадзе происходил обмен предложениями по проблеме КРВБ-ТБ, в результате чего наметилось сближение позиций. Но во всех вариантах решения США исходили из того, что критерий дальности для КРВБ должен быть не меньше 800 км, мы же по-прежнему настаивали на 600 км.

16 мая в Москве, в особняке МИДа на улице Алексея Толстого, началась очередная встреча министров иностранных дел СССР и США. Мне она запомнилась как связанная прежде всего с решением вопроса о рубеже дальности для КРВБ.

Два дня – 17 и 18 мая – американские и наши эксперты бились над узлом проблем КРВБ-ТБ, приводя к единому знаменателю договоренности, наметившиеся в начале мая. Вроде бы все получалось, за исключением рубежа дальности.

Выше уже говорилось о том, что стояло за нашей неуступчивостью. Была своя причина и у американцев. В США готовилась в производство крылатая ракета «Тэсит Рейнбоу», дальность действия которой должна была быть более 600, но менее 800 км. Ее не предполагалось оснащать ядерными боеголовками, но в соответствии с уже согласованными положениями¹⁴ она должна была относиться к КРВБ «будущих типов» и в этом качестве ей следовало иметь видимые для инспекторов отличия от КРВБ в ядерном оснащении – по длине планера, форме сечения, конфигурации стабилизатора, узлам крепления и т.д.

¹⁴ Первые летные испытания ракеты «Тэсит Рейнбоу» были проведены до 31 декабря 1988 г., т.е. до той даты, которая, по достигнутой ранее договоренности, отделяла «существующие типы» КРВБ от «будущих типов» КРВБ. Однако договоренность оговаривала, что имеются в виду летные испытания, проведенные с тяжелого бомбардировщика. Поскольку ракета «Тэсит Рейнбоу» была испытана с самолета другого типа, она должна была рассматриваться как ракета «будущего типа».

С этим, однако, возникали сложности: «Тэсит Рейнбоу», спроектированная еще до того, как возникло требование об *отличимости* ядерных и неядерных КРВБ «будущих типов», в принципе могла быть превращена в ядерную, а у наших экспертов не было уверенности, что это переоснащение поддавалось бы обнаружению обусловленными в договоре средствами.

Поздно вечером 18 мая переговоры были прерваны и американцы отправились в посольство докладывать Бейкеру о положении дел. Настроение было мрачное. Договоренность, которая, казалось бы, уже забрезжила, не получалась. Условились, что будем ждать реакции Бейкера на следующее утро.

К 8:00 19 мая, в субботу, вся наша команда была в особняке. Вскоре прибыл Э.А. Шеварднадзе. Стали перебирать возможные варианты на случай отказа американцев от рубежа в 600 км. Что делать в этом случае? Не рассматривался лишь один вариант – о нашем отказе от этого рубежа. Собственно говоря, от американской стороны требовалось, чтобы она, наконец официально приняла рубеж дальности в 600 км и дала заверения в том, что крылатая ракета «Тэсит Рейнбоу» не будет нести ядерных зарядов. В этом случае советская сторона в порядке исключения соглашалась бы рассматривать ее как неядерную.

Между тем до отлета Бейкера из Москвы оставалось несколько часов, а ответа от него все не было.

Выйдя из зала, где проходило совещание, а точнее, коллективное томительное ожидание ответа, я увидел в дверях сотрудника американского посольства, пытавшегося объясниться со швейцаром. В руках у американца был пакет. Распечатав его и быстро пробежав текст, я понял, что все в порядке. Дж. Бейкер подтверждал, что «Тэсит Рейнбоу» является неядерной ракетой, и давал согласие на то, что «если неядерная КРВБ когда-либо была бы превращена в ядерную, в этом случае на эту ракету распространялись бы все ограничения Договора СНВ, относящиеся к ядерным КРВБ». Эти заверения давали нам возможность в настоящее время сделать исключение для «Тэсит Рейнбоу», не засчитывая ее в число ядерных боезарядов, что позволяло американцам согласиться наконец на 600 км в качестве минимального рубежа дальности и критерия для КРВБ большой дальности.

Конечно, сейчас все эти треволнения могут показаться сильно преувеличенными и попросту странными. Совсем другие, гораз-

до более крупные заботы волнуют людей. Да и от самой ракеты «Тэсит Рейнбоу», причинившей столько хлопот, США вскоре полностью отказалась, прикрыв программу.

И тем не менее, в истории переговоров по стратегическим вооружениям это был один из драматических моментов. США приняли нашу позицию по рубежу дальности, которую мы отстаивали с самого начала переговоров. Вообще, надо сказать, американцы на всех уровнях – очень жесткие переговорщики. Но поняв, что уперлись лбом в твердую стену, они, как правило, проявляют гибкость и находят разумные решения, если, разумеется, заинтересованы в договоренности.

Остается рассказать, чем закончилось выправление другой нашей ошибки – о «плавающих» уровнях и засчете КРВБ. Таких уровней в договоре нет. Вместо них предусмотрены фиксированные уровни – 180 для СССР с засчетом в пределах этого уровня по 8 КРВБ и 150 – для США с засчетом по 10 КРВБ. Сверх этих уровней засчет ведется по максимальной реальной оснащенности. Максимальная оснащенность для США – 20 КРВБ, для СССР – 16 КРВБ.

Так в конечном счете удалось поправить две ошибки, допущенные в ходе переговоров, – нефиксированные договоренности о рубеже дальности для КРВБ и занижение максимально допустимой оснащенности крылатыми ракетами большой дальности на наших тяжелых бомбардировщиках. И в том, и в другом случае помог «пакетный» подход. Но для этого потребовалось много времени и сил. Московская встреча министров в мае 1990 г. решила основные вопросы, связанные с ТБ и КРВБ. Однако и после нее продолжали всплывать детали, требующие согласования, – вопросы контроля, уточнение понятий и т.д.

Конфиденциальность и утечки

В декабре 1989 г. я оказался проездом в Вашингтоне¹. Мое кратковременное пребывание там было решено использовать для неофициального зондажа возможного решения проблемы крылатых ракет морского базирования. В то время это была главная *заноза*, которую мы пытались вытащить.

При всей важности этой проблемы она была, конечно, не единственная. Но другие проблемы либо должны были еще *вылежаться* (например, по мобильным МБР, по которым Вашингтон еще не определился – разворачивать или прикрыть проект), либо могли быть пока отложены. А нерешенность проблемы КРМБ тормозила продвижение по некоторым другим направлениям.

Формальных инструкций на эту встречу у меня не было. Было лишь устное благословение руководства МИДа. Конечно, в Москве я провел необходимую подготовку к этому разговору, посоветовавшись со своими коллегами не только в МИДе, но и в Генштабе. В результате я пришел к выводу, что главное для нас – получить гарантии от США, которые позволяли бы учитывать КРМБ большой дальности в связи с договором по СНВ, для чего необходимо знать их количество на каждый год и установить общий предельный уровень. Разумеется, возникал вопрос о контроле за соблюдением такого уровня.

Мы встретились с Бертом в кафе отеля «Мариотт», где я остановился. Уточнив организационные вопросы предстоящего в январе следующего года раунда, мы приступили к обсуждению КРМБ. Подчеркнув, что собираюсь поразмышлять вслух на эту тему, не имея на этот счет каких-либо инструкций, я просил Берта соблюсти особую конфиденциальность беседы и исключить

¹ В этой поездке я возглавлял группу экспертов, которые по приглашению американцев должны были посетить некоторые научно-технические центры США, занимавшиеся развитием противоракетной обороны.

возможность каких-либо ссылок на мои слова при более официальных встречах.

Подобные беседы в переговорной практике представляют собой определенный риск, поскольку недобросовестный собеседник может в дальнейшем ради *выторговывания* уступок другой стороны сослаться на допущенные в ходе неофициальной беседы отклонения от официальной позиции как на обещания эту позицию изменить. Однако без такого зондажа порой бывает невозможно выбраться из тупика и нащупать решение спорного вопроса. Подобные неофициальные беседы помогают обоим собеседникам подготовить предложения в свои столицы о таком изменении позиций, которое ведет к их сближению. К тому времени у нас с Бертом уже установились вполне доверительные отношения. Я имел возможность убедиться в его добросовестности и порядочности и знал, что он соблюдает правила переговорной игры.

Ко времени нашего разговора в отеле «Мариотт» позиции СССР и США по КРМБ были весьма далеки друг от друга. Советская сторона хотя и дала согласие на то, чтобы предел на ядерные КРМБ большой дальности устанавливался не в тексте договора, а иным путем (например, с помощью соответствующих взаимных обязательств в связи с договором), продолжала настаивать на контроле за соблюдением этого предела. Американцы возражали против контроля, ссылаясь на невозможность его осуществления. Для того чтобы повлиять на эту их позицию, советское руководство пошло даже на то, чтобы пригласить американских специалистов на эксперимент, который был проведен на крейсере «Слава» для демонстрации тех методов, которые могут быть использованы для обнаружения ядерных КРМБ. Не знаю, кто у нас додумался до такого эксперимента, во всяком случае, он был заранее обречен на нулевой результат. Американцы, конечно, охотно согласились побывать на современном советском ракетоносце (не каждый день выпадает удача – за просто так познакомиться с секретами потенциального противника!), но, естественно, остались при своем прежнем мнении о невозможности контроля.

Не было также согласия ни в отношении характера обязательств об уровнях КРМБ, ни об их значении (мы называли 400 единиц для ядерных КРМБ большой дальности либо 1000 еди-

ниц для всех КРМБ, а США планировали развернуть 4000 единиц КРМБ, в том числе 758 ядерных КРМБ большой дальности). Наконец, не способствовали решению проблемы и наши попытки увязать КРМБ с сокращением военно-морских вооружений в более широком плане. США категорически против этого возражали.

Наш разговор в отеле «Мариотт» Р. Берт начал с подробного объяснения позиции США. Он говорил о невозможности для США принять на себя юридические обязательства в отношении КРМБ – в рамках договора или вне их, – поскольку такие обязательства потребовали бы ратификации, но, по его словам, не были бы ратифицированы. В то же время, говорил он, если бы стороны договорились заранее объявлять, сколько ядерных КРМБ большой дальности каждая из них собирается развернуть, не потребовалось бы контроля, так как по крайней мере в том, что касается США, они были бы связаны размером тех средств, которые ассигновывались Конгрессом США на такие КРМБ.

Я, со своей стороны, пытался выяснить, в каком направлении можно ожидать развития позиции США. У меня в результате разговора окрепло убеждение, что США не смогут пойти дальше обмена политическими заявлениями, приняв на себя какие-либо юридические обязательства в отношении КРМБ с их последующей ратификацией. Следовательно, поиск решения необходимо было направить на разработку содержания политических обязательств, которые могли бы нас удовлетворить. Вокруг этого и шли наши *рассуждения вслух*.

Вернувшись в Москву, я рассказал о беседе с Бертом заместителю министра иностранных дел В.П. Карпову, который, собственно, и поручил мне провести этот зондаж. Он согласился с тем, что о контроле над КРМБ договориться не удастся, и добавил, что ведь при этом и наши КРМБ не будут контролироваться американцами.

Вскоре состоялась очередная «рабочая пятёрка», на которой обсуждался проект директив к предстоящему тринадцатому раунду переговоров. Дискуссия была острой. Представители МИДа пытались получить какие-то *подвижки* в нашей позиции на переговорах, в том числе по КРМБ, а военные на это не шли (в то время Генштаб еще не перестроил своих планов с учетом сокращений по договору). После моего, видимо, чересчур горячего выступления в пользу изменения позиций ведущий заседание

генерал-полковник со словами «а вот я сейчас прочитаю один документ» открыл лежавшую перед ним папку и прочитал, что Ю.К. Назаркин в ходе встреч с Бертом в Вашингтоне, вместо того чтобы отстаивать позиции Советского Союза, отходил от этих позиций, допуская возможность ограничения КРМБ не в тексте договора, а путем односторонних заявлений, которые носили бы обязывающий характер, но не подлежали проверке путем инспекции судов. В этом была суть документа, хотя текст его был значительно более пространный.

Генерал закончил чтение и закрыл папку. Он не пояснил, что это за документ. Сам прочитанный текст также не содержал ссылок на какие-либо источники и никоим образом не раскрывал характера документа. Но та многозначительность, с которой он был оглашен, очевидно, предназначалась для того, чтобы заставить думать, что документ является агентурным донесением, что, мол, от нас никуда не спрячешься, что каждое твое слово нам известно и что поэтому давай-ка ты не рыпайся.

В моей жизни это был первый случай, когда мне зачитали донос на меня. И конечно, ощущение было не из приятных. Прошло какое-то время, прежде чем я понял происхождение этого документа.

Американские газеты поступали в МИД с запозданием. И вот где-то в начале января 1990 г. ко мне наконец попадает «Нью-Йорк Таймс» от 19 декабря 1989 г. со статьей военного-политического обозревателя Майкла Гордона под заголовком «Советы смягчают свою позицию по КРМБ, – говорит американский источник». В этой статье была изложена та же информация, что и в документе, зачитанном на совещании «пятерки». А коль скоро это совещание состоялось через несколько дней после 19 декабря, очевидно, в документе, пришедшем в Москву, скорее всего, по «линии Генштаба», была пересказана статья М. Гордона. Неясно было лишь, кто опустил ссылку на статью – зачитывавший депешу генерал или ее авторы.

Эта утечка сильно осложнила согласование вопроса о КРМБ. Генштаб, не дававший санкции на консультации, использовал ее для обвинений МИДа в несогласованных действиях и заблокировал внесение изменений в нашу позицию по КРМБ. Только через полгода во время очередной встречи министров иностранных дел СССР и США с участием представителей Генштаба удалось

развязать этот узел. Кстати, сделано это было на той основе, которая вырисовалась в ходе моих вашингтонских консультаций. В тех заявлениях, которыми стороны обменялись при подписании договора, СССР и США приняли на себя следующие политические обязательства:

– в течение всего срока действия договора каждая сторона будет указывать максимальное количество развернутых ядерных КРМБ с дальностью более 600 км на каждый год из последующих пяти лет действия договора;

– заявляемое количество ядерных КРМБ в течение срока действия договора не будет превышать 880 единиц.

Эти обязательства означали, что каждая из сторон будет знать на пять лет вперед о планах развертывания ядерных КРМБ большой дальности другой стороны, число которых никогда не должно превышать 880 единиц.

Кроме того, стороны обязались обмениваться конфиденциальной информацией о том, какие конкретно типы, т.е. какого класса, надводных кораблей и подлодок способны нести развернутые КРМБ, и о количестве ядерных КРМБ с дальностью между 300 и 600 км, развернутых на надводных кораблях и подлодках. Они обязались также не производить и не развертывать ядерные КРМБ с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения и продолжить поиск взаимоприемлемых и эффективных методов контроля в отношении ядерных КРМБ большой дальности.

Разумеется, когда перед началом очередного раунда переговоров в Женеве я увидел Берта, я не преминул выразить ему свое возмущение разглашением нашего конфиденциального разговора. Подобные утечки осложняют ход переговоров, сковывают действия переговорщиков в поиске взаимоприемлемых *развязок*. И уж совсем недопустимо, когда в ходе таких утечек происходит искажение реальной картины, как это произошло в данном случае (мои *рассуждения вслух* были поданы американской газетой как изменение официальной позиции Советского Союза).

Лицо Берта покрылось красными пятнами.

– Я надеюсь, ты не думаешь, что это я дал утечку?, – спросил он.

Пикантность ситуации усугублялась тем, что Берт когда-то сам работал военно-политическим обозревателем, причем имен-

но в этой же газете – «Нью-Йорк Таймс». И он прекрасно понимал *взрывчатую силу* подобных утечек.

Я не подозревал Берта в умышленном разглашении информации хотя бы потому, что он сам был кровно заинтересован в успехе переговоров. Но он не обеспечил конфиденциальности, в результате чего кто-то из его коллег разгласил деликатную информацию в ущерб переговорам. Все это в весьма резкой форме я и высказал американцу.

Согласившись с этим, Берт заверил меня, что впредь будет соблюдать все меры предосторожности, чтобы подобных утечек не повторялось. И надо сказать, он сдержал слово. Конечно, нам еще не раз приходилось ступать на тонкий лед неофициальных поисков *развязок* – и по его инициативе, и по моей. Но больше ни разу мне не приходилось узнавать из газет о содержании наших доверительных бесед. Разумеется, аналогичную дискретность проявлял и я. Правда, мне было это легче делать, так как в то время наши журналисты еще не научились вынюхивать секреты, а редакции – публиковать их без оглядки на государственные интересы. Все это по-настоящему началось позже, уже после того как договор был подписан.

После того как инцидент был исчерпан и мы заказали еще по одному кофе, Берт стал вспоминать свой собственный журналистский опыт, связанный с добычей информации. Для меня это было чрезвычайно интересно.

Помню его рассказ, связанный с получением им информации о предстоявшей операции по освобождению американских заложников в Иране. Как он ее получил, он, естественно, не рассказал, но зато поведал, как его заставили не публиковать эту сенсацию. Его пригласили к высокому начальству в *соответствующие органы* и познакомили с планом операции по освобождению заложников, то есть в общем сообщили то, что он уже знал от своих источников. «А теперь, – сказали ему, – если Вы опубликуете материал, то разгласите доверенные Вам совершенно секретные данные, что будет нарушением не только Вашего долга американского гражданина, но и законодательства США». Естественно, эта информация опубликована не была.

Конечно, журналист может купить информацию, может *вычислить* ситуацию. Но часто утечки бывают специально организованными, когда одна из сторон выпускает в средства массовой

информации сведения, чтобы повлиять на общественное мнение своей страны либо на позицию другой стороны на переговорах. Дело это очень тонкое и рискованное, требующее тщательного и всестороннего учета всевозможных последствий, так как порой плохо продуманная утечка может дать эффект, прямо противоположный желаемому. По-английски такие последствия называются коротко и выразительно: «unintended consequences», т.е. непредусмотренные и нежелательные последствия.

За время переговоров, пока разрабатывался договор по СНВ, американская сторона не раз прибегала к утечкам. Мы же, как правило, шли на раскрытие хода переговоров в порядке реакции на американские утечки, для придания картине *сбалансированности*. По сути дела, до 1991 г. все то, что появлялось в нашей прессе, идентифицировалось с официальными источниками. Американцы же могли прикрываться *свободой печати*: сами, мол, не знаем, как эти проныры-журналисты докопались до этой информации, ну а запретить печатать то, что они хотят, не можем, ведь в свободной стране живем.

Вообще внимание к этим переговорам в мире было очень велико. Приходилось часто выступать на пресс-конференциях, давать интервью, участвовать в различного рода дискуссиях. Каждый раз нужно было очень тщательно дозировать информацию, чтобы не нарушить договоренности о конфиденциальности переговоров, проявлять осторожность, давая оценки уже найденным решениям: в чью пользу та или иная договоренность – СССР или США? Всегда следовало думать о том, как твоя оценка будет воспринята *по другую сторону баррикад* (не говоря уж о своей собственной стороне).

Р. Берт в своих выступлениях *на публику* был аккуратен. За все время переговоров с нашей стороны к нему не было ни одной претензии. Не возникало таких претензий и у американцев ко мне.

Но вот однажды в американской газете «Вашингтон Пост» была опубликована статья о переговорах, которая создала большую угрозу для договора. Статья появилась 3 апреля 1990 г. Это был сложный период, когда обеим сторонам еще предстояло принять трудные политические решения для того, чтобы подписание договора стало возможным. Написал статью военно-политический обозреватель газеты Джеффри Смит, обычно хорошо

информированный, прекрасно разбирающийся в тонкостях военно-политических вопросов, серьезный журналист.

В статье давались оценки уже согласованным положениям договора с явным перекосом в пользу США. Договор «позволит США продолжать развертывать примерно такое же количество боезарядов, которым США располагают в настоящее время». Они «получат возможность развернуть средств примерно на 15 процентов больше, нежели имелось в их распоряжении восемь лет назад, когда были начаты переговоры о сокращении стратегических вооружений». «Договор не предусматривает ликвидации практически ни одного из тех американских стратегических вооружений, которые были произведены за последнее десятилетие в ходе процесса интенсивной модернизации. Не ограничивается договором и производство тысяч американских ядерных крылатых ракет, ракет подводных лодок и авиационных бомб в дополнение к уже существующим». С таких утверждений начиналась статья. Каждое из них было достаточно тонко, даже лукаво сформулировано, чтобы не вступать в явное противоречие с действительностью.

В то же время картина в целом была серьезно искажена, причем с очевидным стремлением показать, какие выгоды получают США от заключения договора в ущерб Советскому Союзу. Взять хотя бы утверждение о том, что договор не ограничивает производство американских ядерных крылатых ракет, ракет подводных лодок и авиационных бомб. Да, действительно, договор таких ограничений не предусматривает, так как он вообще не касается сферы производства СНВ. Следовательно, оно не ограничивается и для другой стороны. Кроме того, взвесить уступки каждой стороны можно только в контексте всего договора: в отношении одних видов вооружений преимущества получала одна сторона, а по другим выигрывала другая.

Конечно, статья Дж. Смита подыгрывала тем кругам в администрации США, которые выступали за заключение договора. И видимо, внутри США свою положительную роль она сыграла. Но эффект, который статья произвела в Москве, вряд ли входил в расчеты ее автора.

Вскоре после появления статьи я оказался в Вашингтоне, где проходила очередная встреча министров иностранных дел СССР и США. После окончания одной из пресс-конференций, в кото-

рых я принимал участие, ко мне подошел Дж. Смит. Его интересовал вопрос, который он, естественно, не стал задавать во время пресс-конференции, – мое мнение о его статье от 3 апреля. Было видно, что его беспокоит резонанс от нее в Москве. Я откровенно ответил, что статья вооружает противников договора в Москве дополнительной аргументацией против его заключения, а высокая репутация ее автора, известного своей объективностью и высокой профессиональной квалификацией, усугубляет негативное воздействие статьи.

– Вы считаете, что я искажил какие-нибудь факты? – с беспокойством спросил меня Смит.

– Каждый факт сам по себе вроде бы правилен, хотя некоторые из них поданы неточно. Но самое главное, что картина в целом получилась сильно искаженной: она тенденциозно показывает, какие выгоды получают США от заключения договора, умалчивая об их уступках в пользу СССР.

В то время я еще не знал, какая угроза на самом деле исходила от статьи. Узнал я об этом, когда вернулся в Москву. Она послужила основанием для секретаря ЦК КПСС О.Д. Бакланова вновь поставить перед политическим руководством Советского Союза вопрос о недопустимости заключения договора по СНВ, который якобы рубит под корень («и это признают сами американцы») всю обороноспособность советского государства.

Как я слышал, этот вопрос О.Д. Бакланова рассматривался на Совете обороны, где после острого обсуждения все-таки были подтверждены позиции, из которых исходила наша делегация на переговорах. В то время авторитет М.С. Горбачева, хотя уже сильно подточенный, все же оказался достаточно высок, чтобы его слово оказалось решающим. Однако ситуация, возникшая в связи со статьей Дж. Смита, показывает, какие осложнения могут возникнуть из-за односторонних оценок.

Закулисная борьба вокруг договора велась, естественно, не только у нас, но и в Вашингтоне. Иногда кое-что на этот счет просачивалось в печать. Но я расскажу об одном случае, с которым мне пришлось непосредственно столкнуться. Он был связан с тяжелыми ракетами. Но сначала нужно пояснить, что это за проблема – тяжелые МБР.

На протяжении всех долгих лет, пока велись переговоры, вплоть до их заключительного этапа, вопрос о тяжелых МБР

крайне болезненно воспринимался американцами. Дело в том, что эти ракеты были только у нас и, как видно, они представляли грозную опасность для США.

Еще на ранней стадии переговоров стороны условились, что к тяжелым МБР, на которые должны вводиться более жесткие ограничения, относились бы ракеты со стартовым весом, превышающим 106 т. Почему был установлен такой рубеж? Чисто прагматически. Первоначально американцы предлагали, чтобы рубеж проходил немного выше стартового веса их ракеты МХ («Пискипер») – 88,1 т. Тогда все американские ракеты относились бы к легким, а три типа наших ракет – к тяжелым. Договорившись о рубеже для тяжелых ракет в 106 т, мы тем самым включили в категорию легких наши ракеты РС-18 (SS-19)² и РС-22 (SS-24), стартовый вес которых был несколько меньше 106 т. Таким образом, к тяжелым ракетам был отнесен только один тип, имевшийся у нас, – огромная МБР РС-20 (SS-18), и по весу и по габаритам более чем вдвое превосходившая все другие – и наши и американские – ракеты³.

Почему мы оказались обладателями такого монстра, а у американцев ничего похожего не было? Видимо, не потому, что американская техника не могла создать столь мощных двигателей, которые требовались для тяжелых ракет. Скорее наоборот, ее более высокий уровень позволял обойтись без них.

Отставая от американцев в точности наведения боеголовок на цель, мы старались компенсировать это отставание более мощными боезарядами. Утяжеляли наши ракеты и большие допуски, необходимые, например, для наших теплостойких материалов, которыми облицовывались ракеты, и более громоздкая приборная часть. Ну конечно, нельзя забывать и того, что в силу особенностей нашего географического положения в стратегической триаде приоритет у нас отдавался наземному компоненту, в то время как США больший упор делали на воздушный и морской.

Как бы то ни было, у нас еще в 1960-е гг. появилась тяжелая ракета РС-20, оказавшаяся на редкость удачной. 308 таких ракет с дальностью действия 11 тыс. км, оснащенных 10 мощными

² Здесь и далее в скобках даются НАТОвские обозначения наших ракет.

³ Стартовый вес МБР РС-18 – 105,6 т; РС-22 – 104,5 т; РС-20 – 211,1 т.

боеголовками с высокой точностью попадания (по американским оценкам, это была в то время самая точная из наших стратегических баллистических ракет), представляли, несомненно, грозную силу. А большой забрасываемый вес (8,8 т – в два раза больше, чем у американской МБР МХ) создавал хорошие потенциальные возможности для преодоления средств ПРО.

Американцы с самого начала разработки договора по СНВ попытались добиться полного запрета и уничтожения ракет РС-20. Для обоснования такой позиции они ссылались на то, что это самый дестабилизирующий вид СНВ. Иными словами, в кризисной ситуации, когда дело дойдет до глобального конфликта, именно они выстрелят первыми, так как в противном случае их ШПУ будут подавлены первым ядерным ударом противника, причем одной боеголовки, ну максимум двух – для подстраховки, достаточно для того, чтобы уничтожить сразу десять мощных боеголовок. Это, мол, обстоятельство делает тяжелые ракеты особо привлекательной целью для первого ядерного удара, что, в свою очередь, побудит сторону, обладающую такими ракетами, не дожидаясь удара, самой нанести его этими ракетами.

Определенная логика здесь есть, но она применима отнюдь не только к тяжелым ракетам, а к любым многозарядным МБР шахтного базирования. Почему, например, МХ менее дестабилизирующая ракета, чем РС-20? Она тоже шахтного базирования и тоже с десятью боеголовками. Причем повышенная точность⁴ этой ракеты делает ее не менее, а более опасной по сравнению с РС-20, а следовательно, и более привлекательной как цель первого удара. Следуя той же логике, ракету МХ уж никак не отнесешь к менее дестабилизирующим по сравнению с ракетой РС-20.

Впрочем, оперируя концептуальными подходами там, где это было для них выгодно, американцы становились чистыми прагматиками в тех случаях, когда концепции входили в противоречие с их реальными интересами. Именно такая ситуация сложилась с мобильными МБР, о чем будет рассказано ниже.

⁴ Круговое вероятное отклонение (КВО) ракеты МХ – 90 м, мощность боеголовки – 30 кт. Для сравнения: КВО нашей ракеты РС-20 – 230 м, мощность боеголовки – 500–550 кт. Данные приводятся по американским источникам.

Что же касается тяжелых МБР, то в конце концов договорились об их сокращении ровно наполовину: с 308 до 154 (к концу предусмотренного договором семилетнего периода уничтожения СНВ). Ведь первоначально весь договор замышлялся как пятидесяти процентное сокращение всех СНВ. Эта договоренность была достигнута на рейкьявикской встрече на высшем уровне в 1986 г. и затем зафиксирована в совместном заявлении М.С. Горбачева и Р. Рейгана по результатам их следующей встречи – в Вашингтоне в декабре 1987 г. (в Рейкьявике согласовать каких-либо совместных документов не удалось).

Тем не менее американцы не считали вопрос о тяжелых МБР решенным и продолжали добиваться дальнейших ограничений на них, которые привели бы остающиеся 154 ракеты к постепенному вымиранию. Речь шла о запрете на их летные испытания и модернизацию, что действительно привело бы к невозможности поддержания в боеспособном состоянии эти МБР.

Договориться о тяжелых ракетах удалось лишь в начале октября 1990 г. в результате встречи министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и государственного секретаря США Дж. Бейкера, которая состоялась в Нью-Йорке в ходе сессии ГА ООН. Американцы сняли свое требование о полном уничтожении тяжелых ракет, согласившись с некоторыми ограничениями на них – в дополнение к пятидесятипроцентному уничтожению. В результате в договор был включен запрет на создание новых типов таких ракет (с сохранением возможности модернизации существующих типов без увеличения их стартового и забрасываемого веса), мобильных пусковых установок, тяжелых МБР и тяжелых БРПЛ. Запрещалось понижать засчитываемое за тяжелой МБР количество боезарядов (10 единиц), хотя, разумеется, не возбранялось понижать это число в реальности (если тяжелая МБР была бы оснащена вместо 10 боезарядов, скажем, тремя, за ней все равно засчитывалось в суммарный уровень 6 тыс. единиц 10 боезарядов). Наконец, не допускалось создание дополнительных ШПУ тяжелых МБР, кроме как вместо ликвидированных.

Таким образом, эти ограничения касались в основном не существующих типов, а будущих, гипотетических вариантов. При всем напряжении фантазии невозможно представить себе какое-либо мобильное средство – железнодорожное и тем более грунтовое, – с которого можно было бы осуществить запуск

громады весом более 100 т. И длиной в 40 м. Очевидно, такая задача очень трудноосуществима и применительно к подводной лодке. По сути дела, дополнительные ограничения сводились к неувеличению стартового и забрасываемого весов, которые и без того были невероятно большими, и к сохранению засчета 10 боезарядов независимо от их реального количества, т.е. к распространению на тяжелые МБР того правила, которое должно было действовать и на большинство других ракет, как наших, так и американских. Что же касается ограничения в отношении новых ШПУ, то аналогичное ограничение было согласовано для всех МБР с той лишь разницей, что для всех ШПУ действовал общий ограничитель в 1600 носителей и 4900 боезарядов на БР, а для ШПУ тяжелых МБР действовал бы еще один ограничитель, который был уже давно согласован, – 154 единицы, или 50 процентов развернутых МБР.

Наибольшие сложности возникли при согласовании выдвинутого нами условия о строительстве новых ШПУ (как выяснилось, хотя у нас не было определенного намерения передислоцировать ШПУ тяжелых ракет, но хотелось на всякий случай сохранить такую возможность).

Встреча Э.А. Шеварднадзе с Дж. Бейкером происходила в нашем представительстве в Нью-Йорке. Пока они обсуждали другие вопросы (сокращение обычных вооружений, ближневосточная проблема и т.д.), Р. Берт и я в одной из комнат рядом с залом, где заседали министры, согласовывали предложения для доклада им. Время от времени то он, то я обращались к экспертам, которые располагались неподалеку, в небольшом холле. Когда дело дошло до последнего препятствия – передислокации ШПУ тяжелых МБР, Берт довольно долго совещался со своими экспертами, а затем сообщил мне, что он мог бы рекомендовать Дж. Бейкеру принять всю договоренность по тяжелым МБР как пакет, включая возможность передислокации, но что Бейкер наверняка поставит вопрос, зачем нам нужна эта передислокация. В наших инструкциях, предписывавших добиваться возможности передислокации ШПУ, к сожалению, не было никакой мотивировки. Я поэтому на свой страх и риск ответил, что готов объяснить ему, Берту, мотивы, но что не советую поднимать этот вопрос на встрече министров, так как в этом случае с нашей стороны потребовался бы официальный

ответ, что было бы значительно сложнее и дольше, поскольку потребовалось бы согласование с Москвой. Переговорив с Бейкером, Берт дал согласие и предложил подышать воздухом.

Мы вышли из нашей миссии и пошли вокруг квартала, где было наше здание: Шестьдесят седьмая стрит – Лексингтон – Шестьдесят шестая стрит – Третья авеню – Шестьдесят седьмая. Видимо, Берт считал, что вне родных для него стен, «которые слышат», я буду более откровенен.

Я действительно не знал, зачем нашим военным нужно было сохранить возможность передислокации тяжелых ракет, но решил на свой страх и риск высказать собственные суждения, подчеркнув, что я их высказываю в сугубо личном порядке. Начал я с напоминания об отсутствии в проекте договора аналогичных ограничений в отношении ШПУ других ракет (разумеется, в рамках общего ограничительного «потолка»)⁵. «И это естественно, – продолжал я импровизировать, – поскольку нельзя исключать возникновения аварийной обстановки как в связи с длительным сроком эксплуатации, так и в результате землетрясения и других стихийных явлений, в результате чего дальнейшая эксплуатация шахт могла бы оказаться невозможной. Так почему же для тяжелых ракет должно быть сделано исключение?». «Ну ты же знаешь, что для нас ваши тяжелые – это особый случай, – отреагировал Берт. – А Казахстан?» – спрашивал он.

А надо сказать, что к тому времени в Казахстане действительно развернулось сильное антиядерное движение. Оно в первую очередь было направлено против Семипалатинского полигона, где проводились испытания ядерного оружия (в результате этот полигон был закрыт). Но протесты раздавались и против дислоцированного в Казахстане ядерного оружия, основную часть которого составляли 104 развернутые тяжелые ракеты. В то время, однако, советское руководство старалось не выносить сора из избы. Поэтому я уклонился от прямого ответа (тем более что я и не располагал информацией на этот счет) и постарался перевести все дело в гипотетическую плоскость.

⁵ Не помню, почему наши указания предписывали возражать против запрета на передислокацию тяжелых МБР. Возможно, потому что американцы, одержимые стремлением *зажать* РС-20, настаивали на таком запрете.

– Дело не в каком-либо конкретном регионе, поскольку речь не идет о потребности сегодняшнего дня, – отвечал я. – Однако можно представить себе, например, такую ситуацию. Скажем, когда-то какие-то ШПУ были построены на достаточном удалении от населенных пунктов. Однако в дальнейшем эти населенные пункты, разрастаясь, приблизились к этим ШПУ и население стало проявлять беспокойство по поводу опасного соседства. Ввиду существующей техники безопасности такое беспокойство необоснованно. Однако такие эмоции при их достаточно широком распространении могут стать серьезным политическим фактором, который нельзя было бы игнорировать, и в результате потребовалось бы перенести ШПУ в другое место.

Эти неофициальные разъяснения, сделанные в разговоре один на один, вполне удовлетворили американскую сторону. Берт на официальной встрече не поднял вопроса о мотивах возможной передислокации тяжелых МБР. Казалось бы, вопрос был исчерпан. Однако, к сожалению, он имел неприятное продолжение.

Вскоре после возвращения из Нью-Йорка в Женеву Берт попросил срочно с ним встретиться и с весьма встревоженным видом сообщил следующее. Министр обороны США Ричард Чейни, находясь (уже после нью-йоркской встречи министров иностранных дел СССР и США) с визитом в Советском Союзе, завел разговор с министром обороны Д.Т. Язовым о том, почему, мол, СССР хочет передислоцировать часть ШПУ тяжелых ракет. На это будто бы Д.Т. Язов ответил, что советская сторона не собирается строить новые ШПУ для тяжелых МБР. У Чейни возник вопрос: почему Бейкер согласился на возможность их передислокации, если у советской стороны нет в этом никакой необходимости? Было заявлено, что до разъяснения этого вопроса делегация США не может продолжать работу по переводу на договорный язык нью-йоркской договоренности в отношении тяжелых МБР.

Выслушав это тревожное сообщение, я легко представил себе, в какое щекотливое положение попал Бейкер, а вместе с ним и Берт в результате такого ответа нашего министра обороны. Получалось, что и государственный секретарь, и руководитель делегации США пошли на неоправданные уступки Советскому Союзу. Сама по себе эта уступка была не бог весть какой, но при желании вашингтонские *ястребы* вполне могли раскрутить

этот случай для *опорочения* всей линии Бейкера на достижение договоренностей с нами. Иными словами, дело пахло не только интригами в высших эшелонах власти США, но и высокой политикой. Вероятно, Чейни и поднял-то в разговоре с Язовым вопрос о передислокации ШПУ тяжелых МБР в провокационных целях. И он в этом преуспел, надо отдать ему должное.

Нужно было как-то реагировать. Для начала я выразил сомнение в правильности перевода или передачи слов Язова. Берт уверенно ответил, что исключает это, так как беседа велась в присутствии довольно широкого круга лиц и переводилась высококвалифицированными переводчиками, в том числе американскими. Я, откровенно говоря, не сомневался, что если потребовалось бы, американцы смогли бы представить нам запись беседы в подлиннике. Тем не менее я заявил, что немедленно *снесусь* с Москвой и что не вижу возможности для дальнейшего обсуждения вопроса, пока и другая сторона, т.е. Д.Т. Язов, не внесет ясность в то, что было им на самом деле сказано.

Тем самым закончив официальную часть разговора, я, рассуждая в чисто личном плане, заметил, что даже если бы Язов и произнес приписываемые ему слова, между ними и нашей официальной позицией нет противоречия, так как отсутствие у нас сейчас планов строительства новых ШПУ не может исключать нашего намерения сохранить на будущее возможность такого строительства для передислокации шахт в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, о которых мы говорили в Нью-Йорке. «Вот если бы именно так сказал Язов, то и вопроса не возникло бы», – реагировал Берт.

Вернувшись к себе (встреча происходила в кафе, расположенном вблизи и от нашей, и от американской миссий), я, естественно, срочно направил в Москву телеграмму с сообщением об обращении Берта и со своей оценкой ситуации. Предложив, чтобы со стороны Язова была срочно внесена ясность в возникшую ситуацию, я изложил ту мотивировку, которую выдвинул в Нью-Йорке в беседе с Бертом. Ее основной смысл сводился к тому, что даже если у нас нет сейчас планов строительства ШПУ тяжелых МБР, это не значит, что они не могут возникнуть в будущем. Надо сказать, что в Нью-Йорке я оформил эту мотивировку в виде записи беседы, которая должна была пойти в Москву с очередной диппочтой, но ни в одну из телеграмм,

отправленных Шеварднадзе из Нью-Йорка, она включена не была, поэтому Язов о ней ничего и не знал. Возможно, это было ошибкой, хотя, с другой стороны, ведь требование о возможности передислокации шахт для тяжелых ракет было включено в наши директивы именно военными. Следовательно, у них все-таки были планы такой передислокации. К сожалению, до сведения министра обороны эти планы своевременно доведены не были, почему он и отрицал их наличие в разговоре с Чейни.

Москва прореагировала быстро: уже через несколько дней Д.Т. Язов направил Р. Чейни послание, в котором наотрез отрицалось то, что американцы слышали от Язова (советская сторона не собирается строить новые ШПУ для тяжелых МБР), и не использовалась предложенная мною возможность уточнения того, что было сказано. Была допущена и другая ошибка: говоря о том, что мы будем осуществлять строительство ШПУ для тяжелых МБР одновременно с ликвидацией таких ШПУ, сообщалось, что это будет делаться при модернизации наших тяжелых МБР. Подготавливавшийся договор не лишал нас права на это, но вполне можно было бы обойтись без упоминания о модернизации, чтобы не подливать масла в огонь, в котором горел еще не согласованный до конца вопрос.

Конечно, обе эти ошибки были использованы вашингтонскими противниками договора для срыва договоренности по тяжелым МБР. Чтобы ее сохранить, потребовалось готовить еще одно послание, которое на этот раз было подписано не только Д.Т. Язовым, но и Э.А. Шеварднадзе и адресовалось Р. Чейни и Дж. Бейкеру. В нем говорилось, что сейчас у нас нет планов передислокации ШПУ тяжелых МБР, но что мы не можем исключать такую возможность как из-за возникновения аварийной обстановки, так и по соображениям невоенного характера, в частности в связи с происходящими у нас в стране внутриполитическими процессами.

Кроме того, было согласовано совместное заявление сторон, в котором фиксировались следующие договоренности:

– замена ШПУ тяжелых МБР производится только в случае их уничтожения в результате аварии или других исключительных обстоятельств;

– при возникновении необходимости в передислокации ШПУ сообщаются причины и планы такой передислокации.

Подозрительность американцев в отношении тяжелых МБР проявилась и еще в одном случае. По условиям договора процесс уничтожения СНВ должен протекать в течение семи лет. Возник вопрос, как пройти этот семилетний путь, чтобы ни на одном из его участков ни у той ни у другой стороны не возникло военных преимуществ. Каждая сторона старалась перетянуть канат на себя: мы хотели, чтобы вначале ликвидировалось больше тех вооружений, по которым у США было преимущество, а МБР, особенно их современные типы, которые являлись (и являются) нашим главным козырем, оставались бы на потом. Американцы, естественно, добивались прямо противоположного.

Само собой разумеется, решать этот вопрос можно было только при обеспечении полной равномерности процесса ликвидации СНВ, с взаимным учетом существовавшей асимметричности. После того как обе стороны согласились с таким подходом, довольно просто удалось договориться и о деталях. Весь семилетний процесс ликвидации разделялся на три этапа: первый – три года, второй и третий – по два года каждый. Установлены цифры (они зафиксированы в тексте договора) уровней носителей, в том числе баллистических ракет, боезарядов на них. Казалось бы, вопрос должен быть исчерпан. Однако и здесь американцы заговорили о гарантиях того, что тяжелые МБР будут уничтожаться равномерно, а не в последнюю очередь. И вновь начался торг.

Как объясняли наши военные, для них возникала чисто практическая, административная проблема. Ликвидация ракет должна была осуществляться по соответствующим воинским подразделениям. Уничтожили сколько-то ракет, входящих, скажем, в дивизион, – расформировали этот дивизион. Не знаю, почему и как, в конце концов, они сняли эти свои возражения, но в ноябре 1990 г. наконец договорились уничтожить по 22 тяжелые ракеты в год. Таким образом, к концу первого – трехлетнего – периода из 308 таких ракет у нас должны были оставаться 242, к концу второго этапа – 198 и еще через два года – 154. Эта договоренность была оформлена без включения в сам договор – путем обмена письмами глав делегаций.

«Звездные войны» в космосе и на переговорах

Переговоры, приведшие к подписанию 31 июля 1991 г. Договора СНВ-I, официально назывались «переговорами по ядерным и космическим вооружениям». Дело в том, что, помимо разработки договора, которая осуществлялась в «группе по СНВ», функционировала еще одна группа – «по ПРО и космосу». Но если в «группе по СНВ» действительно велись переговоры в полном смысле этого слова, то в «группе по ПРО и космосу» происходил процесс, который я затрудняюсь назвать переговорами, поскольку принципиальные подходы сторон были взаимоисключающими, а следовательно, и переговариваться было не о чем. Тем не менее вплоть до подписания договора по СНВ стороны вели на этом «космическом» направлении сложную позиционную борьбу. Смысл ее состоял в том, что Вашингтон пытался набрать политические очки в пользу осуществления «стратегической оборонной инициативы», а с другой стороны, Москва стремилась эти очки не дать, сохранить Договор по ПРО в его первоначальном виде и в то же время продемонстрировать конструктивность своего общего подхода к проблеме стратегических вооружений, чтобы не повредить заключению договора по СНВ.

В этом *непереговорном* процессе позиционного маневрирования советскую делегацию представляли посол Ю.И. Кузнецов и генерал-лейтенант Н.Н. Детинов, а я, как глава всей делегации, должен был их контролировать. В связи с этим у меня сохранились некоторые воспоминания, которыми я собираюсь поделиться с читателем. Но чтобы они были более понятны, мне придется сделать некоторые пояснения.

Напомню, что в марте 1983 г. президент США Р. Рейган выдвинул сенсационную программу, которая официально называлась «стратегической оборонной инициативой», а с чьей-то легкой

руки из-за своей фантастичности она была окрещена программой «звездных войн» (по названию нашумевшего кинофильма). В подаче Р. Рейгана, видимо, искренне считавшего, что можно создать над всей территорией США непробиваемый ракетным щит и превратить ядерное оружие в «устаревшее и ненужное», программа и впрямь выглядела фантастичной.

Предполагалось, что с помощью датчиков, размещенных в космосе, ракеты противника будут засекаются в момент старта и уничтожаться эшелонированным комплексом средств космического и наземного базирования. Среди них фигурировали такие экзотические средства, как лазеры с химической или ядерной накачкой и ускорители нейтральных частиц. В дальнейшем появилась концепция «разумных камней», т.е. небольших (длинной порядка одного метра) противоракет, которые были бы развернуты на относительно низких орбитах в количестве нескольких тысяч и держали под прицелом баллистические ракеты, которые могли бы стартовать из любой точки земного шара.

Идея противоракетного щита довольно скоро была скорректирована. Американские официальные лица стали говорить, что система ПРО не обязательно должна быть стопроцентной и что ей достаточно иметь возможность уничтожить столько сил нападающей стороны, чтобы лишить ее уверенности в осуществлении успешного нападения. Когда президентом стал Дж. Буш-старший, он трансформировал СОИ в нечто совсем скромное – в Глобальную защиту от ограниченных ударов (ГЗОУ). Теперь речь пошла о перехвате не более двухсот боеголовок. Наконец, при президентстве Билла Клинтона (1993–2001) вообще перешли от стратегической к нестратегической ПРО. Однако ко времени подписания договора по СНВ фигурировала концепция ГЗОУ, а она предполагала развертывание в космосе примерно тысячи «разумных камней», что совершенно бесспорно противоречило Договору по ПРО.

Конечно, никаких абсолютных средств – ни оборонительных, ни наступательных – в природе не существует, как не существует, скажем, вечного двигателя. Но тем не менее создание оборонительной стратегической системы, даже ограниченного характера, несомненно, повлияло бы на стратегическое соотношение сил, так как такая система нейтрализовала бы какую-то часть межконтинентальных баллистических ракет противника. Каков

бы ни был ответ советской стороны на осуществление СОИ – асимметричный или симметричный, – это означало бы новый виток гонки вооружений, расходы на который были бы губительны для советской экономики, и без того загнанной предыдущими потугами.

Между тем на программу СОИ в США стали отпускатся средства. А чтобы *финансовый ручеек* не оскудевал, а, наоборот, становился все более полноводным, требовалось обоснование СОИ не только с военно-технической точки зрения, но также и с международно-правовой, дипломатической.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны, заключенный между СССР и США в 1972 г., был главным международно-правовым препятствием на пути осуществления СОИ. В частности, его статья 5 прямо запрещала разработку, испытания и развертывание систем ПРО и ее компонентов морского, воздушного, космического и мобильно-наземного базирования. Конечно, США могли выйти из этого договора (что они впоследствии и сделали в 2002 г.). С чисто юридической точки зрения проблем не было: им надо было лишь уведомить другую сторону о принятом решении за шесть месяцев до выхода и представить соответствующие обоснования. Такая возможность предусматривалась Договором по ПРО в статье XV. Однако в политическом отношении разрыв международного договора не простое дело. Ведь помимо сторонников СОИ в США, были и могущественные противники расходования финансовых средств на эту *сверхдорогостоящую* программу¹.

Очевидно, с учетом этого соображения администрация Р. Рейгана решила пойти по другому пути: с помощью изобретательных юристов стали выдвигаться расширительные толкования Договора по ПРО, которые предназначались для того, чтобы снять международно-правовые препятствия для разработки и испытаний в космосе компонентов ПРО в соответствии с СОИ (и соответственно лишить ее внутренних противников возможности ссылаться на договорные ограничения).

¹ Впоследствии, когда при президентстве Дж. Буша-младшего (2001–2009) США стали позволять себе все чаще пренебрегать мнениями других стран, в том числе своих союзников, они вышли в 2002 г. из Договора по ПРО.

Главной юридической *защиткой* служило согласованное заявление «Д», сделанное при заключении Договора по ПРО, которое касалось «будущих» систем и компонентов, основанных на «иных физических принципах», в отличие от традиционных принципов, известных в 1972 г. В нем говорилось, что в случае создания в будущем таких систем и компонентов ПРО их конкретные ограничения подлежали бы обсуждению и согласованию.

Конечно, в 1972 г., когда заключался Договор по ПРО, невозможно было предвидеть все нюансы, связанные с будущими технологическими возможностями в области противоракетных систем. На отсутствии конкретных ограничений и запретов, относящихся к возникшим возможностям, и строили свою аргументацию авторы «широкого» толкования, пытавшиеся доказать отсутствие запрета на разработку и испытания компонентов ПРО в соответствии с СОИ.

Любопытно, что в ходе переговоров по Договору ОСВ-I (1969–1972) американская сторона настаивала на запрете развертывания систем и компонентов ПРО, основанных на «иных» физических принципах, а советская сторона возражала против этого на том основании, что такой запрет, будучи слишком неопределенным, порождает бы недоразумения, споры и подозрения. Если бы американцы согласились с доводами советской стороны, возникшая у них в 1983 г. проблема международно-правового обоснования СОИ решалась бы значительно проще.

Еще в Рейкьявике в октябре 1986 г., во время встречи на высшем уровне СССР и США, советская сторона выдвинула предложение о том, чтобы оба государства приняли на себя юридическое обязательство о соблюдении Договора по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 г. (т.е. без каких-либо расширительных толкований), и о невыходе из него по крайней мере в течение 10 лет. Иными словами, речь шла о том, чтобы к Договору по ПРО не применялись расширительные толкования, которые позволяли бы США продвигать СОИ, и чтобы нельзя было воспользоваться правом выхода из него, пока обе стороны не осуществят сокращения своих стратегических наступательных вооружений в соответствии с договором по СНВ.

На вашингтонской встрече М.С. Горбачева и Р. Рейгана в декабре 1987 г., проходившей в эйфорической атмосфере («Горби» был в зените своей зарубежной популярности), удалось согласо-

вать для совместного заявления несколько положений, касавшихся Договора по ПРО. Это был шедевр иллюзорного компромисса, когда с помощью чисто словесных ухищрений совмещается несовместимое, без изменения первоначальных позиций, и стороны толкуют согласованные компромиссные формулировки в соответствии с этими позициями.

Вот весь этот пассаж:

«С учетом подготовки договора по СНВ руководители двух стран поручили также своим делегациям в Женеве выработать договоренность, которая обязала бы стороны соблюдать Договор по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 г., в процессе осуществления исследований, разработок и при необходимости испытаний, которые разрешаются по Договору по ПРО, и не выходить из Договора по ПРО в течение согласованного срока. Интенсивные обсуждения стратегической стабильности начнутся не позднее чем за три года до окончания согласованного срока невыхода, причем после этого периода, если только стороны не договорятся об ином, каждая из сторон будет иметь право сама определить свой образ действий. Такая договоренность должна иметь такой же юридический статус, как договор по СНВ, Договор по ПРО и другие юридически обязывающие соглашения. Эта договоренность будет зафиксирована в форме, взаимоприемлемой для сторон. Поэтому они дают указания своим делегациям рассмотреть эти вопросы в первую очередь. Обе стороны обсудят пути обеспечения предсказуемости развития советско-американского стратегического отношения в условиях стратегической стабильности в целях уменьшения риска ядерной войны».

В то время я еще не был вовлечен в переговоры о стратегических вооружениях и поэтому о том, как появилась на свет приведенная выше формула, я знаю лишь с чужих слов. Интересные детали на этот счет приведены в книге С.Ф. Ахромеева и Г.М. Корниенко «Глазами маршала и дипломата»².

Ясно, конечно, что эта компромиссная формулировка появилась ради насыщения совместного заявления важными положениями, относящимися к стратегическим вооружениям. Однако никакого выхода из тупика по ПРО и космосу она не намечала.

² Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. С. 135–147.

Требования советской стороны о юридическом фиксировании объективно существующей взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями были справедливы, но нереалистичны ввиду той силы политической инерции, которую набрала благодаря усилиям администрации Р. Рейгана программа СОИ. Более эффективным путем противодействия этой программе, а следовательно, новому витку гонки вооружений было заключение договора по СНВ – при снятии требования о его юридической увязке с Договором по ПРО. Но к этому мы пришли позже.

А пока на переговорах каждая из сторон выдвинула свой вариант осуществления этих «согласованных» положений, которые диаметрально расходились между собой. Советская сторона положила на стол переговоров проект «Договора о соблюдении Договора по ПРО и невыходе из него в течение согласованного срока», а американская – проект «Соглашения о некоторых мерах, содействующих переходу на основе сотрудничества к развертыванию будущей обороны против баллистических ракет». И хотя и в советском, и в американском документах речь шла о невыходе из Договора по ПРО в течение согласованного срока, сами заголовки документов достаточно красноречиво говорили о принципиально различных подходах. Достаточно сказать, что в советском документе речь шла о стремлении «не допустить возникновения ситуаций, которые могли бы явиться основанием для одной из сторон считать себя свободной от обязательств по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений» (т.е. не нарушать Договор по ПРО и не выходить из него), а в американском – о стремлении «создать ситуации, которые могли бы привести к развертыванию эффективной обороны (т.е. пересмотреть Договор по ПРО или разорвать его. – *Прим. авт.*) и еще более стабилизирующим сокращениям стратегических наступательных вооружений, чем те, которые связаны с обязательствами по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений».

И к советскому, и к американскому документам был приложен проект протокола, в котором речь шла о мерах доверия и предсказуемости. В общем по содержанию этих мер разногласий было не так много, как по содержанию основного документа. Обе стороны были согласны в том, что такие меры могли

включать в себя обмен данными, встречи экспертов, взаимные посещения и т.д. Однако то, как каждая сторона рассматривала цель их осуществления, было взаимоисключающим. Советская сторона считала, что меры доверия и предсказуемости способствовали бы соблюдению Договора по ПРО в его первоизданном виде, а американская сторона исходила из необходимости таких мер при создании обороны против стратегических баллистических ракет и соответственно при замене Договора по ПРО новым договором, который разрешал бы осуществление СОИ.

Так обстояло дело на «космическом» направлении переговоров по ядерным и космическим вооружениям к 1989 г.

При подготовке к встрече министров иностранных дел СССР и США, которая должна была состояться в сентябре 1989 г., основное внимание в Москве было уделено проблеме взаимосвязи СНВ и ПРО. Конечно, были сделаны попытки сделать наши позиции более гибкими и по другим вопросам, прежде всего связанным с крылатыми ракетами воздушного и морского базирования, однако тут, как уже выше говорилось, ничего не получилось. Что же касается СНВ-ПРО, то делегация отправилась в США, имея в своем портфеле предложения, которые по крайней мере выводили подготовку договора по СНВ из принципиального тупика.

После встречи в Вашингтоне Э.А. Шеварднадзе с Дж. Бушем-старшим и предварительных консультаций экспертов двух делегаций в Госдепартаменте США мы отправились в штат Вайоминг, где должны были проходить основные переговоры.

Там, неподалеку от небольшого, стилизованного под «Дикий Запад» городка Джексон-Хоул, находилось ранчо Дж. Бейкера (по-нашему, загородная представительская резиденция), вблизи которой был расположен туристический комплекс – с комфортабельным отелем и летними домиками. В этом комплексе, носившем название Тетон-Лодж, и разместились обе делегации. Переговоры происходили в отеле, где имелись удобные помещения, а встречи министров в узком составе – на ранчо Дж. Бейкера.

Прибыли мы уже затемно. Выйдя на следующее утро на балкон, я был покороен красотой открывшейся передо мной панорамы. Дикие прерии, зеркальное озерко, а на горизонте – синеватая горная гряда Тетон. Дымок, вившийся из далекого кустарника,

рисовал в воображении сидящих вокруг костра индейцев, вигвам и прочие картины, почерпнутые еще в детстве у Фенимора Купера³.

Идея проведения встречи министров в этом живописнейшем месте была, конечно, недурна. И не только потому, что позволила повидать этот прекрасный уголок Земли. Обстановка, несомненно, способствовала установлению более близких, доверительных отношений между новым Государственным секретарем США и Э.А. Шеварднадзе. Да и на других участников встречи она воздействовала как-то возвышенно, настраивала на планетарный лад. Под голубым небесным куполом Вайоминга переговорные распри выглядели мелко, незначительно, т.е. так, какими на самом деле они и были.

Конечно, при организации подобных встреч в новых местах, особенно вдали от столицы, возникает много проблем и для хозяев и для гостей. Хозяевам приходится решать множество организационных проблем, а у гостей могут возникать трудности из-за отрыва от средств закрытой связи со своей столицей. Проблема связи обычно решается в таких случаях с помощью курьеров, которые курсируют в случае необходимости между делегацией и посольством, что в любом случае бывает связано с потерей драгоценного времени.

Но в Вайоминге все было прекрасно. Окончание переговоров еще не просматривалось. Поэтому проблем, требующих немедленного решения, не возникало. Шла расчистка дальнейшего пути, а для этого достаточно было привезенных инструкций и некоторой смелости для несанкционированного обсуждения (*мысли вслух*) возможных *развязок*, которые в дальнейшем могли бы стать основой утвержденных позиций для каждой делегации.

Естественно, такие *размышления вслух* могли обернуться и неприятностями для переговорщика. Однако без неофициальной подготовки будущих официальных договоренностей результативные переговоры, как правило, невозможны. Понимая это, начальство поощряет подобные действия, но само держится от них в стороне, чтобы в случае *прокола* можно было бы легко дезавуировать переговорщика. Видимо, поэтому в 1989–1990 гг., в период

³ Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) – американский писатель, романист и сатирик, один из основоположников жанра вестерн. – *Прим. ред.*

расчистки переговорных *завалов*, работалось мне легко и свободно. Это потом, когда переговоры выйдут на финишную прямую, появятся желающие выскочить вперед, приобщиться к заключению договора. В делегации их называли *пенкосниматели*. Вот тогда работать станет значительно труднее.

Итак, что же произошло в Вайоминге?

Главные результаты, как и следовало ожидать, были достигнуты в вопросе о взаимосвязи наступательных и оборонительных стратегических вооружений. В совместном заявлении министров говорилось на этот счет следующее: «В отношении вопросов ПРО и космоса советская сторона предложила новый подход, направленный на решение этой важной проблемы. Обе стороны согласились, что советский подход открывает путь к достижению и осуществлению договора по СНВ без заключения договора по обороне и космосу. Стороны согласились отказаться от подхода, связанного с обязательством о невыходе, продолжая в то же время обсуждение путей обеспечения предсказуемости развития советско-американского стратегического отношения в условиях стратегической стабильности в целях уменьшения риска ядерной войны. Американская сторона заявила, что она внимательно изучит другие аспекты советского подхода в целом».

Посмотрим, что стояло за этой формулой.

Конечно, при согласовании текста этого заявления был соблюден определенный баланс между нашими и американскими формулировками. Уступкой американцам было упоминание соглашения по обороне и космосу (мы-то ведь настаивали на заключении не этого соглашения, а договора о невыходе из Договора по ПРО). Но коль скоро говорилось о заключении договора по СНВ «без заключения соглашения по обороне и космосу», на это можно было пойти безболезненно.

Главным же было то, что советская сторона действительно предложила новый подход, направленный на решение вопросов ПРО и космоса. Он заключался в том, что Советский Союз снял юридическую увязку будущего договора по СНВ и существовавшего Договора по ПРО: с нашей стороны было заявлено, что в целях скорейшего заключения договора по СНВ Советский Союз будет готов пойти на подписание этого договора и в том случае, если к завершению его разработки не будет достигнута

договоренность по проблеме ПРО, но стороны продолжали бы соблюдать Договор по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 г. Американцам было предложено подготовить согласованное понимание о том, что уже зафиксированное в проекте договора по СНВ положение о праве сторон выйти из него в случае угрозы их высшим интересам подразумевало бы и право на выход из этого договора в случае нарушения одной из сторон Договора по ПРО. Они, разумеется, отказались от такого согласованного понимания. Тогда в соответствии с инструкциями с нашей стороны было заявлено, что мы в одностороннем порядке выразим наше понимание на этот счет.

Разумеется, американцы подтвердили для протокола свою позицию, которая впоследствии легла в основу их заявления перед подписанием договора. Но они не выдвинули возражений против продолжения переговоров и заключения договора по СНВ на тех условиях, которые оговорила советская сторона. Это, по моему мнению, было главным результатом вайомингской встречи.

Этот результат в конечном счете и послужил ключом к решению проблемы взаимосвязи СНВ и ПРО. Накануне подписания договора по СНВ советская сторона, сняв свои предложения о каком-либо упоминании в его тексте Договора по ПРО, включила в официальные материалы переговоров свое заявление о том, что договор по СНВ может быть эффективным и жизнеспособным только в условиях соблюдения Договора по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 г., и предупредила о возможности своего выхода из договора по СНВ в случае выхода США из Договора по ПРО или его существенного нарушения.

Американская сторона сделала свое заявление, в котором выразила сомнение в юридической и военной обоснованности выхода СССР из договора по СНВ в случае «гипотетического выхода» США из Договора по ПРО. Вместе с тем в этом же заявлении США признали право СССР на выход из договора по СНВ в случае, если Советский Союз сочтет, что его высшие интересы поставлены под угрозу.

Там же американская сторона оговорила, что согласованные сторонами изменения в Договоре по ПРО не были бы основанием для того, чтобы ставить под вопрос эффективность или жизнеспособность договора по СНВ. По сути дела, эта оговорка,

являясь бесспорной (ведь говорилось о «согласованных сторонами» изменениях), означала молчаливое признание того, что односторонние толкования Договора по ПРО вели бы к его нарушению, что подрывало бы его эффективность и жизнеспособность.

Подписание договора по СНВ заметно ослабило позиции сторонников СОИ в США, что сразу же сказалось на размере ассигнований, выделявшихся американским Конгрессом на эту программу. Еще при администрации Дж. Буша-старшего было начато сворачивание СОИ: вместо широкомасштабной системы ПРО, предусматривавшей создание эшелонированной системы перехвата МБР для защиты всей территории США в случае масштабной ракетной атаки речь пошла уже о Системе глобальной защиты от ограниченных ударов, т.е. от случайных или несанкционированных пусков. Администрация Б. Клинтона пошла еще дальше, предложив России договориться о проведении разграничительной линии между стратегическими и нестратегическими системами ПРО, чтобы иметь возможность создавать только последние в условиях действия Договора по ПРО.

Проглотив решение проблемы СНВ–ПРО, предложенное советской стороной в Вайоминге, США тем не менее продолжали свои действия, смысл которых заключался в том, чтобы и далее пробивать идею СОИ. Во время вайомингской встречи Дж. Бейкер предложил, чтобы группа советских экспертов (до десяти человек) посетила две американские лаборатории, занятые исследованиями в области СОИ: Лос-Аламосскую национальную лабораторию и лабораторию в Сан-Хуан-Капистрано. Американская сторона подчеркнула в приглашении, что выдвигает эту инициативу в одностороннем порядке и не обуславливает аналогичными действиями с нашей стороны. Эта оговорка была весьма существенной, так как в противном случае синдром секретности скорее всего побудил бы наши *соответствующие органы* воспротивиться поездке.

Очевидно, с помощью этой поездки американцы хотели дать в руки той части советского ВПК, которая была связана с работами в области ПРО и космоса и была заинтересована в продолжении этих работ, дополнительную аргументацию в борьбе против Договора по ПРО. Следствием этого было бы и *раскачивание* нашей позиции на переговорах по ПРО и космосу.

Решение о поездке по американскому приглашению было принято сравнительно быстро: видимо, многим нашим ведомствам хотелось своими глазами посмотреть, что же там у них делается с этой СОИ. Но в указаниях, которыми советские эксперты должны были руководствоваться, было строго оговорено, что им следует подчеркивать неизменность нашей позиции о необходимости соблюдения СССР и США в процессе работ в области противоракетной обороны Договора по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 г., и, как следствие, недопустимость отработки и развертывания оружия в космосе.

В группу были включены десять человек – восемь ученых и технических специалистов и два сотрудника МИДа, в том числе я. Мне было поручено возглавлять эту группу. Руководство мое должно было сводиться к тому, чтобы «выражать официальную точку зрения», т.е. то, что было записано в инструкциях. Делать это приходилось и в ходе тех собеседований, которые происходили с американскими учеными, специалистами, коллегами, и в интервью журналистам.

14 декабря 1989 г. рейсом «Аэрофлота» наша группа прибыла в Вашингтон, а на следующее утро специально выделенный для этой поездки самолет ВВС США, взлетев с военно-воздушной базы Эндрюс, понес нас вместе с группой американцев (ее возглавлял посол Дэвид Смит) на запад, в Калифорнию.

Начать осмотр нам предстояло с лаборатории и испытательной площадки в Сан-Хуан-Капистрано, принадлежащими частной корпорации TRW. По правительственному контракту она вела разработку лазера с химической накачкой для СОИ.

Переночевав в курортном отеле на берегу Тихого океана, на следующее утро мы отправились на объект. Комфортабельный автобус, который был предоставлен нам для поездки, довольно скоро пересек курортную зону с ее пальмами и агавами и стал удаляться от побережья. Четырехрядная дорога сменилась более узкой, пошла в гору. Примерно через час подкатили мы к шлагбауму, преграждавшему въезд на территорию лаборатории.

Хозяева, устроившие для нас двухчасовой брифинг, были корректны и доброжелательны. Они в общих чертах рассказали нам о лаборатории, чем она занимается, что такое проект «Альфа», в соответствии с которым разрабатывался химический лазер.

В тех случаях, когда любознательность наших специалистов брала верх над их деликатностью, хозяева, объяснив то, что допускалось их правилами секретности, четко и определенно говорили, что далее начинается «закрытая» информация, раскрывать которую они не могут. Конечно, ничего тут удивительного не было. Я, однако, подумал, что у наших ученых и специалистов, когда они оказываются в положении отвечающих на вопросы, нет такой же четкости в определении грани «закрытого» и «открытого»: одни чересчур зажимаются, боясь сказать лишнее и явно перестраховываясь, а другие, наоборот, увлекаются «открытостью» и *гласностью*.

После брифинга нам была показана лазерная установка, которая используется с 1973 г. для исследования в лабораторных условиях различных свойств лазерного луча. Не обладая познаниями в области лазерной технологии, как, впрочем, и в любой другой технической области, я, разумеется, никак не могу судить о качествах этой установки. Она, по-моему, не произвела большого впечатления на наших специалистов, которые ограничились проявлением вежливого интереса. Все-таки с 1973 г., видимо, много воды утекло.

Поехали на испытательную площадку. Здесь, в гористой и безлюдной местности, глазам нашим открылось загадочное сооружение, вызвавшее в памяти читанное когда-то о гиперboloиде инженера Гарина⁴ и прочих фантастических вещах, которые, конечно же, должны сооружаться вдали от людских глаз и выглядеть столь же непонятно. Впрочем, это и был гиперboloид. В сущности, и предназначен-то он был для целей, весьма близких тем, что ставил перед собой инженер Гарин, – править миром.

То, что мы увидели, было наземной моделью будущего космического лазера, с помощью которого предполагалось в будущем *сбивать* или, точнее, прожигать, выводить из строя советские межконтинентальные баллистические ракеты в случае их пуска для поражения объектов на американской территории. Как нам пояснили, для запуска в космос потребуется воспроизвести эту

⁴ «Гиперboloид инженера Гарина» – фантастический роман советского писателя Алексея Николаевича Толстого (1883–1945), опубликованный в 1927 г. – *Прим. ред.*

модель в других, более тяжелых материалах, но общая компоновка останется той же. Научные и технические проблемы, которые возникают в связи с этим, говорили нам наши гиды, уже решены, но нужно еще решить инженерные вопросы.

Пока же для проведения испытаний моделируются космические условия. Те странные цилиндрические сооружения и отходящие от них трубы, которые взмывали вверх и оттуда устремлялись вниз, чтобы вшиться в расположенные внизу кубические конструкции, оказались вакуумными установками. 7 апреля 1989 г. были проведены первые испытания, во время которых была получена фотография луча. Наши гиды с увлечением рассказывали о планирующейся большой серии испытаний. Не знаю, сколько испытаний было проведено впоследствии. Известно лишь, что концепция СОИ в скором времени начала подвергаться существенным изменениям и в результате идея использования лазеров для поражения МБР отпала. А потом была заморожена и вся программа СОИ, во всяком случае, в том первоначальном виде, в каком она замышлялась.

Следующий день был воскресным, и наши гостеприимные хозяева доставили нам большое удовольствие, организовав экскурсию в Голливуд – на киностудию «Юниверсал пикчерс». Здесь мексиканская деревушка соседствует с нью-йоркским кварталом конца 1920-х гг., пруд, где снимался фильм «Челюсти» и где остались макеты и акулы, и кораблей, которых она пожирала, с домиком на холме, где происходили зловещие убийства в знаменитом фильме Альфреда Хичкока «Психо». Гвоздем экскурсии стало посещение павильона, в котором имитировалась подземная станция метро и все то, что там может произойти во время землетрясения (или ядерного удара?). Вдруг раскололся потолок, стали падать опоры, хлынула вода, засверкали молнии коротких замыканий, все погрузилось в *крошечную тьму*. Этот впечатляющий аттракцион стал как бы иллюстрацией земных последствий «звездных войн», подготовку к которым мы видели накануне.

Для посещения Лос-Аламосской национальной лаборатории нам нужно было перебраться немного на восток – в штат Нью-Мексико. И вот мы в городе Санта-Фе. Первое впечатление было такое, что мы все еще находимся в Голливуде – среди декораций, имитирующих испанское поселение прошлого века

на американском юго-западе. Но все было настоящее. И отель «Эльдорадо», в котором мы разместились, хотя и был стилизован под испанскую старину, обладал современным комфортом. Настоящими, а не ряжеными были и индейцы, расположившиеся по периметру центральной площади со своими традиционными изделиями – серебряными цепочками, *тотемами* для отпугивания злых духов, кожаными поясами и т.д. Невозмутимо покуривая свои длинные трубки, они при обращении к ним односторонне называли цену того или иного изделия, не расхваливая его и не сбавляя цену. Назвал цену – и все тут, а ты поступай как знаешь. Их мирный вид и наличие томагавков только среди выставленных на продажу изделий свидетельствовали о том, что конфликт между краснокожими аборигенами и бледнолицыми пришельцами если не исчерпал себя, то по крайней мере приобрел иные формы. Привыкнув к *стандартизованности* американских городов и городков, я не ожидал увидеть столь необычное для США, очаровательное – пусть и стилизованное – местечко.

Посещение Санта-Фе и Лос-Аламосской лаборатории для меня представляло особый интерес, связанный не столько с СОВ, сколько с историей создания первой атомной бомбы, с началом ядерной эпохи. Как известно, эта лаборатория под руководством Роберта Оппенгеймера была основным центром «проекта Манхэттен».

В Санта-Фе, в небольшой аптеке, принадлежавшей советскому агенту, происходили секретные встречи работавших на советскую разведку сотрудников Лос-Аламосской лаборатории. Именно через этот городок утекали бесценные секреты, ускорившие создание первой советской атомной бомбы. В то время я знал об этом только из западной печати. Впоследствии, читая мемуары некоторых наших бывших разведчиков, имевших отношение к «атомному проекту», я накладывал приводившиеся ими детали на колоритные улочки городка. Картинка получалась очень реалистичная.

В небольшом музее, созданном при Лос-Аламосской лаборатории, хранятся любопытнейшие экспонаты, относящиеся к 1943–1945 гг., когда осуществлялся этот проект. Имеются там и дубликаты корпусов двух первых атомных бомб – «Малыша» и «Толстяка», – уничтоживших Хиросиму и Нагасаки. Я не знаю,

существует ли у нас подобный музей. Может быть, в бывшем Арзамасе-16 (Саров) – нашем аналоге Лос-Аламоса? Ведь создание ядерного оружия – это часть нашей истории, причем немаловажная.

Лос-Аламосская национальная лаборатория – одна из крупнейших в США. Ее главная специализация – применение научных достижений к практическим проблемам национальной безопасности США. Здесь разрабатывались ядерные боеголовки – W85 для ракеты «Першинг-II», W80 для крылатой ракеты морского базирования «Томагавк», W88 для БРПЛ «Трайидент». В 1989 г. 80 процентов бюджета лаборатории расходовались на военные исследования. Мирные исследования велись в области альтернативных источников энергии.

Роль Лос-Аламосской лаборатории в программе СОИ состояла в экспериментальной отработке пучкового ускорителя нейтральных частиц – еще одного средства против межконтинентальных баллистических ракет. В соответствии с программой СОИ такие ускорители, размещенные в верхних слоях атмосферы или в космосе, а впоследствии, может быть, и на земной поверхности, должны были распознавать боеголовки и ложные цели и при увеличении мощности ускорителя поражать боеголовки. Проект назывался «пучковым экспериментом на борту ракеты», сокращенно – BEAM («Beam Experiment Aboard a Rocket»).

Делегация наша состояла из весьма именитых представителей советского военно-промышленного комплекса – академиков, генералов, лауреатов, директоров и т.д. Список замыкал В.А. Тепляков. Против его фамилии не значилось каких-либо высоких титулов, а лишь указывалось, что он специалист в области ускорительной техники и работает в Институте физики высоких энергий. Когда наша делегация по прибытии в Лос-Аламос знакомилась с руководством лаборатории, В.А. Тепляков подошел представляться, как обычно, последним – в соответствии с местом, отведенным ему в советской научно-технической иерархии того времени, ну и, наверное, личной скромностью. Его имя вызвало со стороны американских ученых реакцию, которая заметно превосходила обычную протокольную вежливость и даже простой человеческий интерес. Теми репликами, которые доносились до меня, и всей манерой поведения они демонстрировали

глубокое уважение и даже, я бы сказал, почтительность по отношению к Владимиру Александровичу. Маститые американские ученые вдруг превратились в учеников, воздающих должное своему Учителю.

Затем мы расселись, чтобы выслушать, что такое Лос-Аламосская лаборатория и проект ВЕАМ, т.е. пройти обычный брифинг. Свое выступление руководитель проекта начал с торжественного приветствия в адрес В.А. Теплякова. Оказалось, что в основе пучкового ускорителя, разрабатывавшегося в лаборатории, лежит открытие, сделанное в свое время в ходе фундаментальных научных исследований Владимиром Александровичем вместе с другим советским ученым – Капчинским⁵ (если я правильно записал на слух его фамилию). В то время не думали о возможности использования пучкового ускорителя в военных целях. А потому о достижении двух ученых было сообщено на страницах советской научной печати. Впрочем, как кажется, проект ВЕАМ постигла та же судьба, что и проект «Альфа», – вместе со всей программой СОИ он был остановлен.

Поездка наша не оказала сколько-нибудь заметного влияния на работу группы по ПРО и космосу. И хотя некоторые наши представители в этой группе, продолжая лоббистскую работу в пользу тех конструкторских бюро (КБ), которые были связаны с ПРО, пытались как-то оживить это направление, тупик был слишком глухим, чтобы из него выбраться.

Говоря о том, как развивался наш диалог с США по проблеме ПРО, нельзя обойти вниманием инцидент с Красноярской радиолокационной станцией (РЛС). Для администрации Рейгана, мечтавшей избавиться от Договора по ПРО, манной небесной стало обнаружение в центральной Сибири, в районе Красноярска, строительства гигантской РЛС с фазированной решеткой.

Впервые вопрос о строительстве Красноярской РЛС был поднят американской стороной в июле 1983 г. Суть американских претензий сводилась к тому, что эта РЛС представляла собой станцию раннего предупреждения о ракетном нападении, на которую распространяются ограничения по Договору по ПРО в отношении местоположения и ориентации (согласно договору

⁵ Илья Михайлович Капчинский (1919–1993) – советский физик, специалист в области физики ускорителей. – *Прим. ред.*

такие РАС могут находиться лишь на периферии национальной территории страны и ориентированы во вне ее). Помимо этого, Красноярской РАС приписывались функции управления боевыми действиями «в системе ПРО всей территории СССР».

Объявив Красноярскую РАС «материальным нарушением» Договора по ПРО, США выдвинули требование о ее демонтаже, уничтожении зданий приемного и передающего устройств, а также об уничтожении фундаментов этих зданий таким образом, чтобы это поддавалось национальным техническим средствам контроля. Президент Р. Рейган в своем послании на имя М.С. Горбачева 12 августа 1988 г. заявил, что Красноярская РАС будет оставаться серьезным препятствием для продвижения в области контроля над вооружениями до тех пор, пока она не будет демонтирована. Конечно, американская сторона использовала ситуацию и для нанесения удара по Договору по ПРО, заявив, что сохранение Красноярской РАС ставит под сомнение жизнеспособность Договора по ПРО.

В свое время по периметру СССР были построены восемь РАС, которые обеспечивали противоракетное предупреждение на всех направлениях, кроме северо-восточного. Эту дыру можно было бы закрыть без нарушения Договора по ПРО, построив РАС, скажем, в районе Норильска. Очевидно, ее строительство и эксплуатация в *суровейших* условиях Крайнего Севера, были бы крайне дорогостоящим и обременительным предприятием. С этой точки зрения можно, конечно, понять, почему предпочтение было отдано Красноярску, когда в 1979 г. принималось решение о строительстве РАС. Неясно другое – почему пошли на заведомое и очевидное нарушение Договора по ПРО? Ведь нельзя же было рассчитывать на то, что это циклопическое сооружение, занимавшее площадь размером в два футбольных поля и возвышавшееся более чем на сто метров, останется незамеченным американскими разведывательными спутниками.

В ходе свары, которая продолжалась более шести лет, советская сторона защищалась двумя аргументами: во-первых, утверждалось, что Красноярская РАС предназначена не для предупреждения о ракетном нападении, а для слежения за своими спутниками; во-вторых, выдвигались контробвинения в адрес США в связи с сооружением ими РАС в Гренландии и Великобритании.

Действительно, Договор по ПРО не запрещает слежения за космическими объектами, его цель – предотвращение создания ПРО территории страны. Но если наблюдение за спутниками было единственной задачей Красноярской РЛС, тогда, очевидно, следовало бы предоставить США возможность убедиться в этом. Этот довод использовался нами: «Дайте нам достроить станцию, – говорили мы американцам, – мы вас пустим туда, и вы увидите, что мы не врем». Почему-то, однако, настойчивости с советской стороны проявлено не было (очевидно, потому что врали, а о допуске наблюдателей говорили лишь для *спасения лица*).

Что касается выдвижения контробвинений, то оно имело бы смысл, если бы было реальным улаживанием и того и другого нарушения в «увязке», что возможно лишь при взаимной заинтересованности сторон в решении спорного вопроса. Американская же сторона уже была заинтересована в то время в разрушении договора. Чем громче были взаимные обвинения в нарушении Договора по ПРО, тем хуже было для договора.

И вот наконец в Вайоминге в сентябре 1989 г., а точнее, в послании М.С. Горбачева президенту Дж. Бушу-старшему в связи со встречей министров в Вайоминге советская сторона заявила о готовности полностью ликвидировать Красноярскую РЛС. Выступая в Верховном Совете СССР 10 октября 1989 г., министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе дал такое объяснение этому решению: «Четыре года мы разбирались с этой станцией. Не сразу руководству страны стала известна вся истина. В конце концов убедились: да, эту станцию построили не там, где это можно было бы сделать».

В этой истории бездарно все – и само решение о строительстве РЛС в нарушение Договора по ПРО, и согласие на ее ликвидацию, которое иначе как безоговорочной капитуляцией не назовешь, а скандальное ее объяснение попросту нелепо.

Г.М. Корниенко, который в течение многих лет был заместителем, а потом и первым заместителем министра иностранных дел СССР, свидетельствует о том, что еще в сентябре 1985 г. он лично докладывал Э.А. Шеварднадзе истинную историю с Красноярской РЛС. Истина же заключалась в том, что руководство страны приняло решение о строительстве РЛС под Красноярском (а не в районе Норильска) по соображениям экономии,

проигнорировав мнение Генштаба, что это даст США формальные основания обвинять СССР в нарушении Договора по ПРО. «Другими словами, никто не вводил в заблуждение ни старое, ни новое руководство страны. Так что байка насчет четырехлетнего разбирательства в истинной истории Красноярской РЛС остается на совести Шеварднадзе», – заключает Г.М. Корниенко⁶.

Итак, несколько сот миллионов рублей (не нынешних, а тех, доинфляционных!) на строительство плюс несколько десятков миллионов рублей на демонтаж – такова цена этой не поддающейся рациональному объяснению истории. Можно предположить – в попытке найти хоть какое-то объяснение, что настояли на строительстве РЛС в районе Красноярска те, кто был заинтересован в ассигнованиях на развитие ПРО («нашей советской СОИ») и соответственно в срыве Договора по ПРО. Строительство Красноярской РЛС отвечало этим целям. Впрочем, не слишком ли это хитроумное объяснение? Может быть, просто понадеялись на «авось пронесет»? Не пронесло.

Но почему же, согласившись устранить наше нарушение Договора, забыли о своих претензиях в адрес США? Нельзя ли было, прижав американцев с их двумя РЛС, построенными за пределами территории США, найти какое-нибудь компромиссное решение в отношении Красноярской станции, чтобы не нести колоссальных расходов? К сожалению, такая возможность использована не была.

⁶ Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: Олма-пресс, 2001. С. 382.

Американские сенаторы и наши парламентарии

Со стороны Соединенных Штатов широко практиковались периодические посещения переговоров по разоружению сенаторами – как демократами, так и республиканцами. Естественно, американские законодатели, которым предстояло ратифицировать тот или иной международный договор, внимательно следили за ходом переговоров и хотели получать информацию о них из первых рук, в том числе и от противоположной стороны.

Сенаторы приезжали обычно либо группами, либо поодиночке, общались с руководством обеих делегаций и отдельно, и в ходе совместных встреч. Как правило, они обладали весьма основательными знаниями о предмете переговоров. На меня особенно сильное впечатление произвели беседы с Ричардом Лугаром, Эдвардом Кеннеди, Альбертом Гором. Широкий политический подход сочетался у них с глубоким знанием технических и военных деталей.

Своеобразно прошла у меня встреча с А. Гором. Еще до его приезда американцы, готовившие программу пребывания Гора в Женеве, спросили меня, согласен ли я сыграть с ним в теннис. Он, как и я, оказался большим любителем этого вида спорта. Я с удовольствием согласился. Гор оговорил условие: мы будем играть без свидетелей, чтобы в случае его поражения не пострадал его престиж.

Матч состоялся в теннисном клубе, членом которого я состоял. Гор играл хорошо, хотя лишний вес сказывался на его подвижности. Поиграв часа полтора, мы перешли в бар. И здесь состоялась беседа, в ходе которой сенатор пытался нащупать пути к сближению позиций США и СССР по вопросам обороны и космоса. Практических последствий для переговоров эта беседа не имела, подходы и интересы сторон были прямо противоположны. Но беседа была интересна тем, что Гор проявил боль-

шую изобретательность в поисках снятия юридических препятствий для продолжения работ в области противоракетной обороны (ведь в то время действовал Договор по ПРО). Моя же задача заключалась в том, чтобы в условиях чисто неформальной встречи, а следовательно, исключительно откровенно объяснить безнадежность ожидать изменения советской позиции в этом вопросе. По всей видимости, предлагая *игру без свидетелей*, Гор имел в виду прежде всего *разговор без свидетелей*.

Расставаясь, Гор пригласил меня на ответный матч в Вашингтоне. Но я этим приглашением так и не воспользовался, тем более что вскоре сенатор стал еще более занятым человеком – вице-президентом США.

У нас до 1990 г. практики приглашения на переговоры парламентариев не было по вполне понятной причине: что бы там ни было записано в Конституции, ратификация международных соглашений зависела не от Верховного Совета, а от Политбюро. Но после съезда народных депутатов в 1989 г., а уж тем более после отмены статьи 6 Конституции СССР о «руководящей роли» Компартии положение сильно изменилось. Стало ясно, что ратификация – это дело парламента, а следовательно, парламентарии должны заранее знать о том, что им предстоит ратифицировать. В 1990 г. в Женеву с этой целью приезжали депутаты Верховного Совета СССР В.Н. Очиров (участник афганской войны, Герой Советского Союза) и В.Г. Афанасьев (бывший главный редактор «Правды») в сопровождении весьма квалифицированных экспертов (один из них, С.М. Рогов, стал впоследствии директором Института США и Канады, членом-корреспондентом Академии наук России). Внимательно следил за переговорами А.С. Дзасохов, неоднократно встречавшийся с членами нашей делегации в Москве.

Надо сказать, наши депутаты довольно быстро ухватили суть основных вопросов, рассматривавшихся на переговорах в Женеве. Разумеется, им хорошо помогли и их эксперты. Помимо встреч с нашей делегацией, депутаты встречались и с американцами. Посетили несколько рабочих заседаний на переговорах.

К сожалению, впоследствии, когда в 1992 г. велись переговоры о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-II), все делалось в такой спешке, что,

видимо, было не до собственных депутатов. Главное было поладить с американцами, чтобы получить их поддержку ельцинскому режиму. В результате возникли серьезные проблемы при ратификации, и договор так и не вступил в силу. И очень хорошо. По сути своей это был *похабный* договор. Я в переговорах по СНВ-II не участвовал, боюсь поэтому выглядеть злопыхателем. Да, впрочем, и не об этом договоре сейчас речь.

Внутренняя дипломатия

Понятно, что каждая делегация, отправляясь на международные переговоры, получает соответствующие инструкции от своего правительства. Но если переговоры с иностранными партнерами – это надводная часть айсберга, то подготовка инструкций – это его подводная часть, которая по объему работы обычно значительно превосходит переговорную часть. Чтобы разработать позицию и подготовить соответствующие инструкции, требуется предварительно найти равнодействующую позиций, интересов, мнений и т.д. руководителей отдельных министерств и ведомств. Причем порой это бывает (вернее, было в то время, о котором я веду рассказ) необыкновенно сложно.

Происходил этот процесс при помощи механизма, который на чиновничьем жаргоне назывался «пятерочным».

Начало созданию такого механизма было положено в 1969 г. в ходе подготовки к переговорам с американцами об ограничении стратегических вооружений, когда была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по наблюдению за переговорами, связанными с ограничением стратегических вооружений в Хельсинки. В нее вошли секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам Д.Ф. Устинов (в качестве председателя Комиссии), министр обороны А.А. Гречко, министр иностранных дел А.А. Громыко, председатель КГБ Ю.В. Андропов, заместитель премьер-министра и председатель Военно-промышленной комиссии при Президиуме Совета Министров Л.В. Смирнов и президент Академии наук М.С. Келдыш. М.С. Келдыш вошел в комиссию не по должности, а в личном качестве, через два года он отошел от деятельности Комиссии, и в результате в Комиссии остались главы пяти ведомств. Она стала называться «Большой пятеркой».

Для предварительной проработки вопросов, выносимых на «Большую пятерку», в 1974 г. была создана так называемая «Малая пятерка», которая возглавлялась первым заместителем начальника Генерального штаба и состояла из экспертов на уровне

заместителей глав пяти ведомств. Естественно, каждый из них привлекал в помощь экспертов из своего соответствующего ведомства. Были попытки создать межведомственный секретариат. Дело каждый раз заканчивалось тем, что выделялись по две-три дополнительные штатные единицы для МИДа, Минобороны и КГБ, которые растворялись бесследно в общих штатных структурах. Схематично весь процесс происходил следующим образом (во всяком случае, это было так в 1986–1991 гг., когда я принимал в нем участие).

К заседанию «рабочей пятерки» обычно готовился какой-то материал – проект директив и указаний для делегации, справки и т.д. Подготовкой этого первичного сырья обычно занимались эксперты из Договорно-правового управления (ДПУ) Генштаба и Управления по разоружению МИДа. Если переговоры уже велись, то, естественно, использовались при этом предложения, присланные делегацией. Этот материал служил основой для обсуждения на «рабочей пятерке» с участием экспертов из других ведомств и затем на «Малой пятерке». Она утверждала указания по техническим вопросам. Проект директив, требовавших политических решений (Политбюро, а после отмены шестой статьи Конституции о руководящей роли Компартии – Президента СССР), направлялся на «Большую пятерку», которая и представляла их на утверждение после решения спорных вопросов.

С 1986 г. «Большую пятерку» возглавлял Л.Н. Зайков, ставший секретарем ЦК по оборонным вопросам (в 1990 г. эта комиссия стала официально называться Комиссией по переговорам по сокращению вооружений и безопасности Совета обороны при Президенте СССР). Его опорой была созданная в оборонном отделе ЦК специальная группа по вопросам сокращения вооружений во главе с В.Л. Катаевым.

При Зайкове в работу межведомственного механизма стали вовлекаться (во всяком случае, до отмены шестой статьи Конституции о руководящей роли Компартии) и представители международного отдела ЦК. Хотя, должен заметить, что международный отдел, занимавшийся партийными связями, в общем был в стороне от сферы межгосударственных отношений¹. Впрочем,

¹ В подтверждение этого могу сослаться на мнение К.Н. Брутенца, который был в свое время первым заместителем заведующего международным отделом.

международному отделу довелось сказать свое слово в вопросах разоружения по крайней мере дважды. Первый раз в 1970-е гг., когда благодаря мощной кампании, развернутой в Западной Европе, удалось предотвратить размещение там американского нейтронного оружия. А второй раз в начале 1980-х гг., когда аналогичная кампания была начата против развертывания в Западной Европе американских ракет «Першинг-II». В результате переоценки возможных результатов этой кампании (видимо, под влиянием эйфории от успеха антинейтронной кампании) советское руководство заняло жесткую позицию на переговорах с США по ракетам средней и малой дальности; переговоры были прерваны, и американские ракеты оказались в Западной Европе.

Но вернемся к межведомственному механизму. Постепенно функции Комиссии расширялись. Завязывались переговоры по сокращению обычных вооружений в Европе, по запрещению химического оружия. Комиссия готовила инструкции для советских делегаций и на этих переговорах. В ходе работы Комиссии неизбежно возникали вопросы, связанные с развитием соответствующих родов войск и производством вооружений для них. На ее заседания и на заседания «Малой пятерки» стали приглашаться руководители и эксперты от родов войск и оборонных министерств – Министерства общего машиностроения (МОМ), Министерства среднего машиностроения (Минсредмаш), Министерства оборонной промышленности (МОП), Министерства авиационной промышленности. Так отлаживался механизм для взвешенного всестороннего рассмотрения вопросов, связанных с безопасностью государства.

«Рабочие пятерки» проходились в Генштабе под председательством первого заместителя начальника Генштаба. Сначала это был С.Ф. Ахромеев, потом после его назначения начальником Генштаба, В.И. Варенников, В.Н. Лобов и, наконец, Б.А. Омеличев. Мне в основном пришлось работать с тремя последними.

«Международный отдел, – пишет он в своих воспоминаниях, – в целом не играл серьезной роли в собственно внешней политике, в отличие, скажем, от отдела по связям с братскими, то есть правящими, партиями социалистических стран». (Цит. по: *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 1998. С. 164.)

МИД был обычно представлен заместителем министра, ведавшим разоруженческими делами (В.П. Карпов) или отношениями с США (А.А. Бессмертных), а также руководителем той делегации, чьи вопросы рассматривались на данном заседании.

Заседания, как правило, проходили бурно, порой драматично.

Конечно, самые сложные проблемы возникали из-за разногласий в высшем политическом руководстве государства. Нужен договор по СНВ или не нужен? Я стал ощущать оппозицию Горбачеву по этому вопросу уже в конце 1989 г. и стал личным свидетелем этой оппозиции в 1990 г. За этой оппозицией просматривался и более широкий вызов политике Горбачева – не только во внешней, но и во внутренней политике.

Но были и чисто ведомственные разногласия. На арене сокращения вооружений было три основных игрока – МИД, Минобороны и военная промышленность – Министерство оборонной промышленности, Министерство среднего машиностроения (производство ядерных боезарядов), Министерство общего машиностроения (производство ракет), Министерство авиационной промышленности и другие ведомства. Между ними возникали свои собственные противоречия.

Задача МИДа во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. заключалась в обеспечении внешнеполитических условий для проведения внутренних преобразований, что предполагало развитие нормальных отношений с другими государствами и создание условий для высвобождения материальных средств для таких преобразований. Заключение соглашений об ограничении вооружений соответствовало этим целям.

Министерство обороны и Генеральный штаб должны были продолжать обеспечивать военную безопасность государства. Поэтому военное руководство занимало жесткую позицию, добиваясь того, чтобы наши вооружения подвергались минимальным сокращениям. Странно было бы, если бы они занимали иную позицию. Но тем не менее, когда политическое руководство ставило задачу достижения договоренностей, решения находились в большой мере за счет умения военных изыскивать резервы для необходимой гибкости.

Каждое министерство, связанное с производством вооружений и военной техники, обязано было обеспечивать производство соответствующих изделий, необходимых для обороны страны.

В случае же сокращения заказов перед ними возникала проблема сохранения производственного потенциала. И если производственные мощности можно было бы какое-то время поддерживать за счет конверсии, то гораздо сложнее было предотвратить отток рабочей силы. Ведь сокращение оборонных заказов означало и сокращение премиальных фондов, обеспечивавших привлечение в «оборонку» высококвалифицированных кадров.

Эти три различных ведомственных подхода были объективной реальностью. Их необходимо было совмещать, находить равнодействующую, чтобы и укреплять внешнеполитические позиции государства, и высвободить материальные ресурсы для мирных отраслей, и обеспечивать безопасность страны, и не разрушать военно-промышленный потенциал. Выработка такой равнодействующей происходила при помощи механизма межведомственного согласования, о котором я уже говорил. Но до этого, хочу заметить, не все было так просто и внутри каждого из трех векторов-факторов, упомянутых выше.

В МИДе сложности возникали в основном на личностной основе. Первоначально, с начала процесса переговоров по разоружению, конкуренция возникла между Отделом международных организаций и Отделом США и Канады (ОСПА). ОМО занимался вопросами нераспространения ядерного оружия и другими проблемами, обсуждавшимися в ООН и в Комитете восемнадцати государств по разоружению. Впоследствии было создано Управление по ограничению вооружений и разоружению, а потом и Отдел по мирному использованию ядерной энергии и космоса². Все эти четыре подразделения были так или иначе связаны с процессом переговоров по военно-политическим вопросам. Вопросы их полномочий как-то регламентировались, но тем не менее пересекались. Проработав в трех из этих подразделений (ОМО, ОЯЭК и УПОВР), я очень остро чувствовал эту конкуренцию. Беды, по-моему, в этом не было. Наоборот, возникал плюрализм мнений и подходов. Думаю, что в отношении с другими ведомствами они не проявлялись. Этому в значительной степени способствовало назначение заместителем министра заведующего УПОВРОм В.П. Карпова (в 1986 г.), который стал

² В российском МИДе эти четыре подразделения превратились в департаменты, и названия их изменились. Но это уже другая история.

представлять МИД на межведомственных совещаниях «Малой пятерки». Благодаря своей высокой компетентности и прочному авторитету в военно-политических вопросах он успешно справлялся с этой задачей.

В Министерстве обороны личные разногласия, наверное, тоже имелись, но главные проблемы (в связи с переговорами по стратегическим вооружениям) возникали между родами войск. Вообще-то говоря, в Генштабе существовало управление, основной функцией которого было участие в разработке позиций по вопросам ограничения и сокращения вооружений, – Договорно-правовое управление. В нем работали прекрасные специалисты – ракетчики, летчики, моряки, приобретавшие со временем опыт участия в международных переговорах. Но в межведомственных совещаниях обычно участвовали и представители родов войск, которых затрагивали возможные ограничения или сокращения. И порой было заметно их стремление *перетянуть одеяло на себя*. Каждый участник «стратегической триады» (ракетчики, подводники и летчики) стремился обеспечить для себя минимум неудобств в виде различных ограничений.

То же самое происходило и в оборонной промышленности – между конкурирующими министерствами и КБ. Особо острые конфликты возникали между Министерством общего машиностроения и Министерством оборонной промышленности, поскольку предприятия обоих министерств производили различные типы баллистических ракет стратегического назначения. Из споров между представителями оборонных министерств было видно, насколько нерационально и неэкономно создавались наши стратегические системы. Достаточно сказать, что на момент подписания договора по СНВ США имели на вооружении по три типа МБР и БРПЛ. У нас же было семь типов межконтинентальных баллистических ракет и шесть типов баллистических ракет на подводных лодках.

Обычно между конкурирующими фирмами устраивались конкурсы на лучшее *изделие*. Но при Л.И. Брежневем, как об этом, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях Сергей Хрущев³, занимавший руководящее положение в одной из ракетных

³ См.: Хрущев С.Н. Рождение сверхдержавы. Книга об отце. Время, 2003. 672 с.; Хрущев С.Н. Трилогия об отце: В 3 т. Время, 2010. – Прим. ред.

фирм, часто в производство запускался не только победитель конкурса, но и его соперник. Можно предположить, что делалось это ради поддержания занятости всех фирм, работавших на оборону. Во всяком случае, средства выбрасывались колоссальные. Но сказывалось ли это адекватно на укреплении обороноспособности?

Такое же объяснение можно дать и другому столь же иррациональному и дорогостоящему явлению. Дело в том, что в Советском Союзе количество ядерных ракет, пришедших на одну пусковую установку, во много раз превышало действительную потребность. Теоретически каждая пусковая установка – и шахтная и мобильная – может произвести несколько пусков. Однако для подготовки каждого следующего пуска требуется не менее двенадцати часов для ППУ и не менее четырех часов для мобильной. Значительно больше требуется времени для перезарядки пусковой установки на подлодках, что возможно лишь в условиях специально оборудованного дока. Трудно представить себе сценарий затяжной ядерной войны. Ну сколько ракет успеет выпустить даже самая «скорострельная» – мобильная ПУ? А даже для пусковой установки на подлодках ракеты выпускались, по выражению Н.С. Хрущева, «как сосиски». И делалось это, чтобы не останавливалось производство, хотя военной необходимости для этого не было.

Вспоминается такой случай, всплывший на одном из заседаний «пятерки».

Готовилась новая стратегическая ракета. Основным ее изготовителем должен был стать завод, входивший в систему МОП. Однако *на кусок пирога* претендовало и МОМ, которое хотело, чтобы один из его заводов занялся изготовлением одной ступени этой ракеты. В этом случае эта ступень переправлялась бы в другой город – за две тысячи километров, где она и две другие ступени, производившиеся на том предприятии, собирались бы в ракету. И специалистам и неспециалистам было ясно, что гораздо проще и дешевле производить всю ракету в одном месте, где для этого имелись все необходимые условия. Но представители Министерства общего машиностроения возражали: «Если мы не получим этот заказ, чем мы будем платить зарплату своим рабочим?».

С точки зрения осуществления готовившегося в то время договора по СНВ не имело значения, как организовано производст-

во той ракеты – на одном предприятии или на двух. Этот вопрос возник в связи с тем, чтобы в договоре был учтен либо тот, либо другой вариант для определения того, как контролировалось бы производство ракеты. Однако тяжба эта показала сложность тех проблем, которые парализовали нашу промышленность, в том числе оборонную.

В ходе возникавших на «пятерках» спорах часто обнажалось извечное противоречие между Министерством обороны и Министерством оборонной промышленности: кто главный – заказчик или производитель?

– Мы лучше знаем, что нам нужно для обеспечения обороноспособности страны – таково кредо военных.

А промышленность отвечает:

– Мы лучше знаем, что можем вам дать из того, что вам нужно.

Думаю, что этот вопрос должен решаться ни теми и ни другими. Это, конечно, прерогатива высшей государственной власти, которая обеспечивает обороноспособность государства с учетом многих факторов: и технических, и экономических, и социальных, и внешнеполитических.

Официальной целью в стратегической сфере было обеспечение паритета с США. Причем первоначально паритет понимался в буквальном смысле, без учета ядерного фактора, как арифметическое равенство. Средства на военные цели отпускались щедрой рукой, за счет удовлетворения потребностей населения. «Мы за цену не постоим» – эти слова из советской песни того периода точно отражали существовавший в период холодной войны подход к проблемам обороны.

В результате оборонная промышленность стала особым, привилегированным миром. Более высокие, чем в других отраслях, оклады, премии, социально-бытовые преимущества, наконец, престижность – все это привлекало в нее лучшие научно-технические кадры, создавало советскую техническую аристократию. «Работать в ящике», т.е. на предприятии, имеющем вместо названия номер почтового ящика, значило принадлежать к элитарному слою советского общества, уступавшему разве что партийной элите.

В 1990-е гг., когда Россия приступила к радикальному – и непродуманному – реформированию своей экономики, оборон-

ные отрасли пострадали больше всего, а работавшие там люди тяжелее всего ощутили на себе удары судьбы – и материально и морально. Разорение многих оборонных предприятий крайне отрицательно сказалось и в целом на российской промышленности, так как на них были сосредоточены высокие технологии двойного применения. Кроме того, в отдельных *ширпотребных* цехах военных предприятий выпускались товары мирного назначения – телевизоры, радиоприемники, холодильники и т.д., которые по качеству были на порядок выше своих собратьев, производимых на обычных, *нenoмepных* предприятиях.

Понятно, что сокращение военного производства затронуло интересы миллионов людей сверху донизу. Поэтому наибольшие трудности в ходе переговоров возникали со стороны оборонной промышленности. Военные же, видимо после того, как были приняты решения об изменении структуры стратегических сил с учетом предстоящих сокращений, стали вести себя в целом более кооперативно.

Накал страстей на межведомственных совещаниях бывал настолько высок, что они порой превращались в ожесточенные перепалки, доходившие иной раз и до угроз. Обвинения в «предательстве интересов Родины» не были редкостью на таких мероприятиях. Люди попроще, разгорячившись, бросали в лицо оппоненту и такие увесистые *аргументы*, что, мол, в добрые старые времена за такие взгляды ставили к стенке и правильно делали. К концу совещания, однако, выкричавшись и охрипнув, его участники все-таки осознавали, что нужно договариваться. В таких случаях обычно создавалась «узкая рабочая группа», которая должна была подготовить проект указаний или иного какого документа «с учетом обмена мнениями». Дальше очень многое зависело от умения участников группы находить взаимоприемлемые формулировки. Действительно же принципиальные разногласия выносились на более высокий уровень.

Должен, однако, отметить, что и среди военных, и среди представителей оборонной промышленности было достаточно много здравых, уравновешенных, *по-государственному* мыслящих людей, которые в конечном счете выводили на действительно сбалансированные решения. Такую роль играл, например, генерал армии В.И. Варенников, который в качестве первого заместителя

теля начальника Генштаба руководил «Малой пятеркой» в конце 1980-х гг. Всегда с глубоко взвешенных и продуманных позиций выступал представитель Военно-промышленной комиссии Совмина СССР Н.Н. Дитинов. Очень конструктивную роль играл представитель оборонного отдела Секретариата ЦК КПСС В.Л. Катаев, до работы в ЦК много лет проработавший на крупнейшем заводе – производителе ракет. В оборонном отделе работали, как правило, квалифицированные технократы, переведенные в свое время в Секретариат ЦК из оборонной промышленности и хорошо знавшие обсуждаемые вопросы. В тот период представители Секретариата ЦК, особенно оборонного отдела, помогали находить оптимальные решения.

До того как министр иностранных дел, министр обороны и председатель КГБ стали членами Политбюро, бывали случаи, хотя и не частые, когда вносимые документы возвращались на доработку или корректировались членами Политбюро. После того как эти три руководителя вошли в Политбюро, таких случаев я не упомню. Когда эта тройца договаривалась между собой, обговорив решение вопроса с генсеком (обычно в неофициальном порядке, скажем, на охоте), ни у кого из членов Политбюро не возникало желания идти против. Правда, на моей памяти был один случай, когда на решение Политбюро были вынесены два мнения – МИДа и Минобороны. Чтобы под запиской смогли появиться пять подписей, она проходила несколько этапов согласования.

С 1986 г., когда переговоры по сокращению вооружений активизировались, «пятерка» стала по-настоящему эффективным механизмом, способным всесторонне и глубоко прорабатывать подготавливавшиеся решения. Благодаря этому механизму в Политбюро вносились документы, пропущенные через несколько сит межведомственного согласования.

Впоследствии, когда после распада Советского Союза механизм выработки общегосударственной политики был разрушен и российское государство превратилось в конгломерат «суверенных» не только регионов, но и министерств, старые аппаратчики, просидевшие многие сотни и тысячи часов в сигаретном чаду на межведомственных совещаниях, с ностальгией вспоминали, что, несмотря на все шероховатости, дело все-таки делалось – для государственного корабля прокладывался единый

курс, и штурвал направлял его в осознанном, обычно оптимальном направлении.

С появлением Совета Безопасности Российской Федерации возникла основа для воссоздания механизма координированного решения военно-политических вопросов. Однако реализована эта возможность, по крайней мере в 1992–1995 гг., когда я работал в аппарате Совета, не была. Одно время роль координатора пытался взять на себя МИД. Формально такие функции ему предоставлялись президентом. Но думаю, что МИД не может быть в военно-политических вопросах координатором по определению: функции Министерства иностранных дел связаны с отношениями с внешним миром, в то время как решение военно-политических вопросов зависит в первую очередь от внутренних экономических и технологических возможностей.

Как было показано выше, межведомственный механизм для решения военно-политических вопросов возник и развился в связи и благодаря переговорам по сокращению вооружений. Сами переговоры и этот механизм вовлекали в процесс подготовки решений все более широкий круг специалистов из различных звеньев государственного аппарата, в том числе невоенных. Более того, к процессу стали привлекаться ученые, причем не только из технических, но и гуманитарных сфер. В ряде институтов⁴ возникли центры, специализировавшиеся на военно-технических проблемах и вопросах сокращения вооружений. Благодаря переговорам по сокращению вооружений, прежде всего ядерных, постепенно стали публиковаться сведения, которые давали какое-то представление о Вооруженных силах Советского Союза (в США аналогичные данные об американских вооруженных силах, но в значительно большем объеме, публиковались независимо от переговоров).

Конечно, секретность во многих вопросах, связанных с безопасностью государства, – вещь неизбежная и необходимая, но порой она доходила до нелепостей. Так, к подписанному в 1979 г. Договору ОСВ-II был приложен меморандум, в котором были названы количества различных видов стратегических вооруже-

⁴ Например, Институт США и Канады Академии наук (ИСК АН), Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Московский инженерно-физический институт (МИФИ) и т.д.

ний каждой из сторон. Наши данные, которые составляли государственную и военную тайну, были переданы американцам по специальному решению Политбюро (аналогичные данные о своих стратегических вооружениях американцы передали нам). Договор со всеми приложениями, включая меморандум, был опубликован в США. В СССР был опубликован текст договора, а меморандум оставался секретным. Когда на Генеральной Ассамблее ООН возник вопрос об издании договора со всеми приложениями в качестве документа ООН, было запрошено на это согласие СССР и США. У США, естественно, никаких возражений не возникло, а Москва разрешила опубликовать лишь текст договора, без меморандума. В результате на английском языке были опубликованы все документы, а на русском – только текст договора. По правилам ООН все английские тексты были переведены на все официальные языки ООН, включая русский. Таким образом, «секретный» (с точки зрения советской бюрократии) меморандум все-таки появился и на русском языке, но как перевод с английского, а не в качестве оригинала.

К сожалению, это был далеко не единственный случай абсурдности существовавшей тогда *секретомании*. Естественно, что полное отсутствие в открытых советских источниках каких бы то ни было данных, относящихся к военно-политической сфере, делало практически невозможным появление гражданской экспертизы в этой области. Постепенно, однако, переговоры по ограничению вооружений и осуществление уже заключенных соглашений в этой области, в частности Договора о нераспространении ядерного оружия, пробивали завесу абсолютной секретности и вовлекали все больше гражданских экспертов в сферу подготовки решений по военно-политическим вопросам.

Эти переговоры имели и еще одно важное положительное последствие. Советские руководители постепенно учились решать вопросы, связанные с оборонным потенциалом государства, более взвешенно и сбалансированно, увязывая интересы безопасности с экономическими возможностями страны. Напутствуя делегацию в Хельсинки на первый раунд переговоров по ограничению стратегических вооружений в ноябре 1969 г., Брежнев, по воспоминаниям ветеранов этой делегации, сказал: «Главная ваша задача – не допустить заключения соглашения, которое ог-

раничило бы наши стратегические вооружения». Однако через два с половиной года именно такое соглашение (точнее, соглашение⁵) и было подписано советским и американским руководством. Очевидно, что в ходе тщательной проработки стали ясны вопреки первоначальным скептическим настроениям советских лидеров преимущества ограничений и возможности осуществить их без ущерба для безопасности страны.

К сожалению, однако, приобретаемый опыт не исключал и трагических ошибок, когда важнейшие военно-политические вопросы решались без их тщательной и объективной экспертной проработки. По всей видимости, решение о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. было принято без такой проработки, по крайней мере на межведомственном уровне. Как свидетельствует Г.М. Корниенко, первоначально это роковое решение было принято во второй половине дня 12 декабря 1979 г. узкой группой – Брежневым, Суловым⁶, Андроповым⁷, Устиновым⁸ и Громыко – и лишь потом оформлено опросным порядком как решение Политбюро, причем подпись Косыгина отсутствовала. Корниенко пишет далее: «Начальник Генштаба Огарков просидел часа два в соседней комнате, его мнением не поинтересовались. Выйдя из комнаты, где шло обсуждение, Устинов сказал ему: «Решение принято. Поехали в Генштаб отдавать команды». Об этом мне рассказывал сам Огарков»⁹.

Принятие этого решения не отличалось, в сущности, от того, как было принято в свое время решение о размещении ракетно-ядерного оружия на Кубе. Как-то в 1962 г. Хрущев, прогуливаясь во время отдыха с министром обороны Р.Я. Малиновским по берегу Черного моря во время отдыха в Болгарии, будто бы сказал примерно следующее: «Вот мы с вами гуляем, а на нас нацелены американские ракеты из Турции. А почему бы нам

⁵ Напомню, что результатом переговоров по ОСВ-I (1969–1972) стало подписание в мае 1972 г. в Москве Договора по ПРО и Договора ОСВ-I.

⁶ Михаил Андреевич Сулов (1902–1982) – секретарь ЦК КПСС в 1947–1982 гг. – *Прим. ред.*

⁷ Юрий Владимирович Андропов (1914–1980) – председатель КГБ СССР в 1967–1982 гг. – *Прим. ред.*

⁸ Дмитрий Федорович Устинов (1908–1984) – министр обороны СССР в 1976–1984 гг. – *Прим. ред.*

⁹ Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. С. 244.

не разместить наши ракеты на Кубе?» Так было положено начало крупнейшей авантюре, которая могла закончиться всемирной катастрофой.

Из многих воспоминаний известно, что Хрущеву вообще было свойственно, особенно в последние годы его пребывания у власти, пренебрежительное отношение к экспертным знаниям и к мнениям людей, которые располагали такими знаниями и имели свое мнение. Обвинения его в волюнтаризме были, по всей видимости, небеспочвенны. И в случае с размещением ракет на Кубе Хрущев двинул свой проект, не взвесив и не проработав всех возможных последствий. Конечно, помимо особенностей характера Хрущева, сыграли свою роль и соображения об ограничении в интересах соблюдения секретности круга лиц, осведомленных о проекте. Но факт остается фактом – не было и отлаженного механизма для проработки решений по военно-политическим вопросам.

На всех этапах переговоров по военно-политическим вопросам МИДовцев посвящали далеко не во все дела. Подход к нам был такой: задача МИДа – озвучивать за столом переговоров утвержденные позиции и добиваться их принятия, а что кроется за этими позициями, дипломатам лучше не знать.

По свидетельству многолетнего участника переговоров Н.Н. Дитинова, первый глава советской делегации на переговорах по ограничению стратегических вооружений, заместитель министра иностранных дел В.С. Семенов считал себя «мостом между советскими военными и американской делегацией» и видел свою роль в том, чтобы представлять в соответствующей форме советскую позицию, определяемую советскими военными, американцам¹⁰.

Иногда, прибыв в назначенное время на совещание, мы – представители МИДа – обнаруживали, что в кабинете уже полно народу, а судя по густоте табачного дыма, люди собрались не пять минут назад, а значительно раньше. Это военные и «оборонщики» до начала официального совещания заранее готовили общую платформу, обсуждали свои секреты, которые МИДовцам знать не положено.

¹⁰ *Savel'ev A.G., Detinov N.N. The Big Five: Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Praeger. 1995. P. 39.*

В дальнейшем, по мере того как в ходе переговоров и подготовки к ним МИДовцы, а впоследствии и исследователи в академических институтах набирались военно-технической информации, определение позиций на переговорах все более переставало быть монополией военных.

Внутренняя дипломатия, составлявшая подводную часть переговорного айсберга, естественно, накладывала свой отпечаток и на жизнь в делегации. В делегации были представлены МИД, Министерство обороны (главным образом Генштаб), военная промышленность (Военно-промышленная комиссия, МОП, МОМ) и КГБ. Вся делегация утверждалась в весьма большом составе – до сотни человек (включая технический состав), хотя не все они одновременно участвовали в каждом раунде: часть экспертов приглашалась по мере необходимости, когда возникали вопросы, требовавшие соответствующей экспертизы.

Однако нужно пояснить структуру делегации. Она состояла из членов делегации, советников, экспертов и технического состава (машинистки, водители, повар, завхоз и т.д.). Членов делегации, помимо ее главы, было пятеро – два МИДовских посла (Л.А. Мастерков и Ю.И. Кузнецов), представитель Минобороны (В.С. Колтунов – полковник, потом генерал-майор), представитель оборонной промышленности (Н.Н. Детинов, генерал-лейтенант). Был также и представитель КГБ. Советники назначались от всех упомянутых ведомств (МИДовские и военные советники вели переговоры в рабочих группах, упомянутых выше). Состав экспертов формировался в основном из специалистов различных родов войск и оборонных министерств и конструкторских бюро.

Большие трудности возникали из-за того, что военные составляли как бы *делегацию в делегации*. Все они неукоснительно соблюдали свою собственную иерархию и подчинялись своему старшему – одному из заместителей начальника Договорно-правового управления Генштаба, назначенного членом делегации. В результате такой системы указания руководителя делегации выполнялись военными только с санкции их старшего.

Еще до моего прихода в делегацию такая система «двойного сапога» привела к конфликтной ситуации. Этому в немалой степени способствовали личностные качества генерала, который был тогда старшим в группе военных. За время перерыва, в ходе которого состоялось мое назначение, он ушел на пенсию и его

место занял В.С. Колтунов, человек совершенно иного склада. Он, естественно, придерживался той же системы, установленной руководством Генштаба, однако действовал достаточно деликатно и кооперативно. В результате до поры до времени проблем не возникало. В дальнейшем, однако, по мере того как переговоры набирали *предфинишные темпы*, система военного единоначалия стала создавать заторы.

Телеграммы, которые отправлялись в Москву с оценками и предложениями, подписывались, помимо руководителя делегации, другими членами делегации. Такой порядок был оправдан, так как позволял уже на стадии подготовки позиций в делегации проводить первичное межведомственное согласование. Единолично я отправлял телеграммы либо чисто информационные, не содержавшие предложений, либо адресованные лично министру иностранных дел.

Но помимо подготовки телеграмм, было огромное количество работы, связанной с осуществлением уже имевшихся у нас позиций (подготовка так называемых рабочих документов, в которых оформлялись различные предложения с изложением аргументации, проектов выступлений в рабочих группах и т.д.). Все эти материалы утверждались руководителем делегации. Конечно, моя задача упрощалась, когда я видел на бумаге визу В.С. Колтунова. Это была гарантия того, что документ подготовлен доброкачественно.

Однако все чаще и чаще личное участие в нескольких рабочих группах, инструктирование своих военных коллег и другие заботы сужали пропускную способность В.С. Колтунова при всей его исключительной работоспособности и добросовестности. По-моему, он спал всего по нескольку часов в сутки, проводя остальное время только на работе – или за столом переговоров, или в своем душном кабинете с крайне скудной вентиляцией (в соответствии с требованиями безопасности окна в наших рабочих помещениях, хотя они выходили во внутренний дворик, не открывались, и приходилось довольствоваться централизованной системой кондиционирования, которая работала с 9:00 до 22:00 часов, несмотря на то что наш рабочий день часто затягивался далеко за полночь).

Мне не оставалось ничего иного, как отдавать указания тому или иному военному советнику или эксперту, минуя В.С. Колту-

нова. Но и это не ускоряло работу, так как военные не исполняли моих указаний, не доложив их своему старшему и не получив его санкции. Конечно, исключительной удачей было то, что на этом посту при мне был именно этот человек – разумный, скромный, выдержанный, высококомпетентный, работоспособный, высокопорядочный. Ни разу у нас не возникло не только ни одного конфликта, но и малейшей шероховатости. Думаю, что в этой непростой ситуации сильно выручало то, что у нас было прочное взаимное доверие.

Свои сложности были и внутри военной части делегации. Ее костяк составляли сотрудники ДПУ Генштаба, которое было в свое время создано с целью обеспечения международных связей Генштаба. В составе этого управления были, как правило, выходцы из оперативных подразделений Генштаба, которые, как бы квалифицированы они ни были, находясь в отрыве от каждодневной оперативной работы, постепенно утрачивали свою прежнюю квалификацию. Поэтому для участия в делегации необходимы были специалисты, непосредственно связанные с военной конкретикой. Тем не менее ДПУ старалось держать военных экспертов из других подразделений на вторых и третьих ролях, по возможности не допуская их к собственно переговорному процессу, а лишь пользуясь их экспертными знаниями.

Первое время я пытался изменить этот порядок, включая в делегацию вопреки воле руководства ДПУ экспертов из оперативных подразделений, которых я лично знал не только как хороших специалистов, но и как авторитетных людей, умеющих отстаивать свою точку зрения. Однако каждый раз появление в делегации такого независимого эксперта приводило к сложнейшим интригам с целью *съесть* чужака, добиться его удаления из делегации. И для этого никакими средствами не брезговали. К сожалению, цель, как правило, достигалась.

Примерно то же самое происходило и по отношению к включавшимся в делегацию экспертам из научного мира. Некоторое время в делегации работал по моему приглашению молодой ученый, известный специалист по вопросам разоружения Алексей Георгиевич Арбатов¹¹. *Съесть* его традиционными методами

¹¹ Ныне директор Центра международной безопасности ИМЭМО имени Е.М. Примакова, академик РАН. – *Прим. ред.*

было трудно: понимая всю сложность своего положения, держался он предельно осторожно. Но к нему была применена *информационная блокада*: под предлогом сохранения военных тайн его в значительной степени изолировали от рабочих совещаний с участием военных специалистов.

Я не раз прибегал к помощи А.Г. Арбатова, у которого были свои взгляды на многие проблемы, возникавшие на переговорах. Я далеко не всегда с ними соглашался, но считал полезным рассмотрение различных точек зрения для нахождения оптимального варианта. Попробовал как-то пригласить на совещание с его участием несколько военных экспертов. Но они либо хранили молчание, либо отделивались какими-то общими словами.

Эксперты от военной промышленности представляли различные ведомства – ВПК, МОП, МОМ и т.д. Каждый из них защищал интересы своего ведомства. Часто эти интересы вступали в конфликт как друг с другом, так и с общегосударственными интересами.

Секретариат ЦК КПСС не был представлен в делегации. Однако на встречах на уровне заместителей министров и министров в нашу группу обычно входил представитель оборонного отдела Секретариата Виталий Леонидович Катаев (впоследствии, когда Зайков был назначен председателем Комиссии Политбюро по переговорам о сокращении вооружений, Катаев стал в Комиссии его правой рукой). До ЦК он долгое время работал в оборонной промышленности и прекрасно знал техническую сторону дела. Он вносил неопенимый вклад и в разработку наших позиций на переговорах, и в согласование этих позиций между ведомствами. А личные беседы с ним очень помогали мне лучше ориентироваться в технических джунглях.

Диверсификация внешней политики при Трюдо, или Случай за обедом

Моя жена Светлана, которая еще не была тогда моей женой и даже не знала, что я существую на этом свете (в этом отношении мы тогда находились в равном положении), окончивая МГИМО, написала диплом на тему «Диверсификация внешней политики Канады при Трюдо». Одновременно вышла замуж за своего однокурсника. А потом развелась и вышла замуж за меня. Так бывает.

И вот однажды, когда я уже работал в Женеве, мы со Светланой были приглашены на обед нашими швейцарскими знакомыми. В то время – 1980-е гг. – был большой интерес к Советскому Союзу, а я был тогда послом и вел важные, как тогда считалось, переговоры.

На этом обеде среди прочих гостей был Пьер Эллиотт Трюдо. Конечно, он тогда уже не был премьер-министром Канады, а занимался какими-то частными делами и по поводу этих дел оказался в Женеве. Так получилось, что на этом обеде место для Светланы оказалось рядом с Трюдо. Нет, хозяйева, конечно, не знали, что она писала диплом про Трюдо, а просто отвели ей это место в соответствии с «протокольной рассадкой».

Обед тот не был официальным. Я, как и мой тогдашний американский партнер по переговорам Ричард Берт, был приглашен для того, чтобы поведать собравшимся, как идут переговоры и что можно от них ожидать. Но и Трюдо не был, конечно, последним по значимости из гостей. В свою бытность премьером (1968–1979) он был ярким явлением на международном небосклоне. Да и в отставке он оставался *политическим тяжеловесом*. И Берта и меня не раз приглашали на различные обеды и ланчи *большие люди*, чтобы услышать в неофициальной обстановке из первых уст, что происходит за занавесом *конфиденциальнейших* переговоров, которые мы вели.

У нас выработалась определенная этика выдачи информации. На встречах с прессой – совместных и индивидуальных пресс-конференциях и интервью – модель была хорошо отработана: «Все хорошо, прекрасная маркиза»¹, мир может быть спокоен. Но частные обеды с *большими людьми* для того и устраивались, чтобы услышать что-то помимо обкатанных формул. В этих случаях приходилось учитывать и политический уровень собеседников, и их личную добросовестность (в смысле того, что они не передадут в печать услышанную информацию), и уровень личных отношений с ними, и, главное, целесообразность информирования их. Поэтому какие-то *оживляжки* приходилось выдавать.

Обед, о котором идет речь, был именно такого рода. Однако довольно скоро, после каких-то вопросов-ответов на тему советско-американских стратегических отношений, центр внимания застолья переместился на Канаду. Началось все с того, что Светлана поведала своему соседу, т.е. Трюдо, что она в свое время написала диплом о нем, вернее о его внешней политике. Это сообщение необычайно тронуло и возбудило бывшего премьера Канады. Ну как же: за многие тысячи километров от Оттавы, в краю косолапых медведей и пьяных мужиков, прелестная студентка МГИМО пишет диплом о диверсификации внешней политики Канады при Трюдо! Просто упасть и не встать!

Ностальгические воспоминания распалили бывшего *диверсификатора*. Диалог превратился в монолог, а потом и в общую дискуссию о роли Канады в мировых делах, о той роли, которую она могла бы сыграть, если бы не... И т.д. и т.п.

Берт подмигнул мне, мы чокнулись и воздали должное вырезке годовалого оленя (венизон) под соусом из трюфелей, которую как раз начали подавать.

¹ Слова из юмористической песенки в исполнении советского эстрадного артиста Леонида Осиповича Утесова (1895–1982). Ее текст был подготовлен советским поэтом Александром Ильичом Безыменским (1898–1973) на основе перевода французской шуточной песни Поля Мизраки по мотивам скетча «Tout va tres bien, Madame la Marquise». Как правило, это фраза означает то, что хотят скрыть или выставить в ином свете. – *Прим. ред.*

На финишной прямой

По мере того как переговоры продвигались к завершению, а Советский Союз – к своей кончине, на политическом горизонте все больше сгушались темные тучи, что вызывало серьезные сомнения в возможности заключения договора по СНВ.

В Женеву все явственнее доносились отзвуки обострявшейся борьбы в высшем политическом руководстве СССР. Все сильнее и заметнее стали импульсы тех сил, которые усиливали свою оппозицию к М.С. Горбачеву и стремились не допустить заключения договора. Препятствия возрастали день ото дня. В то же время официально главная задача – скорейшее заключение договора – оставалась в силе.

До тех пор пока председатель КГБ В.А. Крючков был в числе сторонников М.С. Горбачева, представители Комитета демонстрировали максимальную лояльность. Я неоднократно слышал от них, что их главная задача – способствовать скорейшему заключению договора. Не могу сказать, что они сильно помогали. Представители этого ведомства в делегации не обладали достаточными экспертными знаниями, чтобы вносить свой вклад за переговорным столом. Но по крайней мере до поры до времени они не мешали. Обстановка стала меняться, когда председатель КГБ стал рулить в сторону от М.С. Горбачева. Соответственно представители этого ведомства в Женеве сменили свою улыбчивость на недоброжелательную подозрительность.

Я стал ощущать, что встречи *в узком составе* с руководителем американской делегации привлекают к себе внимание, причем явно неблагоприятное для меня. Я стал расширять состав встреч за чашкой кофе. Кроме того, располагался за одним и тем же столом, чтобы не создавать дополнительных технических сложностей нашим спецслужбам, если они установят подслушивание. Отказ же от таких встреч грозил затянуть переговоры, так как они играли роль дирижера. Стоило по тем

или иным причинам пропустить две-три встречи, и на переговорах начинались сбои.

Конечно, работать стало значительно труднее. Но по-настоящему гром грянул в конце декабря 1990 г., когда Э.А. Шеварднадзе в драматической форме заявил об уходе в отставку с поста министра иностранных дел. Об этом много в свое время писали, анализировали мотивы отставки и ее последствия. Расскажу о том, как я воспринял отставку Э.А. Шеварднадзе и как она сказалась на переговорах.

Вечером 19 декабря в Женеву пришла телеграмма, вызывавшая меня в Москву «для участия в подготовке позиций». Вызов был очень некстати, так как раунд завершался и я все равно через несколько дней прибыл бы в Москву; дел было невпроворот, а ругинная формулировка вызова не проливала никакого света на то, почему я должен бросить делегацию в горячие дни завершения раунда. На следующий день я позвонил заместителю министра Карпову и, объяснив ситуацию, спросил, нельзя ли несколько дней, до перерыва, обойтись без меня. На что мне было сказано, что вызывают меня по личному указанию министра и что лучше бы мне не задавать дурацких вопросов, а скорее ехать в аэропорт. На следующий день я вылетел.

Первое, что я услышал от водителя, взявшего меня из Шереметьева, – об отставке Э.А. Шеварднадзе. А дома по программе «Время» я смог увидеть кадры его выступления 20 декабря на сессии съезда народных депутатов с заявлением об отставке и предупреждением о готовящемся сторонниками «жесткой» линии перевороте.

Впоследствии я узнал, что сразу после выступления Э.А. Шеварднадзе М.С. Горбачев созвал человек шесть близких ему людей и стал советоваться, что делать. На вопрос одного из них, знал ли он о намерениях Шеварднадзе, Горбачев ответил, что о его настроениях уйти он знал, но что тем не менее выступление Шеварднадзе 20 декабря было для него неожиданным.

Я так и не знаю, зачем был вызван в Москву. Возможно, Э.А. Шеварднадзе, готовясь к выступлению на сессии, но не с заявлением об отставке, а по внешнеполитическим проблемам, захотел узнать из первых рук о положении на переговорах, об их перспективах, о препятствиях на пути к заключению договора. Об этом остается только гадать.

С февраля 1991 г. в Женеву из Москвы стала наведываться так называемая «группа высокого уровня» во главе с заместителем министра иностранных дел (в ней были также представлены Секретариат ЦК КПСС, Министерство обороны и ВПК). Впрочем, главным действующим лицом был в ней представитель Генштаба генерал-лейтенант Ф.И. Ладыгин, за которым всегда было последнее слово. Это бросалось в глаза и американцам, о чем свидетельствуют Майкл Бешлосс и Струоб Тэлбот в книге «На самом высоком уровне. Закулисная история окончания холодной войны»¹. Говоря о встрече советской и американской групп на уровне заместителей министров (советская группа возглавлялась А.А. Обуховым, а американская – Р. Бартоломью) в Женеве 26 июня 1991 г., они пишут: «Американцы были снова поражены тем, как мало было свободы у советских дипломатов для переговоров. Обухова сопровождал генерал-лейтенант Федор Ладыгин, глава Договорно-правового управления советского Генштаба, который, и это бросалось в глаза, обладал правом сказать *последнее слово* по поводу любых уступок, которые предстояло сделать»².

Конечно, и у американской стороны были свои сложности. На переговорах они проявлялись в том, что все чаще договоренности, которые достигались в Женеве, дезавуировались американской стороной и соответственно тщательно составлявшиеся «пакеты» рассыпались. Впоследствии в упоминавшейся выше книге М. Бешлосса и С. Тэлбота я прочитал: «В Женеве Ричард Берт, глава делегации США на переговорах по СНВ, пребывал в полной растерянности. Он направлял администрации одно предложение за другим относительно того, как решить застопорившиеся вопросы. Он достигал предварительных договоренностей со своим советским коллегой Юрием Назаркиным, и все это отклонялось Вашингтоном – часто по личному распоряжению Скоукрофта»³⁴.

¹ Beschloss M., Talbott S. At the Highest Levels. The Inside Story of the End of the Cold War. Little Brown & Co. 1993. 536 p.

² Ibid. P. 403.

³ Brent Scowcroft (1925–2020) – генерал-лейтенант ВВС США, советник президента США по национальной безопасности при Дж. Форде (1975–1977) и при Дж. Буше-старшем (1989–1993). – *Прим. ред.*

⁴ Beschloss M., Talbott S. At the Highest Levels... P. 373.

Надо сказать, Р. Берт был весьма изобретателен в составлении компромиссных «пакетов». Но по мере того как они отклонялись, у него все чаще портилось настроение, и он впадал в пессимизм. У Берта уже давно было предложение уйти в частный бизнес (речь шла о его участии в крупной консалтинговой фирме), но он откладывал свой переход, рассчитывая на скорое завершение переговоров. Но вот наконец он, по-видимому, не видя реальных перспектив заключения договора и опасаясь упустить заманчивое предложение, принял решение покинуть администрацию, устроил прощальный прием и где-то в марте 1991 г. уехал. Вместо него главой делегации был назначен его заместитель Линтон Брукс.

Симпатичный, очень симпатичный человек. И очень знающий. В прошлом он был капитаном ядерной подлодки. Ушел с флота, как он с юмором говорил, после того как растолстел и перестал пролезать в люк подлодки. Вообще с юмором у него было все в порядке. Помню, как на одном из заседаний он очень сильно закашлялся. Настолько сильно, что, казалось, он сейчас задохнется. Хотели послать за врачом. Улучив небольшую паузу между приступами кашля, Брукс просипел: «В случае моей смерти переговоры продолжит мой заместитель миссис Оффаллон».

С Бруксом нам и предстояло вытаскивать договор, который висел буквально на волоске. И в Москве, и в Вашингтоне были силы, которые старались пустить его под откос. Наиболее крупные вопросы были решены, но подписанию договора препятствовало отсутствие договоренностей по нескольким вопросам, которые нельзя было решить без участия начальников генеральных штабов.

Наиболее крупным из нерешенных вопросов было так называемое «снижение количества боезарядов». Суть проблемы заключалась в том, что обе стороны были заинтересованы в получении права на понижение засчитываемого числа боезарядов на своих МБР и БРПЛ, но никак не могли договориться об условиях такого понижения. Эти условия важны были с точки зрения «возвратного потенциала». Иными словами, в случае разрыва договора ни одна сторона не должна была иметь преимущество, если пожелала бы восстановить пониженное число боезарядов и тем самым увеличить свой ядерный потен-

циал. А поскольку у каждой стороны были свои планы снижения числа боезарядов как на МБР, так и на БРПЛ некоторых типов, а наши и американские ракеты, естественно, имели свои технические особенности, все это предстояло взвесить на высокоточных весах. Роль таких весов должны были сыграть переговоры тех лиц с каждой стороны, которые не только знали все нюансы своих вооруженных сил, но и имели право принимать решения в отношении этих сил. Такими лицами были начальники генеральных штабов.

Другим нерешенным вопросом оставалось определение нового типа баллистической ракеты. Он был связан с проблемой снижения количества боезарядов, поскольку стороны не имели права зачислять за МБР нового типа количество боезарядов, превышающее наименьшее количество боезарядов, которое числится за любой МБР, за которой данная сторона зачислила уменьшенное количество боезарядов. Аналогичное правило было установлено и в отношении БРПЛ.

Все существовавшие на момент подписания договора типы баллистических ракет были перечислены с указанием их технических характеристик в приложенном к договору меморандуме. Но где грань между модернизацией существующего типа и новым типом? Трудности определения этого были связаны с тем, что каждая сторона имела свои планы в отношении создания новых типов баллистических ракет и не хотела, чтобы определение новых типов ущемляло ее интересы.

Были и еще нерешенные вопросы, относящиеся к тяжелым бомбардировщикам и крылатым ракетам воздушного базирования, доступу к телеметрической информации, сбрасываемой с ракет во время испытательных пусков, и некоторые другие.

Для достижения договоренностей по всем этим нерешенным вопросам советская сторона предложила провести встречу министров иностранных дел и начальников генштабов, но председатель американского Объединенного комитета начальников штабов Колин Пауэлл, сославшись на занятость в связи с операцией «Буря в пустыне» в Ираке (1991), направил на встречу своего заместителя. Ввиду этого М.А. Моисеев, который был в то время начальником советского Генштаба, не поехал на встречу и направил на нее своего заместителя Омеличева. Встреча окончилась безрезультатно: за исключением нескольких мелочей,

ни один вопрос решен не был, полномочия замов оказались недостаточными.

4 июля 1991 г. американцы давали прием по случаю Дня независимости, одного из главных национальных праздников. Дело было днем. В тенистом саду, где находилась резиденция американского посла-представителя при Женевском отделении ООН, играл оркестр морской пехоты, маршировали задорные голоногие мажоретки, выделявая различные кунштюки с жезлами. Рекой лилась кока-кола, которой многочисленные гости запивали хот-доги и другие незатейливые американские яства.

Увидев Брукса, я предложил ему отойти в сторону, сказав, что у меня есть серьезный разговор. Изложил я ему примерно следующее:

– Для того чтобы завершить согласование договора, нужно решить несколько чисто военных вопросов, а это могут сделать только начальники наших генштабов. Если этого не сделать в ближайшее время, делегации могут разъехаться, так как делать им в Женеве больше нечего. Я понимаю занятость Пауэлла, но без него и Моисеева, без их непосредственного контакта вопросы решить невозможно. Последняя встреча министров иностранных дел показала это. Я готов направить в Москву предложение о новой встрече министров иностранных дел, если будет гарантия, что на этот раз Пауэлл примет участие во встрече.

Брукс очень внимательно меня выслушал и сказал, что постарается дать мне ответ завтра. Действительно, на следующий день он сообщил мне, что Пауэлл примет участие во встрече, если Моисеев сможет приехать в Вашингтон, так как Пауэлл должен все время держать руку на пульте в своем генштабе из-за войны с Ираком (операция «Буря в пустыне»). Я отправил в Москву сообщение о беседе с Бруксом с предложением о новой встрече министров иностранных дел с участием начальников генштабов. Такая встреча состоялась в Вашингтоне 11–15 июля.

Указания о вылете в Вашингтон на министерскую встречу я не получил и остался в Женеве дожидаться ее результатов. Вернувшийся из Вашингтона Брукс сообщил мне радостное известие: встреча прошла успешно, по всем нерешенным вопросам достигнуты принципиальные договоренности, встреча на высшем уровне для подписания договора состоится в Москве

31 июля, и делегациям предстоит в срочном порядке перевести достигнутые договоренности на договорный язык, т.е. отразить их в соответствующих договорных текстах. Москва, однако, хранила молчание. Впоследствии я узнал, что в это время Моисеев убеждал руководство нашей оборонной промышленности дать согласие на вашингтонские договоренности. Аналогичные проблемы возникли и у американской стороны, но Пауэлл сумел сломить сопротивление Скоукрофта еще во время вашингтонской встречи⁵.

Наконец на мой срочный запрос МИД подтвердил сказанное Бруксом и пообещал передать тексты договоренностей. Время, однако, шло, а тексты из Москвы не поступали. Рассудив, что все равно договорные тексты мы будем согласовывать сначала на английском языке, а потом я их буду докладывать в Москву в переведенном виде, я решил не терять времени на ожидание и дал согласие Бруксу на встречу всех наших групп и подгрупп для завершения договора и всех связанных с ним текстов. Работа закипела. Шла она в буквальном смысле круглосуточно. Каждый день в Москву отправлялись новые тексты на апробацию. Одновременно шла выверка ранее согласованных текстов на предмет аутентичности русского и английского вариантов, а также с целью вылавливания разного рода *блех*.

Тем временем из Москвы подъехали принимавшие участие в вашингтонской встрече начальник Договорно-правового управления Генштаба Ф.И. Ладыгин и представитель Л.Н. Зайкова В.Л. Катаев. Они привезли согласованные в Вашингтоне и одобренные в Москве тексты.

29 июля 1991 г. в 11:00 в советской миссии в Женеве началась процедура парафирования договора. Естественно, Брукс и я обменялись приличествующими случаю торжественными заявлениями и взаимными поздравлениями с историческим достижением. А потом начался сам процесс парафирования, т.е. представления Бруксом и мной наших инициалов на каждой странице договорного текста, причем не только под самим договором, но и под всеми сопутствующими документами – приложениями, двусторонними и односторонними заявлениями и т.д. Всего страниц 400–500. Текст был огромный, предстояло

⁵ *Beschloss M., Talbott S. At the Highest Levels... P. 373.*

парафировать четыре экземпляра – два русских и два английских⁶. По договоренности с американцами эта процедура велась попеременно то в американской, то в нашей миссиях (расстояние между ними было небольшое). Поэтому весь процесс занял несколько часов.

Американцы согласились последнюю встречу провести в нашей миссии. У нас был зал, напоминавший по своей торжественности кремлевский – Георгиевский. А в американской миссии были сугубо казенные, мрачные помещения. Американцы предложили на заключительной встрече обменяться ручками, которыми стороны поставят в тексте договора последние точки. Для этой процедуры они изготовили специальные ручки с двумя гербами, флагами и прочими украшениями. Со времени появления компьютеров я ручками не пользовался, а если требовалось что-то подписать, то брал какую-нибудь шариковую, которая оказывалась под рукой. Ну не обмениваться же с Бруксом таким примитивом! Я поручил протоколисту подобрать в швейцарских магазинах что-нибудь более репрезентативное. Что и было сделано.

30 июля все экземпляры договора, запечатые в большой дорожный чемодан, были доставлены в Москву. Вся делегация на специально присланном самолете тоже отправилась в Москву. Настроение у всех было праздничное: поставленная задача выполнена, мы победили.

31 июля утром, незадолго до церемонии подписания, я зашел в кабинет В.П. Карпова. Нужно было условиться о некоторых формальностях, связанных с предстоящей церемонией. Вопреки своей обычно сдержанной манере он бурно приветствовал меня и сказал: «Я до самого последнего времени не думал, что договор получится. Много, очень много было подводных камней. Ты, можешь быть, не обо всем знаешь. Поздравляю тебя».

Не скрою, мне было особенно приятно получить поздравление именно от Карпова – профессионала высшей категории, знавшего и понимавшего все тонкости и нюансы, связанные с подготовкой договора. Пройдя с 1969 г. все этапы переговоров по ограничению стратегических вооружений, он в 1985 г. был

⁶ Каждая сторона должна была иметь русский и английский парафированные тексты договора.

первым руководителем той делегации, которую я принял в 1989 г. и которая сейчас пришла к финишу.

А через несколько часов во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца президент СССР М.С. Горбачев и президент США Дж. Буш-старший подписали Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-I). Эта церемония завершила переговоры, которые были начаты 12 марта 1985 г.

На церемонии присутствовал, помимо Брукса, и Ричард Берт, специально прилетевший из Вашингтона. По-моему, он был сильно расстроен тем, что не довел переговоры до конца и ушел в отставку за несколько месяцев до подписания договора.

Несмотря на большую усталость из-за напряженной работы, нервного напряжения и недосыпа в течение последних *штурмовых* недель, в первые дни после подписания я находился в состоянии эйфории. К чувству глубокого внутреннего удовлетворения достигнутым добавлялись многочисленные поздравления от всех знакомых и даже многих незнакомых. Поздравляли меня очень многие – в кабинетах, коридорах, лифтах высотного здания на Смоленской площади и вне его. Особенно растрогал постовой государственной автоинспекции, остановивший меня в первых числах августа за превышение скорости. Узнав при заполнении протокола, что я из МИДа, и взглядевшись, он спросил:

– А не Вас ли показывали по телевизору, как Вы подписывали стратегический договор?

Я объяснил ему, что подписывал договор М.С. Горбачев, а я незадолго до этого парафировал его, что действительно демонстрировалось по программе «Время». Постовой порвал акт о штрафе за нарушение, вернул мне водительские права и сказал:

– Все равно молодец. Двигайте дальше, только поосторожнее.

Последние его слова, относившиеся, несомненно, к соблюдению правил дорожного движения, я тем не менее воспринял как напоминание о тех рискованных ситуациях, через которые мне пришлось пройти совсем недавно на переговорах.

Легкое эйфорическое состояние усиливалось предвкушением предстоящего отпуска (не отдыхал я уже три года). Нужно было сделать лишь два дела – проследить, чтобы были правильно собраны и разосланы депутатам и их экспертам для изучения все

относящиеся к договору документы (один набор составлял более 900 страниц), и ходатайствовать перед руководством МИДа о вынесении благодарности сотрудникам, на чью долю выпала наиболее тяжелая и ответственная работа.

Вся делегация работала на заключительном этапе в каком-то порыве. Многие из сотрудников провели на переговорах долгие трудные годы. И увидев свет в конце туннеля, они рванулись к финишу, работая по 17–18 часов в сутки. Этот дух самоотверженного служения цели охватил всю делегацию. Ни о каком *подтягивании дисциплины* не было и речи. Напротив, приходилось напоминать наиболее заработавшимся, что не мешает время от времени передохнуть, чтобы *не сойти с дистанции*.

Но вот цель достигнута – договор подписан. Очевидно, надо было хотя бы сказать несколько добрых слов тем, кто, не жалея своих сил и здоровья, выполнил поставленную задачу. Это можно было бы сделать, собрав делегацию и всех тех, кто помогал подготовке договора в Москве, скажем, в особняк МИДа на улице Алексея Толстого. Но все мои попытки организовать такой прием не получались. Министр был в отпуске, а его замы, ссылаясь на отсутствие полномочий, советовали подождать его возвращения. А вернулся он, как известно, только 18 августа – по экстренному вызову Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП).

Остались без последствий и все мои заходы – а их было несколько, официальных и кулуарных, – к руководству МИДа с предложениями отметить тех, кто вложил немало сил и здоровья в подготовку договора. А вскоре начались события, которые перечеркнули и эти заботы, и отдых.

Смутное время

Проснувшись неранним утром в понедельник 19 августа в подмосковном пансионате, я услышал под окном такой диалог:

– Марь Иванна, слышали, Горбачева-то сняли...

– Да ну? Куда ж его теперь? На пенсию, што ль?

Включив радио и узнав о перевороте и составе ГКЧП¹, я глубоко призадумался. То, что сообщение путчистов о болезни Горбачева шито белыми нитками, у меня сомнений не вызывало. Понятно было и то, что цель *эжачепистов* – закрутить гайки по всем линиям. Какой ценой? В Китае на площади Тяньаньмэнь погибло три тысячи человек². У нас экстренное торможение поезда грозило гораздо более трагическими последствиями. Не мог я не подумать и о судьбе только что подписанного договора: один из членов ГКЧП О.Д. Бакланов был самым активным и самым непримиримым противником заключения договора по СНВ. Понятно поэтому, что когда через день-другой стало ясно, что путч провалился, у меня были основания вздохнуть с облегчением. Облегчение это, однако, было кратковременным, так как очень скоро стало ясно, что провал путча открыл дорогу иной напасти: под знаменами *демократии* во власть ринулась публика, которая не имела представления о том, как управлять государством, но зато хорошо соображала, как откусить от него для себя кусок пожирнее.

¹ Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) – самопровозглашенный политический орган в СССР, который просуществовал с 18 по 21 августа 1991 г. Состоял из противников курса М.С. Горбачева на *перестройку* и на подписание нового союзного договора о преобразовании СССР в конфедеративное государство. События 18–21 августа 1991 г. вошли в историю как августовский путч, или государственный переворот и антиконституционный захват власти. – *Прим. ред.*

² Серия протестов в КНР на площади Тяньаньмэнь в Пекине, которые проходили с 15 апреля по 4 июня 1989 г. Вошли в историю как события на площади Тяньаньмэнь, когда протестующие потребовали проведения демократических реформ. – *Прим. ред.*

События августа 1991 г. встряхнули общество. Разумеется, разные слои встряхнулись по-разному. По-своему встряхнулся и МИД. Министр (А.А. Бессмертных) отказался войти в ГКЧП, но и не отмежевался публично от путчистов. Благодаря этой осторожной позиции он избежал тюрьмы, но потерял министерское кресло. Впрочем, как показали дальнейшие события, он его все равно потерял бы, как это произошло с другими союзными министрами после ликвидации СССР.

Кто будет министром? Что может быть интереснее темы для чиновничьих пересудов! Называлось несколько имен – как из кадровых МИДовцев, так и из чужаков. Упоминался и посол в Чехословакии Б.Д. Панкин. Очевидно, сориентированный своими московскими друзьями, он, как только стало ясно, что путч проваливается, осудил ГКЧП и вышел из КПСС. Крупный партийный номенклатурщик Б.Д. Панкин в отличие от послов – карьерных дипломатов имел хорошие связи в коридорах власти, что давало ему возможность своевременно получить необходимую информацию. Даже если бы оценка ситуации оказалась неверной и ГКЧП продержался бы у власти какое-то время, риск был минимальный: все-таки Панкин находился не в Москве, а в Праге, где правил бывший диссидент Вацлав Гавел.

Итак, за свой *героизм* Панкин был моментально назначен министром. Конечно, М.С. Горбачев, не оправившийся от *форосского шока* и подвергшийся публичному унижению в Верховном Совете РСФСР, совершил в то время особенно много ошибок – больше чем когда-либо. Назначение Панкина было одной из них. М.С. Горбачев отдал важный пост человеку, который никак не мог помочь ему в единоборстве с Б.Н. Ельциным, разбивавшим союзные структуры одну за другой и загонявшим Президента СССР в угол безвластия. На министерском посту должен был быть крупный и сильный государственный деятель.

Панкин же в силу своего политического калибра не мог противостоять наседавшим на союзный МИД российским властям. Не пользовался он авторитетом и внутри МИДа, где воспринимался не как профессионал, не как политик, а как конъюнктурщик. В период его непродолжительного правления (около трех месяцев) последняя союзная опора Горбачева – МИД – была выведена из строя.

В МИДе началась настоящая *охота на ведьм*. Были отозваны шесть послов, которых обвинили в поддержке «гэкачепистов». По-моему, под эту кампанию в основном сводились личные сче-ты. Одновременно началась травля союзного МИДа в *демократической* печати. Мол, эти МИДовские чиновники, закосневшие в своем тупом усердии, готовы поддерживать кого угодно, лишь бы не потерять свои баснословные привилегии. На самом же деле единственная привилегия заключалась в возможности вы-езжать за границу, хотя вряд ли можно назвать привилегией работу дипломатов в «горячих точках», таких как Афганистан, Вьетнам, Ангола, и в целом ряде других стран во время воору-женных конфликтов и переворотов.

Клевали МИД со всех сторон. Помню, пришел ко мне коррес-пондент одной из газет, особо усердствовавшей в этой кампа-нии, и сказал, что имеет поручение редакции осветить работу послов по особым поручениям и что в отделе печати МИДа ему посоветовали начать с меня. Как по характеру задававшихся им вопросов, так и по предыдущим публикациям этой газеты было видно, что у него был *социальный заказ* разоблачить институт послов по особым поручениям как синекуру – прибежище ти-тулованных бездельников.

В ходе интервью удалось объяснить журналисту, что эти по-слы, состоя в штате центрального аппарата министерства, обыч-но возглавляют делегации на различных переговорах и выполня-ют разовые поручения министра и его заместителей (проводят консультации с иностранными представителями, разъясняют официальную позицию государства по тем или иным вопросам и т.д.). Рассказал ему о тех переговорах, которые пришлось вести мне, и показал набор документов, готовившихся в связи с пред-стоящей ратификацией Договора об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений 1991 г. Не знаю, как насчет сути договора, но объем его вместе со всеми сопутствующими документами – более 900 страниц – явно произвел впечат-ление на журналиста.

Сказав, что намерен побеседовать с другими послами и по-обещав показать материал до его опубликования, интервьюер откланялся. Никакого материала я никогда не увидел и ничего о послах по особым поручениям в этой газете опубликовано не было.

Конечно, антиМИДовская кампания инициировалась теми, кто пытался выбить из-под М.С. Горбачева последнюю опору, на которой держался фасад Советского Союза. Но к сожалению, и внутри МИДа нашлось немало желающих половить рыбку в мутной воде и расчистить себе путь наверх. В результате в конце 1991 г. в печати появилось много статей, главным образом анонимных, с персональными нападениями на тех или иных руководящих работников МИДа. Обвинения строились на идеологической основе: не годится он, мол, для нового, демократического МИДа и вообще в душе «гэкачепист».

Конечно, эти писаки не могли пройти мимо того факта, что в МИДе работал Сергей Крючков, сын председателя КГБ. Логика простая: раз отец вошел в ГКЧП, значит, и сын «гэкачепист», а МИД, следовательно, гнездо «гэкачепизма». Я неплохо знал Сережу по работе в делегации на переговорах по стратегическим вооружениям. Это был толковый, знающий работник, настоящий профессионал. Причем в отличие от некоторых других детей высокопоставленных родителей он был скромен и в своем служебном росте полагался на собственные силы, а не на помощь отца. Видно было, что Владимир Александрович Крючков именно так воспитал сына.

И вот вскоре после драматических августовских событий я встречаю Сережу в коридоре МИДа в ужасном состоянии: осунувшийся, бледный, еле передвигающий ноги. Отец – в Матросской Тишине, собственная судьба Сережи под большим вопросом... Позвал его к себе в кабинет, дал возможность выговориться. Большим, к сожалению, ничем помочь не мог.

Сережа говорит:

– Я не вчера родился и понимаю, что мне придется уйти из МИДа. Но ведь от меня мои вчерашние друзья шарахаются, как от прокаженного.

Действительно, в результате трусливо-перестраховочной позиции, занятой руководством американского направления МИДа, Сергей Крючков был уволен. А вот Управление по контролю над вооружениями и разоружению, которым заведовал заместитель министра В.П. Карпов, совершенно иначе повело себя в отношении своего коллеги Александра Грушко, сына первого заместителя председателя КГБ В.Ф. Грушко. Обвиненный в участии в заговоре ГКЧП, В.Ф. Грушко также был арестован

и находился в Матросской Тишине. Однако В.П. Карпов отстоял Сашу Грушко, который остался в МИДе и впоследствии стал послом, а потом заместителем министра³.

Кампания против союзного МИДа, дополнявшаяся требованиями существенно – в несколько раз – сократить его штат, деморализовала некогда исключительно работоспособный коллектив, распатывала десятилетиями отлаживавшийся высокоэффективный механизм. К тому же зарплату стали выплачивать с задержками, так как российские власти время от времени перекрывали поступление денег в союзный бюджет: соображай, мол, кто сейчас главный.

М.С. Горбачев спохватился, когда было уже поздно. Возвращение в МИД Э.А. Шеварднадзе в ноябре 1991 г. ничему помочь, конечно, не могло: до встречи в Беловежской Пуще оставались считанные дни. На этот раз он пробыл министром менее трех недель. А в канун 1992 г. в высотное здание на Смоленской площади вселились новые хозяева – А.В. Козырев со товарищи из российского МИДа (примерно человек сто пятьдесят). Многие из них, включая и Козырева, были выходцами со Смоленской площади. А некоторые из них переместились отсюда на Старую площадь (в российский МИД) буквально накануне обратного переезда, так что даже вещички не успели забрать.

Тем не менее все те, кто успел своевременно соскочить с тонущего корабля и тем самым продемонстрировал свою лояльность новой власти, были со значительными повышениями (через две-три ступени) назначены на руководящие посты и рассредоточены по всем подразделениям. Образовался своего рода институт политических комиссаров – преданных (по крайней мере на какое-то время) новым хозяевам жизни и профессионально не соответствовавших своим новым постам (большинство из них в дальнейшем были направлены Козыревым на работу в заграничные точки: и им поощрение, и для центрального аппарата вреда меньше). Даже внешне они успели приобрести черты, отличавшие их от традиционного МИДовца: в то время можно было

³ Александр Викторович Грушко (род. 25 апреля 1955 г.) – российский дипломат и государственный деятель. В частности, являлся Постоянным представителем РФ при НАТО (2012–2018). Заместитель министра иностранных дел с 2005 по 2012 г. и с 2018 г. по настоящее время. – *Прим. ред.*

встретить в МИДовских коридорах ребят в черных кожаных куртках, малиновых пиджаках, зеленых брюках, а некоторые отрастили бороды (видимо, в подражание главному комиссару, первому заместителю министра Ф.В. Шелову-Коведяеву).

В ту пору большую активность в области внешней политики пытался проявлять некий Бурбулис. В свое время он преподавал марксизм-ленинизм где-то в Свердловске, прибил к Ельцину, руководил его избирательной кампанией в Верховный Совет РСФСР и потом стал претендовать на роль *второго лица* в государстве российском. В вице-президенты Ельцин его не взял ввиду крайней непопулярности в стране (в своих мемуарах Ельцин объясняет это свое решение «невыигрышным имиджем» Бурбулиса). Тогда Бурбулис изобрел для себя должность «государственного секретаря». В этом не очень понятном качестве он пытался прибрать к рукам как можно больше власти, в том числе в области внешней политики, на чем в конечном счете и погорел. Но успел, когда еще был в силе, выступить в МИДе с руководящими указаниями. Не могу без смеха вспоминать это выступление.

Бурбулис решил объяснить дипломатам, что такое дипломатия. В его интерпретации дипломатия – это, как оказалось, «пять Д», а именно «добросовестность», «доброта», «дальновидность» и тому подобная ахинея, начинающаяся на букву «Д». И каждое из этих пяти «Д» он стал разжевывать своим скрипуче-гундосым голосом. Сначала аудитория замерла от неожиданности, потом начались перешептывания, смешки и откровенный хохот. Много разных выступлений произносилось в стенах актового зала высотного здания на Смоленской площади. Но в тот день был, я думаю, побит рекорд глупости.

Вообще приход новой власти в министерство, наверное, напоминал аналогичную ситуацию после 25 октября 1917 г., когда матрос Марков с *братишками* взял в свои руки вожжи дипломатии. Но тогда это было трагедией, а сейчас и на фарс не тянуло. Скорее это была детская игра в революцию.

Была создана комиссия по проверке на лояльность новому режиму. Охрана – опять же под наблюдением комиссаров – стала проверять содержимое портфелей и атташе-кейсов, выходивших из здания МИДа сотрудников. Появились многочисленные инструкции, запрещавшие, предписывавшие, регулировавшие, а на самом деле создававшие дополнительную путаницу. В общем,

использовались приемы революционеров-большевиков. Не зря ведь новое демократическое руководство в свое время на зубок учило «Краткий курс истории ВКП(б)», а некоторые из этого руководства даже преподавали науку всех наук – марксизм-ленинизм.

Конечно, ни у кого в союзном МИДе и в мыслях не было саботировать новую власть – прятать шифры и выбрасывать ключи от сейфов в Москву-реку. Ликвидация Союза и сопутствовавшие события тяжело воспринимались *служивым людом* (и далеко не только в МИДе), большую часть своей жизни отслужившим своему государству – Советскому Союзу. Но в конце концов, объективно национальные интересы России в области внешней политики оставались теми же, что и у Советского Союза. А именно этим интересам и служил МИД.

В начале января 1992 г. всем сотрудникам бывшего союзного МИДа были розданы бланки, утвержденные заместителем министра Г.Ф. Кунадзе, которые становились по заполнению заявлением об отставке и прошением о приеме на работу в МИД России. Было непонятно, зачем нужно просить об увольнении из учреждения, которого уже не было: к тому времени не существовало ни Союза, ни, следовательно, союзного министерства. Но, тем не менее такие заявления-прошения были поданы, и наступила пора трепетного ожидания результатов их рассмотрения. Для многих это *подвешенное состояние* продолжалось до 1 апреля 1992 г. Все сотрудники бывшего союзного МИДа продолжали выполнять свои функции, но за прежнюю зарплату, которая была в два раза ниже, чем в российском МИДе. В своем *уволенном* качестве я участвовал в подготовке материалов к ратификации договора по СНВ и переговорах с Украиной, Беларусией и Казахстаном о судьбе стратегических наступательных вооружений, которые находились на их территориях.

8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще главами России, Беларуссии и Украины были подписаны Беловежские соглашения. На их основе было провозглашено создание Содружества независимых государств (СНГ). 21 декабря 1991 г. на встрече в Алма-Ате, участие в которой принимали руководители одиннадцати бывших советских республик⁴, были определены цели и задачи

⁴ Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина. – *Прим. ред.*

СНГ. В том числе было подписано Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия. Оно включало ряд положений, которые, противореча друг другу, осложнили достижение взвешенных договоренностей о судьбе Договора СНВ-I.

Не раз американцы на переговорах использовали такой прием: мол, даже если бы они и согласились на то или иное наше предложение, американский Конгресс ни за что не пропустит этой крамолы и многолетние труды переговорщиков пропадут понапрасну. Разумеется, к такому же приему прибегали и мы, тем более что депутаты нашего Верховного Совета вели себя все более раскованно. Однако в начале 1990-х гг. никто не предполагал, из-за чего в действительности возникнут трудности при ратификации договора по СНВ.

Путь к ратификации Договора СНВ-I

Итак, в Москве шло предратификационное обсуждение Договора СНВ-I. Проводились слушания в комитетах Верховного Совета Российской Федерации, устраивались различные научные симпозиумы, публиковались статьи, где высказывались различные критические замечания в адрес договора. Общий накат был таков – «Долой договор!» Договор подписал Горбачев, а значит, он плохой. Но с другой стороны, главный противник договора – О.Д. Бакланов – находился в Матросской Тишине как член ГКЧП, и это вносило некоторый разнбой.

В целом дискуссия носила чисто политический характер, а большинство замечаний основывались на полном незнании и непонимании договора. Не раз я вспоминал с теплым чувством тех депутатов Верховного Совета СССР – В.Н. Очирова, В.Г. Афанасьева и А.С. Дзасохова, которые действительно сумели понять суть ключевых вопросов договора. Но теперь это был другой парламент – Верховный Совет Российской Федерации под председательством Р.И. Хасбулатова.

Я приходил на слушания в Белый дом, пытался что-то объяснить, но революционно настроенные *народные избранники* не желали разбираться в деталях. Они, как и их предшественники-ниспровергатели времен переворота 1917 г., руководствовались своим *политическим чутьем*. Выдвигались замечания, на которые можно было ответить лишь одно: да, договор в чем-то ограничивает нас, но в других отношениях он более выгоден нам, чем американцам, так что в целом это баланс уступок, компромисс. При разумной, деловой дискуссии, разумеется, можно было либо показать несостоятельность критики, либо объяснить, почему сделана та или иная уступка и какой встречной уступкой она компенсируется. Однако политическая оппозиция пыталась перевести дискуссию в эмоционально-иррациональную плоскость.

Находкой для оппозиции стал некий полковник Д., который несколько лет работал военным экспертом в делегации на наших

переговорах. В то время он был известен среди военной части делегации как *левак*, выступавший за ускоренное заключение договора. Я его помню как очень неплохого специалиста, сделавшего много полезного для решения ряда сложных военно-технических проблем, в частности проблемы использования телеметрической информации в целях контроля за соблюдением договора. Помню и то, как он не раз обращался ко мне, как к главе делегации, с различными идеями, которые должны были помочь нахождению компромиссных решений.

И вот он, уволившись из Генштаба и присоединившись к неправительственной организации, выступавшей против заключения договора, стал его злейшим критиком, главным козырем наших ортодоксов в борьбе против данного документа. Ну как же! Эксперт делегации, знающий договор как свои пять пальцев, говорит народу: «Договор – это величайшее предательство интересов государства!».

Не знаю, в чем причина столь коренной трансформации его взглядов, хотя могу догадываться по аналогии с другим его коллегой. Однажды в Москве, когда в полном разгаре шла ратификационная кампания, мне позвонил один отставной генерал, которого я знал и уважал не только как хорошего специалиста в области стратегических вооружений, но и как честного, порядочного человека:

– Юрий Константинович, мне тут заказали статью о договоре...

– Ну, что же, Вы ведь его хорошо знаете, так что рассчитываю на объективную оценку.

– Я потому и звоню Вам, чтобы предупредить: не удивляйтесь, когда будете читать статью.

– ?

– Там не будет моей оценки, я выполняю *социальный заказ*. Семью кормить надо.

Мне оставалось только выразить сочувствие этому человеку, совесть которого заставила позвонить мне, чтобы заранее извиниться за тот поступок, который он сам считал не порядочным. Статья вскоре появилась, и в ней действительно были такие грубые передержки, что я не поверил бы, что ее мог написать специалист, хорошо знающий договор.

И вот наступил день ратификации – 4 ноября 1992 г. Год и три месяца прошло со дня подписания Договора СНВ-I. За это время

прекратило свое существование одно из государств, от имени которого он подписывался. Россия, принявшая на себя международные обязательства Советского Союза, переживала тяжелые времена.

Р.И. Хасбулатов предоставил слово заместителю министра иностранных дел, который вместе с заместителем министра обороны генералом Б.В. Громовым был уполномочен президентом Б.Н. Ельциным (1991–1999) представить договор на ратификацию. Естественно, в его выступлении освещались в основном внешнеполитические аспекты договора, поскольку военная сторона дела была оставлена содокладчику – Б.В. Громову. Тем не менее, как только МИДовский зам закончил выступление, на него посыпался град вопросов, связанных прежде всего с тем, как договор повлияет на обороноспособность России. Естественно, что большинство этих вопросов он переадресовал Громову. И это было правильно. Действительно, кто, как не Министерство обороны, должен оценивать, не будет ли нанесен ущерб обороноспособности государства? Однако ставшая рефреном фраза «На это, я надеюсь, ответит генерал Громов» вызвала недовольство депутатов. В зале начался шум. Особенно неистовствовали национал-коммунистические депутаты.

Конечно, председатель заседания должен был бы взять на себя отвод вопросов, относящихся к компетенции следующего докладчика. Однако он этого не сделал. Положение сложилось неприятное.

Наконец на трибуну вышел генерал Громов. Зачитав заготовленный текст, он приступил к ответам на вопросы. И не сплехом.

– Как в договоре учтены ядерные силы Китая, Франции и Англии?

– Конечно, учтены, а как же. Мы же знаем, сколько у них ядерных боезарядов.

– Почему мы должны уничтожить по договору самые современные ракеты?

– Договор этого не предусматривает. Осуществление договора не нанесет ущерба нашей безопасности.

И так далее. Коротко, уверенно и четко. Каков вопрос, таков ответ. И спрашивающие и отвечающий знают договор примерно в равной степени и поэтому говорят на одном языке.

Но на плечах отвечающего три большие звезды, а за плечами Афган. Значит, он отвечает за то, что говорит. Конечно, на депутатов подействовала спокойная уверенность, с которой боевой генерал-афганец, заместитель министра обороны объяснил: все будет нормально, ребята, не пострадает наша обороноспособность, не бойтесь.

Итак, 4 ноября 1992 г. Договор СНВ-I был ратифицирован. За постановление о ратификации проголосовали 165 депутатов, воздержались 8, против голосов не было. В постановлении было предусмотрено, что обмен ратификационными грамотами будет произведен после присоединения Белоруссии, Казахстана и Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия и после заключения ими с Россией договоренностей о порядке выполнения договора по СНВ. Более двух лет потребовалось для того, чтобы эти условия были выполнены.

Договор вступает в силу

Помимо подготовки материалов к ратификации Договора СНВ-I, в конце 1991 г. и в первой половине 1992 г. я участвовал в переговорах с Украиной, Белоруссией и Казахстаном о судьбе стратегических наступательных вооружений, которые находились на их территориях.

После подписания договора по СНВ в июле 1991 г. на территории СССР находилось 12 тыс. ядерных боезарядов на стратегических носителях¹ и 15 тыс. для тактических². После распада СССР стратегическое ядерное оружие оказалось расположенным на территории России, Украины, Казахстана и Белоруссии. В России – 65,6 процент, Украине – 16,1 процент, Казахстане – 7,6 процент и Белоруссии – 4,5 процент.

Происшедший в декабре распад Советского Союза и провозглашение на его месте СНГ создали много серьезных проблем, и внутренних и внешних. Естественно, возникли вопросы и в связи с Договором СНВ-I. Кто теперь должен этот договор ратифицировать? Только Россия? Все Содружество? Или те государства, на территории которых имеются вооружения, подпадающие под действие договора, а именно Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина?

Договор по СНВ разрабатывался как двусторонний, что предопределяло симметричность прав и обязательств обеих сторон, а также механизма его осуществления. Нарушение двустороннего характера договора в результате ратификации более чем двумя государствами создавало бы новые проблемы – необходимость перераспределения квот инспекций и расходов по его

¹ Это точные данные. При заключении Договора СНВ-I был произведен обмен этими данными между США и СССР.

² Это оценочные данные по иностранным источникам, официальных данных на этот счет не было. Все они были вывезены в Россию для уничтожения еще до 1 июля 1992 г., и проблем с ними не возникало, несмотря на некоторые сложности с Украиной.

осуществлению, корректировку графика уничтожения и т.д. Все это было необходимо не только продумать, но и достичь официальных межгосударственных договоренностей.

При оформлении СНГ в Алма-Ате 21 декабря 1991 г. в декларацию встречи было включено следующее положение: «В целях обеспечения международной стратегической стабильности и безопасности будет сохранено объединенное командование военно-стратегическими силами и единый контроль над ядерным оружием; стороны будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерного и (или) нейтрального государства». Я хотел бы напомнить, что в Советском Союзе возможное применение ядерного оружия регулировалось на основе системы «трех кнопок»³: ядерное оружие может быть применено только в случае нажатия на «три кнопки» (введение кодов в портативные радиостанции – «ядерные чемоданчики») – президентом, министром обороны и начальником Генштаба. На фоне распада СССР все «три кнопки» («ядерные чемоданчики») находились в Москве: у президента Горбачева (а потом Ельцина), маршала Е.И. Шапошников и тогдашнего начальника Генштаба. Таким образом, непонятно, о каком совместном контроле над ядерным оружием могла идти речь.

В Алма-Ате Шапошников был назначен командующим объединенным стратегическим командованием СНГ. Но с самого начала было ясно, что министерства обороны СНГ быть не может в принципе – потому что вся военно-промышленная инфраструктура была нарушена из-за распада Советского Союза. Этот пост просуществовал непродолжительное время на бумаге, а потом о нем было забыто.

Тем не менее некоторое время Шапошников был одним из трех лиц, помимо президента и начальника Генштаба, у которого был «ядерный чемоданчик». Только при введении ими специального кода ядерное оружие могло быть применено. Этот «ядерный чемоданчик» сохранялся у маршала Шапошникова, пока он не был официально освобожден от поста министра обороны СССР, в том числе и в бытность его в качестве исполняющего обязанности секретаря Совета Безопасности Российской Федерации.

³ В США, которые первыми разработали эту систему, она называется «Permissive Action Link» (PAL).

Аппарат Совета помещался тогда в очень старом здании (по улице Варварка), совершенно непригодном для осуществления им своих важных функций. При кабинетах, в том числе при главном, не было туалетов. И время от времени можно было наблюдать, как Шапошников следовал в дальний конец коридора, где находился туалет, в сопровождении двух носителей «ядерного чемоданчика» и под охраной десяти автоматчиков. Старое здание сотрясало от чеканного шага охраны. Сотрудники аппарата Совета, помещавшиеся этажом выше, с интересом наблюдали за этой процессией.

Вернемся, однако, к нелепостям того времени.

Заключенное в конце 1991 г. Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия развивало непонятную формулировку Алма-Атинской декларации о создании СНГ, делая ее еще более противоречивой. По статье 5 этого соглашения Белоруссия и Украина (не знаю, почему там не упоминался Казахстан) брали на себя два взаимоисключающих обязательства: по пункту 1 они обязались присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств, а по пункту 2 брали обязательство не передавать кому бы то ни было ядерного оружия. Иными словами, они обещали не передавать другим то, чего у них самих не должно было быть. Непродуманным было и включение в соглашение статьи о том, что правительства Белоруссии, Казахстана, России и Украины обязуются представить договор по СНВ на ратификацию в Верховные Советы своих государств. Не договорившись предварительно о том, как этот двусторонний договор будет выполняться пятью государствами, брать такое обязательство было по меньшей мере поспешно.

Вообще для действий руководителей новых независимых государств в тот период были характерны скоропалительность, сумбурность и, я бы сказал, неряшливость в отношении деталей. В дальнейшем, приобретя некоторый опыт, обзаведясь экспертами и, видимо, поняв, что сгоряча *поназаклучали* не очень продуманные и отработанные соглашения, они стали закрывать глаза на эти документы: вроде бы они есть, а в то же время вроде бы их и нет.

Конечно, без разработки процедуры и механизма осуществления Договора СНВ-I, которые соответствовали бы новым условиям, ратифицировать его было нельзя. Подготовка проектов

решений была поручена группе экспертов из Белоруссии, Казахстана, России и Украины. Переговоры между ними с целью подготовки и предварительного согласования таких процедур и механизма начались 27–28 января 1992 г. в Москве, потом прошло еще несколько переговорных раундов: 6–7 февраля в Минске, 2–4 марта в Киеве, 11–12 марта снова в Москве.

Мне пришлось возглавлять российскую делегацию на этих переговорах. Те люди из других делегаций, с которыми непосредственно приходилось общаться в ходе переговоров, не скрывали своей горечи, сталкиваясь с ситуациями, часто нелепыми, когда из-за разрыва прежних союзных связей несли крупные материальные потери все стороны. Но разумеется, они действовали согласно своим инструкциям, которые в ряде случаев предписывали им добиваться решения некоторых вопросов, непосредственно не относящихся к предмету переговоров. Речь шла в первую очередь об общих вопросах правопреемства.

К сожалению, и с российской стороны делались попытки протащить с помощью подготавливаемых документов свои претензии на так называемую концепцию континуитета, в соответствии с которой Россия автоматически принимает на себя выполнение всех прав и обязательств бывшего СССР. Другие страны СНГ настаивали на том, что все, в том числе и Россия, должны действовать на основе правопреемства.

На московской встрече экспертов в конце января 1992 г. российская делегация исходила из тех предложений, которые были изложены российской стороной 10 января 1992 г. на совещании министров иностранных дел стран – участниц СНГ, а именно из следующего:

– Договор по СНВ остается двусторонним и ратифицируется США и Россией как государством-продолжателем СССР. Затем между ними произойдет обмен ратификационными грамотами.

– Белоруссия, Казахстан и Украина представляют договор на одобрение своих парламентов и заключают четырехсторонний (с участием России) протокол, в котором, во-первых, уполномочат Россию нести ответственность за выполнение договора в целом и представлять их в отношениях с США в целях осуществления прав и обязательств, вытекающих из договора, и, во-вторых, подтвердят свое намерение обеспечить гарантии выполнения договора на их соответствующих территориях. Такое решение и яви-

лось бы по существу надлежащей формой ратификации договора всеми четырьмя государствами.

В ходе переговоров экспертов очень скоро выяснилось, что и Белоруссия, и Казахстан, и Украина единодушно отвергают континуитет России и настаивают на равном правопреемстве всех четырех государств. Да, у России были основания настаивать на своем континуитете, но, думаю, отстаивать его надо было, не делая договор по СНВ заложником этой концепции. Не потеряй мы тогда время из-за отстаивания континуитета России, можно было бы избежать многих сложностей, которые возникли в дальнейшем и которые едва не привели к очень тяжелым последствиям.

В первой половине марта 1992 г., после того как российская сторона согласилась не включать положения о континуитете в протокол к договору по СНВ, удалось договориться о формулировках, которые закрепляли за Россией как за единственным ядерным государством из государств-правопреемников СССР в отношении договора по СНВ роль стороны договора и определяли порядок его ратификации (Белоруссия, Казахстан и Украина одобряют договор, а Россия ратифицирует его и сдает все соответствующие документы Соединенным Штатам при обмене ратификационными грамотами).

В связи с киевским раундом 2–4 марта вспоминается любопытный штрих. В российскую делегацию был включен в качестве одного из экспертов сотрудник Управления по контролю над вооружениями и разоружению МИД России К.И. Грищенко. Еще в Москве было известно, что он собирается переходить из российского МИДа в украинский. Включен он был потому, что, хорошо зная не только российскую позицию, но и нюансы позиции Киева, мог способствовать лучшему взаимопониманию двух сторон. Роль эту он выполнил, хотя уже через день после начала раунда информировал меня о том, что принято решение о назначении его в МИД Украины. На следующий день Константин Иванович переместился в украинскую делегацию.

12 марта 1992 г. Соглашение о принципе и порядке выполнения договора по СНВ и протокол о механизме выполнения были готовы. Осталась лишь резервация Казахстана в отношении слова «единственное» в положении о том, что Россия как единственное ядерное государство в СНГ выступает в качестве стороны

договора по СНВ. Заместитель министра иностранных дел Казахстана, возглавлявший казахстанскую делегацию на встрече экспертов, переговорив по телефону с министром иностранных дел Казахстана Сулейменовым, заявил, что не возражает против этого слова, но что официальная позиция Казахстана на этот счет будет определена к встрече глав государств СНГ, которая должна была состояться через неделю в Киеве.

18 марта из Киева пришел «уточненный» проект повестки дня встречи глав государств. Пункта о выполнении договора по СНВ в нем не было (в первоначальном варианте он стоял среди первых пунктов). У нас в Москве возникло предположение, что организаторы встречи начали процедурные игры, чтобы помешать подписанию документов, во всяком случае в том виде, в каком они были согласованы ко времени проведения встречи. Прибыв в Киев на следующий день – 19 марта, я убедился, что предположение соответствует действительности. Несмотря на то что наша делегация сразу по прибытии в Киев официально предложила восстановить в проекте повестки дня пункт о выполнении договора по СНВ, секретариат не сделал этого. Вопрос о выполнении договора был упомянут в самом конце проекта, да и то в виде какого-то примечания, а не пункта повестки дня.

Киевская встреча проходила в здании бывшего горкома КПСС. Стиль всех этих помещений, где располагались руководящие органы КПСС, был всюду одинаков: казенная добротность и ухоженность, паркетно-ковровое самодовольство. Площадь перед зданием была запружена манифестантами с желто-голубыми флагами и лозунгами типа «Украина без Москвы». Они толклись там и скандировали свои требования на протяжении всего дня. Когда встреча закончилась, манифестантам были поданы заказные автобусы, и они уехали, сдав знамена и транспаранты организаторам.

Это была вторая встреча глав государств СНГ, на которой я присутствовал. На предыдущей встрече в Минске я был поражен организационной неразберихой и низкой культурой дискуссии. Правда, там мне удалось проникнуть в зал заседаний – возможно, благодаря неразберихе. Здесь хаоса было не меньше. Но одно было поставлено четко – российских экспертов в зал не пустили. В результате всю информацию о происходившем я получал

от знакомых украинских и белорусских экспертов, которые в зал заседаний проникали беспрепятственно.

День близился к концу, когда я узнал, что, так и не допустив обсуждения вопроса о порядке выполнения договора по СНВ, украинцы подготовили свой вариант соглашения, перечеркивавший все то, что было согласовано на переговорах раундах до киевского. В соответствии с украинским проектом договор по СНВ из двустороннего превращался в пятисторонний, где США, Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан выступали в одинаковом качестве. Этот проект украинцы без какого бы то ни было предварительного обсуждения напечатали на договорной бумаге и предложили главам государств подписать после окончания встречи.

Заседание закончилось. Прошла пресс-конференция с участием всех глав, начался обед «в узком составе». На нем, по замыслу украинцев, и должно было состояться подписание. Слава богу, этого не произошло. Возможно, Б.Н. Ельцин не захотел подписывать соглашение, не выслушав мнения своего министра иностранных дел: А.В. Козырев в киевской встрече участия не принимал, так как находился за океаном. Казахстан и Белоруссия тоже не приняли этот вариант.

Возникшая ситуация сильно встревожила американцев. Соединенные Штаты не хотели, чтобы ядерное оружие расплозлось на другие страны. В игру вступил госсекретарь Дж. Бейкер, который предложил провести встречу министров иностранных дел США, России, Украины, Белоруссии и Казахстана в Лиссабоне в конце мая 1992 г., где он сам в это время должен был быть по другим делам.

23 мая 1992 г. в столице Португалии эта «пятерка» подписала протокол к Договору СНВ-I и обменялась письмами, которые составили так называемую Лиссабонскую пакетную договоренность. Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина как государства-правопреемники СССР приняли на себя обязательства бывшего Советского Союза по Договору СНВ-I. Белоруссия, Казахстан и Украина обязались «в возможно кратчайшие сроки» присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств. Попытки российской делегации добиться более определенного срока – «не позднее вступления в силу договора по СНВ» – не были поддержаны американцами

и успеха не имели. Конечно, США и сами были заинтересованы в более сильной и определенной формуле присоединения трех новых независимых государств к ДНЯО. Но видимо, они еще до Лиссабона стоворились с ними об основных параметрах договоренности, и это их связывало. Эта «гибкость» США создала в дальнейшем очень опасную ситуацию с присоединением Украины к ДНЯО.

С Белоруссией и Казахстаном не возникло проблем с присоединением к ДНЯО в качестве неядерных государств. Чего нельзя было сказать об Украине. Главной проблемой стало то, что националистические силы Украины настаивали на сохранении Украиной ядерного оружия и соответственно возражали против ее присоединения к ДНЯО в качестве неядерного государства. Вся эта сумбурная история так и продолжалась до конца 1994 г.

Почему возникли такие сложности с Киевом по вопросу о ядерных вооружениях? Видимо, в Киеве рассчитывали что-то выторговать за ядерное оружие – в политическом и материальном отношении. Но могла ли Украина стать ядерной державой? На Украине были прекрасные ракетчики, они могли запустить ракеты. Но ракеты и ядерные заряды на них – это не одно и то же. Ядерные боеприпасы разрабатывались и производились только в России, поэтому ни применить их, ни обеспечивать уход за ними при хранении (в интересах собственной безопасности) украинцы не могли. Когда я вел переговоры о ядерном оружии с Украиной, военно-технические эксперты, с которыми я консультировался, говорили мне: «Украина могла бы стать ядерной державой, если она сможет разгадать коды применения ядерного оружия. В принципе она может это сделать, но на это уйдет не менее семи лет. А в течение этих семи лет требуется уход за ядерным оружием («maintenance») в целях безопасности этого оружия». Действительно, на Украине были прекрасные ракетчики, которые могли бы запустить ракеты. Но там не было специалистов-ядерщиков, потому что ядерные боеприпасы производились только на территории России (Арзамас-16 и другие центры).

Хочу напомнить одно интересное положение Декларации о государственном суверенитете Украины, которая была принята еще 16 июля 1990 г., то есть до распада Советского Союза: «Украинская ССР торжественно провозглашает о своем намере-

нии стать в будущем постоянно нейтральным государством, которое не принимает участия в военных блоках и придерживается трех неядерных принципов: не принимать, не производить и не приобретать ядерного оружия». Видимо, отзвук этой декларации и повлиял в Алма-Ате на ту формулировку о безъядерном статусе Украины.

Так или иначе, 4 февраля 1993 г. Белоруссия ратифицировала Договор СНВ-I и Лиссабонский протокол, а 22 июля 1993 г. присоединилась к ДНЯО в качестве безъядерного государства. 2 июля 1992 г. Казахстан ратифицировал Договор СНВ-I и Лиссабонский протокол и в 1994 г. присоединился к ДНЯО в качестве безъядерного государства. А Украина ратифицировала Договор СНВ-I только в 1994 г. и присоединилась к ДНЯО 5 декабря 1994 г. в качестве безъядерного государства. Большую роль в этом сыграло давление со стороны США, которые совершенно не были заинтересованы в том, чтобы «ядерный клуб» пополнился еще одним государством. В тот же день Россия и США обменялись ратификационными инструментами, и Договор СНВ-I наконец вступил в силу.

В это время я в МИДе уже не работал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗВЕДЧИКИ, ЭКСТРАСЕНСЫ, ПРЕДАТЕЛИ И НЕКОТОРЫЕ НЮАНСЫ

«Золото партии» и экстрасенсы

В 1991 г. в Москве произошло несколько трагических событий, которые породили волну различных слухов и домыслов об их причинах. Выбросились из окон своих квартир и разбились насмерть заведующий хозяйственного управления ЦК КПСС Кручина, его предшественник Павлов и заведующий американским сектором в международном отделе ЦК КПСС Лисоволик. Все трое погибших контролировали партийные деньги и их расходование, в том числе за рубежом.

Вскоре после этих трех трагедий перед моими глазами произошел интересный эпизод. Я подвез отца в поликлинику на Сивцевом Вражке. Он вышел оттуда вместе с весьма пожилым человеком. Когда отец сел в машину, он мне сказал:

– Я сейчас встретился с одним моим старым знакомым, который был предшественником Павлова на посту заведующего хозяйственным отделом ЦК КПСС. На мой вопрос: «Как поживаете?», – он ответил: «Ожидаю своего прыжка из окна».

Одним из предположений о причинах их смертельных прыжков было экстрасенсорное воздействие на них. В дальнейшем я смог убедиться в реальности этого предположения.

Когда я работал в российском Совете Безопасности, мне приходилось подыскивать сотрудников для его секретариата. Много интересных личностей повидал. Как-то пришел ко мне один из соискателей поста в секретариате. Ответив, что был офицером безопасности в нашем генконсульстве в Кейптауне. Сказав, что нам офицеры безопасности не требуются, я поинтересовался его занятиями до Кейптауна. Он сообщил, что проходил экстрасенсорную подготовку в КГБ. Поскольку его гипнотические возможности на меня не подействовали, на работу я его не взял, но понял, что подготовка экстрасенсов велась.

Кроме того, известно, что заместителем начальника Службы охраны Президента был Георгий Рогозин, экстрасенс. Коллеги называли его «главным звездочетом России». Это был очень интеллигентный, хорошо образованный человек. Мы были соседями по дому. Он скончался уже после отставки во время прогулки по улицам Москвы.

Разумеется, я не знаю, есть ли сейчас экстрасенсорная служба.

Предатели

История общечеловеческого предательства началась, конечно, с Иуды Искарота. Но у меня нет такого глобального замаха. Лучше сосредоточимся на собственной истории.

Андрей Курбский¹, став *диссидентом* своего времени, сбежал от Ивана Грозного² в Литву к Сигизмунду³. Из его длительной переписки с царем видны политические мотивы. Так же впоследствии поступали и другие перебежчики.

Вспомним наших эмигрантов – Е.К. Миллера, А.П. Кутепова, Б.В. Савинкова, В.Н. Врангеля и А.И. Деникина⁴. Только Деникин, злейший и активнейший враг советской власти, признал: Россия не с нами, она против нас. Он же наотрез отказался сотрудничать с немцами, когда они оккупировали Францию. Для него понятие Родины было свято. Не власть в ней, а его страна. Другие эмигранты шли на получение иностранной помощи ради борьбы с Россией. Деникин же хорошо знал на своем опыте: иностранная помощь идет только на получение своей выгоды и во вред России.

Но я в своем опусе хочу рассказать только о тех предателях, с которыми лично сталкивался, до или после их предательств, независимо от того, в чью пользу они совершались. Итак.

Аркадий Шевченко. Его я знал хорошо и по работе в МИДе, и по встречам в Нью-Йорке. Напомню некоторые общеизвестные факты.

¹ Русский государственный деятель, полководец, один из приближенных русского царя Ивана Грозного, живший в XVI веке. В ходе Ливонской войны (1558–1583) узнал о предстоящей опале и бежал к противнику Русского царства – в Великое княжество Литовское. – *Прим. ред.*

² Царь, великий князь московский и всяя Руси Иван IV Васильевич (1530–1584). – *Прим. ред.*

³ Великий князь литовский (1544(1548)–1572), король польский (1548–1572). – *Прим. ред.*

⁴ Русские военные деятели, участники Белого движения против советской власти в годы Гражданской войны в России (1917–1922). – *Прим. ред.*

В апреле 1978 г. посол Советского Союза и заместитель генерального секретаря ООН, к тому же доверенное лицо министра А.А. Громыко, Шевченко перебежал на американскую сторону, заявив, что он порывает с Советским Союзом и «избирает свободу». В книге «Разрыв с Москвой», изданной в США в 1985 г., он попытался изложить свои мотивы и обстоятельства побега. Позднее его сын Геннадий Шевченко, сильно пострадавший от бегства отца, весьма интересно написал о том, что знал сам.

Аркадий был азартным, сильно пьющим и в личном общении довольно неприятным человеком, особенно когда в компании были женщины (в Нью-Йорке это были обычно девушки, работавшие машинистками в нашей миссии). Резидент КГБ в Нью-Йорке Ю.И. Дроздов стал подозревать Шевченко за несколько лет до его бегства. Но все сигналы Дроздова министр иностранных дел А.А. Громыко клал *под сукно*, а председатель КГБ Ю.В. Андропов, видимо, не хотел ссориться со своим коллегой.

Дроздов настоял на том, чтобы была устроена проверка утечки информации. С учетом ее высокой степени секретности под подозрением были трое – А.Ф. Добрынин (Вашингтон)⁵, О.А. Трояновский (Нью-Йорк)⁶ и А.Н. Шевченко (Нью-Йорк)⁷. Им были посланы совершенно секретные телеграммы различного содержания. Скоро стало достоверно известно, что утечка шла от Шевченко. Громыко послал Шевченко вызов в Москву для «консультаций». Тот, поговорив с одним из своих московских друзей, прибывших в Нью-Йорк, заподозрил неладное и сбежал.

На чем же американцы подловили Шевченко? На пьянстве? Нет. На «внебрачных связях»? Отнюдь. Все это ему спускалось с рук. Думаю, дело было вот в чем.

Его теща была торговым работником и имела широкие связи в Москве для приобретения старинных вещей. Они переправлялись в Нью-Йорк с женой Аркадия Линой для продажи. На вырученные деньги Лина во время визитов Громыко в Нью-Йорк

⁵ Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США в 1962–1986 гг. – *Прим. ред.*

⁶ Постоянный представитель СССР при Организации Объединенных Наций и в Совете Безопасности ООН в 1976–1986 гг. – *Прим. ред.*

⁷ Заместитель генерального секретаря ООН по политическим вопросам и делам Совета Безопасности ООН в 1973–1978 гг. – *Прим. ред.*

опекала его жену Лидию Дмитриевну, т.е. возила ее по магазинам и делала ей роскошные подарки, в первую очередь драгоценности. Видимо, однажды пересланный в Нью-Йорк предмет был настолько ценным, что его вывоз за пределы страны был тягчайшим преступлением.

Аркадий стал объектом американского шантажа и понял, что в этом случае Громыко его не прикроет, по крайней мере чтобы не запятнать собственную репутацию. Продавшись американцам, Шевченко стал выдавать себя за *политического борца против советской власти*. На самом же деле он был простым уголовником, спасавшим собственную шкуру.

Другие мои знакомые шпионы были значительно более низкого пошиба. Они должны гордиться, что попали в мой список.

Сергей Федоренко. Первоначально он работал в Институте США и Канады и вообще носил другую фамилию. Женившись на дочери Н.Т. Федоренко, Постоянного представителя СССР при ООН и Совете Безопасности ООН в 1963–1968 гг., он взял фамилию тестя и отбыл в Нью-Йорк вместе с женой. Тесть пристроил *Сергею* в Секретариат ООН. В этом его качестве мне и пришлось с ним столкнуться сначала в Женеве, а потом и в Нью-Йорке.

В конце 1980-х гг. подходили к концу переговоры по стратегическим вооружениям. Многие страны пытались проникнуть за двустороннюю завесу конфиденциальности наших переговоров. И меня, и моего американского коллегу Берта часто приглашали на различные мероприятия, чтобы узнать, о чем мы договаривались. Мы отделивались общими словами.

В перерыве между раундами англичане устроили многостороннюю встречу в замке под Лондоном. В ней принимали участие и представители Секретариата ООН, в том числе Сергей Федоренко. После общего заседания он, как бы на правах старшего знакомого, пригласил меня попить пивка внизу у камина.

Федоренко все время наводил разговор на перспективы переговоров. Иными словами, на «запасные позиции» советской делегации. Конечно, у каждой стороны должны быть такие *подвижки* и их знание облегчает другой стороне задачу определить свою собственную линию.

Засидевшись перед камином, я поднялся, чтобы размять ноги. Потом мы допили пиво и разошлись по своим номерам на ночлег.

Ночью я почувствовал себя плохо. Вспоминая потом наши *каминные посиделки*, я пришел к выводу, что Серега воспользовался моим отсутствием и подсыпал мне в пиво какой-то психотропной гадости, чтобы развязать язык. Конечно, тогда это было лишь предположение.

Через год Федоренко оказался в Москве и стал тереться среди бывших институтских коллег. А надо сказать, что директор Института США и Канады Академии наук (ИСК АН) Г.А. Арбатов был вовлечен с московской стороны в подготовку позиций для нашей делегации на переговорах по СНВ.

Не знаю, удалось ли Сергею Федоренко что-нибудь вынюхать. Но вдруг он срочно вернулся в Нью-Йорк, ушел со службы в ООН и исчез. Выяснилось, что он был агентом ЦРУ.

Игорь Сутягин. Он тоже работал в Институте США и Канады, где занимался техническими вопросами нашей оборонной промышленности.

В ельцинские времена, в 1990-е гг., из-за гайдаровской реформы в России началась инфляция. Рубль обесценивался с каждым днем. Это сильнее всего ударило по бюджетникам, в том числе по военным и работникам оборонной промышленности.

Сутягин объявил своему институтскому начальству, что заключил договор с английским издательством о публикации какой-то книги. Ну что же. В те тяжелые времена все старались выкрутиться как могли. Для сбора материала Сутягин стал встречаться со своими старыми знакомыми отставниками и потерявшими работу сотрудниками оборонных предприятий из-за их закрытия. За каждое интервью платил по 50 долларов и получал порой секретную и совершенно секретную информацию. С набранным материалом поехал в Англию, видимо, получил дополнительное задание и вернулся, чтобы «продолжать работу над книгой».

Но где-то он *прокололся*. Возникло подозрение в его шпионской деятельности. В ходе начавшегося следствия оно подтвердилось. В 1999 г. Сутягин был арестован, в 2004 г. приговорен к десяти годам заключения. В 2010 г. после ареста в США группы наших нелегалов он вместе с еще несколькими преступниками был на них обменен.

Владимир Резун – Виктор Суворов. В 1970-е гг. советская делегация в Комитете по разоружению (потом он стал Конферен-

цией) размещалась на территории миссии в нынешней представительской («розовой») вилле. В связи с предстоящим ремонтом и реставрацией нужно было искать новое служебное помещение. Эта задача была поручена мне (я тогда был заместителем главы делегации), а в помощь я получил второго секретаря миссии Владимира Резуна.

Он оказался невысоким пухленьким пареньком. Резун предложил посмотреть двухэтажную квартиру в доме, где он жил (Лозаннская улица рядом с Ботаническим садом). С точки зрения размещения там служебных помещений она вполне подходила, но смущало соседство с какими-то английскими и американскими служебными и жилыми помещениями. Именно по этой причине наша служба безопасности категорически забраковала этот вариант. В дальнейшем мы получили разрешение на аренду отдельной виллы, но к Резуну это отношения не имело.

А тем временем в 1978 г. Резун оформил отпуск, погрузил на свой автомобиль семейство и отбыл как бы в путешествие по Европе, чтобы в конечном счете оказаться в Англии. И вот там-то закончилась его шпионская миссия и началась *литературная*.

Оказалось, что он уже несколько лет работал на англичан, почувствовал подозрения в свой адрес со стороны советских спецслужб и вовремя смылся. В Англии Резун занялся писательской деятельностью под псевдонимом Виктор Суворов. Не буду комментировать всю ту ахиною, которую он понаписал. Лучше объясню его псевдоним.

Виктор Суворов был его коллегой по «Аквариуму» (как иногда называют ГРУ) и дальнейшей службе. Я его хорошо знал, поскольку Виктор был моим партнером по теннису. Это был очень спортивный человек, с моментальной реакцией, весь как будто на пружинах. Думаю, что Резун очень завидовал ему. Виктор одним из первых пострадал из-за бегства и предательства Резуна.

Как можно увидеть на приведенных примерах, мотивы предательства бывают разные. Идеологические, шантаж, шкурничество и т.д. Общее одно – предательство своей страны.

Несколько слов о Катаеве

В ходе переговоров, в которых затрагивались проблемы безопасности и сокращения ядерных вооружений, как уже упоминалось мною ранее, Виталий Леонидович Катаев был правой рукой секретаря ЦК КПСС по оборонным вопросам Льва Николаевича Зайкова. Был Виталий Леонидович высококомпетентным специалистом и скрупулезным человеком.

Заслуга Зайкова и Катаева в том, что они (первый на высоком – министерском – уровне, а второй на более низком – *рабочем*) находили компромиссные решения, которые, учитывая часто не совпадавшие друг с другом ведомственные позиции министерств и различных родов войск, вырабатывали единый государственный подход по вопросам национальной безопасности.

Впоследствии, уже в постсоветское время, появились сообщения о том, что Катаев передал свой так называемый *архив* в Гуверовский центр Стэнфордского университета США. Думаю, что он хотел сохранить для истории те известные ему факты и события, для которых он не нашел соответствующего института или фонда в России. Нанес ли он этой передачей ущерб нашей стране? Конечно, для ответа на этот вопрос нужно знать содержание *архива*. Не зная этого, могу лишь высказать некоторые соображения.

Архив Катаева мог содержать только материалы, относящиеся к далекому советскому прошлому и имеющие чисто исторический интерес. В начале 1990-х гг. в ельцинско-козыревский период, наверняка в США утекло столько чувствительной информации, что никакие исторические архивы перекрыть ее не могут.

Конечно, жаль, что информация, которая могла бы быть достоянием российских историков, оказалась для них практически недоступна. Поэтому, не ставя на Катаеве клеймо предателя, я ограничился бы моральным его осуждением за передачу своего архива в США.

То, за чем порой скрываются различные секреты

В самом начале советско-американского диалога по стратегическим вооружениям между главами советской делегации В.С. Семеновым и американской Джерардом Смитом была достигнута договоренность о том, что не должна вестись вербовочная работа против другой стороны (об этом упоминает Дж. Смит в своих мемуарах). Я могу засвидетельствовать: эта договоренность соблюдалась. Но аналитическая работа, разумеется, велась.

В течение всей своей профессиональной жизни мне так или иначе приходилось анализировать то, за чем порой скрываются различные секреты. Анализ позиций другой стороны в ходе переговоров дает хорошее представление о сильных и слабых сторонах ее военных приготовлений. А иногда удается заподозрить и источники утечки секретной информации.

Работая в Совете Безопасности России, а ранее в Комитете информации советского МИДа, я знакомился с огромным количеством разведывательных донесений по линии и КГБ и ГРУ. Были очень интересные случаи.

Работая над проблемой предотвращения случайного и непреднамеренного применения ядерного оружия, американцы разработали систему, основанную на принципе «трех кнопок» (та самая PAL, которую я упоминал ранее на страницах этой книги). Это означает, что его применение возможно только при введении соответствующего кода американским президентом, министром обороны и начальником Объединенного комитета начальников штабов США. Американцам хотелось, чтобы такая система была и у нас. Но при уровне наших отношений и взаимной подозрительности они рассудили, что мы им не поверим, если они так просто, в открытую расскажут нам об этой системе. Они предпочли инсценировать эту передачу в виде *похищения* ее нашими разведчиками. Я видел фотографию документа с изло-

жением системы. Видимо, для *достоверности* даже его края были обгоревшими. Помогла ли нам эта *подсказка* или эта система у нас была и без нее, я не знаю. Как бы то ни было, но три «ядерных чемоданчика», о которых я рассказывал ранее, – это реальный факт.

Что же касается агентурной информации, то помимо неизбежной рутины, была иной раз и информация исключительная. В этих случаях каждый раз возникал вопрос: можно ли ее использовать? Не причинит ли это больше вреда, чем пользы? И не приведет ли ее использование к раскрытию вражеской контрразведкой нашей агентуры?

Интересный пример политического вреда действий разведки приводит в своей книге «Игра на чужом поле» бывший глава разведки ГДР Маркус Вольф. Его агент Гийом проник в ближайшее окружение Вилли Брандта, который был тогда канцлером ФРГ. Результатом стала отставка Брандта. Канцлером стал Гельмут Шмидт, и политика ФРГ стала более враждебной по отношению к ГДР.

А вот другой пример. Н.С. Хрущев в свое время делал иногда довольно рискованные заявления, которые, возможно, были основаны на донесениях наших агентов. Приводило ли это к раскрытию источников информации, я достоверно знаю только в одном случае. Но говорить об этом не буду.

Лучше вернусь к личным темам.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГДЕ МОИ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ?

Первое ощущение счастья в жизни

Была весна, и мне было шестнадцать лет. Школа. Урок химии. Накануне я весь вечер гулял по ташкентским улицам с девочкой, которая мне нравилась. Мы о чем-то говорили, смеялись... Видимо, нам было интересно и хорошо, расстались поздно. И вот я сижу в классе, у окна, луч солнца падает мне на лицо. И меня охватывает ощущение счастья. От всего – оттого, что вчера был такой хороший вечер, оттого, что сейчас на меня светит солнце, оттого, что я живу... Сажу не двигаясь, чтобы не спугнуть это чувство. Забываю о том, что происходит вокруг меня. Звонок... Урок окончен. Шум. Я выхожу из своего дивного оцепенения. Но как видите, я запомнил его на всю жизнь. Это было первое осознание радости от своего присутствия на свете.

Ухтомка

Первые мои жизненные впечатления связаны с жизнью именно там – станция Ухтомская Ленинской ж/д. Мой возраст: от двух до пяти. Этот период в силу моего малолетства не очень отразился в моей памяти. Помню гуся – он бежал за мной по зеленому-презеленому лугу, чтобы съесть меня или по крайней мере больно ущипнуть. Но ни того ни другого ему не удалось. Меня спас дядя Володя, с которым мы ходили на станцию встречать папу. В ожидании поезда с папой дядя Володя пил пиво и давал мне слизывать пену с кружки. Было очень вкусно.

Еще вспоминаю соседского мальчишка Колю, который научил меня играть в шахматы (ему было тогда шесть, а мне пять). Другое достижение того периода – я научился читать. Помогла мне в этом бабушка – Вера Семеновна Скокова, урожденная Игумнова. А дедушка, Дмитрий Иванович Скоков, научил меня кататься на коньках. Его методология заключалась в следующем: сначала надо учиться на бумажных коньках, потом на картонных, затем на деревянных, а уж после этого – на металлических. Бумажные и картонные он вырезал в виде подошв и приклеивал их к моим ботиночкам, деревянные выстругивал из палочек и прикручивал их веревочками, ну, а металлические были уже детские «снегурки», привязанные к валенкам.

Первые две стадии проходили в домашних условиях, а третья и четвертая на улице. В результате я сначала под руководством деда освоил движения руками и ногами, а уже лет в пять мог передвигаться на «снегурках» по заснеженным тротуарам.

А в конце концов пришел к беговым конькам – «норвегам», или «ножам». Центральный парк культуры и отдыха. Патриаршие (тогда Пионерские) пруды...

Вьется легкий вечерний снежок,
Голубые мерцают огни,
И звенит под ногами каток,
Словно в давние школьные дни¹.

Догони, догони!..

¹ Из песни «На катке» в исполнении эстрадной певицы Зои Николаевны Рождественской (1906–1953). – *Прим. ред.*

Томилино

В 1936 г. мой дед, Дмитрий Иванович Скоков, получил участок для строительства дома в поселке Томилино. Вместе со своим сослуживцем по Госбанку, где тогда дед работал, Хаджиковым, они построили один бревенчатый дом, разделенный бревенчатой, как бы звуконепроницаемой стеной. Однако не настолько непроницаемой, чтобы не слышать голоса их дочери Зои, которая была сильно глухой и поэтому говорила очень громко.

Участок был разделен пополам и по периметру густыми кустами, которые цвели по весне белыми цветами. Кусты назывались спирея. Территория эта когда-то принадлежала крупному купцу Тестову («тестовские трактиры») и находилась рядом с его дачей – затейливым трехэтажным сооружением с многочисленными верандами, балконами и т.д.

Летом 1937 г. мы переехали из Ухтомки в так называемый «Томилинский сарай», т.е. легкое сооружение из досок на полученном участке, где существовали параллельно со строительством дома.

На участок было завезено много бревен. Плотники их обтесывали для будущего сруба и пилили вдоль на доски для пола и потолка. Бабушка готовила им еду, и они ее ели, упершись локтями в самодельный стол и низко склоняясь к мискам. Видимо, под влиянием их манеры потребления пищи и я стал есть, как они. Бабушка мне как-то сказала: «Плотники едят так, потому что они устали. Им проще наклониться к ложке, чем подносить ее ко рту. Но ведь ты-то не устал. И гораздо удобнее сидеть за столом прямо и ложку подносить ко рту, а не наклоняться к тарелке». Так я с тех пор и стал делать.

До переезда в дом нам пришлось померзнуть в сарае. Как сейчас помню, стены его для утепления были обклеены газетами того времени, и свои первые политические знания я получал по этим *стенным* газетам. Поэтому процессы *врагов народа* у меня

до сих пор в памяти в виде украшавших стены сарая карикатур на них Кукрыниксов¹ и Бориса Ефимова².

Потом переехали в дом. Там были две комнаты, кухня и застекленная, но неотапливаемая веранда. Все улицы в Томилино были названы именами писателей. Центральной была улица Пушкина. По другую сторону железной дороги она переходила в улицу Гоголя и т.д. Мы жили на улице Карамзина, дом 18 (потом он был перенумерован в дом 22). Я долго думал, что и сам поселок Томилино получил имя какого-нибудь неизвестного мне писателя. Но оказалось, что Томилин, крупный московский купец, был первым застройщиком на той территории, которая когда-то входила во владение князей Оболенских. За ним последовали и другие купцы, в том числе известный Тестов. Тем не менее, когда я начал публиковать свои произведения (это случилось в 1957 г.), я взял псевдоним Ю. Томилин.

Итак, мои родители работали в Москве и там же проживали (улица Большая Коммунистическая, дом 11, квартира 13), а я был отдан на воспитание бабушке и дедушке в Томилино. В 1938 г. ко мне присоединился мой кузен Игорь Скоков (его родители – дядя Володя и тетя Зоя – тоже работали и жили в Москве). В том же году появилась на свет и моя сестра Ира. Но мы с Игорем (ему тогда было три года, а мне – шесть) ее всерьез не восприняли. Она еще долгое время была маленькой и ввиду своего *перепеленутого* состояния к нам в компанию не годилась.

У дедушки с бабушкой в Томилино были остатки *былой роскоши*: очень красивый иконостас-триптих с лампадой, раскладыва-

¹ Творческий коллектив советских художников – графиков и живописцев в составе М.В. Куприянова (1903–1991), П.Н. Крылова (1902–1990) и Н.А. Соколова (1903–2000). В основе псевдонима Кукрыниксов – первые слоги фамилий Куприянова и Крылова, а также первые три буквы имени и первая буква фамилии Николая Соколова. Наибольшую известность приобрели благодаря многочисленным карикатурам и шаржам, а также книжным иллюстрациям, созданным в карикатурном стиле. – *Прим. ред.*

² Борис Ефимович Ефимов (1900–2008) – советский художник-график, мастер политической карикатуры. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1932), лауреат Сталинской премии II степени (1950, 1951), народный художник СССР (1967), Герой Социалистического Труда (1990). Имел множество других наград СССР и Российской Федерации. – *Прим. ред.*

ющийся ломберный столик с зеленым сукном (бабушка была страстная преферансистка), старинный «холодильник» с двойными стенками, куда должен был закладываться лед, большой зеленый напольный ковер, несколько самоваров и книги. Из дореволюционных изданий – четырехтомный словарь Брокгауза и Ефрона и трехтомник Брэма (второй том, о пресмыкающихся, к сожалению, отсутствовал, поэтому эти самые пресмыкающиеся так и остались брешью в моем образовании). Из изданий 1920-х – начала 1930-х гг. полные собрания сочинений Льва Николаевича Толстого и Максима Горького и «История Гражданской войны» с фотографиями всех будущих «врагов народа» – Л.Д. Троцкого, М.Н. Тухачевского, В.К. Блюхера и т.д.

Книги явно не соответствовали моему тогдашнему возрасту, но тем не менее я их досконально изучил от корки до корки. Помню, я очень близко к сердцу воспринял трагическую историю Хаджи-Мурата³ и печальную судьбу Катюши Масловой⁴. Анна Каренина⁵ не вызвала у меня больших симпатий, а в «Войне и мире»⁶ мне вообще никто не понравился, хотя многие сцены вреzались в мою память на всю жизнь. Потом, в старших классах школы и на институтских экзаменах по литературе, я не раз спекулировал эмоциональным и, видимо, довольно точным воспроизведением, например, ощущений тяжелораненого Андрея Болконского⁷, лежавшего на поле Аустерлицкой битвы, и объездом этого поля Наполеоном. А из произведений Максима Горького мне больше всего понравились «Мои университеты» и «Дело Артамоновых»; «Клима Самгина» я, конечно, прочитал тоже, но, видимо, еще тогда не дорос до понимания всех его

³ Герой повести «Хаджи-Мурат» русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910). Хаджи-Мурат – это реальное историческое лицо, аварец, сражавшийся против русских в Кавказской войне (1817–1864), но решивший перейти на их сторону и выступить против имама Шамиля. – *Прим. ред.*

⁴ Героиня романа «Воскресение» русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910). – *Прим. ред.*

⁵ Героиня романа «Анна Каренина» русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910). – *Прим. ред.*

⁶ Роман русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910). – *Прим. ред.*

⁷ Герой романа «Война и мир» русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910). – *Прим. ред.*

глубин. Хотя сцена, когда какой-то мальчик тонет в проруби, а Клим его не спасает («А был ли мальчик-то?»), поразила меня. Из «Истории гражданской войны» мне больше всего запомнились карикатуры – на А.Ф. Керенского, А.И. Гучкова, Б.В. Савинкова (он нюхает цветок, а под рисунком стоит подпись: «Морали нет, есть только красота») и другие.

Война в моей жизни

Летом 1941 г. я жил под Москвой, в Томилино. Мне было тогда девять лет. Очень хорошо помню 22 июня. Это был выходной. В доме уютно пахло кофе и пирогами. И вдруг по *черной тарелке* объявляют о том, что будет выступать В.М. Молотов с важным сообщением. Так для меня началась Великая Отечественная война (1941–1945).

Дед за домом отрыл *щель* – легкое бомбоубежище. Будучи богатырского телосложения, щель эту он соорудил самолично, хотя было ему уже прилично за шестьдесят. А щель эта была два метра глубиной и метра полтора в ширину. Ну и конечно, в длину метра на четыре. Сверху ее закрывал настил из бревен и земли, а внутри были устроены нары, на которых мы проводили ночь во время немецких авианалетов. Там можно было спастись от «зажигалок» (они сыпались в изобилии), взрывных волн фугасных бомб и осколков.

Сдали в поселковый совет шестилампный приемник (чтобы не слушать *вражескую пропаганду*)¹. Окна вечерами стали занавешивать темной тканью (светомаскировка) и заклеили бумажными крестами (считалось, что они предохранят стекла от взрывной волны).

В ночь с 21 на 22 июля – первый авиационный налет на Москву. Меня разбудили, чтобы я шел в убежище. Выйдя на крыльцо, я увидел незабываемое зрелище: по небу металась прожектора, ухали зенитки, и прерывисто гудели немецкие самолеты. Вот несколько прожекторных лучей скрестились в одной точке, и в ней оказался серебристый самолет. Очень хотелось посмотреть, как его будут сбивать, но меня препроводили в убежище. Там пахло сырым песком и сеном,

¹ Как ни странно, в 1945 г. приемник, точнее его корпус, был нам возвращен. Внутри корпуса остались обрывки проводов и какие-то панели, которые, видимо, трудно было отодрать.

которое было настлано на лежаки. Такие детали сохранила память о первом месяце войны.

Авианалеты стали повторяться часто. Меня и трехлетнюю сестру Ирку уже с вечера начали укладывать спать в бомбоубежище. Во время налетов мама и бабушка находились с нами, а дед оставался снаружи – караулил, чтобы на дом не упала зажигалка (на этот случай на чердаке и перед домом были припасены ящики с песком и железные щипцы). Предосторожность эта была отнюдь не лишней: на нашей улице сторело несколько домов. Дед потушил несколько таких «зажигалок» при помощи песка и клешей (бомбочки эти были небольшие).

Вообще окрестностям Москвы от авианалетов доставалось крепко: не прорвавшиеся в Москву через ПВО немецкие самолеты перед возвращением домой сбрасывали на них весь свой бомбовый запас – и зажигалки и фугасы. Так что однажды от недалеко разорвавшейся фугаски все стекла с одной стороны дома, вместе с бумажными крестами, вылетели.

У меня появилось новое увлечение – коллекционирование осколков от зенитных снарядов (до этого я коллекционировал марки, конфетные фантики и спичечные коробки).

В августе 1941 г. мама решила, что нам надо уехать от бомбежек в Озёры, которые находились в более чем ста километрах к востоку от Москвы. Это была родина моих родителей, и там можно было остановиться и пережить авианалеты в домике бабушки Оли, матери папы. Поехали вчетвером – мама, бабушка, я и моя трехлетняя сестра Ира. Доехали на поезде до Коломны, а там пересели на узкоколейку до Озёр. Этот узкоколейный паровик шел со скоростью пешехода. Поэтому 20 км до Озёр проехали значительно дольше, чем 100 км до Коломны.

Очень скоро там начались бомбежки посильнее, чем в Томилино. Дело было в том, что немцы стали обходить Москву с юга, видимо, пытаясь взять Москву в кольцо. К тому же недалеко была расположена крупная электростанция, и она была несомненным объектом немецких бомбежек. Немцы практиковали сбрасывание на парашютах осветительных факелов, видимо, для более точного бомбометания или, может быть, чтобы труднее было нашим зенитчикам стрелять по их самолетам. Вся местность заливалась каким-то жутковатым освещением. В общем, пробыли мы в Озёрах очень недолго и в начале сентября вернулись в Томилино.

В Госбанке, где работал отец, было создано управление, которое занималось вывозом денег и ценных документов из отделений Госбанка на оставляемых территориях. Сотрудники управления, в том числе отец, были военнообязанными и находились на казарменном положении. Командировки, в которые они все время выезжали, видимо, были довольно опасными из-за риска попасть в окружение или подвергнуться нападению грабителей. Наверное, это было не так опасно, как оказаться в ополчении в окопах на передовой, но мама очень сильно волновалась. В дальнейшем, когда началось наше наступление, задачей управления стало восстановление денежной системы на освобождаемых территориях.

В октябре в учреждении, где работала мама, было объявлено о предстоящей эвакуации. И вот 14 октября мама, бабушка и я с Иркочкой отправились с нашей улицы Карамзина на станцию, чтобы следовать в Москву и далее – в Казань. Дед категорически отказался от эвакуации, сказав, что должен охранять дом. Надо сказать, что дядя Володя, брат мамы, был в то время главным механиком фабрики «Трехгорная мануфактура». А фабрика эта во время войны не только шила гимнастерки для солдат, но и в своих механических цехах делала снаряды для катюш². На случай сдачи Москвы все ключевые узлы этих цехов были заминированы. Как я много позже прочитал в воспоминаниях Павла Анатольевича Судоплатова³, таких заминированных объектов в Москве было очень много.

Трехгорка была одним из них. Наверное, включать рубильники для взрыва должны были *специальные товарищи*, но в панической обстановке того времени (середина октября 1941 г.) приказания отдавались по всем линиям, и, как уже после войны рассказывал дядя Володя, у него был приказ – еще до взрыва (наверное, на всякий случай) вывести из строя чисто механическим путем все агрегаты, которые находились под его контролем.

² Неофициальное название бесствольных систем полевой реактивной артиллерии, использовавшейся советской армией в годы Великой Отечественной войны. – *Прим. ред.*

³ Павел Анатольевич Судоплатов (1907–1996) – генерал-лейтенант НКВД СССР, советский разведчик, сотрудник спецслужб. Делился своими воспоминаниями в мемуарах «Разведка и Кремль», «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы». – *Прим. ред.*

Но одновременно никто не снимал с него обязанность производить снаряды для катюш. Что он и продолжал делать. По тем суровым временам расстрел грозил и в том и в другом случае: и если прекратишь производство (саботаж), и если не прекратишь (намерение передать врагу в случае взятия им Москвы один из главных секретов того времени).

Конечно, лучше уж было не прекращать. Когда паника немного схлынула, поступил строгий приказ: в трехдневный срок возобновить производство снарядов. Главный механик Трехгорки отрапортовал уже на следующий день, что производство ведется в нормальном режиме. За это он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, чем очень гордился.

Дед, Дмитрий Иванович Скоков, несмотря на то что было ему уже под семьдесят, очень хотел защищать не только свой томилинский дом, но и Москву. А его сын Володя очень хотел уберечь отца. И он сыграл на его чувствительнейшей струнке – любви к лошадям. Он сказал: «Папа, в нашем управлении делами есть лошадка, которую нечем кормить. Она может подохнуть. Бери ее и езжай в Томилино, а потом, может быть, и в Озёры». По дороге из Москвы в Томилино дедушка каким-то образом подобрал винтовку с комплектом патронов, очевидно, брошенных каким-то дезертиром (о деталях дедушка не распространялся). Винтовку дед тщательно смазал и вместе с патронами зарыл в саду под вишней («на всякий случай»). Ну а потом – в начале 1942 г. и лошадка Орлик, и винтовка с патронами были возвращены государству.

А теперь вернусь к нашей эвакуации. Естественно, я взял с собой коллекцию осколков, поместив ее в свой школьный портфель. В то время налеты немецкой авиации не прекращались ни днем ни ночью. Так что по дороге на станцию я пополнял свою коллекцию осколков свежими, еще теплыми. 14 октября 1941 г., когда мама, бабушка, малолетняя сестра и я были отправлены в эвакуацию, на Казанском вокзале царил дикая паника. Все куда-то металось, орали, толкались. Наконец, мы погрузились в «теплушку» – товарный вагон с трехэтажными нарами.

Ехали мы долго (кажется, порядка двух недель), потому что часто останавливались: то пропускали встречные воинские эшелоны, то пережидали, когда возобновится движение после оче-

редной бомбежки. Особенно долго стояли перед станцией Черусти. Наконец впустили. Там в воздухе летал какой-то пух, а на земле виднелись следы не очень хорошо засыпанных песком луж крови. Мне разрешили выйти из вагона, чтобы набрать питьевой воды, благо водопроводный кран оказался в пределах видимости от нашего вагона. И только я спустился на землю, как раздался оглушительный взрыв. И все кинулись обратно в вагоны. И правильно сделали, так как состав тут же тронулся. Что это был за взрыв, не знаю.

Воспоминания от эвакуации: просыпаемся очень рано от радио, которое не выключалось⁴ (все время слушали, что там, на фронте). «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»⁵ – мороз по коже. Каждое утро в 6:00.

Недели через три нас перебросили в Куйбышев (ныне Самара). Плыли на пароходе. Ноябрь был холодный, навигация закрывалась, и, помню, все боялись, что Волга начнет покрываться льдом. Но обошлось, доплыли до Куйбышева. Поселили нас на окраине города, в домике, где жила рабочая семья – Иван Захарович, Анна Петровна и две их дочери – Катя и Даша. Все они работали на «Безымянке». Так называлось место под Куйбышевом, где на базе части эвакуированного из Воронежа авиационного завода создавался новый завод по производству самолетов.

До сих пор помню теплоту и доброжелательность наших хозяев. Поселились мы в отдельной маленькой комнатке с кроватью, на которой все мы четверо спим поперек (для мамы и бабушки под ноги пододвигаются табуретки). А столовались вместе с хозяевами. К тем продуктам, которые выдавали по карточкам, хозяева добавляли летние запасы из погреба. До сих пор помню маленькие соленые арбузы. Это было главное лакомство.

В той комнатке, где мы жили, была книжная этажерка. Она была заполнена какой-то технической литературой. Но были две книги, которые я читал и, за неимением других художественных

⁴ Во время войны радио было только одно – висящая на стене черная картонная тарелка, включавшаяся в сеть. Слушать, естественно, можно было только одну, единственно существовавшую программу государственного радиовещания.

⁵ Слова из песни по мотивам стихотворения «Священная война» Василия Лебедева-Кумача (1898–1949). – *Прим. ред.*

произведений, перечитывал несколько раз, – «Госпожа Бовари»⁶ и «Король Лир»⁷. Видимо, на них-то я и испортил свое зрение – электричества не было, и по вечерам читал я при тусклой свечке. Во всяком случае, именно в Куйбышеве к концу нашего пребывания там обнаружилось, что у меня начала развиваться близорукость. Но и «Госпожу Бовари», и «Короля Лира» я запомнил настолько хорошо, что на экзаменах по западной литературе в институте я, независимо от вопросов в билетах, старался свернуть так или иначе на Флобера и Шекспира и цитировал их, к полному удовлетворению профессора Дюшена.

Эвакуация наша длилась недолго. В апреле 1942 г. мама добилась возвращения в Москву. Правда, мы с Ирккой ехали нелегально, так как с детьми въезд в Москву был еще запрещен. Ехали на этот раз в пассажирском вагоне типа нынешних пригородных электричек. Перед проходом очередного контроля проводница нас предупреждала (видимо, она была каким-то образом простимулирована), и мы с Ирккой залезали под нижнюю полку, где было оборудовано специальное логово, отгороженное (по крайней мере символически) от глаз контролеров вещами.

Перед отъездом из Куйбышева свою коллекцию осколков я подарил другу из соседнего дома Кольке⁸. А он подарил мне штык к винтовке. Штык был настоящий, трехгранный, хотя и сильно ржавый. Оба были счастливы.

Тогда же мы с Колькой решили изучать немецкий язык. Он собирался идти на фронт в разведчики. Я, будучи несколько младше, думал, что немцев мы разобьем еще до того, как изучим немецкий язык. Но на всякий случай попросил его раздобыть какой-нибудь учебник. Колька меня снабдил учебником немецкого языка для пятого класса (тогда в школах иностранные языки начинали учить именно с этого уровня). Я усвоил несколько полезных фраз типа «Курт унд Марта фарен нах Анапа»⁹ и «Курт

⁶ Роман французского писателя Гюстава Флобера (1821–1880). – *Прим. ред.*

⁷ Трагедия английского поэта и драматурга Уильяма Шекспира (1564–1616). – *Прим. ред.*

⁸ В детстве у меня действительно почему-то было много друзей с этим именем. Так что повторение этого имени в моих детских воспоминаниях не из-за недостатка фантазии, а по причине склонности к правдивости и реализму.

⁹ «Kurt und Martha fahren nach Anapa» в переводе с немецкого – «Курт и Марта едут в Анапу». – *Прим. ред.*

унд Марта баден»¹⁰. Потом было что-то насчет «шрайбен»¹¹, а вот «хенде хох»¹² я в учебнике не нашел. Эту фразу я усвоил по подписям под карикатурами Б.Е. Ефимова, которые регулярно появлялись в газетах.

Дом в Томилино сохранился, а дед постарел за полгода лет на десять. Участок засадили картошкой. Вернее, сажали кусочки кожуры с ростками («глазки»), а саму картошку съедали. Время от времени мама, нагрузившись кое-какими оставшимися вещами, отправлялась по окрестным деревням, где выменивала вещи на нечто съедобное. Деликатесами были кисель из овсяной муки и подсушенная свекла, которую бабушка называла «цукатами».

Подспорьем была крапива, из которой варились *щи*. Поскольку в самом поселке ее быстро съели, приходилось ходить за ней довольно далеко. Попутно набирали сучьев – для печки (дров-то не было).

Летом жить было можно. А вот зима 1942–1943 гг. была очень тяжела. Холод и голод. В школе сидели, не раздеваясь и не снимая рукавиц. Но была большая радость – победа под Сталинградом. И хотя и холод и голод оставались, все воспрянули. Это ощущалось и дома, и в школе.

В классе выпускалась стенгазета. Ее разрисовывал Витька Скворцов, а я ему помогал, так как умел рисовать танки и Буденного¹³ на коне. Жил Витька в домике, стоявшем около пристанционной столовой. Это последнее обстоятельство, видимо, сыграло важную роль в том, что директор столовой подрядил его написать лозунги к Первому мая. А Витька привлек к этому делу и меня. Несколько дней мы возились над красными полотнищами, намечая мелом тексты и раскрашивая буквы белилами.

¹⁰ «Kurt und Martha baden» в переводе с немецкого – «Курт и Марта купаются». – Прим. ред.

¹¹ «Schreiben» в переводе с немецкого – «писать», «сочинять». – Прим. ред.

¹² «Hände hoch!» в переводе с немецкого – «Руки вверх!». Выражение «хенде-хох» стало разговорным фразеологизмом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) и означает «Стой», «Не двигайся», «Руки вверх». – Прим. ред.

¹³ Ранее упомянутый автором Семен Михайлович Буденный (1883–1973), глава Первой конной армии, временной конной армии РККА Вооруженных сил Советской России, созданной в годы Гражданской войны в 1917–1922 гг. – Прим. ред.

Видимо, творчество наше было более удачным, чем у Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова на агитпароходе¹⁴. Во всяком случае, по завершении каждого трудового дня нас кормили картошкой. До сих пор помню восхитительный вкус этого блюда. Это был мой первый гонорар.

Летом 1943 г. в школе была устроена *детская площадка*. Мы там проводили дневное время, а вечером расходились по домам на ночлег. В общем это была форма подкормки детей и отвлечения их от неправильного времяпрепровождения. Школа наша была начальной, в ней было всего четыре класса. Но в четвертом классе были переростки – по 14–15 лет. Они оставались на ночные *дежурства*, под руководством нескольких девчушек-пионервожатых. Витька, который был старше меня на три года, дежурил с большим энтузиазмом, а после посвящал меня в таинства отношений между полами. Конечно, в моем одиннадцатилетнем возрасте эта информация носила для меня чисто академический характер. Впрочем, наложив ее на сведения, почерпнутые из досрочно прочитанных художественных произведений классической литературы (как то «Воскресение», «Анна Каренина», «Госпожа Бовари» и т.д.), я, несомненно, прогрессировал в своем развитии.

Значительно больший интерес вызывали у меня поездки со старшими ребятами в Люберцы на базу за продуктами для *детской площадки*. После каждой поездки всегда что-то перепало в качестве награды – ломоть хлеба, а то и несколько кусочков сахара к нему. Да и само приобщение к элите ребячьего мира, конечно, льстило. Во время одной из таких поездок по громкоговорящему на люберецкой платформе было объявлено о том, что нашими войсками взяты Орел и Белгород и что в ознаменование этого будет произведен салют. А потом и началось – салют, салют, салют...

Весной 1945 г. я жил в Москве, на Тверском бульваре. 8 мая¹⁵ я уже спал, когда было объявлено о капитуляции Германии. Дед разбудил меня, я никогда не видел его таким радостным: «Юрик,

¹⁴ Герои романа «Двенадцать стульев» советских писателей-сатириков XX века И.А. Ильфа (1897–1937) и Е.П. Петрова (1902–1942). – *Прим. ред.*

¹⁵ Объявление было сделано по московскому времени после 12 ночи, т.е. 9 мая.

вставай скорее, победа!». Мы пошли с ним к Пушкинской площади, потом по улице Горького к Манежу. Радостные, счастливые толпы. Качают военных, обнимаются, смеются, поют, пляшут... Да, это был великий день. В общем, могу сказать, что войну я пережил не так тяжело, как, скажем, блокадники Ленинграда, так уж судьба сложилась. Но цель моих воспоминаний о войне не только в том, чтобы вспомнить несчастья и тяготы, обрушившиеся на нас, но и воссоздать тот бытовой фон, на котором происходила эта война, окончившаяся Великой Победой.

Таганка

Нет, речь пойдет не о тюрьме, о которой существует известная песня. Судьба сохранила меня от нее. А поскольку осталось совсем немного времени, есть надежда, что, может быть, и обойдется. Просто в начале 1940-х гг. я жил на Таганке, где у моих родителей была очень маленькая комнатка в двухкомнатной квартире на отходившей от Таганской площади улице Большая Коммунистическая, дом 11, квартира 13.

Дом был старый. Для того чтобы достигнуть нашей квартиры, сначала надо было пройти дурно пахнущую подворотню и через первую дверь направо подняться на второй этаж. Крохотную двухкомнатную квартирку мы, т.е. папа, мама, я и малолетняя сестра Ира, делили с весьма интеллигентной Рахилью Израилевной и ее двумя взрослыми (так мне тогда казалось) дочерьми – Каролиной и Соней. Каролина заканчивала школу, а Соня была на несколько лет моложе. Почему-то мне больше запомнилась Каролина. Может быть, потому что она была вполне оформившаяся девушка, а мне тогда было уже 11–12 лет.

Вся моя жизнь в тот период проходила во дворе (ну и в школе, конечно, но в основном во дворе). Двор был огромный (так мне тогда казалось). С трех сторон его окружали дома-домишки, а с четвертой стороны, внизу, под горкой – противопожарный пруд.

Этот пруд зимой превращался в каток. Там мы играли в хоккей. Конечно, ни о каком канадском хоккее никто понятия не имел. Поэтому гоняли какую-нибудь ледышку при помощи сучков с загогулиной на конце. Имитировали хоккей с мячом.

Но было и другое зимнее развлечение. Наша улица зимой покрывалась накатанным, заледеневшим покровом (снег-то ведь не убирался). По ней время от времени проезжали автомобили. У нескольких ребят из нашего двора были сделанные из железных прутьев крюки с привязанными к ним веревками. Владелец крюка зацеплялся им за борт проезжавшего грузовика, а осталь-

ные ребята, кто успевал, хватались за хвост веревки. Образовывалась вереница любителей острых ощущений. Доехав до Таганской площади, отпеплялись и аналогичным образом, дождавшись встречного транспорта, возвращались к дому. Конечно, скорость тогдашнего автотранспорта была невелика. Но все равно дух иногда захватывало.

У меня тогда ноги уже доросли до размера тех ботинок с приклепанными коньками «нурмис», на которых в молодости каталась мама. И вместо «снегурочек», прикрученных на валенки, я стал кататься на этой роскоши. Ботинки были с теплой суконной подкладкой малинового цвета. А сами коньки были сделаны из какой-то невероятной заграничной стали, которая не зазубривалась, даже когда во время поездок на веревке за грузовиком конек наезжал на булыжник (мостовая-то была булыжная).

Во дворе меня научили устраивать взрывы. Они были двух типов. Можно было соскрести серу с нескольких десятков спичек, забить ее в отверстие большого ключа, вставить туда гвоздь и ударить этим сооружением (со стороны гвоздя, естественно) о стену дома. Получался небольшой взрыв. Прохожие сильно пугались, что и было главной нашей целью. Другой вариант: берется «карбид» (что это такое и откуда он добывался, я до сих пор не знаю), в него льется вода, и через какое-то время в результате реакции происходит взрыв. Этот вариант был очень хорош для школьных классов. Можно было подсыпать на перемене карбид в чернильницу или пузырек с чернилами одному из одноклассников и дальше с замиранием сердца ждать эффекта. И вот в разгар урока раздается взрыв. А? Каково?

Эффект был особенно хорош во время письменной работы, когда сосуд, содержащий чернила с карбидом, стоял на парте. Тогда происходил не только аудио-, но и видеоэффект, поскольку чернила попадали на владельца чернильницы-пузырька. Прямо на его лицо! Вот это было да! Как же все смеялись! Вот это был настоящий, говоря по-современному, кайф. Ха-ха-ха... До сих пор смешно.

Во внезапное время запускали змеев и *зачеканивали* чужих змеев, появлявшихся над нашей территорией. Естественно, с соседних дворов так же поступали и с нашими змеями. Возникали разборки. Больших драк я не помню, но все-таки толковища были. Общий-то наш возраст был не очень кровожадный.

Старшее поколение (15–17 лет) нами, малявками (10–13 лет), пренебрегало. Но иногда снисходило до того, чтобы показаться во дворе, чтобы продемонстрировать свое прибратненное превосходство. Они назывались «огольцами». Штаны, заправленные с напуском в хромовые сапожки, кепка-восьмиклинка с минимальным козырьком (максимум на палец). Ну конечно, главный шик – фикса. То есть золотой зуб. Он изготавливался из фольги. Видимо, они были на подхвате у каких-то более взрослых дядей. Таганка тогда была криминальным районом. И даже я однажды, возвращаясь вечером из библиотеки-читальни, попал в такую облаву (видимо, потому что был довольно крупный для своего возраста). Но дело закончилось тем, что меня осветили фонарем и, убедившись по моему пылящему виду в моем несоответствии с образом закоренелого бандита, посоветовали побыстрее добраться до своей двери. Сделал я это с большим удовольствием.

Часто играли в Чапая¹. Признанным «Чапаем» был Васька. Но думаю, что роль свою он получил не только и не столько из-за имени. У него, несомненно, были качества лидера. А для Чапая, конечно, были нужны враги, т.е. «белые». Почему-то я всегда оказывался среди них. Мне это было очень неприятно. Конечно, я всей душой был за «красных». Но видимо, срабатывало какое-то чувство противоречия против власти Чапая. А может быть, во мне проглядывал «социально чуждый элемент».

Спустя лет сорок после таганского детства я по каким-то делам оказался недалеко от своего бывшего таганского дома. И зашел в тот двор. И что же я увидел? Как ни странно, все было то же самое. Абсолютно ничего не изменилось. Но все стало меньше в несколько раз. Остался и наш дом. Остались и дома с голубятнями слева. И антипожарный пруд внизу. Но все это стало очень маленьким. Все ушло куда-то. В детство...

¹ Василий Иванович Чапаев (1887–1919) – военный деятель, участник Первой мировой войны (1914–1918), герой Гражданской войны в России (1917–1922). – *Прим. ред.*

Московские коммуналки

В Москве мы жили в нескольких коммунальных квартирах. Особенно мне запомнился дом 6 по Тверскому бульвару. Представьте себе так называемый бывший «доходный дом»¹. Входишь через арочную дверь в красивый подъезд, поднимаешься по широкой лестнице с роскошными перилами (по ним очень удобно было спускаться верхом) до нужного этажа, открываешь дверь и оказываешься в совершенно другом мире – коммунальном. Прежде всего ощущаешь его аромат – это чают на кухне керогазы, керосинки и примусы. Проходишь по коридору, по стенам которого развешаны тазы, разные стиральные принадлежности, иногда велосипеды и т.д. И достигаешь своей комнаты – одной из семи, которые когда-то (до 1917 или 1918 г.) составляли жилище какого-нибудь, наверное, адвоката или врача или другого небедного господина. Сейчас в каждой комнате живет семья. Все обитатели, естественно, хотят готовить себе пищу, справлять естественную нужду в единственном туалете, стирать и сушить (на кухне) белье, умываться по утрам и вечерам (опять же в единственной ванной комнате), а иногда даже, черт побери, даже чего-то еще помыть у себя! Горячей воды в водопроводе в те времена, конечно, не было, поэтому все помывно-стиральные потребности требовали кухонного нагрева.

Помимо всех этих бытовых стеснений, само по себе проживание значительного количества людей в замкнутом пространстве требовало, понятно, личностной совместимости. Но в отличие от современного подбора космонавтов в коммунальные обиталища попадали люди без предварительных тестов на эту самую совместимость. По счастью, о серьезных коммунальных коллизиях я знаком больше по литературе, прежде всего по рассказам моего

¹ Под «доходным домом» в прошлые века понимали многоквартирное жилое здание для сдачи в аренду. В России первые «доходные дома» появились в Санкт-Петербурге в XVIII веке. – *Прим. ред.*

любимого М.М. Зоценко. Конечно, и у нас образовывались время от времени какие-то *альянсы* и *антанты* одних против других. Потом одни союзы распадались и образовывались иные, но до крупных баталий дело не доходило. Но кое-какие шероховатости случались.

Конфликт обычно разрешался при помощи соседа дяди Сережи, который до войны занимался боксом (его перчатки висели в коридоре), а потом был демобилизован по ранению и обычно находился дома, так как занимался каким-то инвалидным надомным промыслом. Мордобоя в особо крупных размерах я не помню, хотя дебют обычно бывал бурным, но вскоре он переходил на фронтовые воспоминания, заканчивавшиеся уходом обоих из квартиры.

Другой конфликтообразующий источник находился за стеной нашей комнаты. Там жила пожилая пара бывших чекистов. Вы спросите, ну откуда я, мальчонка, мог знать, что они бывшие чекисты? Очень просто: в коммунальной квартире все знали обо всех все (как – не знаю, но это факт). Оба они были на пенсии, причем Василий Андреевич явно по инвалидности. Он выходил к телефону, висевшему в общем коридоре, и очень громко требовал соединить его с товарищем Сталиным. Потом он начинал столь же громко объяснять абоненту вопиющую несправедливость, выразившуюся в увольнении его из органов, а также ошибки более широкого характера, допускавшиеся во внутренней политике. Так я впервые в жизни услышал критику в адрес существовавшего строя.

Болезнь Василия Андреевича прогрессировала, осложнившись манией преследования. Однажды он попытался спастись от преследователей через окно (дело происходило на шестом этаже). Там он замер на узком приступочке (уму непостижимо, как он там смог продержаться). Его жена быстренько позвонила по телефону, и вскоре приехали какие-то люди, которые через соседнее окно сумели втащить Василия Андреевича внутрь и куда-то его увезли.

Ташкент – город хлебный

В конце мая 1945 г. мы переезжаем на четыре года в Ташкент, куда командируют отца. После голодной Москвы – это рай земной. Таких восхитительных фруктов и овощей, какие я ел там, больше ни в одной стране мира мне попробовать не довелось. Нежнейший виноград «дамские пальчики», персики, освобождающиеся от своих ворсистых покровов от легкого прикосновения пальцев, чарджоуские и прочие дыни. Да что там говорить! Нигде ничего подобного в мире нет и быть не может.

Как и в Москве во время войны, в Ташкенте за предприятиями были закреплены загородные участки, обрабатываемые сотрудниками в свободное от работы время. Для подкормки в условиях карточной системы. Но было отличие: на подмосковных участках выращивалась в основном картошка, а здесь – все мыслимые и немыслимые овощи и фрукты, дыни и арбузы. Мой приезд в Ташкент совпадает со сбором вишни и урюка. Я, конечно, активно участвую в трудовом процессе и в первое же воскресенье так объедаюсь урюком, что на многие годы приобретаю к нему стойкое отвращение.

Впервые в жизни мы поселяемся в отдельной, а не коммунальной квартире. Это часть одноэтажного четырехквартирного дома дореволюционной постройки. Русские, пришедшие в Среднюю Азию (по современной терминологии – «колонизовавшие» этот край), придумали тип здания, совмещавший местную специфику (опасность землетрясений и изобилие местного строительного материала – глины) с их образом жизни, отличавшимся, конечно, от местного. На фундамент ставился деревянный каркас, а стены делались из самана, т.е. глины, смешанной с высушенным и мелко изрубленным камышом (или его подобием), росшим по берегам местных речек – «су»¹. После страшного ташкентского

¹ Я видел, как при приготовлении самана узбеки добавляли в этот замес ослиный навоз (видимо, для большей вязкости). И все это размешивалось босыми ногами.

землетрясения 1950-х гг., разрушившего почти весь город, устояли именно такие дома. Деревянный каркас ходил ходуном, саманные стены сыпались, но легкий материал не мог причинить вреда тем, кто не успевал выбежать из дома.

Рядом с нашим – такой же дом, а между ними большое пространство, где растут огромные деревья с грецкими орехами и протекает арык. Язык не поворачивается назвать это пространство двором, хотя это именно двор, где собирается ребятня из соседних домов. Там мы играем в футбол, а к концу лета, когда созревают орехи, – в орехи (местный вариант игры в «бабки») и на орехи, т.е. в азартные карточные игры, расплачиваясь орехами. Эту валюту добываем тут же во дворе, залезая на ореховые деревья. Процесс не так уж и прост, он требует некоторой физической подготовки и навыков. Так что орехи как денежный эквивалент вполне сравнимы с красивыми ракушками, использовавшимися с той же целью полинезийскими аборигенами.

Впрочем, для футбола двор маловат. Да и жильцы близлежащих домов недовольны: мяч часто попадает в их клумбы и прочие зеленые насаждения. Кто-то приносит весть: на стадионе «Медик» будет проводиться чемпионат Ташкента среди дворовых команд. Набираем одиннадцать человек и отправляемся на стадион. Записавший нашу команду распорядитель посмотрел на наши босые ноги и спросил:

– А что, тапочек-то у вас никаких нет?

– Да мы все время так играем (тапочек, а также иной спортивной обуви у нас действительно не было).

– Ну-ну. Валяйте.

Смысл его вопроса стал понятен сразу же после нашего выхода на поле: все оно было покрыто не травой, а верблюжьей колючкой. Правда, поскольку начиная с апреля все ходили босиком (вне школы, разумеется), у каждого нарастала такая естественная подошва, которая ненамного уступала обувной. И все-таки после каждой игры приходилось извлекать из ступней особо злобредные шипы. Не помню, какое место мы заняли в чемпионате. Но на то лето дворовые клумбы были спасены.

А на следующее лето появилось другое увлечение. Самый старший из нас – Генка Рыжий – поступил на работу в электромонтерскую артель и принес оттуда несколько пар монтерских

перчаток – из прорезиненного брезента с раструбами. Он сказал, что они могут заменить боксерские.

Обозначили ринг, и начались баталии. Сражались либо один на один, либо двое на двое. Перчатки действительно предохраняли фаланги пальцев при ударе, но никак не физиономии при удачном попадании. Впрочем, крупных травм не было, так как действовало железное правило: драться до первой крови или прикосновения рукой до земли. Ну и конечно, ниже пояса не бить. Нокаутов не было, а легкие нокдауны случались.

Все вышеописанные развлечения были, естественно, чисто мальчишечьими. Девочки присутствовали как бы за кулисами. Но возникали и первые романтические ситуации. Несомненная прима – Римма К. Но она была старше меня года на два, поэтому я вне игры. А ребята постарше ходили вокруг нее табуном и били копытами.

Школьные годы

Конечно, воспоминания о школьных годах неизбежно бывают окрашены теплыми ностальгическими чувствами. И уж разумеется, нельзя не ощущать благодарности своим учителям, обучавшим тебя, по сути дела, не столько наукам, сколько жизненным началам. Мне пришлось поучиться из-за смены мест жительства в шести школах. Только в одной школе – в Ташкенте – я проучился подряд четыре года: с шестого по девятый класс. На другие пять школ пришлось соответственно шесть лет. Это значит, что довольно много учителей приложило руку к моему образованию. И должен сказать, что большинство из них было несчастными людьми. По разным причинам, но несчастными. Хотя были, конечно, и исключения. Я начну с них.

В девятом классе английский нам преподавала Лидия Алексеевна. Так мы ее звали в соответствии со школьным этикетом. А на самом деле это была *очаровательнейшая* Лидочка, красавица, только что закончившая институт. Поголовно все девятые и десятые классы, где она преподавала, были влюблены в нее. Она это прекрасно понимала, ей это очень нравилось, и, видимо, поэтому все ее уроки были окрашены какими-то праздничными цветами. Учительская карьера ее продолжалась недолго. Она вышла замуж и исчезла со школьного горизонта.

В десятом классе историю нам преподавал Лев Борисович Лифшиц. Он был фронтовик, командовал пулеметным взводом, а после войны закончил исторический факультет педагогического института и поступил в аспирантуру. Одновременно он преподавал, зарабатывая себе на жизнь. Как и Лидочка, Лев Борисович был ненамного старше своих учеников. Он был влюблен в историю и уроки вел вдохновенно. Объясняя новый материал, он рассказывал какие-то яркие истории, которых не было в учебнике, ставил вопросы, над которыми советовал подумать и для которых просил найти ответы к следующему уроку; спрашивая за-

данный материал, особенно ценил собственные суждения отвечающего. Все это было захватывающе интересно. А что стало потом со Львом Борисовичем, я не знаю.

Еще одно яркое явление в моей школьной жизни – преподаватель математики Арон Хачатурович Айвазян. По-моему, к школьным математическим премудростям он относился свысока. Быстренько объяснив предусмотренное программой какое-нибудь правило, закон или теорему, он открывал спортивное соревнование – кто первый решит задачку. Тому он ставил пятерку. При этом он хронометрировал скорость, положив перед собой часы. Но особенно Арон Хачатурович мне запомнился своими красочными рассказами о великих математиках. Его любимым математиком был Эйлер. Говоря о нем, он восторженно закатывал глаза. «Это был виртуоз, вот как бывают виртуозы-балалаечники, – кричал он. – А Гаусс был, конечно, более основательным, чем Эйлер, но такого блеска у него не было», – сокрушался Арон Хачатурович. Ему было лет тридцать с небольшим, и он еще не погряз в рутине преподавания, куда погружались учителя более старших возрастов.

В ташкентской школе почему-то не было преподавателей-узбеков. Даже узбекский язык преподавал нам русский – Иван Михайлович Иванов. Мои одноклассники-узбеки свидетельствовали, что узбекский он знает как родной. Иван Михайлович был известен под прозвищем Виргюль, что по-узбекски значит «запятая». Проводя диктанты, он в тех местах, где требовалась запятая, говорил «виргюль». Некоторые ученики это слово и писали. Так возникло его прозвище, которое прочно приклеилось к нему, тем более что он и похож был на запятую – худой и сильно сутулый. Много позже я с удивлением узнал, что и по-французски запятая – *virgule*. Что это – совпадение или какое-то непонятное проникновение одного языка в абсолютно далекий другой язык? Эта загадка мне порой спать не дает.

А вот преподаватель географии Николай Николаевич Федяй. Благодаря ему я прочно заучил названия всех более или менее крупных рек, озер и горных хребтов всего мира. Был он уже в возрасте и вид имел весьма потрепанный. Но иногда, вспоминая свои путешествия (они ограничивались Средней Азией и Сибирью), он оживал и на какие-то мгновения молодел. Помимо географических названий, у меня в памяти осталось от уроков

Николая Николаевича его стихотворное воспоминание то ли в связи с Китаем, то ли с Ямайкой:

В вечер майский
Чай китайский
Очень славно попивать.
Но приятней ром ямайский
В чай китайский подливать.

Не могу не вспомнить нашего классного руководителя – преподавателя физики Льва Мейеровича. Худой – нет, не просто худой, а изможденный человек, который ходил в любое время года в шинели, застегнутой на все пуговицы. Высказывались предположения, что под шинелью у него больше ничего не было, потому и застегивался на все пуговицы. Был он одинок и жил в школьном здании, в крохотной комнатухе, где стояли кровать, стул и некое подобие небольшого стола. От всего облика этого человека веяло несчастьем, трагедией. Что за этим стояло на самом деле, никто не знал. Был он нелюдимым, немногословным, и более неподходящей фигуры для классного руководителя трудно было придумать. Он был сух и в преподавании, и в общении с подопечными учениками. На его уроках не шалили и не шумели. И не потому, что боялись его строгости. Просто он подавлял всех своим трагическим обликом. Хотелось лишь, чтобы скорее закончился его урок и чтобы он ушел.

Литературу вела Александра Павловна Коробейникова – интеллигентная, уставшая от жизни женщина. Конечно, она, следуя программе, спрашивала с нас черты «лишнего человека», но подобными схемами, в общем, не докучала. А однажды, когда один из моих одноклассников с гневом обрушился на сестрицу Татьяны Лариной¹ за ее легкомыслие и *вертихвостничество*, она, грустно улыбнувшись, молвила: «Ах, мальчишки, мальчишки... Ничего еще вы в жизни не понимаете...» Любила Салтыкова-Щедрина и часто его цитировала, хотя он и не был предусмотрен тогдашней школьной программой. Вообще я не помню, чтобы в школе нас *долбали* идеологией, хотя, навер-

¹ Татьяна и Ольга Ларины – персонажи романа в стихах «Евгений Онегин» русского писателя А.С. Пушкина (1799–1837). – *Прим. ред.*

ное, в утвержденных учебных программах какие-то установки на этот счет и были.

Физрук Владимир Дронский, «казак Дадонский»², был одним из самых популярных преподавателей. Маленький, подвижный, очень динамичный, с судейским свистком на шнурке, он не только вел уроки физкультуры и несколько спортивных секций, но и был неизменным судьей на всех наших футбольно-баскетбольно-волейбольных состязаниях. Помимо того что в школе был прекрасно оборудованный большой спортивный зал, в школьном дворе имелись футбольное поле, баскетбольная и волейбольные площадки, стояло несколько гимнастических снарядов. Думаю, что в этом была немалая заслуга «казака Дадонского». В результате ребята росли крепкими и здоровыми.

Помню, когда в 1949 г. я вернулся в Москву и пошел в десятый класс, на первом же уроке физкультуры меня поразила разница в физической подготовке моих прошлых ташкентских и нынешних московских одноклассников. Я стоял в шеренге, где преобладали узкогрудые, анемичные юноши, практически лишенные мускулатуры. Правда, как я узнал впоследствии, среди них были чемпионы по шахматам и пинг-понгу, но подтянуться на перекладине смогли только несколько человек.

Как я уже упоминал, мне из-за переездов родителей пришлось сменить с десяток различных школ. Но своей родной я считаю ташкентскую № 50 (наши сверстники из других школ звали нас «полтинниками»), где проучился с шестого по девятый класс. Школа была «русскоязычной», т.е. преподавание велось на русском языке (были и «узбекские» школы).

В 1980–1990-е гг., как при крушении Вавилонской башни, выяснилось не только что население СССР состоит из многих национальностей, но и что многие из этих национальностей не очень хорошо друг к другу относятся. А в мои давние школьные годы, несмотря на многонациональный состав ташкентского населения, мысль о национальных различиях в голову как-то не приходила. Перебирая сейчас в памяти фамилии своих одноклассников, я вижу среди них, помимо русских, узбекские, армянские, еврейские, украинские, татарские и иные имена. После страшно-

² Почему «казак Дадонский», неизвестно, но это прозвище к нему приклеилось накрепко.

го ашхабадского землетрясения 1948 г., когда за несколько секунд большой город практически перестал существовать, к нам присоединилось несколько ребят, приехавших из Ашхабада. Их приняли как родных. Мы не понаслышке знали, что такое землетрясение: в 1947 г. Ташкент тоже тряхнуло основательно, хотя последствия были и не такие страшные, как в Ашхабаде³.

Из нашего ташкентского класса часть ребят поехала потом учиться в Москву. Помимо меня, это были Сурат Абдурахманов (Бауманский – КБ Ильюшина – Госплан), Боря Голованов (пошел в кибернетику), Игорь Ледогоров (стал актером Театра Советской Армии, в кино играл сугубо положительных персонажей с умными усталыми глазами, в основном в звании генералов), Роман Ткачук (Театр сатиры, пан Владек в «Кабачке «Тринадцать стульев»), Лева Файнберг (Цветметзолото – геолог – руководитель какого-то НИИ, видимо, секретного). Сурата, Игоря и Романа уже, увы, нет.

Остальные наши одноклассники стали иностранцами – гражданами независимого Узбекистана. Связи с ними осложнились. Слышал, что Марат Ризаев, окончивший Ташкентский медицинский и ставший хирургом, после провозглашения независимости был какое-то время министром здравоохранения Узбекистана. Вадим Эльчибеков, учась в ташкентском политехе, увлекся альпинизмом, стал заслуженным мастером спорта, залез на все вершины мира, получил звание «снежного барса» и тренировал сборную Узбекистана по альпинизму. К сожалению, рано умер. А где вы сейчас, другие мои друзья-одноклассники – Гена Гольдберг (четыре года за одной партией!), Гена Кузнецов, Славка Шкультин, Товий Биншток, Галустов и многие другие «иностранцы»?

³ Катастрофа, близкая к ашхабадской, случилась в Ташкенте позже – в 1966 г.

Немного о студенческих годах

Очень хорошо помню день, когда я впервые перешагнул порог Старого дома у Москвы-реки, чтобы сдать документы в приемную комиссию МГИМО. Конечно, я очень волновался. Примут ли? А если примут, смогу ли я соответствовать тем высочайшим требованиям, которые наверняка предъявляются к студентам этой кузницы дипломатов? Секретарь приемной комиссии Белецкая, мрачный и суровый товарищ, прочитав мою автобиографию (родился, учился в таких-то школах, стал пионером, а потом вступил в комсомол и, наконец, закончил школу с серебряной медалью – все эти интереснейшие факты были изложены на нескольких страницах) и анкету (на стороне «белых» в Гражданскую войну не сражался и на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны не находился) и подозрительно оглядев меня, назначила даты собеседования и экзамена по языку.

Собеседование в приемной комиссии не отложилось в памяти. Видимо, все было настолько банально, что память ни за что не зацепилась. Гладко прошел и экзамен.

Итак, я студент МГИМО. Нас триста человек на курсе – историки, юристы и экономисты. Мы молоды, беззаботны и оптимистичны: «Вся жизнь впереди, – надейся и жди!».¹

В те времена МГИМО отнюдь не был столь престижным и *блатным*, каким он стал позднее. В начале 1950-х гг. молодежь стремилась прежде всего в технические вузы. Мехмат МГУ, Физтех, Бауманский, Энергетический – вот куда шел абитуриент в первую очередь. В МГИМО конкурс был значительно ниже. А для медалистов, к которым принадлежал и я, его вообще не было. Поэтому я спокойно прошел собеседование, сдал экзамен по языку и вскоре обнаружил себя в списке принятых.

¹ Слова из песни ВИА «Самоцветы». Автор слов – советский и российский поэт Роберт Иванович Рождественский (1932–1994). – *Прим. ред.*

Конечно, и в то время в институте учились *дети*, но это были единицы, причем в основном среди девочек, поступление которых ограничивалось десятипроцентной квотой. Существовали небольшие квоты для национальных республик, в рамках которых прием производился вне конкурса. Для них было достаточно рекомендации от каких-то своих республиканских инстанций (как и на каких основаниях эти рекомендации выдавались, я не знаю, но уровень этих студентов был, как правило, весьма невысок). Были привилегии при приеме для демобилизованных из армии. Но основную массу студентов составляли либо те, кто проходил по конкурсу, либо медалисты.

Понятное дело, недобора в МГИМО не случилось, однако руководство института принимало меры для привлечения большего числа конкурсантов. Проводились «дни открытых дверей», студенты МГИМО направлялись в свои бывшие школы, чтобы своими рассказами об институте возбудить к нему интерес. В порядке выполнения этой миссии и я, уже будучи студентом, выступал перед десятиклассниками моей 135-й школы. Двое из них поступили в МГИМО. Один из них успешно окончил институт и работал в МИДе, а другой, будучи студентом второго курса, стал одним из персонажей опубликованного в «Комсомольской правде» фельетона «Плесень», был осужден за соучастие в убийстве и оказался в тюрьме.

Институтские годы у меня прошли не очень разгульно, потом пришлось навестывать. Я сильно налегал на спорт, занимался спортивной гимнастикой. Больших успехов у меня не было, но тренировки, спортивные сборы, соревнования доставляли большое удовольствие. А главный кайф – от состояния хорошей спортивной формы. Ну и учеба, конечно... Лекторы были хорошие и даже блестящие. Тарле, Любимов, Дурденевский, Крылов – это были имена. Но и среди менее именитых преподавателей были очень интересные люди.

Зарубежную литературу читал Игорь Борисович Дюшен. Он говорил, что считает своей целью пробудить в нас интерес к зарубежной литературе, а не сделать специалистов-литературоведов. Эта исходная позиция позволяла ему избегать «классового анализа», что по тем идеологизированным временам было небезопасно, и просто рассказывать нам о творчестве западных писателей и поэтов (особенно он любил и знал французов), при этом

он сопровождал свои рассказы обильным пересказыванием и цитированием наиболее интересных – и часто пикантных – пассажей. Наш курс был последним, которому посчастливилось слушать его лекции. Его все-таки *ушли, пришив* ему аполитичность.

Дюшен был самым либеральным преподавателем в институте. На экзаменах он ставил в основном пятерки, редко четверки. Сенсацией стала двойка, которую он поставил студенту нашего курса Беранже. А дело было в том, что мой сокурсник ничего не мог рассказать на экзамене о... французском поэте Беранже. «Из простого любопытства Вы могли бы поинтересоваться, что написал наш с Вами соотечественник, да и, черт побери, Ваш однофамилец, наконец!» – так прокомментировал Дюшен этот экстраординарный неуд.

Много, конечно, было и скукоты. Ну, от скучных лекций испытанные средства – «морской бой», «балда», чтение художественной литературы. На семинарах сложнее. Семинары были по истории марксизма-ленинизма, политэкономии, диамату² и истмату³. К сожалению, все эти предметы преподносились в такой форме, которая исключала дискуссию. Все, что было написано классиками марксизма-ленинизма, считалось не подлежащей обсуждению истиной в последней инстанции. А вопросы-то возникали. Уже тогда гиперболизированный «классовый подход» вызывал у меня (и не только у меня, но и у некоторых моих институтских друзей) серьезные сомнения. Помню, на семинаре по истмату (на тему партийности в искусстве) я стал приставать к руководителю семинара, требуя объяснить, в чем выражается классовость в Венере Милосской. Он грустно смотрел на меня (умный был человек и наверняка понимал *ахинейность* того, что вынужден был внушать молодому поколению) и вяло талдычил какие-то марксистские истины.

И все-таки я с большим интересом проштудировал «Капитал» Карла Маркса и «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина. «Капитал» произвел на меня впечатление своей

² Диалектический материализм. – Прим. ред.

³ Исторический материализм. – Прим. ред.

немецкой обстоятельностью и логичностью. В «Материализме и эмпириокритицизме» раздражали безапелляционность Ленина и его агрессивная полемичность, но зато была возможность хоть немного узнать о взглядах его оппонентов. Вполне разумной показалась мне позиция агностиков: в самом деле, как нельзя доказать, что Бог есть, так нельзя доказать, что его нет. И то и другое – вопрос веры. А то, что агностики, по выражению Ленина, льют воду на мельницу поповщины и мракобесия, я решительно отверг, но не стал заявлять об этом на семинаре.

И хотя я, в общем, не лез на рожон, видимо, моя *аполитичность* не оставалась незамеченной. Во всяком случае, несмотря на мою хорошую успеваемость и вполне пристойное поведение, меня не выдвигали в комсомольские органы. Один раз случайно выбрали в факультетское бюро, но только для того, чтобы я занялся там спортивным сектором. Но поскольку я на этом посту не проявил политического рвения, хотя и принимал личное участие во всевозможных *внутриинститутских* спортивных состязаниях (гимнастика, лыжи, самбо, легкая атлетика и т.д.), меня потом больше уже никуда не выбирали.

В институте была парикмахерская, где работало несколько мастеров, а главным и, несомненно, самым колоритным был Григорий Абрамович. На стене были развешаны его дипломы и награды, которые он получил на различных конкурсах. Предметом его особой гордости была грамота, удостоверявшая его триумф на международном конкурсе в Берлине в 1927 г., где он представил сделанную из волос картину. Именно он был упомянут (правда, безымянно) в книге Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Помните, когда Остап Бендер решил переокрасить «Антилопу» в другой цвет, чтобы избежать ареста, и пообщался с художником Феофаном Мухиным, который делал картины из овса? Остап тогда сказал ему, что один московский художник сделал картину из волос. Это как раз был знакомый Ильфа Григорий Абрамович.

Все институтские пижоны стриглись только у Григория Абрамовича. И только узкая кучка *снобов-суперпижонов* хотя и признавали его мастерство, говорили, что он «устарел и закоснел». Поэтому они стригли друг друга по одним им ведомым *забугорным* образцам.

Сухонький, элегантный Григорий Абрамович, виртуозно щелкая ножницами, любил поговорить. Когда я впоследствии читал Шолом-Алейхема⁴, у меня неизбежно всплывал в памяти Григорий Абрамович – тот же юмор и те же интонации. «Что вы хотите, – говорил, например, Григорий Абрамович, – меня студенты часто спрашивают, не знаю ли я средства от облысения. Если бы я таки знал эти средства, я бы стриг не ваши головы, а купоны».

Другая любопытная личность – Юрий Алексеевич, подпольная кличка «Череп» (из-за полной и абсолютной лысины), – заведующий лингафонным кабинетом. Обладая необходимой технической базой в виде редких в ту пору магнитофонов, он, как знаменитый Колбасьев⁵, создал обширную коллекцию западной джазовой музыки. Вокруг него группировались институтские любители джаза, для которых он иногда устраивал в лингафонном кабинете подпольные прослушивания своей коллекции.

Не знаю почему, но в институте, несмотря на общесоюзное табу на *музыку толстых*, джаз не преследовался. Редкий «вечер отдыха» в институте обходился без джаза Лапи Олаха⁶. Институтские меломаны – поклонники джаза собирались у эстрады, где располагались музыканты, и вкушали запретный плод, поедая глазами своего кумира Лапи Олаха, который священнодействовал на ударных. Его брейки, которые он, надо сказать, проделывал виртуозно, вызывали общий восторг и бурные овации.

До 1954 г. в институте на каждом курсе училось примерно по 300 человек, которые более или менее равномерно распределялись по трем факультетам – историческому, юридическому и экономическому. С 1952 г. стали ощущаться трудности с распределением выпускников. «Железный занавес» становился все более «железным», а те минимальные потребности в между-

⁴ Шолом-Алейхем, или Соломон Наумович Рабинович (1859–1916) – еврейский писатель и драматург. – *Прим. ред.*

⁵ Сергей Адамович Колбасьев (1899–1937/1942) – военный моряк, прозаик-маринист, поэт, советский джазовый просветитель. – *Прим. ред.*

⁶ Лапи Олах, или Ладислав Данилович Олах (1911–1989) – венгерский, чехословацкий и советский барабанщик-джазмен. – *Прим. ред.*

народниках, которые существовали, уже были удовлетворены. Совсем плохо получилось с выпуском 1954 г. И тогда было принято решение сократить институт на две трети, оставив по сто человек на курсе, слив все три факультета в один – международный западный. Такое же сокращение было произведено и в Институте востоковедения, остатки которого влились в МГИМО в качестве восточного факультета.

Студенты-фронтовики

Нам, студентам начала 1950-х гг. повезло: с нами еще тогда учились бывшие фронтовики. Это были ребята, прошедшие суровую фронтовую школу жизни и смерти. И это отличало их от нас, мальчишек. Ребята они были добротные, основательные и к учебе относились очень серьезно. Родительской поддержки у них никакой не было, и в своей жизни они могли рассчитывать только на себя. Общение с ними добавляло к нашему, еще в то время детскому мировосприятию, что-то новое, взрослое, серьезное. Фронтовики и внешне отличались от нас. Не только возрастом. Как правило, все они донашивали армейское обмундирование. Переходили на гражданское только по мере его износа.

Учеба, особенно постижение иностранных языков, давалась им труднее, чем нам, вчерашним школьникам. Но их настойчивость и целеустремленность, конечно, были достойны большого уважения. Все мои однокурсники-фронтовики были членами партии, и администрация института старалась выдвигать их на различные партийные должности (партком, курсовые и факультетские бюро и т.д.). По-разному сложились их судьбы после окончания института. Об этом я и хочу сейчас рассказать.

Несколько лет моим соседом по языковой группе (восемь человек) был Аркадий Глухов. Воевал в артиллерии, а после окончания войны еще четыре года прослужил в советской части войск, контролировавшей вместе с американской, английской и французской частями режим оккупации Австрии. Как рассказывал Аркадий, мысль о МГИМО возникла у него именно там, где ему приходилось тесно контактировать с иностранными представителями. Демобилизовался майором. Орденоносец. Несколько ранений.

Несмотря на разницу в возрасте (семь лет), мы с ним подружились, и хотя его перевели в порядке ротации *партийной прослойки* в другую группу, сохраняли тесные контакты и в институте, и после его окончания.

В отличие от некоторых своих фронтовых собратьев, он всячески сторонился партийной работы, сосредоточиваясь на учебе. После института его все-таки вынудили поработать вторым секретарем во Фрунзенском райкоме партии, но он сумел оттуда выбраться и перейти в Институт Африки. Проработав там некоторое время, перешел на исследовательскую и преподавательскую работу (Институт Африки, МГИМО, Университет имени Лумумбы и т.д.). По той же африканской линии (африканистов тогда почти не было) оказался в МИДе. Сомали, Танзания, Мозамбик, Зимбабве. От советника до посла.

А я после окончания МГИМО тоже оказался на африканском направлении МИДа. Так что теперь совпали и наши профессиональные интересы. Последний раз мы с ним встретились в 2006 г., когда наш курс отмечал 50-тилетие своего выпуска. Мы выпили с Аркадием водочки, вспомнили молодые годы...

Интересной фигурой, хотя и другого рода, был староста нашего курса Саша Шапошников. Он тоже был майором в отставке. Когда в зал входил лектор, Саша вставал со своего неизменно первого ряда во весь свой двухметровый рост и, казалось, он сейчас громогласно скамандует что-нибудь. И хотя этого не происходило, курс замирал, проникаясь важностью момента.

Саша был чемпионом института по стрельбе, капитаном сборной института по этому виду и, как говорили, показывал прекрасные результаты на городских и всесоюзных соревнованиях. Не знаю, в каком качестве он воевал. Для снайпера он был уж слишком громаден, но кто знает.

Учился Саша не очень. С ним связаны были некоторые анекдотические случаи на экзаменах, особенно по литературе. Не хочется сейчас о них вспоминать. После института он пошел по профсоюзной линии. Стал заведующим международным отделом на автомобильном заводе имени И.А. Лихачева (ЗИЛ). А потом мы как-то встретились с Сашей на пункте обслуживания «Жигулей» на Варшавском шоссе. Увидел я его в навороченной шестерке с многочисленными фарами и другими прибаббасами. Он рассказал, что работает заместителем директора аккумуляторного завода в Тольятти.

Разные пути, разные судьбы...

Фронтовики знали друг о друге все. И кто на каком фронте воевал, и в каком качестве и т.д. И был некий Б., который всяче-

ски подчеркивал свое фронтовое, причем непременно героическое, прошлое. Он потом даже опубликовал пару книг об этом. Но фронтовики-то знали, что этот Б. всю войну прослужил в Восточной Сибири, сторожа заключенных, строивших стратегический аэродром. А потом стал охранять и сам аэродром.

Я хорошо знал Б., он учился в нашей академической группе. При входе преподавателя он рукавом своей армейской шинели протирал стол и садился перед ним, поедая вошедшего (вошедшую) верноподданными глазами. Естественно, Б. был постоянным руководителем и комсомольских, и партийных организаций в институте. А после его окончания вознесся выше всех – стал в конечном счете аж заместителем министра иностранных дел России (А.В. Козырева).

Я не могу рассказать обо всех однокурсниках-фронтовиках. Рассказал только о тех, кто мне особенно запомнился.

Ильф, Петров и Глеб Косов

Первый курс института, наша академическая группа, двадцать один студент. Три языковые группы. Скоро все мы перезнакомимся, подружимся. Сложится компания. А пока мы все абсолютно незнакомы друг другу. Но проскакивают какие-то искры, фразы, позволяющие найти близкие души.

Первый семинар. Марксизм-ленинизм. В сборе вся академическая группа. Староста группы, он же *партиприкрепленный* (из демобилизованных) протирает рукавом гимнастерки преподавательский стол, подходит к двери, приоткрывает ее и плотно прикрывает. Короче говоря, суетится.

Кудрявый блондин в круглых очочках произносит как бы про себя: «В Москве любят запира́ть двери». Я машинально откликаюсь: «Тысячи парадных подъездов заколочены изнутри досками, и сотни тысяч граждан пробиваются в свои квартиры с черного хода». Все. Искра проскочила. Пароль и отзыв. Мы оба знаем и любим Ильфа и Петрова¹. Фехтование на цитатах из наших любимых «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» стало надолго нашим с Глебом развлечением. И стали мы, что называется, «не разлей вода». Все летние и зимние каникулы проводили вместе.

Иногда писали совместные *пробы пера*. Помню, на одной из скучных *высокоидеологических* лекций написали *критическую статью* на детское стихотворение «Елку вырублю в лесу, Елку в школу принесу»². Разумеется, громили это стихотворение с позиций «партийности в литературе» (кажется, и лекция-то, во время которой создавалось наше произведение, была имен-

¹ Ранее приводятся слова из произведения «Двенадцать стульев» советских писателей-сатириков XX века И.А. Ильфа (1897–1937) и Е.П. Петрова (1902–1942). – *Прим. ред.*

² Слова из стихотворения «Елка» советского и российского писателя и поэта Сергея Владимировича Михалкова (1913–2009). – *Прим. ред.*

но на эту тему). Заканчивалась эта *статья* так: «И о какой же пенек споткнулся автор, чтобы в наш век посадки замечательных лесозащитных полос побудить школьника-пионера нанести ущерб лесу – природному достоянию страны?».

У Глеба была замечательная память. Прочитанные вещи он не только помнил, но и умел великолепно пересказывать. Американского писателя Эдгара По я открыл для себя с его помощью. «Бочонок амонтильядо», «Черный кот», «Падение дома Ашеро» я услышал от него. Раздобыл Эдгара По и стал читать. Но даю честное слово, то, что он мне рассказывал, было гораздо интереснее, чем то, что я прочитал.

Мы с Глебом издавали в институте стенгазету «За массовость спорта». Его заметки и репортажи были блестящи. Я считал, что его будущее в журналистике. Но он пошел в науку, точнее, в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Но по-настоящему он нашел себя много позже, став блестящим переводчиком художественной литературы. Произошло это, когда ему уже было за шестьдесят. Начал с детективов, а потом стал переводить Сомерсета Моэма, Ирвина Шоу и других известных писателей. Его сильной стороной как переводчика было не только великолепное чувство слова, но и знание реалий тех мест, где развивались действия переводимых произведений (Глеб долгое время жил в Женеве, а потом в Нью-Йорке).

Рассказ о Глебе – это целая книга. Мы дружили с 1950 г. по 20 августа 2009 г., т.е. до его смерти. 18 августа я послал ему электронное поздравление с днем рождения. Он был на своей *даче* (так он называл домик, построенный в свое время на шести сотках). 20 августа я получил от него ответ: «Вот забежал на службу и отзываюсь. Спасибо, я тебя люблю по-прежнему, вот вернуться в столицу и поделюсь. Может быть, к тому времени и мысли появятся. Крыша течет, но зато сортир новый построил – там от дождя и скрываюсь. Обнимаю, твой Глеб». Тем же вечером я получил от его дочери сообщение: «Дядя Юра, папа сегодня скоропостижно умер. Инфаркт. Ольга». Случилось это на платформе Тушино по дороге на *дачу*.

История МГИМО в песенном творчестве

В 1950-е гг., когда я учился в МГИМО, в Советском Союзе джаз, мягко говоря, не поощрялся. Но тем не менее на вечера в МГИМО обычно приглашали знаменитого джазмена-ударника Лаци Олаха с его оркестром (в те времена он играл в ресторане «Аврора»). В паузах около Олаха собирались его поклонники. Спрашивали, например:

– Чья интерпретация «Каравана» вам больше нравится – Дюка Эллингтона или Эдди Рознера?

– Моя собственная.

И Лаци разражался потрясающим брейком. Его палочки летали как у высококлассного жонглера и падали на барабан в самый нужный момент.

В МГИМО примечательной личностью был заведующий лингафонным кабинетом, коллекционер джазовой музыки (как до войны знаменитый Колбасьев, главный радист Балт-флота). Звали его Юрий Алексеевич, по прозвищу «Череп» (он был абсолютно лыс). У него приватно собирались любители джаза.

Были самостоятельные институтские джазы со своими звездами – непревзойденный пианист-виртуоз Вадим Богословский, сакс Серега Голяков, ударник Боб Михайлов и кто-то на струнном инструменте. Исполняли классические джазовые мелодии – «Встреть меня в Сент-Луисе», «Чаттануга Чу-Чу» и т.д.

Самой первой и самой популярной в МГИМО была песня «Шум и крики своды потрясают». Начало ей положил первый курс набора 1943 г. (тогда это был международный факультет МГУ, который в 1944 г. был преобразован в институт). В ней отразилась история института, каждое поколение вносило свой вклад. Начало этой песне положил Вадим Ардатовский, а исполнялась она на мелодию одной из песен шедшего тогда на наших экранах

и очень популярного американского кинофильма «Джордж из Динки-джаза».

А наш курс (а точнее, мой друг Глеб Косов), например, внес в песню такую лепту:

Долго нас Лобановым путали,
Был директор этот вправду лют.
Он нас не запугает, по-прежнему гуляет
Международный институт.

Иван Иванович Лобанов был назначен директором МГИМО в 1952 г. (до этого заведовал каким-то административным отделом в МИДе), а снят в 1955 г. после того, как его не выбрали в партком института. Ему дал отвод секретарь комитета комсомола Володя Шустов, который сказал, что Лобанов не интересуется делами института и ограничивается чисто административными мерами. Отвод был поддержан, директор в партком не попал и был возвращен в МИД на какую-то чисто административную должность.

Была вот такая сентиментальная песня «Над Москвою рассвет клубится...». Там был куплет:

И когда-нибудь лет под сорок,
Дипломату взгрустнется на миг,
Вспомнит тихий страничек шорох,
Вспомнит старых друзей своих...¹

Это было так смешно – лет под сорок... Да этого не может быть никогда. А вот сейчас, когда некоторым даже под девяносто, страничек шорох, а особенно старые друзья, очень вспоминаются. Были и другие сентиментальные песни. В одной из них были такие строки: «На часах возле Крымского моста время стрелки железные движет, и минуты прощального тоста надвигаются ближе и ближе».

В 1956 г. арабист Юра Кашлев написал песню:

¹ Слова из стихотворения (песни) «Старый дом у Москвы-реки» (автор слов – Виктор Орлов). – *Прим. ред.*

Течет в века Москва-река.
Над рекой дом от старости кренится.
Пройдут года, но никогда
Наше чувство к тебе не изменится.

Здесь столько лет оставят след,
Здесь в мозгу появилась извилина,
Стоял здесь стон, здесь умер слон,
Ведь нагрузка была непосильная.

Остался год, и курс пойдет
Жизнь вышагивать брючками узкими
За Крымский мост, за тыщи верст,
Где нечасто встречаются русские.

Мне все равно, что суждено:
На вокзале работать диспетчером
Или бить китов у кромки льдов,
Рыбьим жиром детей обеспечивать.

Течет в века Москва-река,
Над рекой дом от старости кренится,
Пройдут года, но никогда
Наше чувство к нему не изменится...

А как развивалось песенное творчество в МГИМО после 1956 г., я, конечно, не знаю².

² Ознакомиться с песенным творчеством студентов МГИМО, в том числе с работами, упомянутыми в данной мемуарной зарисовке, можно в поэтическом сборнике «Наш дом», изданном в 2004 г. по случаю 60-летия основания МГИМО. – *Прим. ред.*

Итказать

С этим местом в Подмоскowie связаны замечательные дни – месяцы – годы моей молодости. Когда-то там был скромный ведомственный дом отдыха Госбанка (мой отец, всю жизнь проработавший в банковской системе, мог им пользоваться).

Дом, красивый сам по себе (был сложен из розового армянского туфа), находился в очень живописном месте. Рядом протекала Москва-река, а кругом были леса. Замечательные смешанные леса, изобиловавшие в те времена ягодами и грибами. Внутри же дом был действительно очень скромный – четырехместные номера со всеми удобствами в коридоре. А вокруг было несколько строений, которые громко назывались *дачами*. Они были предназначены для руководящих сотрудников Госбанка.

При Хрущеве все ведомственные дома отдыха были объединены в единую систему под профсоюзным управлением. В результате такой обезлички большинство из них пришло в упадок. К счастью, этого не случилось с домом отдыха Госбанка. В 1955 или 1956 г. директором дома был назначен хваткий и дельный человек по имени Роман Анатольевич Луговской. К тому же Роман Анатольевич, видимо, обладал художественным вкусом. До своего назначения «к нам» он был директором дома творчества художников. У него была прекрасная коллекция картин, подаренных ему авторами.

Для начала он дал название дому – «Лесные дали». Это имя перешло и к пансионату, который был построен в тех местах в конце 1950-х гг. и который существует и поныне.

И в ведомственные, и в профсоюзные времена обслуживающий персонал нанимался в соседних деревнях – Дунино, Аксиньино, Иславское (в моих ушах сами эти названия звучат как музыка). А для круглогодичного обслуживания существовал так называемый «рабочий дом» неподалеку от дома отдыха. Я с большой теплотой вспоминаю всех тех, кто делал черную работу и окружал своим вниманием и заботой отдыхающих.

Был замечательный повар Поликарпыч (Александр Поликарпович Литвинов). Он великолепно квасил капусту, солил огурцы и грибы. Щедро накладывал добавку проголодавшимся. А рыбакам охотно зажаривал их улов. Помогала ему круглолицая и розовощекая, всегда заботливая и веселая официантка Маша.

Заведовал уборочными делами некий комический персонаж, которого все называли Остапом или Остапычем. У него была своя «контора» в бывшей конюшне (до войны там действительно была конюшня; я это хорошо помню, так как впервые посетил с мамой это благословенное место – будущие «Лесные дали» – в конце 1930-х гг.). Он требовал, чтобы уборщицы, нуждавшиеся в новых метлах, вениках, граблях и т.д., подавали ему заявления в письменном виде. В случае согласия он ставил на этих бумажках крест и выдавал искомое. Но иногда он писал «ИТКАЗАТЬ» со всеми вытекающими последствиями.

Помню дворника дядю Митю Григорьева. Он перебрался сюда с семьей в октябре 1941 г. из-под Звенигорода, спасаясь от наступления немцев.

Линия фронта проходила по левому берегу Москва-реки. Я помню на высоком правом берегу следы оборонительных сооружений. А как-то, собирая землянику около артели «Красный металлист», я нашел колодец – бревенчатый сруб с деревянной крышкой, на которой была выжжена надпись: «Здесь обороняли Москву зенитчицы...» (далее следовали пять женских имен). Очень жалею, что у меня не было с собой фотоаппарата, чтобы сфотографировать эту надпись.

У дяди Мити был сын Костя, вернувшийся с фронта, где он воевал как полковой разведчик, подорвался на mine и вернулся без ступней двух ног. Ходил на протезах и героически преодолел свое тяжелое ранение, не хуже легендарного Маресьева.

«Лесные дали» я посещал до 1993 г., пока был жив папа, который пользовался *госбанковским* пансионатом. Летом 1993 г. мы с женой Светой, сестрой Ирой и ее мужем Володей решили съездить в те края, чтобы устроить пикник. Очень захотела поехать с нами и мама. Из-за ее здоровья были серьезные сомнения, сможет ли она выдержать эту поездку. Но она все равно поехала.

Расположились в лесу, недалеко от пансионата. Ну, конечно, костер, шашлык и т.д. Потом молодежь (Света, Ира и Володя)

пошла побродить по лесу, пособирать ягоды, цветы и вообще. Я остался с мамой. При всей своей общей физической немощи она сохранила прекрасную память о молодых годах. Она столько интересного тогда рассказала! Многие из услышанного я включил впоследствии в свои мемуары.

А мама была счастлива оттого, что побывала в своих любимых местах.

Макопсе

До сентября 1959 г. я ни разу не видел моря. И решил поехать отдыхать на побережье – в Макопсе (Северный Кавказ). Советовал мне это место дачный приятель Коля Садыков, неоднократно там отдыхавший. Он прельстил меня не только рассказами о Макопсе, но и сделанным там самодельным юмористическим фильмом. Коля (художник) сделал его совместно со своим другом Федей Фивейским (известным скульптором). Фильм был действительно очень забавным.

На мой вопрос насчет жилья Коля объяснил мне так: «Ты приедешь к вечеру и обязательно услышишь, что в нескольких местах крупно гуляют. Это кого-то или *выписывают*, или *прописывают*. Иди на ближайший шум. Захвати бутылку коньяку для своей *прописки*. После взаимного знакомства, узнав, что у тебя нет конкретного места, пригласят кого-то из местных жителей, у кого может быть свободное место для постояя».

Я так и поступил. На звук добрался до места *выписки-прописки*. Мои новые знакомые после краткого совещания сказали, что советуют поселиться «у тети Дуси». У нее строится дом, но одна комната уже готова. Правда, до нее можно добраться через другое пространство, где еще нет пола, но есть доски над будущим погребом. После моего радостного согласия появилась тетя Дуся, которая тут же пошла готовить мне ночлег. А хозяйке, где происходила моя *прописка* («тетя Галя»), было сообщено, что ее табльдот пополняется еще одной персоной.

В дальнейшем распорядок дня складывался следующим образом.

Завтрак у тети Гали. Море. Обед. Море. Волейбол и еще какие-то спортивные развлечения. Море. Каждый вечер – *прописки-выписки*, плавно переходившие в ужин.

Ну а потом все собирались на танцплощадке. Не только чтобы просто потанцевать. Это было место разностороннего и очень интересного и приятного общения.

До недавнего времени (до прихода к власти Хрущева) местный дом отдыха принадлежал Всесоюзному театральному обществу (ВТО). Хрущев передал все ведомственные дома отдыха и санатории профсоюзам. Но многие завсегдатаи ВТО, т.е. люди различных творческих профессий, продолжали приезжать сюда. Поэтому танцплощадка порой превращалась в место интереснейших импровизированных концертных выступлений.

Замечательный танцевальный ансамбль под управлением хореографа и балетмейстера Игоря Моисеева пользовался заслуженной славой во всем мире. Москвичи могли видеть выступления этого ансамбля практически только по телевидению, так как он все время был на зарубежных гастролях.

В сентябре небольшая группа *моисеевцев* обычно приезжала на отдых в Макопсе. Конечно, они хорошо расслаблялись после железного режима своего руководителя. И вот, веселые, они выходили на танцплощадку и выделяли такие номера, что дух захватывало. Другие танцоры, в том числе профессиональные балерины из хореографического ансамбля «Березки», на время приостанавливали свои танцы и превращались в зрителей.

Но были и обычные танцы. «Гляжу я в полутемную аллею, и грустно отчего, сама не знаю»¹... Очень популярно было тогда «Албанское танго». Завязывались новые знакомства, начинались новые романы. С танцплощадки расходились парами – кто куда.

Но вот пошли дожди и начались штормы. Курортники широкими потоками, естественно, уезжали. В адлерском аэропорту скапливались толпы жаждавших получить билет. Записавшись на лист ожидания, я понял, что перспектива переночевать на лавке или на полу несомненна.

Должен сказать, что у меня долгое время (не только в безбашенной молодости) не было привычки заранее что-либо заказывать, будь то билеты, место для ночлега или еще что-нибудь. Всегда полагался на его величество случай. И он меня обычно не подводил.

И на этот раз мне повезло.

Смирившись со своим положением, отправился в ресторан. Все столики были полностью заняты. Сострадательная офи-

¹ Слова из песни «Вдали погас последний луч заката» на мотив албанского танго «Бабочка». – *Прим. ред.*

циантка, показав на столик с одним пустым местом, сказала мне, что за ним перекусывает экипаж ближайшего рейса и что если ребята согласятся, можно было бы воспользоваться этим единственным шансом.

Ребята не возражали. В процессе приятного взаимного общения выяснилось, что они могут помочь мне. Для этого надо было взять две бутылки коньяка в киоске за углом. Что я и сделал.

Мне дали аэрофлотовскую фуражку и набросили на плечи аэрофлотовский пиджак. В таком виде меня провели на борт и сказали, чтобы я сел на свободное место в самом последнем ряду (оказалось, что это место для какого-то «сопровождающего») и после взлета приходил в кабину. Там меня посадили на место, предназначенное для старшего стюарда, который весь полет проводил в салоне.

После взлета приступили к коньяку, продолжив общение, начавшееся в ресторане. Тот, кто сидел за штурвалом, не пил. Ему был оставлен сухой паек в одной из бутылок. А коньяк был хороший – армянский – «Отборный». Это был единственный раз, когда я весь полет провел в кабине, да еще с таким комфортом.

Вообще, те далекие времена оставили у меня воспоминания как о таком светлом периоде, когда люди были исключительно доброжелательными и готовыми совершенно бескорыстно прийти на помощь друг другу. Это восприятие жизни осталось у меня с тех пор. Но к сожалению, окружающий меня мир теперь далеко не всегда соответствует ему.

Коктебель

В июне 1960 г. вместе со своим другом Сашей Кривопаловым поехал я отдыхать в Коктебель. Почему было выбрано это место? Его порекомендовал Саше Роберт Рождественский¹. Они были хорошо знакомы по газете «Комсомолка». Саша там работал, а Роберт часто публиковался.

Добирались поездом. До Феодосии. Время коротали на подножке вагона (в те времена двери в тамбуре не запирались). Дышали воздухом и дорожной пылью. И пели какие-то песни. Мне особенно запомнилась песня «Есть по Чуйскому тракту дорога. Много ездит по ней шоферов. Был один там отчаянный шофер, звали Колька его Снегирев»². Саша услышал ее во время Великой Отечественной войны, в эвакуации в село Тургояк, что на Алтае.

Много позднее я узнал, что все действие известного фильма «Живет такой парень» с Леонидом Куравлевым в главной роли Пашки Колокольникова происходит именно на Чуйском тракте. Там звучит мелодия этой песни и даже есть эпизод, когда Пашка останавливается передохнуть у памятника отчаянному Кольке Снегиреву, где тот погиб, пытаясь обогнать на своей трехтонке АМО машину «Форд», чтобы завоевать любовь Раи, водившей этот «Форд».

Впоследствии мы с Сашей не раз ее исполняли у него дома в Раздорах. Она очень нравилась его внучке Маше.

Ну вот, я отвлекся. Не буду.

Из Феодосии добрались на катере до Коктебеля и без труда сняли два койко-места, рубль в день. Тут же пошли оглядеться на новом для нас месте отдыха.

¹ Советский и российский поэт Роберт Иванович Рождественский (1932–1994). – Прим. ред.

² Песня «Есть по Чуйскому тракту дорога». Автор слов – советский писатель, поэт, автор приключенческих повестей Михаил Петрович Михеев (1911–1993). – Прим. ред.

В те далекие времена на набережной была только одна *точка*, где можно было *оглядеться*. За соседним столиком сидели две симпатичные девушки, лакомящиеся мороженым. Наше знакомство с ними было неизбежным.

В процессе завязавшейся беседы выяснилось, что девушки, студентки-филологини, приехали несколько дней назад и поселились на так называемой *Микулинской даче*. С набережной она была хорошо видна, так как находилась на высоком плато на некотором отдалении от поселка. Ее построил известнейший конструктор авиамоторов Александр Александрович Микулин для своей очередной жены. Но она покинула своего Героя Соцтруда, и он, опечаленный, потерял интерес к сооружению.

Наши новые знакомые сообщили нам, что недостроенная дача, где они оказались *не просто так, а по протекции*, великолепна, с потрясающим видом на море и окрестности Коктебеля. Но они чувствуют себя там не очень уютно из-за удаленности от поселка, а мало ли что может случиться. Короче говоря, на следующий день мы с энтузиазмом перебрались на *Микулинскую дачу* и заняли пустующую ее часть. Так начался наш отдых в Коктебеле.

Естественно, захотелось отметить новоселье. Замариновали шашлык, приобрели местное вино «Биле Мишне» (белое крепленое) и недалеко от дачи стали разводить костер. Пригласили старичка-смотрителя *Микулинской дачи* и Роберта Рождественского (он, находившийся уже тогда в зените своей популярности, отдыхал с женой Аллой и двухлетней дочуркой Катькой неподалеку в *Доме Волошина*, т.е. в писательском пансионате). Конечно, по ходу пиршества подтягивались и многие другие *на огонек*. Приносили бутылки.

Сначала смотритель рассказывал о чудачествах Александра Александровича Микулина. Оказывается, помимо конструирования моторов, он занимался медицинскими исследованиями. Изобрел ионизатор, чтобы в помещениях всегда был наисвежайший воздух, как после грозы. Разработал теорию о пользе смены жен через шесть лет. Время от времени приезжал в Коктебель на автомашине, но не для отдыха, а чтобы вывезти в багажнике прибрежную гальку. Ей он посыпал дорожки в саду подмосковной дачи, чтобы ходить по гравию босиком.

С приходом Рождественских началось пиршество. Откуда-то возник кассетный магнитофон с разными записями. Запомнился Луи Армстронг – «Когда святые маршируют» («Oh, When the Saints Go Marching in»). Подоспел шашлык. По мере его поедания начинало давать знать алкогольное *сопровождение*. Веселье нарастало. Постепенно оно стало выражаться в хороводах, плясках с прыжками через костер.

В одну из пауз в руках у Роберта появилась гитара. Катька очень трогательно спела песню Окуджавы про шарик, который улетел.

Потом опять всплеск бурного веселья. Но драк не было. Я лично отобрал сук у одного из пришедших *на огонек*. Он хотел согреть им кого-то из оппонентов.

Расходились, когда на небе появилась утренняя звезда – Венера. Женщины убрали посуду, а мужчины, собравшись в кружок вокруг тлеющих углей, осуществляли противопожарную безопасность.

Дом Волошина тогда еще не был официальным музеем, но вдова советского поэта Максимилиана Александровича Волошина Мария Степановна охотно пускала небольшие группки посмотреть так называемую *башню*, где Волошин писал стихи и рисовал пейзажи. При этом она рассказывала, что они с Максимилианом Александровичем жили в Коктебеле только летом, а зиму предпочитали проводить в Париже, где, знаете ли, есть свой шарм.

К июлю в Коктебель стали подтягиваться знаменитости. Прибыла Таня Лаврова³ в окружении многочисленных поклонников. Из них я помню Василия Аксенова, небольшого набычившегося паренька. Других не помню. Но Таня была хороша, особенно на пляже. Впрочем, у нас с Сашей уже были авиабилеты в кармане, отпуск заканчивался.

Прошло много лет. 14 июля 1993 г. я был на приеме во французском посольстве в Москве на Якиманке. В отдаленном и несколько затемненном углу зала я увидел Роберта. Года три назад он перенес в Париже очень тяжелую операцию по удалению опухоли головного мозга. Это продлило ему жизнь на четыре года.

³ Советская киноактриса Татьяна Евгеньевна Лаврова (1938–2007). – *Прим. ред.*

В углу стоял маленький, ссутулившийся человек. Я вспомнил Роберта, высокого атлета, звезду наших коктейльных волейбольных и баскетбольных баталий, великолепного пловца, и мне стало страшно. Я стоял как замороженный неподалеку и мучительно думал, подойти ли к нему. Он стоял в полном одиночестве. Время от времени к нему подбегала Катерина, приносила ему виски и убегала.

Ко мне подходили знакомые, мы обменивались какими-то словами, они уходили, а я не мог сдвинуться с места. Потом, когда я рассказал Саше о том, что видел Роберта и в каком виде, он меня сильно укорял за то, что я не подошел к нему. Сейчас я, наверное, хочу оправдаться перед собой. Что я мог сказать Роберту? Что напомнить? Что хорошо быть молодым и здоровым?

Через год Роберт умер.

Иногда Катерина мелькает на телеэкране⁴. Она удивительно похожа на отца. Значит, жизнь продолжается.

⁴ Екатерина Робертовна Рождественская (р. 17 июля 1957 г.) – российский фотограф, журналист, переводчик. Ранее главный редактор журнала «7 дней». – *Прим. ред.*

Ода Пицунде

Мое увлечение Пицундой началось с газетного сообщения об открытии Пицундского пансионата, при котором есть теннисные корты. В Москве приходилось заканчивать с теннисом в сентябре. И вот такая возможность продлить сезон!

Немедленно приобретаю путевку в новый пансионат на октябрь (потом, когда пансионат станет популярным, в пансионат попасть станет значительно сложнее). Ко мне присоединяется мой приятель и сослуживец Володя. Летим в Адлер. По крутому серпантину маршруткой до Пицунды. Пансионат, корпус № 4, двухкомнатный люкс. Сказка!

Дежурная по корпусу, симпатичная молодая женщина, просит нас не возражать против того, чтобы в нашем номере пожил один-два дня еще один отдыхающий, для которого скоро освободится место в другом номере. Такой очаровательной дежурной трудно отказать, да и настроение уже курортное. Знакомимся – Неля. Флакончик французских духов закрепляет наше знакомство.

В номере нас встречает здоровенный детина под два метра ростом, примерно нашего возраста. Стас – Володя – Юра. Выставляем бутылку белого сухого, предлагаем отметить знакомство. Когда бутылка иссякает, Стас достает свою бутылку. Разливает по стаканам. Спирт – предупреждает он.

Как надо пить спирт, я знаю. Требуется или разбавлять водой, или в крайнем случае немедленно ею запивать спирт. В свой стакан Стас добавляет из уже опорожненной бутылки сухого несколько капель. Воды не добавляет. В процессе знакомства выясняется, что Стас работает в Общемаше¹, роет шахты в Сибири,

¹ Министерство общего машиностроения, в ведении которого было производство и размещение стратегических ракет в шахтах. Не путать с Министерством среднего машиностроения (Средмаш), которое ведало производством ядерных боезарядов.

на Крайнем Севере для стратегических ядерных ракет. Его забавляет, что он встретился с *разоруженцами*, которые стремятся сократить количество ракет и шахт.

Мы подружились и хорошо отдохнули. А потом Стас уехал в Сибирь рыть шахты для ракет, а я с Володей в Москву и Женеву – их уничтожать.

В те времена в Пицунде была единственная «нарпитовская точка»². На первом этаже была столовая самообслуживания, а на втором – ресторанчик, где можно было неплохо поесть. Там орудовал огромный повар по прозвищу Джонсон. Он готовил дивные купаты, шашлыки на ребрышках, хинкали и другие местные чудеса.

По вечерам в ресторанчике играл оркестрик и были танцы. Там я впервые услышал эмигрантскую песню «Москва златоглавая». Время от времени к оркестрантам подходил кто-нибудь из посетителей, совал в руку главному смятую бумажку, и тот после очередного танца объявлял: «Среди наших гостей находится московская девушка Таня, и в ее честь мы исполним «Москву златоглавую». Потом следовали московские девушки *оли, наташи, нины* и т.д. Оркестранты с удовольствием *башили* (негласная такса была 25 рублей). Как песня достигла солнечной Абхазии, неизвестно, но в Пицунде она приобрела большую популярность. Даже в кофейне на набережной *Ашотик*, наливая кофе по-турецки, мурлыкал с акцентом: «... грациозно сбивая рыхлый снег с каблучка...».

Но теперь о теннисе. Действительно, в Пицунде оказалось десять прекрасных земляных кортов. Командовал ими Сезарий, который жил в небольшом домике при кортах. Его функция заключалась в том, чтобы собирать деньги с игроков. Такса – рубль в час. Как-то, когда у меня не оказалось партнера, я предложил Сезарию сыграть. Через несколько минут выяснилось, что никакого представления о теннисе он не имел. «Давай лучше выпьем изабеллы³», – предложил он. Я, конечно, согласился.

² В 1923 г. в СССР было создано паевое товарищество «Народное питание», в сокращении Нарпит (с 1930 г. – Всесоюзное объединение по общественному питанию Всенарпит). Оно содействовало открытию столовых и формированию системы общественного питания. – *Прим. ред.*

³ Изабелла – очень ароматное местное вино.

Так началось мое общение с Сезарием, который помог мне узнать кое-что о местных нравах и обычаях. Сам он был сваном и стал зрителем кортов благодаря тому, что начальником местной милиции был его земляк из Сванетии⁴. «Какой справедливый человек!, – восхищался им Сезарий. – Как даст кому-нибудь в зубы, грузину или абхазу – не важно, и дело решено».

Корты убирало небольшое существо женского пола (судя по одежде) и непонятного возраста по имени Манана. Она жила в том же домике, где и Сезарий. Манана неумолимо и бесшумно убирала корты, т.е. проводила по ним старой теннисной сеткой, подсыпала где нужно красноватого песка, подбирала мусор и т.д. Корты были в идеальном состоянии. А Сезарий собирал рубли. Он был Начальник.

С каждым годом Пицунда приобретала все большую популярность. В октябре там собиралась вся теннисная элита из Москвы и Ленинграда. Наведывались и теннисные звезды. Приезжали даже Алик (Александр) Метревели и Ольга Морозова. Они устраивали мастер-классы, а главное, способствовали популярности Пицунды как крупного теннисного центра.

Все труднее становилось приобретать путевки в пансионат.

Приехав в Пицунду в очередной раз, вижу у входа на территорию пансионата симпатичный стилизованный ресторанчик «Золотое руно». Главный распорядитель – Неля. Встречаемся как старые друзья. Она охотно приходит на помощь в поисках жилья.

Этим жильем оказался живописный домишко с роскошным садом в пицундском пригороде Лидзава. Владельцем был бывший танцор знаменитого абхазского ансамбля Пата Патарая. Афишами с участием этого танцора была оклеена вся веранда. Жил он в Тбилиси, а домик сдавал при помощи и посредничестве Нели курортникам. Как нам поведала та же Неля, дом когда-то принадлежал родственнице А.И. Микояна. Она влюбилась в абхазского танцора и завещала ему этот дом.

И вот мы с женой поселяемся в стареньком домике, окруженном дивным садом. Виноград изабелла обвивает веранду. Вокруг – мандарины, инжир, фейхоа и прочие дивные дары местной природы. Правда, удобства все во дворе, точнее в саду.

⁴ Сванетия – высокогорный район Грузии на границе с Абхазией.

Включая туалет типа сортир и кран холодной водопроводной воды. Но до залива несколько десятков метров. И все это прекрасно!

Как-то Неля подселает к нам заезжих курортников (дом-то очень просторный). Приезжают они вечером, когда мы уже развели в саду мангал, чтобы жарить шашлыки. Конечно, сразу же начинается общение.

Прибывают наши новые соседи на *шестерке*⁵, увешанной многочисленными дополнительными фарами, в том числе двумя прожекторами, и с суперусиленным мотором. Как выясняется, наш новый знакомый – профессиональный гонщик. Зовут его Мишка Царапкин. Он оказался племянником хорошо известного дипломата, посла Семена Константиновича Царапкина. А как я узнал от Мишки, брат Семена Константиновича был совсем по другой линии. Он был потомственным огранщиком и вообще крупным специалистом по бриллиантам. Мишка, помимо автогонок, занимался теми же бриллиантами. И, как он утверждал, их род владел секретом «разморозки» бриллиантов. Что это такое, я так и не понял. Ну да это и неважно.

С появлением Мишки мое утро стало начинаться с того, что, проходя мимо нашей части дома, он бодро кричал: «Юра! Пошли купаться!» Я охотно откликался на его призыв. В самом деле, до чего же славно поплавать перед завтраком.

Потом уже все вместе шли на пляж. Вокруг нас группировалась небольшая компания. Помню некоего Алико, *старшего товароведа* из Тбилиси, как значилось на его визитке, врученной мне. Алико был с женой и несколькими чадами. Но его очень привлекала моя жена и он всячески искал ее внимания. Выглядело это все довольно комично. *Старший товаровед*, не умея плавать, обычно не подходил к воде. Но как только моя жена шла к морю, он вставал и, трясая обильными жировыми складками, тоже отправлялся туда.

Как-то Мишка с крепкого *бодуна* искупался в шортах, в кармане которых были деньги. Обнаружив это, он для их просушки обложил большую часть пляжа *двадцатипятирублевками*, придавленными камушками. Видимо, знание секрета *размораживания бриллиантов* было весьма прибыльно.

⁵ «Жигули» ВАЗ-2106.

Помимо пансионата был в Пицунде дом отдыха журналистов. Как-то мой однокурсник и друг Саша Ефремов предложил поехать туда. Что мы совместно и сделали. Его жена Вера была большой любительницей пеших прогулок. В значительной мере по ее инициативе мы исходили все горные окрестности. Как-то Сашка предложил целенаправленно отправиться за маджаркой, молодым местным вином. Был как раз ее сезон. Вооружились соответствующими емкостями и пошли.

Набрели на небольшое армянское село. В первом домике, куда мы обратились, нам очень обрадовались. Радушные хозяева предложили перекусить с дороги, а тем временем они нацедят из бочки маджарки. Конечно, мы согласились.

Нам принесли холодную отварную баранину, аджику и тутовую водку. Баранина, видимо, еще недавно паслась недалеко от села. А тутовая водка была чистейшей. Поскольку большие емкости уже заполнялись маджаркой, пришлось вылить воду из походных баклажек и заменить ее на тутовый напиток.

При доме журналистов был корт с твердым покрытием. По утрам там появлялся необычный теннисист, дававший уроки барышням, желавшим приобщиться к теннису. Необычность же его была в том, что он был весь в черном – черная рубашка, черные брюки и лицо было все черное. К тому же он передвигался босиком.

Все движения теннисиста были необыкновенно изящны и выдавали бывшего теннисиста-профессионала. Как нам объяснили старожилы, он был в прошлом мастером спорта, чемпионом Тбилиси, но спился. Поэтому нашел себе пристанище в котельной дома журналистов в качестве истопника-кочегара. Жил в котельной и, видимо, никогда не умывался. Давал уроки, чтобы обеспечивать себя выпивкой. Получив искомое, он исчезал и больше на свет божий не появлялся до следующего утра.

С пицундским домом журналистов у меня связаны и другие воспоминания.

Там я увидел и наблюдал Алексея Аджубея. На первом этаже был очень симпатичный бар. Туда я частенько заходил обычно после игры в теннис и *омовения* в море. Однажды, зайдя туда, увидел большую компанию за круглым столом. В центре был Аджубей, когда-то всесильный зять Хрущева, главный редактор «Комсомолки», «Известий», кандидат в министры иностранных

дел и т.д. Но со свержением тестя, лишившийся всех своих возможностей и работавший в малозначительном иллюстрированном журнале «Советский Союз», он стал сильно выпивать. Одну из сцен этого процесса я и наблюдал в пицундском доме журналистов.

В компании были мои друзья, и они предложили мне присоединиться к застолью. Было хорошо видно, что Аджубей мертвецки пьян. На столе – шампанское и коньяк. Тогда в ходу был коктейль «Бурый мишка» – смесь коньяка с шампанским в соотношении *по вкусу*. Продолжая выпивать то, что ему усердно подливали его *друзья*, Аджубей что-то неторопливо и четко говорил, оставаясь высокоинтеллигентным руководителем застолья. Мои друзья-журналисты, работавшие с Аджубеем и в «Комсомолке» и в «Известиях», мне говорили, что он был таким же и находясь в зените своего могущества.

В доме журналистов в приемной работала симпатичная русская женщина по имени Света. Мы с ней подружились, и она, зная, что с путевками в Пицунду становилось все сложнее, предложила в следующий раз, если мы приедем без путевок, обращаться к ней за помощью с жильем. Что мы на следующий год и сделали.

Жила она с мужем Сашей на улице Агрбы в новостройке. Вообще-то говоря, в Пицунде всего одна эта улица и существовала. Она была так названа по имени генерала, героя Советского Союза⁶, которым в Абхазии очень гордились. В дальнейшем мы неоднократно пользовались помощью Светы, тем более что наша благодетельница Неля на несколько лет вслед за своим возлюбленным уехала на строительство БАМа⁷.

А со Светой и Сашей мы очень подружились и много времени проводили вместе. Как-то наловили мидий, сварили их и съели под чачу, настоянную на кожуре грецких орехов. Очень интересный напиток! Мне посчастливилось побывать во многих прекрасных местах нашей планеты. Французская и итальянская Ривьера, Нормандия и Бретань, Калифорния и Вермонт, Майорка и Испания, Канары, Австралия, не говоря уж о чудеснейших горных курортах Швейцарии. И несмотря на это, Пицунда остается

⁶ Генерал Гиви Камугович Агрба (1937–2014). – *Прим. ред.*

⁷ БАМ – Байкало-Амурская магистраль. – *Прим. ред.*

в моей памяти красивейшим, прекраснейшим местом, где я побывал.

В 1987 г. мой служебный график сильно изменился. Большую часть года я проводил в Женеве на переговорах, а в отпуск прилетал не более чем на две недели. Пришлось сменить Пицунду на Подмосковьё.

А потом в Абхазии началась война за отделение от Грузии.

Слышал, что Сезарий во время этой войны был мобилизован в грузинскую армию и погиб во время боевых действий. А где-то вы теперь, друзья наши – Света, Саша, Неля?

Ау! Нет ответа.

Покорители Колхиды

Однажды, отдыхая в Пицунде, я снял комнатку совсем рядом с кортами – в старом двухэтажном деревянном домике. В нем и в прилепившихся к нему столь же ветхих хибарках жили несколько русских семейств. Как потом выяснилось, это были дети и внуки тех переселенцев, которые когда-то завербовались на работы по осушению болот.

Жили они по сравнению с собственниками *блочных* квартир довольно бедно. Покосившиеся строения *без удобств* не очень привлекали курортников. Во всяком случае, я был единственным *отдыхающим* в этом обветшавшем *компаунде*, или, точнее сказать, на хуторке, так как он находился как бы на отшибе от поселка. Но мне ведь нужно было лишь переночевать. А все остальное время я проводил на кортах и на море.

Случилось, однако, так, что, играя в теннис, получил я серьезную травму ноги и мобильность моя резко снизилась. В результате пришлось остаток отпуска коротать в садике, который был при хуторке. Его сердобольные жители, видя мое состояние, угощали меня незатейливой снедью, а я снаряжал шустрого соседского мальчугана в местный магазин за выпивкой и кое-какой закуской. Так по воле случая я оказался в центре русского нацменьшинства Пицунды.

Не знаю почему, но жили в этом хуторке только русские, несмотря на этническое многообразие Пицунды. Помимо абхазцев, там жили сваны, армяне, украинцы, грузины. Вообще-то говоря, до того, как я впервые в 1970 г. побывал в Пицунде, я думал, что все, кто живет в Грузии, – это грузины. Конечно, это было чистой воды великодержавное невежество. Открытой вражды между абхазцами и грузинами тогда не было, но мне очень быстро объяснили, что это две совершенно разные нации.

Нет, у моих соседей не было признаков каких-либо националистических настроений. Это были люди, направленные

в Абхазию из среднерусских районов для осушения колхидских болот. Как и их отцы и деды, рывшие дренажные каналы и занимавшиеся иным физическим трудом, они не были отягощены образованием. Они как-то, видимо, чисто интуитивно прилепились друг к другу на этом их хуторке. Не помню, чтобы кто-то из них жаловался на то, что вот, мол, я грузчик, а на должность старшего грузчика выдвинули не меня, а абхазца или свана. Этого не было. Просто они несли свой крест. И все.

Это были добрые и смирившиеся со своей судьбой (а может быть, и никогда не задумывавшиеся о ней) люди. Но об одном из них я хочу рассказать. Тем более что именно с ним мне пришлось общаться более всего во время моей временной неподвижности.

Все звали его Дедом. Он был самый старый из обитателей хуторка, очень худой и скрюченный, как высохший корень. Не берусь определить его возраст. Дед рассказывал, что приехал в Пицунду еще до войны. Когда-то он был мужем той хозяйки, у которой я снимал комнату. А потом они рассорились и он соорудил себе сарайчик во дворе рядом с туалетом типа сортир. И они стали жить раздельно.

Будущий Дед приехал в Пицунду совсем молодым пареньком из голодного Поволжья. Рыл лопатой каналы, поднимал разные тяжести, переводил дух, лежа в болотной сырости, и в конечном счете его, как он говорил, *маленько скрючило*. После этого его перевели *на подводу*, т.е. он стал возчиком. С этой должности он и ушел на пенсию. Как он рассказывал, пенсия небольшая (12 рублей), но ее хватает, чтобы приобрести лески, крючки, блесны и прочие причиндалы для рыбной ловли. Рыбу Дед продает перекушникам для базара, а часть приносит домой, угощает соседей и меня. Свежевыловленная жареная барабулька очень вкусна.

На вырученные от продажи рыбы деньги Дед покупает макароны, сахар и дрожжи. Макароны он ест для поддержания жизни, а сахар и дрожжи использует для приготовления самогона. Помимо сахара и дрожжей, он в качестве основной субстанции использует все, что растет в саду, т.е. хурму, инжир, яблоки и т.д. По деревьям он, конечно, не лазит. Возраст не тот, да и зачем? Собирает с земли то, что дала природа. Эти упавшие на землю

дикорастущие плоды ни на что иное не годны, кроме самогона. Поэтому никто на них и не претендует. Тем более что Дед не скучится угостить соседей самогоном.

Нагнав несколько жбанов и отметив это событие, Дед отнюдь не предается бездумному пьянству. Он не алкоголик. До следующего урожая он начиная с утра все время выпивает понемногу, постепенно к вечеру увеличивая дозу. Во время моей временной инвалидности мне довелось наблюдать этот процесс и, не скрою, принимать в нем некоторое участие.

Дед не был склонен к абстрактным рассуждениям. Он не выглядел ни несчастным, ни счастливым. Просто жил, и все. Ни на что не жаловался, но и радостей не выражал. Конечно, общался я с ним недолго. Во всяком случае, недостаточно для обобщений. Правда, однажды он вспомнил, как вытащил огромного лобана. Вот эдакого, показал он руками, как все рыбаки, наверняка преувеличив размер добычи. Это, пожалуй, был единственный раз, когда я увидел на его лице радость. Есть что вспомнить, подфартило так подфартило.

Кстати говоря, хотя в Пицунде болот уже давно нет и *комариная* инфраструктура ликвидирована, туда (по крайней мере на моей памяти) время от времени налетали тучи необычайно кусачих комаров. Видимо, срабатывала их биологическая память.

Я очень люблю писателя Фазиля Искандера. И хотя действие его рассказов связано не с Пицундой, а обычно с Мухусом (т.е. Сухумом) и Чегемом, они замечательно передают дух и колорит Абхазии и ее людей, независимо от их этнического происхождения. В его романе «Человек и его окрестности» один из героев-стариков во время застолья говорит: «Вот мы, старики, по сорок, по пятьдесят лет друг друга знаем. Сколько нас тут: абхазец, русский, грузин, мингрел, армянин. Разве мы когда-нибудь, старые мухусчане, именно старые, между собой враждовали по национальным делам? Мы – никогда! Шутки, подначки – пожалуйста! Но этой чумы не было между нами. Наверху была, но между нами не было. Нас всех соединил русский язык! Шекспир ко мне пришел через русский язык, и я его донес на своем языке до своего народа! Разве я это когда-нибудь забуду? И я уверен – он победит эту чуму и снова соединит наши народы. Но если этого не будет, если эта зараза нас перекосит, умрем непобежденными,

вот за таким дружеским столом. Пусть скажут будущие поколения: «Были во время чумы такие-то старики, они продержались!» Вот за это мы выпьем!».¹

Очень хочется, чтобы этот тост старого абхаза сбылся.

¹ *Искандер Ф.* Человек и его окрестности. Собрание. Время, 2004. 736 с. – *Прим. ред.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«...И ЛЕТОПИСЬ ОКОНЧЕНА МОЯ»

Жизнь пенсионера

Первое осознание того, что жизнь не бесконечна. Не знаю, когда я стал об этом задумываться. Возможно, когда в возрасте тридцати двух лет оказался в больнице, где провел около года в качестве *лежащего*. Эти мысли ушли, когда я выздоровел и вернулся к весьма активной жизни.

Я вышел на пенсию и ушел с государственной службы в 1995 г. Пенсии хватало лишь для того, чтобы платить за квартиру и ЖКХ.

Не могу сказать, что уход на пенсию сверг меня в уныние и к мыслям об окончании жизни. В 63 года, когда я покинул российский Совет Безопасности, у меня и мыслей не было о старости. Шоком было то, что страна, где я родился и прожил 60 лет, перестала существовать. Несмотря на это шоковое состояние, я пытался найти себе место в новой жизни. Мне казалось, что путь политического безумства и разбойного грабежа все-таки должен когда-нибудь завершиться и что жизнь войдет в более нормальное русло.

Генерал Лебедь

Очень интересные впечатления получил я от посещения Женевы генералом Александром Ивановичем Лебедем¹. Это произошло в 1997 г., т.е. когда я уже был на преподавательской работе в Женеве. Но сначала предыстория.

В начале 1990-х гг. на политической арене появилась новая фигура – генерал Лебедь. Он вернулся из Приднестровья, где командовал нашей армией, благодаря которой удалось предотвратить вооруженный конфликт между молдавскими властями и русскоязычным населением этой области, входившей до распада Советского Союза в состав Молдавской ССР.

После нескольких интервью А.И. Лебеда российскому телевидению его имя заняло прочное место в российской политической жизни. Патриотическая позиция генерала и впечатляющая форма ее изложения выгодно отличали его от суетливых и мно-

¹ Александр Иванович Лебедь (1950–2002) – советский и российский военный и государственный деятель, гвардии генерал-лейтенант. В июне 1992 г. возглавил 14-ю гвардейскую общевойсковую армию, дислоцированную на территории, охваченной приднестровско-молдавским конфликтом, и посредством решительных действий на военном и дипломатическом фронтах добился прекращения боевых действий. С сентября 1992 г. по октябрь 1993 г. являлся депутатом Верховного совета непризнанной Приднестровской Молдавской Республики. В 1995–1996 гг. – депутат Государственной думы РФ II созыва, входил в состав Комитета по обороне (досрочно прекратил депутатские полномочия в связи с переходом на государственную службу). В июне 1996 г. участвовал в президентских выборах, занял третье место. В июне 1996 г. назначен секретарем Совета Безопасности РФ и помощником Президента России по национальной безопасности. С августа 1996 г. – полномочный представитель Президента России в Чеченской Республике. После захвата сепаратистами Грозного вел переговоры о прекращении боевых действий в республике. 17 октября 1996 г. отправлен в отставку со всех постов. С октября 1995 г. возглавлял общественное движение «Честь и Родина», а в декабре 1996 г. на его основе создал Народно-республиканскую партию России. В мае 1998 г. избран губернатором Красноярского края. 28 апреля 2002 г. погиб в авиакатастрофе вблизи озера Ойское (Красноярский край). Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. – *Прим. ред.*

гословных псевдодемократических, прозападных деятелей, стремившихся растащить и распродать страну оптом и в розницу. Говорил генерал короткими рублеными фразами, низким командирским голосом. А главное, взгляды, которые он излагал, были бальзамом на души тех, кто с болью воспринимал трагедию страны.

В результате в 1995 г. он стал депутатом российской Государственной Думы. Популярность генерала росла, и он принял участие в президентских выборах в 1996 г. Лебедь занял третье место (сказалось отсутствие финансовой поддержки), а во второй тур вышли Б.Н. Ельцин и Г.А. Зюганов. И вот тут Александр Иванович совершил, по моему мнению, большую ошибку, призвав своих сторонников (я был среди них) голосовать за Ельцина. Не буду сейчас вспоминать того, что произошло потом. Рассказ свой веду не об этом.

В то время, помимо преподавания, в мои функции входило приглашение лекторов из России. Одним из первых кандидатов я предложил пригласить Лебеда. Его известность не только в России, но и за рубежом была огромна. Мое предложение было поддержано швейцарским руководством того учебного заведения, где я тогда работал. Интерес к возможному приезду генерала был столь широким, что возникла идея организации его выступления в Женевском Центре международных конференций (во Дворце конгрессов), позволявшем вместить более тысячи человек.

Воодушевленный, я принялся за осуществление своего предложения. Через свои московские контакты я вышел на ближайшего помощника Лебеда. Оказалось, что генерал собирался по приглашению французской стороны посетить Францию и что он согласен после завершения этого визита посетить Женеву.

В назначенный день и час мэра Женевы, заместитель постоянного представителя России в ООН В.В. Маргелов (сын основателя ВДВ «дяди Васи») и я с женой были в аэропорту, в зале для почетных гостей. Самолет «Эр-Франс», с которым должен был прибыть Лебедь, приземлился, но генерал не появлялся. Обеспокоенный мэром Женевы стал звонить начальству аэропорта. Но в это время приземлился небольшой самолетик частной авиакомпании, из которого вышел А.И. Лебедь с женой и со всеми сопровождавшими его лицами. После кратких приветствий мэра

пригласил генерала в предоставленный ему местными властями бронированный «Мерседес», стоявший перед выходом из зала, где произошла встреча.

Как я узнал потом из разговоров с лицами из окружения Лебеда, рейс поменяли в последний момент из соображений безопасности. Где же были эти соображения, когда через несколько лет, в 2002 г., генерал погиб в результате аварии вертолета, на котором летел?

Лекция состоялась вечером того же дня. Огромное помещение Дворца конгрессов было забито до отказа. Не успевшие занять кресла люди стояли или сидели на полу.

Генерал выглядел очень усталым: ведь за плечами была очень насыщенная программа во Франции, включая выступление в парламенте. Тем не менее говорил свободно, без шпаргалок, излагая свою программу кандидата в президенты. Она хорошо известна, так как он ее неоднократно представлял, когда баллотировался в депутаты Государственной Думы (успешно) и потом в президенты (как я уже упоминал, он остался на третьем месте). Программа была сугубо патриотическая, причем без претензий на диктаторские полномочия. Говорил в своей обычной манере – короткими рублеными фразами, низким командирским голосом, напоминавшим рык льва².

Потом начались многочисленные вопросы-ответы. Мне запомнились два.

– Почему вы думаете, что можете управлять государством?

– Потому, что я умею предотвращать и прекращать конфликты³.

Когда время уже истекало, какой-то журналист спросил:

– Какой бы Вы хотели услышать вопрос, которого еще не было?

– Не устали ли Вы отвечать на наши вопросы?

Смех и бурные аплодисменты.

² В известной повести Юрия Полякова «Демгородок» изображен в качестве «Избавителя отечества» адмирал Рык. Может сложиться впечатление, что автор избрал генерала Лебеда в качестве прототипа. Но повесть была написана до появления Лебеда на политическом горизонте. Так что некоторое сходство Рыка и Лебеда можно отнести скорее к *писательскому предвидению*.

³ За плечами генерала были предотвращение конфликта в Приднестровье и прекращение войны в Чечне (Хасавюртовские соглашения).

На следующий день мне позвонил В.Ф. Петровский, тогдашний генеральный директор Женевского отделения ООН, и попросил помочь ему пригласить Лебеда к себе на виллу (на территории ООН). Я предложил А.И. Лебедею ознакомиться с ООН и с этой целью посетить российского генерального директора Женевского отделения организации. Он согласился.

В назначенное время я был у отеля, где остановился генерал со своей командой. Там уже стоял швейцарский бронированный «Мерседес» с мотоциклетным сопровождением. Я предложил Александру Ивановичу с женой занять место в моем скромном «Гольфе». Он взглянул на начальника своей службы безопасности, и тот кивнул. За нами двинулся «Мерседес» и вся мотоциклетная охрана.

День был весенний, солнечный. Посидели в гостиной, выпили и перекусили. Александр Иванович вел себя непринужденно, но был немногословен в своей обычной манере. Разговор был чисто протокольный. Вышли на лужайку, жена Петровского Мира сделала несколько фотографий.

За несколько дней, проведенных Лебедем и его группой в Женеве, у меня была возможность пообщаться не только с ним, но и с его сопровождающими. Несколько человек из бывших десантников были его помощниками и телохранителями. Остальные – бизнесмены, спонсировавшие его поездку. Это были довольно молодые люди и, как я понял, в бизнесе они не очень высоко поднялись. Но очевидно, вкладывали деньги в Лебеда в расчете на то, что с его помощью, при занятии им высокого государственного поста смогут выйти на орбиту.

Сам Александр Иванович произвел на меня исключительно приятное впечатление. Скромный и деликатный. И в то же время за этими качествами чувствовалась железная воля и решительность.

А дальнейшая его судьба хорошо известна. В 1998 г. он был избран губернатором Красноярского края, очень большого и богатого по природным возможностям региона. Этот пост был хорошим трамплином для его дальнейших президентских перспектив.

В то время в Красноярском крае был *криминальный авторитет* – Быков. У него был алюминиевый бизнес и соответствующие структуры вокруг. На губернаторских выборах он поддер-

жал Лебеда, ожидая, очевидно, его взаимности. Но Лебедь занял решительную позицию по искоренению преступности в крае. В результате в скором времени Быков оказался за решеткой. Долго он там не пробыл. Богатый *авторитет* не может оставаться на нарах.

А потом, 28 апреля 2002 г., случился этот злосчастный вертолетный полет губернатора на открытии лыжной трассы. Погода была плохая, нелетная. Но при этом обнаружили два странных обстоятельства. Первое: экипаж вертолета сменился накануне полета. Второе: у него не было новых навигационных карт, а на старых не была обозначена новая линия электропередачи, которая и стала причиной катастрофы (вертолет задел винтом за провод и рухнул).

Лебедь погиб. На него обрушился вертолетный мотор, который был как раз над ним.

Незаметно старость подошла

В теннис я начал играть, к сожалению, поздно – мне уже было под сорок. Но стал теннисным фанатиком.

Уже будучи под семьдесят, в одном из женевских теннисных клубов я примкнул к таким же *великовозрастным* фанатикам-пенсионерам.

Ну а после игры – кофе, пиво, легкое винцо, т.е. общение. Одним из моих партнеров был бывший врач по имени Жак. Он нещадно курил. Причем самые крепкие французские сигареты – «Галуаз». Поскольку я не курильщик, не могу с уверенностью дать нашу аналогию. Возможно, это были некие «гвоздики», т.е. очень крепкие и вонючие сигаретки. Как-то я не удержался и спросил:

– Жак, ты же врач, почему ты так жестоко куришь?

– Поскольку я врач, могу тебе сказать, что в моем возрасте бросать курить не менее вредно, чем продолжать курить. Вообще в этом возрасте все вредно, – добавил он с улыбкой.

Иногда Жак во время наших послетеннисных посиделок делился некоторыми медицинскими познаниями. Однажды, наблюдая процесс облачения одного из теннисных партнеров в тренировочные штаны, заметил:

– По швейцарской медицинской статистике, восемьдесят процентов бытовых травм происходят при попытках стоя или надеть штаны, или их снять.

Жак умер, немного не дожив до восьмидесяти. До этого перенес сложную операцию – шунтирование в брюшной полости. Операция прошла успешно, и Жака перевели в реабилитационное заведение (что-то вроде нашего санатория для выздоравливающих). Мы его навестили там. Он был в своем обычном скептически-юмористическом настроении. А перед тем как пришло время нам уходить, он достал из прикроватной тумбочки тетрадку, в которой был список нашей группы и где он помечал порядок наших игр, и передал ее самому молодому в группе

Жозефу (тому было тогда 63 года). Сказал при этом: «Перенимай мои функции». Мы загомонили: «Что ты, Жак, что ты... Ждем тебя на корте». Он печально улыбнулся и сказал: «Друзья мои, я слишком хорошо знаю медицинскую статистику».

Через несколько дней Жака перевели в реанимационное отделение, и вскоре мы проводили его в последний путь.

Самым пожилым в нашей компании был Марсель. Несмотря на возраст, играл он очень азартно. А когда ему исполнилось восемьдесят два, он угостил всю компанию своим любимым вином «rosé» и объявил, что уходит из тенниса. Но и после этого он время от времени приезжал на своем «Вольво» в клуб на наши игры, и, потягивая «rosé», внимательно следил за игрой, аплодируя удачным ударам. После игры мы, конечно, душевно общались.

Сошел с дистанции и Эрнест, хотя ему еще не было и восьми-десяти. Но он стал плохо видеть. Эрнест был архитектором. Уже будучи на пенсии, он спроектировал для нашего теннисного клуба дом «Клуб мэзон», где мы имели возможность общаться друг с другом и другими членами клуба. Осуществление его проекта обошлось в три раза дешевле, чем первоначальный проект, подготовленный нанятым архитектором. Свой архитектурский труд он объявил *вкладом*, т.е. осуществил его безвозмездно.

Имя Эрнеста упоминается в анналах, в том числе электронных, клуба наряду с именем основателя клуба Дантэ Панатти, который добился в свое время (в конце 1970-х гг.) от муниципальных депутатов, большинство которых составляли члены социалистической партии, места для теннисных кортов на территории большого районного спортцентра, где первоначально предполагалось разместить только что-то сугубо *демократическое*, целиком связанное с футболом и другими коллективными, т.е. *демократическими*, видами спорта. Именем Дантэ Панатти назван главный корт клуба.

Вот и Дантэ уже больше не играет.

Одни уходили, приходили другие. Новые пенсионеры вливались в нашу компанию. Это были молодые ребята, которым едва перевалило за шестьдесят. С ними играть было все сложнее и сложнее. В какой-то момент я стал осознавать, что я, кажется, был самым старым из всей честной компании.

А ведь уходить-то не хочется...

ЭПИЛОГ

Жизнь, конечно, продолжается и после ухода в отставку. Но это уже совсем другая жизнь. Можно играть в шахматы и домино с другими пенсионерами. Но это не единственное занятие на этом жизненном этапе. Для меня увлекательным делом стало написание мемуаров. Память вытаскивает и вытаскивает из своих потаенных глубин что-то такое, что, казалось, и забыто давно. Эта книга, как и три предыдущие, стала результатом моих воспоминаний и размышлений. В ней я по большей части пишу о профессиональной жизни. Прежде всего о своем участии в переговорах по стратегическим наступательным вооружениям. Тем более что в этом году (5 декабря 2024 г.) исполняется тридцатилетие со дня вступления в силу Договора СНВ-I и закрепления неядерного статуса Украины, Казахстана и Белоруссии.

В моей жизни было многое. И радость, и печаль, и разочарования, и, наоборот, очарования. И конечно, горечь утасания.

«Но вот увядание, дряхлость. Раздраженные нервы. Тусклый взгляд. И печальная морда. И набрякшее брюхо. И утомленные мускулы. Вот что приводило автора в страшное беспокойство, и вселяло тревогу, и заставляло думать об этом день и ночь»¹.

Согласен с Михаилом Зощенко.

И все-таки.

Жизнь моя? иль ты приснилась мне?

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне².

И с Сергеем Есениным тоже согласен.

¹ Отрывок из произведения «Возвращенная молодость» советского писателя Михаила Михайловича Зощенко (1894–1958). – *Прим. ред.*

² Отрывок из стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу...» русского поэта и писателя Сергея Александровича Есенина (1895–1925). – *Прим. ред.*

ОБ АВТОРЕ

Родился 12 марта 1932 г.

В 1956–1992 гг. работал в системе МИД СССР/России, из них около двух десятилетий – по направлению разоружения и ядерного нераспространения. Участвовал в разработке Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), Конвенции о биологическом оружии (КБТО), Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (Договор по морскому дну) и др.

В 1987–1989 гг. – представитель Советского Союза на Конференции по разоружению в Женеве, Швейцария. Вел переговоры по разработке Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО). Руководил советской делегацией на переговорах с США по ядерным и космическим вооружениям, в результате которых в 1991 г. был заключен Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-I).

В 1992–1995 гг. занимал должность заместителя секретаря Совета Безопасности России.

С 1996 г., уйдя в отставку, долгое время занимался преподавательской деятельностью. Был профессором в Женевском центре политики безопасности (*Geneva Centre for Security Policy, GCSP*), Швейцария.

Профессор и почетный доктор по международным отношениям (*honoris causa*) Женевской школы дипломатии и международных отношений (*Geneva School of Diplomacy and International Relations, GSD*), Швейцария.

Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР и Российской Федерации.

Член Экспертного совета ПИР-Центра с 2021 г.

О ПИР-ЦЕНТРЕ

ПИР-Центр, основанный в 1994 г., является ведущей в России неправительственной организацией, специализирующейся на изучении вопросов ядерного нераспространения, контроля над вооружениями и противодействия вызовам и угрозам глобальной безопасности. ПИР-Центр проводит широкую научно-исследовательскую, образовательную, просветительскую и аналитическую деятельность, направленную на укрепление роли и места российского экспертного сообщества в мире и отстаивание национальных интересов России на международном уровне. Он также известен благодаря своим образовательным программам, включая Международную школу по проблемам глобальной безопасности. Одной из приоритетных задач ПИР-Центра всегда было поддержание тесной связи и обмена опытом между старшим поколением выдающихся экспертов и начинающими исследователями.

<https://t.me/s/yadernykontrol>

<https://pircenter.org>

Приложение

Статьи, опубликованные Ю.К. Назаркиным в изданиях ПИР-Центра

Серия «ПИР-Библиотека»

1) Nazarkin Y. Negotiations of the Strategic Arms Reduction Treaty // Russia-US Nuclear Nonproliferation Dialogue: Lessons Learned and Road Ahead / PIR Center. Edited by V. Orlov, S. Semenov. Moscow: Izdatelstvo Ves Mir, 2021. – 544 p. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2024/01/Russia-US-Nuclear-Nonproliferation-Dialogue.-Lessons-Learned-And-Road-Ahead.pdf>

Журнал «Ядерный Контроль»

2) Назаркин Ю.К. Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений // *Ядерный Контроль*. 2001. № 6 (60). С. 66–86. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№60-2001.pdf>

3) Назаркин Ю.К. Гражданский контроль над Вооруженными Силами в России: история и перспективы // *Ядерный Контроль*. 2005. № 3 (77). С. 113–126. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/Ядерный-Контроль-№77-2005.pdf>

Серия «Индекс Безопасности – Научные записки»

4) Российское ядерное правопреемство: 30 лет спустя / Под ред. А.А. Квартальнов, Е.Г. Чобанян. М.: ПИР-Пресс, 2022. 49 с. (*Индекс Безопасности – Научные записки*). URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/22-06-10-INF-SI-RUS-№13-39-2022.pdf>

Список сокращений

БАМ	– Байкало-Амурская магистраль
БРПЛ	– Баллистическая ракета подводных лодок
ВПК	– Военно-промышленный комплекс
ВПК	– Военно-промышленная комиссия Президиума Совета министров СССР
ВС СССР	– Вооруженные силы Союза Советских Социалистических Республик
ВТО	– Всесоюзное театральное общество
ГА ООН	– Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций
ГДР	– Германская Демократическая Республика
ГЗОУ	– Глобальная защита от ограниченных ударов
ГРУ	– Главное разведывательное управление
Договор ОСВ-I	– Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических вооружений 1972 г.
Договор ОСВ-II	– Договор по ограничению стратегических вооружений 1979 г.
Договор СНВ-I	– Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений 1991 г.
Договор СНВ-II	– Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений 1993 г.
ДНЯО	– Договор о нераспространении ядерного оружия
ДПУ	– Договорно-правовое управление Генерального штаба Вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик
ДРСМД	– Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности
ЖКХ	– Жилищно-коммунальное хозяйство

ЗИЛ	– Автомобильный завод имени И.А. Лихачева
ИМЭМО	– Институт мировой экономики и международных отношений
ИСК АН	– Институт США и Канады Академии наук
КБ	– Конструкторское бюро
КВО	– Крутовое вероятное отклонение ракеты
КГБ	– Комитет государственной безопасности
КИ	– Комитет информации при МИД СССР
КРВБ	– Крылатая ракета воздушного базирования
КРМБ	– Крылатая ракета морского базирования
МАГАТЭ	– Международное агентство по атомной энергии
МБР	– Межконтинентальная баллистическая ракета
МИД СССР	– Министерство иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик
МОМ СССР	– Министерство общего машиностроения Союза Советских Социалистических Республик
МОП СССР	– Министерство оборонной промышленности Союза Советских Социалистических Республик
МЯС НАТО	– Многосторонние ядерные силы Организации Североатлантического договора
НАТО	– Организация Североатлантического договора
НИИ	– Научно-исследовательский институт
НКВД СССР	– Народный комиссариат внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик
ОБСЕ	– Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОМО	– Отдел международных организаций в Министерстве иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик
ООН	– Организация Объединенных Наций
ОСВ	– Ограничение стратегических вооружений

ОСША	– Отдел США и Канады в Министерстве иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик
ОЯЭК	– Отдел по мирному использованию ядерной энергии и космоса в Министерстве иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик
ПВО	– Противовоздушная оборона
ПРО	– Противоракетная оборона
ПУ	– Пусковая установка
РГЧ ИН	– Разделяющиеся головные части индивидуального наведения
РАС	– Радиолокационная станция
СНВ	– Стратегические наступательные вооружения
СОИ	– Стратегическая оборонная инициатива
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
США	– Соединенные Штаты Америки
ТАСС	– Телеграфное агентство Советского Союза
ТБ	– Тяжелые бомбардировщики
УВИ	– Управление внешнеполитической информации в Министерстве иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик
УОМП	– Управление общих международных проблем в Министерстве иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик
УПОВР	– Управление по ограничению вооружений и разоружению в Министерстве иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик
ФРГ	– Федеративная Республика Германия
ЦК КПСС	– Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦРУ	– Центральное разведывательное управление
ЦСКА	– Центральный спортивный клуб армии

ЧАЭС	– Чернобыльская атомная электростанция
ШПУ	– Шахтные пусковые установки
ВЕАМ	– «Beam Experiment Aboard a Rocket», или пучковые эксперименты на борту ракеты
PAL	– «Permissive Action Link», или предохранительное устройство ядерного боеприпаса, т.е. система «трех кнопок»

Именной указатель

- Абдурахманов С. 306
Аджубей А.И. 335, 336
Айвазян А.Х. 303
Акаловский Алекс 106
Аксенов В.П. 329
Амирджанов М. 47, 52–55
Андропов Ю.В. 139, 217,
229, 271
Антясов М. 85
Арбатов А.Г. 233, 234
Арбатов Г.А. 273
Ардатовский В. 318
Армстронг Луи 329
Афанасьев В.Г. 215, 255
Ахромеев С.Ф. 118, 119, 154,
156, 162–172, 198, 219
- Бакланов О.Д. 167, 169, 184,
247, 255
Бартоломео Р. 163, 171, 172,
239
Бейкер Дж. 156, 160, 162,
163, 165, 166, 171, 173, 174,
187–192, 200, 204,
265
Белоусов И.С. 167, 170
Беранже Пьер-Жан де
309
Бёрджесс Гай 22, 23
Берия Л.П. 22
- Берт Ричард 147, 148, 150, 162,
163, 167, 171, 172, 176–182,
188–191, 235, 236, 239, 240,
245, 272
Бессмертных А.А. 220, 248
Бешлосс Майкл 239
Биншток Т. 306
Блюхер В.К. 283
Богословский В. 318
Брандт Вилли 277
Брежнев Л.И. 26, 89, 90, 139,
222, 228, 229
Брокгауз Фридрих Арнольд
283
Брукс Линтон 240, 242–245
Брэм Альфред 283
Буденный С.М. 124, 291
Буш-старший Дж. 144, 149,
169, 195, 200, 204, 212, 245
- Варенников В.И. 219, 225
Волошин М.А. 329
Вольф Маркус 277
Врангель В.Н. 270
Высоцкий В.С. 131
- Гавел Вацлав 248
Гарриман Аверелл 112
Гаусс Иоганн Карл Фридрих
303

- Герасимов П.И. 30
Глухов А. 313
Голованов Б. 306
Голсуорси Джон 34
Гольдберг Г. 306
Голяков С. 318
Гор Альберт 214, 215
Горбачев М.С. 50, 114, 116,
117, 119, 120, 122, 131,
133, 139, 149, 153, 155,
160, 162, 163, 169, 184,
187, 220, 237, 238, 245,
247, 248, 250, 251, 255,
260
Гордон Майкл 179
Горький А.М. 283
Гречко А.А. 217
Грибоедов А.С. 55
Григорьев Д. 322
Григорьев К. 322
Гриневский О. 85
Грищенко И. 109
Грищенко К.И. 263
Громов Б.В. 257
Громыко А.А. 21, 24, 25, 88,
89, 105, 110, 115, 139, 217,
229, 271
Громыко Ан.А. 88, 90
Громыко Л.Д. 272
Грушко А.В. 250, 251
Грушко В.Ф. 250
Грядунов Ю.С. 26
Гучков А.И. 284
Даль В.И. 27
Дарвин Чарльз 80
Дегтярь Д.Д. 30, 31
Деникин А.И. 270
Детинцов Н.Н. 143, 194, 226,
230, 231
Джером Клапка Джером
34
Джонсон Линдон 136–138
Дзасохов А.С. 215, 255
Диккенс Чарльз 34
Добрынин А.Ф. 134, 137,
271
Дроздов Ю.И. 271
Дронский В. 305
Дюшен И.Б. 308, 309
Ежов Н.И. 22
Ельцин Б.Н. 151, 248, 252,
257, 260, 265, 345
Елютин В.П. 33–40, 43–45,
49, 56, 57
Есенин С.А. 351
Ефимов Б.Е. 282, 291
Ефрон И.А. 283
Зайков Л.Н. 163, 167, 168,
170, 171, 218, 234, 243,
275
Зорин В.А. 21, 24
Зощенко М.М. 298, 351
Зюганов Г.А. 345
Иван IV Грозный 270
Иванов И.М. 303
Ильичев Л.М. 61
Ильф И.А. (Иехиел-Лейб
Арьевич Файнзильберг)
118, 310, 316
Искандер Фазиль 340
Исраэлян В.Л. 87

- Йорыш Б.А. 91
- Кавава Рашиди 34
- Казаков В. 27
- Камбона Оскар 37–39, 41, 42
- Капчинский И.М. 210
- Карпов В.П. 27, 163, 178, 220, 221, 238, 244, 250, 251
- Картер Джимми 112, 139
- Катаев В.Л. 218, 226, 234, 243, 275
- Кашлев Ю.Б. 90, 319
- Квицинский Ю.А. 148, 149
- Келдыш М.С. 217
- Кеннеди Джон Ф. 94
- Кеннеди Эдвард 214
- Кеньятта Джомо 42, 43
- Керенский А.Ф. 284
- Киреева А.Б. 328
- Клинтон Билл 195, 204
- Ковалев А.Г. 89, 90, 110–112, 123
- Козырев А.В. 251, 265, 315
- Колбасьев С.А. 311, 318
- Колтунов В.С. 231, 232
- Корниенко Г.М. 23, 27, 91, 115, 118, 198, 212, 213, 229
- Коробейникова А.П. 304
- Косов Г. 316, 317, 319
- Косыгин А.Н. 136, 137, 229
- Краминов Д.Ф. 31
- Кривопапов А. 327, 330
- Кручина Н.Е. 268
- Крылов П.Н. 282
- Крючков В.А. 167, 169, 237, 250
- Крючков С.В. 250
- Кузнецов В.В. 33
- Кузнецов Г. 306
- Кузнецов Ю.И. 143, 194, 231
- Кук Джеймс 131
- Кунадзе Г.Ф. 253
- Купер Джеймс Фенимор 201
- Куприянов М.В. 282
- Куравлев Л.В. 327
- Курбский Андрей 270
- Кутепов А.П. 270
- Лаврова Т.Е. 329
- Ладыгин Ф.И. 239, 243
- Лебедь А.И. 344–348
- Легасов В.А. 127
- Ледогоров И.В. 306
- Ленин В.И. 309, 310
- Ливингстон Давид 64, 65
- Лисоволик Д.А. 268
- Литвинов А.П. 322
- Лифшиц Л.Б. 302, 303
- Лихачев В.И. 105
- Лобанов И.И. 319
- Лобов В.Н. 219
- Лугар Ричард 214
- Луговской Р.А. 321
- Макнамара Роберт 94, 134–137
- Малиновский Р.Я. 229
- Маргелов В.В. 345
- Маресьев А.П. 322
- Маркс Карл 309
- Мастерков Л.А. 143, 231
- Мбойя Том 43
- Менделевич Л.И. 23, 24, 27
- Метревели Алик (Александр) 333

- Микоян А.И. 31, 333
Микулин А.А. 328
Миллер Е.К. 270
Михайлов Боб 318
Моисеев И.А. 325
Моисеев М.А. 167–169,
241–243
Молотов В.М. 18, 285
Морозова О. 333
Мосаддык Мохаммед 129
Моэм Сомерсет 317
- Назаркина И.К. 282, 286,
287, 290, 322
Назаркина С. 235, 236, 322
Наполеон Бонапарт 283
Нестеренко А.Е. 23–25, 27,
28
Николай II 107
Нитце Пол 137, 148, 149
Новиков К.В. 86, 87
Ньерере Джулиус 40–42,
44, 45
Ньюмен Пол 112
- Обухов А.А. 239
Огарков Н.В. 229
Огинга Одинга 43
Окуджава Б.Ш. 329
Олах Лаци (Ладислав
Данилович Олах) 311,
318
Омеличев Б.А. 219, 241
Оппенгеймер Роберт 208
Орлов А.М. 21
Офаллон, миссис 240
Очиров В.Н. 215, 255
- Павлов Г.С. 268
Панатти Дантэ 350
Панкин Б.Д. 248
Патарая Пата 333
Пауэлл Колин 241–243
Петров В.М. 21, 132
Петров Е.П. (Евгений
Петрович Катаев) 118, 310,
316
Петровский В.Ф. 116, 125, 126,
347
Петросянц А.М. 124
По Эдгар Аллан 317
Поляков В.П. 26
Пугачева А.Б. 111
Пушкин А.С. 29
- Распутин Григорий 107
Резун В. (псевдоним
Суворов Виктор) 274
Рейган Рональд 138–140,
144, 153, 155, 157, 169, 187,
194–197, 199, 210, 211
Решетников А.И. 80, 81
Ризаев М. 306
Роблес Альфонсо Гарсиа
103–105
Рогов С.М. 215
Рогозин Г.Г. 269
Роджерс, полковник 44,
45, 55
Родзянко Д.В. 106, 107
Рождественская Е.Р.
328–330
Рождественский Р.И.
327–330
Рознер Эдди 318
Романов А.Н. 107

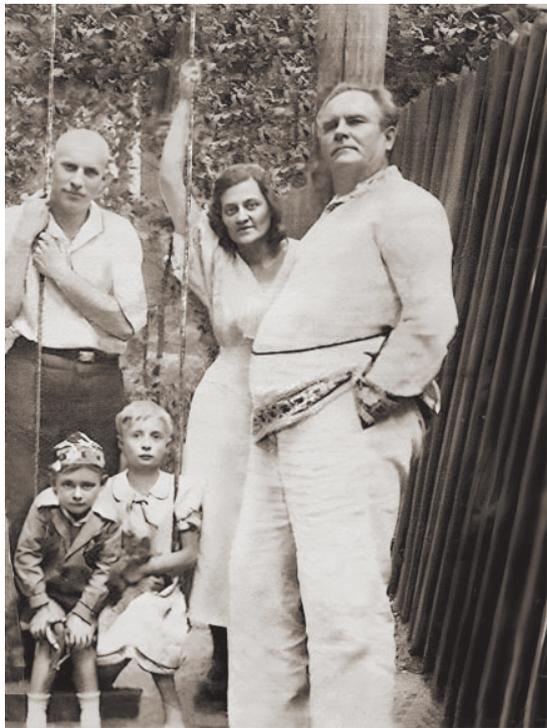
- Романов М.А. 107
Рошин А.А. 97
- Савинков Б.В. 270, 284
Садыков Н. 324
Салтыков-Щедрин М.Е.
304
Самотейкин Е. 131
Семенов В.С. 230, 276
Серт Хосе Мария 97
Сибрук 35, 37–39
Сигизмунд, король польский
270
Скворцов В. 291, 292
Скоков Д.И. 279, 281, 288
Скокова (урожд. Игумнова)
В.С. 279
Скоукрофт Брент 239, 243
Славский Е.П. 124–126
Смирнов Л.В. 217
Смит Джерард 136, 276
Смит Джеффри 182–184
Смит Дэвид 205
Соколов Н.А. 282
Солод Д.С. 30
Соляков, корреспондент
ТАСС в в Танганьике 72
Сталин И.В. 18, 86, 298
Степанов Т. 115
Стэнли Генри Мортон 64, 65
Суворов В. 274
Судоплатов П.А. 287
Суслов М.А. 90, 229
Сутягин И. 273
Суходрев В.М. 106, 137
- Тешляков В.А. 209, 210
Тернбулл Ричард 40, 44
- Тестов, купец 281, 282
Тимербаев Р.М. 85
Тимошенко А.М. 54
Тихонов Н.С. 126
Ткачук Р.Д. 306
Толстой Л.Н. 283
Томилин Ю. (псевд.
Назаркина Ю.К.) 282
Троцкий Л.Д. 283
Трояновский О.А. 271
Трюдо Пьер Эллиотт 235,
236
Тугаринов И.И. 21
Тун Фердинанд 128, 129
Туре Ахмед Секу 29, 30
Тухачевский М.Н. 283
Тэлбот Струоб 239
Тэтчер Маргарет 114
- Устинов В.А. 47, 52–54
Устинов Д.Ф. 217, 229
- Ф**адеев А.А. 22
Файнберг Л. 306
Фалин В.М. 27, 167, 169
Федоренко Н.Т. 272
Федоренко С. 272, 273
Федяй Н.Н. 303
Фивейский Ф. 324
Филипп Эдинбургский,
принц-консорт 40
Флобер Гюстав 290
Фостер Уильям 134
- Ханга Абдула Кассим 52, 53
Хасбулатов Р.И. 255, 257
Хемингуэй Эрнест 38
Хичкок Альфред 207

- Хрушев Н.С. 26, 37, 44, 45, 94,
95, 106, 223, 229, 230, 277,
321, 325, 335
Хрушев С.Н. 222
- Царапкин С.К. 97, 134, 334
Царапкин М. 334
Цареградский В. 132
- Чейни Ричард 190–192
Чепров И. 85
Черненко К.У. 139
Черчилль Уинстон 86
- Шапошников А. 314
Шапошников Е.И. 260, 261
Шведов А.А. 28, 31, 32, 43, 45
Шеварднадзе Э.А. 114, 115,
117, 119–121, 156, 160–163,
165–171, 173, 174, 187, 188,
192, 200, 201, 212, 213, 238,
251
- Шевченко А.Н. 270–272
Шевченко Г.А. 271
Шевченко Л. 271, 272
Шекспир Уильям 290, 340
Шелов-Коведяев Ф.В. 252
Шкульгин В. 306
Шмидт Гельмут 277
Шолом-Алейхем (Соломон
Наумович Рабинович) 311
Шоу Ирвин 317
Шустов В. 85, 319
- Эйлер Леонард 303
Элиот Джим 22
Эллингтон Дюк 318
Эльчибеков В. 306
- Юкалов Ю.А. 32
- Язов Д.Т. 163, 190–192
Яковлев А.Н. 167, 169

Юрию Назаркину три года. 1935 г.

*Источник: личный архив
Ю.К. Назаркина*

Дед, мама, папа
и Юрий Назаркин
с соседской девочкой
на качелях. Ухтомка,
1935 г.

*Источник: личный архив
Ю.К. Назаркина*

Юрий Назаркин с папой.
Ухтомка, 1935 г.
*Источник: личный архив
Ю.К. Назаркина*

Юрий Назаркин с мамой под Томилино, 1937 г.
Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Слева направо: дядя Володя Скоков с сыном Игорем, папа с дочерью Ирой, мама Юрия Назаркина. Томилино, 1939 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Папа с дочерью Ирой и племянником Игорем Скоковым. Томилино, 1939 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Группа друзей. После окончания 9-го класса. Роман Ткачук (*первый ряд, первый слева*), Игорь Ледогоров (*второй ряд, второй справа*). Ташкент, 1949 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Баскетбольно-волейбольная компания. Слева направо: Валера Ушаков, Юра Назаркин, Слава Хрынин, Слава Челноков, Игорь Скоков, Гриша Хозин. 1950–1955-е гг.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

«Из-за острова на стрежень»: Юрий Назаркин с Игорем Скоковым на самодельном плоту на Москва-реке. 1950–1955-е гг.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Сбор земляники. Юрий Назаркин в центре. 1950–1955-е гг.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Старое здание дома отдыха, на месте которого во второй половине 1950-х гг. был построен корпус № 6 пансионата «Лесные Дали».

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Академическая группа Юрия Назаркина у входа в МГИМО. Слева направо: Виталий Журавлев, Ефим Хесин, Юрий Назаркин, Володя Желанов, Эдик Ковалев, Валя Панфилова, Инна Большакова, Алик Гаспарян, Глеб Косов, *впереди*: Наташа Островитянова. Москва, 1951 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

В спортивном лагере. Слева направо: Володя Маутин, Саша Малышкин, Виталий Журавлев, Володя Филатов, Юрий Назаркин, Глеб Косов. Под Серпуховом, 1951 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Борец за независимость Танзании и первый президент страны Джулиус Ньерере с женой Марией. 1954 г.

Источник: UnitedRepublicofTanzania.com

Представители партизанского движения Мау-Мау.

Источник: Военное обозрение

Таинственная в/ч № 15618 на демонстрации 7 ноября. Несут знамя Боря Кривцов (слева) и Боря Пядышев (справа). Юрий Назаркин – в центре. Москва, 1956 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Группа выпускников МГИМО на спортивно-оздоровительном мероприятии. Слева направо: Иван Чепров, Володя Любимов, Володя Власов, Юрий Назаркин, Юрий Шведков, Леня Теплинский, Володя Базанов. Подмосковье, 1957 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

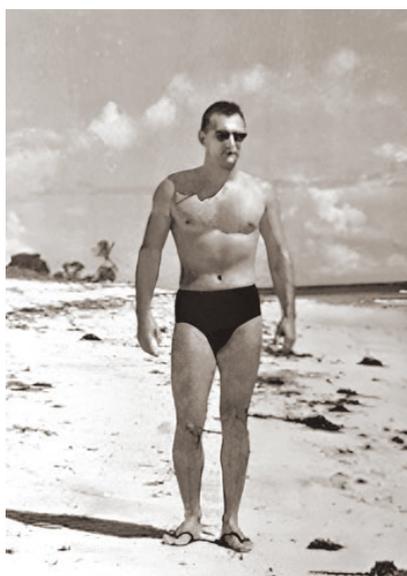
Здание, которое было снято для первого советского посольства в Дар-эс-Саламе по рекомендации передовой группы.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Первая группа африканских студентов отправляется в только что открытый в Москве Университет имени Патриса Лумумбы. Дар-эс-Салам, 1962 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Юрий Назаркин на пляже под Дар-эс-Саламом. 1962 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Нигерия во время военного переворота. 1966 г.

Источник: Nigeria Stories

Встреча председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина и президента США Линдона Джонсона – один из первых этапов на пути к ОСВ-I. Гласборо, 1967 г.

Источник: Федеральное архивное агентство

Подписание Договора о нераспространении ядерного оружия.
Москва, 1 июля 1968 г.

Источник: ТАСС

Друзья, МГИМОВцы, МИДовцы-разоруженцы в МИДе. Слева направо:
Борис Красулин, Роланд Тимербаев, Юрий Назаркин, Володя Шустов,
Лэм Мастерков, Андрей Вавилов, Олег Гриневский, Володя Баскаков,
Гена Сташевский, Жора Калинин, Юра Ключкин. Москва, начало 1970-х гг.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

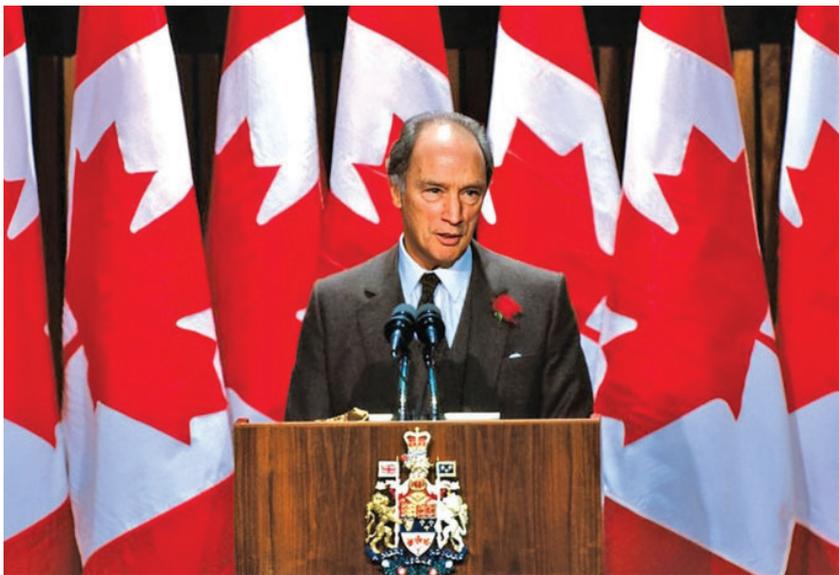
Американский президент Ричард Никсон (слева)
и генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев (справа)
после подписания Договора ОСВ-I. Москва, 26 мая 1972 г.

Источник: ИД «Коммерсантъ»

Встреча бывших одноклассников в помещении родной школы по случаю
25-летия ее окончания. Гена Гольдберг и Юрий Назаркин (в центре)
за той же партией, где они просидели 4 года. Ташкент, 1975 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Пьер Эллиотт Трюдо, премьер-министр Канады
(в 1968–1979 и 1980–1984 гг.). 1980-е гг.

Источник: Biography.com

Юрий Назаркин в Австралии. 1986 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Юрий Назаркин
в Австралии. 1986 г.
*Источник: личный архив
Ю.К. Назаркина*

Американский президент Рональд Рейган (*слева*) и генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев (*справа*) на переговорах о стратегических вооружениях в Рейкьявике. 11-12 октября 1986 г.

Источник: ИД «Коммерсантъ»

Начальник химических войск Министерства обороны СССР, генерал-полковник Владимир Пикалов (*слева*) и представитель СССР по разоружению в Женеве Юрий Назаркин (*справа*) во время пресс-конференции по итогам визита в СССР делегации специалистов Великобритании по химическому оружию в пресс-центре МИД СССР. 1988 г.

Источник: ТАСС

Советский инспектор изучает американскую крылатую ракету «BGM-109G Tomahawk» перед ее уничтожением в соответствии с ДРСМД. 1988 г.

Источник: Arms Control Association

Городок Джексон-Хоул (Вайоминг, США), где в 1989 г. проходили переговоры между советскими и американскими дипломатами по проблематике СНВ и ПРО.

Источник: jacksonholetraveler.com

В музее при Лос-Аламосской лаборатории у дубликата корпуса первой атомной бомбы. Лос-Аламос, 1989 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Посол Джерард Смит и американские эксперты (*слева*), Юрий Назаркин и советские эксперты (*справа*). Профессор Владимир Тешляков (*второй ряд, второй справа*). Лос-Аламос, 1989 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

В лаборатории Сан-Хуан-Кашистрано. Юрий Назаркин с директором лаборатории и послом Джерардом Смитом. 1989 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Юрий Назаркин с Ричардом Бертом *на прогулке в лесу* недалеко от Женевы. Предгорье горного массива Юра. 1990 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Главы делегаций Юрий Назаркин *(слева)* и Линтон Брукс *(справа)* на парафировании Договора СНВ-I. Женева, 29 июля 1991 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Американский президент Джордж Буш-старший и генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев на подписании Договора СНВ-I. Москва, 31 июля 1991 г.

Источник: РИА Новости

Слева направо: Президент Украины Леонид Кравчук, председатель Верховного Совета Белоруссии Станислав Шушкевич, президент России Борис Ельцин и председатель Совета министров Белоруссии Вячеслав Кебич после подписания Беловежских соглашений.

Беловежская пуща, 8 декабря 1991 г.

Источник: Lenta.ru

Генерал Александр Лебедь в Женеве. Слева направо: два лица из сопровождения Александра Лебеда, Владимир Петровский, Александр Лебедь, его жена и Юрий Назаркин. На вилле Генерального директора Женевского отделения ООН Владимира Петровского. 1997 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Юрий Назаркин удостоен почетной степени Женевской школы дипломатии «доктор международных отношений» (*Honoris Causa*).
Женева, 26 июня 2010 г.

Источник: ПИР-Центр

Обложка книги
Юрия Назаркина
«О дипломатических буднях
и другие истории». 2011 г.

Источник: ПИР-Центр

Юрий Назаркин на конференции Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы под названием «Рейкьявик: 30 лет спустя – уроки прошлого и ближайшие задачи». Амстердам, июнь 2016 г.

Источник: ПИР-Центр

Юрий Назаркин в должности председателя Совета Ассоциации выпускников МГИМО в Швейцарии. Женева, 2016 г.

Источник: ПИР-Центр

Друзья-разоруженцы. Слева направо: Роланд Тимербаев, Юра Клюкин и Андрей Вавилов. Москва, 2017 г.

Источник: личный архив Ю.К. Назаркина

Обложка книги Юрия Назаркина «Первый раз в жизни» с его фотографией в молодости. 2019 г.

Источник: ПИР-Центр

Редкие встречи под Женовой. Слева-направо: Светлана Назаркина, Юрий Назаркин, Елена Карнаухова, Владимир Орлов. Юрий Назаркин держит в руках книгу Р.М. Тимербаева «Избранное», изданную ПИР-Центром в 2023 г. Божигосса, 2023 г.

Источник: личный архив В.А. Орлова

ПИР-Библиотека – книжная серия

Ю.К. Назаркин

Об СНВ. Об Африке. О жизни
Воспоминания дипломата

Под общей редакцией *В.А. Орлова*

Ответственный редактор-координатор проекта: *Е.А. Карнаухова*
Помощники ответственного редактора: *К.А. Минеева, А.С. Шёкин*

Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор: *Н.П. Морозова*

Подписано в печать 04.06.2024
Формат 60×90¹/16
Усл. печ. л. 22,75 + 1,5 вкл. ил. Тираж 350 экз.
Зак. № 3570

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
Тел.: +7 (495) 632-47-04/06
<http://www.vesmirbooks.ru>
E-mail: info@vesmirbooks.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
<http://chpd.ru>
E-mail: sales@chpd.ru

В книге представлены наиболее яркие воспоминания – о жизни и дипломатической работе – Юрия Константиновича Назаркина, Чрезвычайного и Полномочного Посла (в отставке), бывшего заместителя секретаря Совета Безопасности России, члена Экспертного совета ПИР-Центра.

На страницах этой книги автор рассказывает о своем профессиональном становлении в качестве советского дипломата, о начале своего дипломатического пути, о работе на африканском континенте; рассуждает о многосторонней дипломатии и международных переговорах по вопросам разоружения; делится опытом участия в советско-американских переговорах по контролю над ядерными вооружениями, в том числе в качестве главы советской делегации в период выработки Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (Договора СНВ-I), подписанного в июле 1991 г. На страницах этой книги он также вспоминает о личном – об увлекательных приключениях и забавных случаях из детства и юношества, о незабываемых студенческих годах, о путешествиях, о внутренних переживаниях и выводах, к которым подтолкнула жизнь, полная как счастливых моментов, так и драматических событий.

ISBN 978-5-7777-0940-0

9785777 709400

www.vesmirbooks.ru